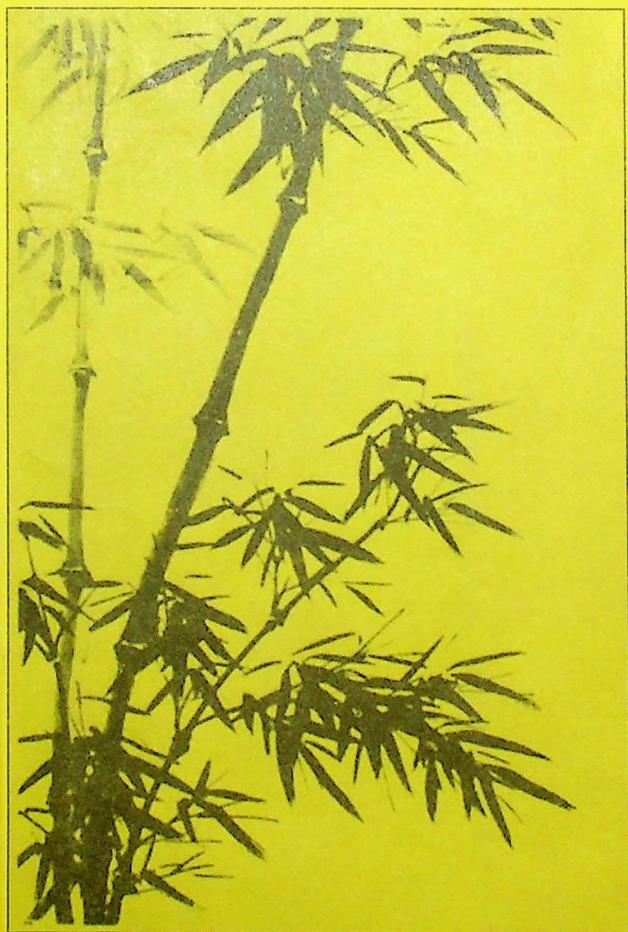

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2006

ISSN 0131-2812

Философский мир Дао в ИДВ РАН

•
К вопросу о ситуации
вокруг острова Токто

•
Прогноз развития
нефтегазового комплекса России

•
Экономические отношения
между СРВ и КНР

•
К 50-летию подписания
советско-японской
Совместной декларации

1-5 903

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2006

Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

Философский мир Дао в ИДВ РАН.....	8
<i>П.Кожин.</i> Крупный ученый-китаевед и дипломат Владимир Алексеевич Кривцов.....	20
<i>Янь Годун.</i> Россия — родина выдающейся школы китаеведения.....	22

ПОЛИТИКА

<i>В.Кузнецов.</i> Китай — Южная Азия: отношения с соседями складываются нестандартно.....	26
<i>А.Беляков.</i> Борьба с коррупцией в Китае: усилия властей и реальная ситуация.....	35
<i>Е.Золотов.</i> К вопросу о ситуации вокруг острова Токто.....	42

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А.Коржубаев.</i> Прогноз развития нефтяной и газовой промышленности в России и перспективы формирования новых направлений экспорта энергоносителей.....	49
--	----

ЭКОНОМИКА

- Е.Кранина.* Проблемы сохранения и устойчивого использования водных ресурсов сельского хозяйства КНР..... 58
П.Кочкин. Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР..... 66
А.Мамаев. Развитие рынка программного обеспечения в КНР..... 82

ИСТОРИЯ

- В.Павлятенко.* Трудная дорога к миру. (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации)..... 92
А.Панцов. Мао Цзэдун и “дело Линь Бяо”..... 111
Т.Орнацкая, Ю.Ципкин, В.Ширяев. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1921-1922 гг..... 125
И.Пожилков. Народно-освободительная армия Китая в 1945-1949 гг.: реорганизация и создание регулярных войск..... 138

ФИЛОСОФИЯ

- В.Киселев, А.Юркевич.* Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши..... 146

КУЛЬТУРА

- Н.Лебедева.* Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая..... 156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К.Асмолов.* Ученые России и РК об актуальных проблемах Северной Кореи и межкорейских отношениях..... 165

РЕЦЕНЗИИ

- О.Борох, А.Ломанов.* Реальные записи о “вихре вокруг Лю Гогуана”: большие дискуссии о том, что реформы и открытость должны направляться марксизмом..... 173
Н.Малетин. Системный подход к изучению международной политики в АТР. (К выходу в свет новых учебников МГИМО по истории международных отношений)..... 180
В.Кашин. Отношения России с великими державами и сопредельными странами..... 185

НАШ ЮБИЛЯР

- Андрею Сергеевичу Давыдову — 60 лет..... 188

Главный редактор *В.Я. Портяков*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Философский мир Дао в ИДВ РАН

В статье, подготовленной Центром сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии и приуроченной к 50-летию Института Дальнего Востока РАН, освещается история становления и развития философской китаеведческой школы ИДВ РАН, получившей широкое признание в отечественной и мировой науке. Рассказывается о научной и педагогической деятельности ведущих ученых школы, представлены ее основные исследовательские направления и достижения, охарактеризовано их значение для освоения российской наукой культурного наследия Китая.

Янь Годун. Россия — родина выдающейся школы китаеведения

В статье китайского ученого, первоначально опубликованной в газете "Хуанью шибao", дается высокая оценка российского китаеведения, существующего на протяжении нескольких столетий, описываются Центры китаеведения в России, ведущим из которых является Институт Дальнего Востока РАН.

В.Кузнецов. Китай—Южная Азия: отношения с соседями складываются нестандартно

Первым по важности внешнеполитическим мероприятием Китая в 2005 г. был визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в страны Южной Азии, целью которого стало укрепление экономических и политических связей с государствами южноазиатского региона. Визит Вэнь Цзябао показал, что при общем дружественном подходе Пекина к его южноазиатским соседям у КНР в отношениях с ними имеются определенные нюансы. Об этом же свидетельствуют события, последовавшие за визитом Вэнь Цзябао.

А.Беляков. Борьба с коррупцией в Китае: усилия властей и реальная ситуация

В статье рассмотрена эволюция антикоррупционных мер, предпринимаемых руководством КНР на фоне изменения коррупционной ситуации в Китае в период проведения реформ и политики открытости (1980-2005). Дается характеристика современной коррупционной ситуации в КНР с использованием материалов 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2006).

Е.Золотов. К вопросу о ситуации вокруг острова Токто

Территориальный спор между Японией и Республикой Корея по поводу принадлежности острова Токто является весьма животрепещущим вопросом региональной политики. В представленной статье приведены исторические факты, свидетельствующие о принадлежности Токто Корее, вскрыты причины территориальных претензий Японии.

А.Коржубаев. Прогноз развития нефтяной и газовой промышленности России и перспективы формирования новых направлений экспорта энергоносителей

В статье скрупулезно проанализировано состояние нефтяной и газовой промышленности Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ, дается прогноз потребностей в нефти и газе стран АТР и Китая до 2010-2012 гг., представлены рекомендации по формированию новых направлений экспорта энергоносителей.

Е.Кранина. Проблемы сохранения и устойчивого использования водных ресурсов сельского хозяйства КНР

Проблема охраны и устойчивого использования водных ресурсов сельского хозяйства официально признана важной задачей государственной экологической политики КНР и входит в число наиболее приоритетных. Большинство сельских районов Китая страдает от крайне неравномерного распределения осадков, сочетания частых наводнений с засухами и плохой водной экологией. Экономические последствия обезвоживания ведут к падению эффективности земледелия и скотоводства, ухудшению качества воды, пищи, к реальной угрозе продовольственной безопасности, непредсказуемым катаклизмам, неведомым ранее эпидемиям. В настоящее время в сфере управления водными ресурсами КНР наметился качественный сдвиг. Программа строительства "новой социалистической деревни" содержит современные водохозяйственные стратегии, рациональную научную систему водопользования.

П.Кочкин. Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР

В работе излагаются результаты комплексного исследования торгово-экономических отношений двух стран. С привлечением современных статистических данных установлены зависимости экономик СРВ и КНР от внешней торговли, приведена динамика индексов интенсивности торговли обеих стран по отношению друг к другу, подчеркнута значимость взаимной приграничной торговли. Оценена инвестиционная привлекательность стран на основе расчета индексов прямых иностранных инвестиций. Выявлено наличие корреляционной связи между объемом прямых иностранных инвестиций, поступающих в провинции Вьетнама, и числом проживающих в них этнических китайцев.

Отмечено, что стремительному развитию вьетнамо-китайских отношений способствуют схожесть идеологических концепций и политических систем двух стран, тысячелетние традиции отношений. Однако Вьетнам, опасаясь чрезмерной экономической зависимости от "великого северного соседа", изыскивает варианты ускоренного развития торговых отношений с другими странами.

А.Мамаев. Развитие рынка программного обеспечения в КНР

Производство программного обеспечения является одной из наукоемких отраслей китайской экономики, выпускающей продукцию с высокой добавленной стоимостью. В статье анализируются внутренние и внешние факторы, способствующие развитию данной отрасли.

В.Павлятенко. Трудная дорога к миру (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации)

В статье рассматривается один из важнейших периодов нормализации советско-японских отношений в послевоенный период — процесс заключения советско-японской Совместной декларации в октябре 1956 г. Большое внима-

ние уделяется анализу факторов и тенденций, оказавших определяющее влияние на итоги, результаты и содержание двусторонних документов, подписанных на финальных переговорах в октябре 1956 г. в Москве.

Автор дает оценку современной значимости Совместной декларации и высказывает дискуссионную точку зрения в отношении перспектив основополагающего двустороннего документа о послевоенной нормализации советско-японских отношений, призывая читателя к обсуждению данной темы.

А.Панцов. Мао Цзэдун и “дело Линь Бяо”

9 сентября исполнилось 30 лет со дня смерти Мао Цзэдуна — одного из крупнейших политических деятелей XX века. Эта годовщина почти совпадает с другой значимой датой в истории КНР. Тридцать пять лет назад, 13 сентября 1971 года, заместитель Председателя ЦК КПК и министр обороны КНР Линь Бяо, порвав с Мао, пытался бежать в Советский Союз. Оба события заслуживают того, чтобы о них вновь вспомнить: и “дело Линь Бяо”, и кончина “великого кормчего” глубоко потрясли китайское общество. Публикуемый с небольшими сокращениями эпизод взят из книги А.В.Панцова “Мао Цзэдун”, готовящейся к выходу в свет в издательстве “Молодая гвардия”.

Т.Орнацкая, Ю.Ципкин, В.Ширяев. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1921-1922 гг.

Публикуемая статья обращена к теме интервенции на российском Дальнем Востоке, а также к роли буферной Дальневосточной Республики. В ней используются ранее неопубликованные архивные материалы, которые касаются переговоров ДВР и Японии в Дайрене, освещается роль И.Л.Юрина (Дзявалтовского) и В.К.Блюхера, рассматривается деятельность председателя ДВР А.М.Краснощекова, взаимоотношения НКВД РСФСР, МИД ДВР с Коммунистическим Интернационалом.

Новизна публикации заключается в том, что авторами вводится в научный оборот неизвестный ранее документ, т.н. “Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской империи, ныне именуемой Дальневосточная Республика”, который показывает еще одну грань взаимоотношений Советской России, ДВР и Японии.

И.Пожилов. Народно-освободительная армия Китая в 1945-1949 гг.: реорганизация и создание регулярных войск

В статье рассматриваются мероприятия руководства КПК по военному строительству после победы над Японией, основным содержанием которых являлось формирование крупных группировок полевых армий, способных вести активные наступательные и оборонительные действия на широком фронте независимо от постоянных районов базирования, сложившихся в годы антияпонской войны.

В.Киселев, А.Юркевич. Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши

В статье освещается история перевода на китайский язык западного понятия “философия” и его осмысление в китайской культуре, начиная с XVII в. Показаны проявления современного отношения к философии как универсальному феномену, реализующемуся в специфических формах, в построениях философа-прагматика Ху Ши (1891-1962), сыгравшего важную роль в утверждении в Китае западных критериев системности и историчности.

Н.Лебедева. Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая

Внимание к молодым литераторам всегда было отличительной чертой великого китайского писателя XX века Лу Синя. Благодаря его духовной и зачастую материальной поддержке двое талантливых прозаиков из Харбина — супружеская пара Сяо Хун и Сяо Цзюнь смогли опубликовать свои книги в шанхайских издательствах и обрести популярность. Супруги часто бывали в доме Лу Синя в последние годы жизни писателя и обрели в его лице не только наставника в литературе, но и учителя, оказавшего помощь в выборе жизненной позиции.

Лу Синь не встречался с Дуаньму Хунляном и Цзинь Жэнем, но его письма к молодым писателям, связавшим свою жизнь с деятельностью Лиги левых писателей, помогли их творческому становлению. Лу Синь дал высокую оценку прозе Дуаньму, а Цзинь Жэню рекомендовал переводить русских писателей, в частности, Новикова-Прибоя и Зощенко.

К.Асмолов. Ученые России и РК об актуальных проблемах Северной Кореи и межкорейских отношениях

Весной-летом 2006 г. специалисты Центра корейских исследований ИДВ РАН приняли участие в целом ряде внутрироссийских и международных конференций, посвященных актуальным проблемам Корейского полуострова.

Предлагаемый материал является своеобразным конспектом того, что обсуждали наши ученые и их зарубежные коллеги. Какова внутривосточная ситуация в КНДР и насколько устойчив ее режим сегодня? Каковы перспективы российско-корейских отношений вообще и экономического сотрудничества с КНДР? Что нужно сделать для создания на Корейском полуострове действующей системы мира?

К 50-летию Института Дальнего Востока РАН

26 октября 2006 г. Институт Дальнего Востока Российской академии наук отметит свое пятидесятилетие. Юбилею ведущего российского академического центра, комплексно исследующего проблемы Китая, КНДР, Республики Корея, Японии, а также духовные цивилизации Восточной Азии, будет посвящена XVI международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир" (25-27 октября 2006 г.). Основная тема предстоящей конференции — "Россия и Китай — взаимное восприятие (прошлое, настоящее и будущее)". В рамках юбилейных мероприятий ожидается выход в свет подготовленных сотрудниками Института коллективной монографии "Люди и идеи — К 50-летию ИДВ РАН" и информационно-библиографического справочника "Институт Дальнего Востока Российской академии наук: годы, люди, труды".

Журнал "Проблемы Дальнего Востока", учредителем которого является Институт Дальнего Востока, постоянно помещает на своих страницах статьи, научные сообщения, рецензии сотрудников Института. В нескольких последних выпусках журнала опубликованы посвященные 50-летию Института Дальнего Востока специальные материалы, рассказывающие о видных ученых, работавших в разные годы в Институте, об основных направлениях исследований в ИДВ РАН.

Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют Институт Дальнего Востока с 50-летием и желают коллективу его сотрудников новых творческих успехов, крепкого здоровья и нормального человеческого счастья!

С юбилеем вас, дорогие друзья и коллеги!

Философский мир Дао в ИДВ РАН

Юбилейный для Института Дальнего Востока 2006 год, "Год России в Китае", — время подведения итогов для всех научных коллективов ИДВ. В том числе для сложившейся в нем китаеведческой философской школы, в составе которой насчитывается уже четыре поколения ученых, связанных преемственностью учителей и учеников.

У истоков школы стоял Михаил Леонтьевич Титаренко. В конце 50-х годов он прибыл в Китай на учебу, а в 1961 г. стал первым представителем нашей страны, получившим китайский университетский диплом по специальности "философ — историк китайской философии". Молодой исследователь сосредоточился на изучении философского наследия древнекитайской школы моистов и переводе на русский язык памятника "Мо-цзы".

Со второй половины 1960-х годов М.Л. Титаренко ведет целенаправленную работу по распространению знаний о китайской философии, созданию условий для подготовки научных кадров в области изучения китайской мысли. В 1970 г. по его инициативе на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была сформирована первая за всю историю отечественного высшего образования группа студентов, изучавшая китайскую философию и китайский язык. Их лингвистическая подготовка включала не только современный, но и классический письменный китайский язык, знание которого необходимо для работы с философскими текстами прошлых эпох.

Учебные курсы по истории китайской философии для этой студенческой группы вели М.Л. Титаренко, работавший в те годы в аппарате ЦК КПСС, а также В.Ф. Феоктистов (ИДВ АН СССР) и В.Г. Буров (Институт философии АН СССР). Огромную роль в подготовке философов-китаеведов сыграли преподаватели ИСАА при МГУ. Занятия по современному и древнему китайскому языку проводили Л.А. Никольская (читавшая также для группы курс современной литературы Китая), А.М. Карапетьянц, Тань Аошуан, Лю Фэньлань и Л.Е. Померанцева (которая одновременно вела спецкурс по философским идеям памятника "Хуайнань-цзы"). Историю китайской литературы преподавала проф. Л.Д. Позднева.

М.Л. Титаренко и В.Ф. Феоктистов представляют первое поколение исследовательской школы, предпосылки к созданию которой складывались в те годы.

Окончили МГУ из названной студенческой группы семь человек — З.И. Гафурова, К.М. Гарибов, Г.Э. Горохова, В.В. Зайцев, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Л.Е. Янгутов. В настоящее время в области изучения китайской философии работают трое. Проф. Л.Е. Янгутов трудится в Институте монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (Улан-Удэ), сотрудничает с ИДВ в качестве автора энциклопедических изданий, принимает участие в научных конференциях ИДВ. Проф. А.И. Кобзев (Институт востоковедения РАН) работает в ИДВ по совместительству, проф. А.Е. Лукьянов возглавляет центр сравнительного изучения

* Статья подготовлена в Центре сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

цивилизаций Восточной Азии ИДВ. Эти ученые принадлежат к второму поколению школы, научной базой которой является Институт Дальнего Востока РАН.

Параллельно с педагогической и исследовательской деятельностью М.Л. Титаренко вел работу по популяризации достижений китайской философской мысли. В 1969 г. в серии "Философское наследие" издательства "Мысль" был издан первый том "Антологии мировой философии", посвященный древности и средневековью. В эту книгу, ставшую на десятилетия незаменимым пособием для студентов-гуманитариев, впервые вошел раздел по китайской философии. Его составителем, переводчиком первоисточников и автором комментариев является М.Л. Титаренко. Спустя два года, в 1972-1973 гг., в серии "Философское наследие" вышло специализированное двухтомное собрание текстов "Древнекитайская философия"¹. Подготовка и издание этой первой в нашей стране антологии древнекитайской мысли было осуществлено М.Л. Титаренко в сотрудничестве с В.Г. Буровым, Р.В. Вяткиным и Ян Хиншуном. Данная работа, широко открывшая всем, кто интересуется историей философской мысли, путь к познанию основ китайской интеллектуальной традиции, стала важной вехой в развитии отечественной историко-философской науки, помогая преодолеть сложившийся в ней за предыдущие десятилетия "западоцентристский" крен.

К сожалению, в советский период развития школы так и не был создан систематизированный учебник истории китайской мысли для отечественных вузов. Отчасти в практике преподавания его замещали опубликованные в те годы обзорные проблемно-методологические статьи видных отечественных китаеведов, например, вступительная статья М.Л. Титаренко и В.Г. Бунова к сборнику "Древнекитайская философия", а также историко-философские исследования по отдельным направлениям китайской мысли (к примеру, в монографии А.И. Кобзева об учении выдающегося неоконфуцианского мыслителя конца XV — начала XVI в. Ван Янмина, изданной в 1983 г.,² представлены результаты изысканий в области методологии китайской философии и ее категориального аппарата). В 1985 г. вышла книга М.Л. Титаренко "Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение", посвященная мало исследованной за пределами Китая философской школе древности. Без учета ее влияния невозможно уяснить ход развития логических представлений и учений о познании в древнем Китае, о социальном устройстве и этико-религиозных устоях Поднебесной в VI-III вв. до н.э. Мо Ди и его ученики первыми в истории китайской философии выдвинули на первый план идеи социальной справедливости, отвергли конфуцианскую идею предопределенности и провозгласили человека хозяином своей судьбы, заявили о возникновении государственной власти на основе взаимного согласия людей. Комплексный анализ учения Мо Ди и его последователей, предпринятый М.Л. Титаренко, стал важным этапом в развитии отечественных историко-философских китаеведческих исследований.

Первым в нашей стране опытом обобщающего комплексного издания, посвященного китайской философской традиции, стал увидевший свет в 1989 г. под общей редакцией М.Л. Титаренко русский перевод китайского учебника для высшей школы, написанного в КНР на рубеже 70-80-х годов XX в. — "Чжунго чжэсюэши гао" ("Очерк истории китайской философии", в русской версии — "История китайской философии")³. Хотя на работе китайских авторов сказался свойственный тем временам налет идеологического схематизма и упрощенчества, перевод и издание этой книги позволили сделать еще один шаг вперед в деле создания отечественной традиции историко-философского китаеведения. При всех недостатках китайский учебник полностью охватывал историю китайской мысли, а обилие цитат из первоисточников помогало читателю сформировать самостоятельное представление о предмете.

В 1985 г. М.Л. Титаренко возглавил ИДВ РАН. С этого момента в процессе формирования историко-философской школы начался новый период. Ис-

следовательская работа Института в области китайской мысли вышла за рамки критического анализа современной китайской идеологии, началось систематическое изучение философского наследия Китая, соответствующая тематика была интегрирована в крупномасштабные разработки проблем культурной специфики стран Восточной Азии и межцивилизационных отношений.

Перемены, происходившие в стране и мире на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия, привнесли новые акценты в научные планы Института. Была значительно расширена проблематика исследований, их результаты стали еще нагляднее выявлять огромную роль культурно-философского наследия в развитии Евразийского региона. Продолжается развитие философской школы ИДВ РАН, в котором активное участие принимает М.Л. Титаренко. В его работах подчеркивается органическое единство философии и цивилизации Китая, тесная связь классической мудрости с политикой и нравственными устоями китайцев, обусловившая специфические черты национального менталитета — сосредоточенность на целостности и процессе, а не на отдельном явлении, на врожденности единичного объекта в систему взаимосвязей мироздания. Осознание единства человека и природы, подкрепляемое традиционным постулатом о единстве знания и действия, оказало заметное воздействие на пути развития китайского общества. Высокая степень адаптивности китайской культуры стала одним из факторов успеха современных реформ в КНР, а истоки этой особенности связаны с конфуцианским представлением о способности человека к учебе и самосовершенствованию: это качество рассматривалось как ведущий критерий цивилизационной и нравственной оценки.

Перспективным направлением исследований в области межцивилизационного диалога и культурного синтеза М.Л. Титаренко считает изучение эффективного механизма усвоения китайской культурой достижений иных цивилизаций, их китаизации — приспособления к национальным условиям и включения в китайскую традицию. Продолжающийся в наши дни процесс синтеза западных и китайских духовных ценностей в значительной степени определяет сущность нового этапа развития цивилизации Китая. Особую форму китаизации западной культуры представляет “социализм с китайской спецификой”, представляющий жизнеспособную альтернативу западному пути модернизации. Искусственное подавление ценностей китайской цивилизации по политическим соображениям может вызвать глубокий кризис, способный затормозить развитие Китая и тем самым нанести глубокий вред всему мировому сообществу. Китайская цивилизация сохраняет свою уникальность, а китайская философия далеко не исчерпала свой культуросозидающий потенциал и по-прежнему способна внести позитивный вклад в мировую культуру, помочь преодолению крайностей западного рационализма и прагматизма. В ходе взаимодействия культур важно отстаивать сохранение имеющегося многообразия и не допускать насильственной унификации. При этом насущно необходимо осознавать евразийскую цивилизационную уникальность России, поддерживать традиции ее востоковедения, в том числе философских школ, создающих духовное и интеллектуальное пространство для гармоничного диалога между философиями Востока и Запада.

В 1994 г. был опубликован подготовленный в ИДВ энциклопедический словарь “Китайская философия” под редакцией М.Л. Титаренко. Эта работа подвела итог предшествующего этапа изучения китайской философии в нашей стране. В словарь, не имеющий аналогов на европейских языках, вошло свыше 1,5 тысяч статей, посвященных терминам китайской философии, памятникам, школам и персоналиям, в том числе зарубежным исследователям китайской мысли. В работу над словарем большой вклад внесли А.И. Кобзев, В.Ф. Феоктистов, Л.С. Переломов, А.В. Ломанов, А.Г. Юркевич, П.М. Кожин, А.В. Виноградов, С.Р. Белоусов.

Публикация словаря стала новым важным шагом в деле серьезного, профессионального ознакомления российского читателя с реалиями китайской культуры. Стремясь к стандартизации терминологии, составители словаря в то же время старались донести до читателя многозначность китайских философских понятий, показать их историческую эволюцию. В работе была предпринята попытка выявить специфику китайской философии на фоне западной традиции, исследовать процессы взаимного влияния и обогащения культур Китая и Запада.

Составителям энциклопедического словаря "Китайская философия" удалось сделать издание нужным и интересным для разных групп потенциальных пользователей. Многочисленные отсылки к китайским источникам и литературе, использование иероглифики, серьезное внимание к созданию русского аналога понятийного аппарата китайской философии адресуют книгу специалистам-китаеведам. Вместе с тем принципы отбора статей и их написания учитывали потребности более широкого круга читателей — историков философии, социологов, политологов, гуманитариев и обществоведов других специальностей, всех, кто интересуется историей китайской мысли. Работа над словарем помогла философской школе ИДВ выявить имеющиеся пробелы в познании китайской духовности, что стало стимулом для развития исследований новых актуальных тем. В подготовке статей для "Китайской философии" принимали участие ученые из КНР, прежде всего из Института философии АОН Китая. Это был важный и конструктивный опыт сотрудничества ученых двух стран над перспективным научным проектом.

После структурной реорганизации ИДВ в 1992 г. был создан Центр изучения духовных цивилизаций Восточной Азии. Его первым руководителем стал М.Л. Титаренко, заместителем руководителя был назначен В.Ф. Феоктистов. В настоящее время в этом подразделении ИДВ (ныне — Центр сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии) близится к завершению работа над новым фундаментальным, новаторским для европейского китаеведения научным проектом — пятитомной энциклопедией "Духовная культура Китая". Первые тома уже поступили в издательство. Энциклопедию открывает том "Философия", который аккумулирует достижения отечественного и зарубежного историко-философского китаеведения. Другие тома издания охватывают проблематику литературы и искусства, политической культуры и права, исторического сознания, мифологии и религии, а также китайской науки в ее естественной и гуманитарной ипостасях. Объем каждого тома составляет примерно 55—60 авторских листов.

С 1995 г. в ИДВ ежегодно проводится Всероссийская конференция "Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация", ставшая форумом творческих встреч не только философов-китаеведов России, но и стран СНГ, Европы, Китая, Вьетнама. На ней освещаются результаты новых исследований, поднимаются новые темы, отыскиваются подходы к решению социально-философских проблем, раскрываются и получают признание молодые таланты. Первые три конференции проходили под названием "Китайская философия и современная цивилизация". Однако насущная необходимость обсуждения вопросов философии и культурной традиции в широком региональном формате побудила организаторов последовать конфуцианскому принципу "исправления имен" и привести название форума в соответствие с его новыми задачами и динамично развивающейся научной программой.

В середине 1990-х годов философская школа ИДВ установила плодотворные контакты с основанным в США Международным обществом изучения китайской философии (ISCP). Российские ученые принимали участие в научных мероприятиях ISCP, М.Л. Титаренко был избран членом редколлегии авторитетного научного периодического издания "Journal of Chinese Philosophy" (Гонолулу, США). Примером плодотворного сотрудничества ученых разных

стран стал выпущенный ИДВ РАН при участии Международного общества китайской философии и Общества возрождения китайской культуры сборник статей и докладов "Китайская философия и современная цивилизация" (1997)⁵. Включенные в издание статьи были посвящены проблемам взаимодействия философии и культуры, выявлению сходства и различия в системах ценностей китайской и западной цивилизаций. В сборник вошли статьи М.Л. Титаренко, Ду Вэймина, В.Ф. Феоктистова, Р. Невилла, Чэн Чжунъина, Лю Шусяня, А.В. Ломанова, Т. Ин-син Люна, Л.С. Переломова, Г.Д. Сухарчука, А.Е. Лукьянова. Исследования российских авторов были нацелены главным образом на выявление закономерностей преемствования между разными историческими слоями китайской культуры. Зарубежные ученые концентрировали внимание на сопоставлении духовных основ западной и китайской цивилизаций, выявлении потенциала и прогнозирования перспектив их сосуществования и сотрудничества.

На рубеже XX-XXI вв. научная деятельность философской школы ИДВ получила признание и в Китае. М.Л. Титаренко, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, Л.С. Переломов, В.Ф. Феоктистов избраны членами правления Международной конфуцианской ассоциации. А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов, кроме того, стали членами правления Международной ассоциации ицинологии.

Для расширения возможностей творчества молодых ученых в ИДВ с 2002 г. организован постоянно действующий философский семинар "Человек и духовная культура Востока" (руководитель — кандидат философских наук Д.Г. Главева), по результатам которого издается одноименный альманах. Первые два выпуска были хорошо встречены научным сообществом России и уже выдержали переиздание.

Альманах нацелен на освещение актуальных проблем изучения философии, традиционной науки и культуры Китая и Японии. Авторы ставят вопросы национальной специфики восточных философий, способов и форм их сопоставления с западной философской традицией, языка описания категориального аппарата восточных философий, принципов перевода китайских и японских понятий на западные языки. В сборнике поднимаются важные методологические проблемы, связанные с изучением мировоззренческих основ дальневосточных культур в сравнении с западными культурами, с исследованием взаимодействия цивилизаций на глобальном уровне их "самопознания" и самоидентификации в аспекте религиозно-философских учений Востока и Запада. В альманахе "Человек и духовная культура Востока" представлена животрепещущая тема возможных вариантов развития двух, казалось бы, взаимоисключающих процессов: цивилизационной интеграции, с одной стороны, и самоопределения традиционных культур, с другой.

Признавая важность диалога культур и религий, выработки способов их взаимопонимания и взаимного познания, авторы альманаха учитывают также опасность размывания дистанции между "своим" и "чужим". Участники семинара молодых ученых отмечают, что тезис о "соединении без слияния" различных религиозно-философских учений зачастую основывается на бессистемных и поверхностных сближениях, заведомой целью которых является обнаружение неоспоримого единства. В некоторых статьях ставится под вопрос правомерность механического совмещения христианских, буддийских и даосских понятий, например, об "Абсолюте". Вместе с тем, обоснованные параллели между феноменами интеллектуальной и духовной жизни Востока и Запада были и остаются необходимым инструментом востоковедения.

В центре внимания молодых исследователей находятся человек и критерии его самоидентификации, его личностное отношение к миру в процессе эволюции духовной культуры стран Восточной Азии. В их работах намечаются новые пути комплексного историко-философского, историко-культурного, текстологического, источниковедческого исследования внутренней структуры

дальневосточной “картины мира”, онтологических концепций, систем социальных и моральных ценностей, стереотипов поведения, психологии, мышления.

Деятельность сложившейся в ИДВ философской школы отличает глубокое внимание к достижениям зарубежной синологии. С 2002 г. в Институте начал издаваться реферативный сборник “Китайская философия: история и современность” (исполнители — кандидат философских наук Е.В. Якимова, старший научный сотрудник Т.В. Шайкова). Ныне он носит название “Современная общественная мысль в КНР и западная философская синология”. К настоящему времени вышли уже три выпуска.

Не прекращалась и начата еще в 1970-е годы работа по подготовке специалистов в области китайской философии. В 1993 г. по рекомендации директора ИДВ РАН М.Л. Титаренко на философском факультете Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) под руководством А.Е. Лукьянова, работавшего тогда в этом учебном заведении, была открыта базовая специализация по китайской философии и китайскому языку с целью подготовки профессиональных кадров для академических учреждений и вузов России. Для чтения философских курсов был приглашен авторитетный знаток китайской мысли, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН В.Ф. Феоктистов.

В 1994 г. в рамках программы “Обновление гуманитарного образования в России” А.Е. Лукьяновым для студентов и аспирантов китаеведческих дисциплин было выпущено учебное пособие “Начало древнекитайской философии”⁶. В целях улучшения философской подготовки студентов в 1998 г. по проекту и под руководством М.Л. Титаренко А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов написали и опубликовали первую в отечественном китаеведении развернутую учебную программу по истории китайской философии для отечественных вузов⁷. В 2001-2002 гг. А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов подготовили разделы “Философия древнего Китая” в учебник “Философия” для студентов, аспирантов и преподавателей России (отв. редакторы В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина, В.П. Филатов).

В 1998-2006 гг. на философском факультете РГГУ под научным руководством А.Е. Лукьянова и В.Ф. Феоктистова было защищено около 20 дипломных работ по тематике китайской философии. Три выпускника защитили кандидатские диссертации: А.Б. Калкаева (Старостина) (2003 г., Российский государственный гуманитарный университет, научный руководитель М.Л. Титаренко); М.В. Анашина (2005 г., Институт философии РАН, научный руководитель А.И. Кобзев); М.В. Тугарева (2005 г., Российский государственный гуманитарный университет, научные руководители В.Ф. Феоктистов, А.Е. Лукьянов).

В минувшее десятилетие успешно развивалась научная деятельность А.И. Кобзева, поддерживавшего плодотворные творческие контакты с философской школой ИДВ. Ученый опубликовал фундаментальные исследовательские труды, способствующие развитию российской философской синологии. В монографии “Учение о символах и числа в китайской классической философии” (1994)⁸ А.И. Кобзев представил исследование методологии философского и научного познания в традиционном Китае, основанное на аналитической реконструкции нумерологического “учения о символах и числах” (*сян шу чжи сюэ*). Важное место в книге нашли вопросы определения специфики китайской классической философии, особых характеристик древнекитайской логики и диалектики. Монография “Философия китайского неоконфуцианства” (2002)⁹ на новом уровне обобщила результаты прежних исследований А.И. Кобзева. Автор дал глубокий анализ бытующих в мировой синологии представлений о феномене неоконфуцианства, проследил развитие этого течения китайской мысли вплоть до начала XX в.

Следует отметить, что традиция изучения философского наследия Китая возникла в ИДВ уже в 1970-е годы. В 1968 г. заместителем директора Института стал китаевед и дипломат, кандидат философских наук В.А. Кривцов

(1921-1985). Его исследования были посвящены эстетической мысли древности, связи идейно-политических и социальных традиций с тенденциями развития и проблемами современного Китая. В 1993 г. по инициативе М.Л. Титаренко был опубликована незавершенная работа ученого об эстетике даосизма¹⁰, которая пополнила научно-исследовательскую копилку философской школы ИДВ.

Существенный вклад в ее становление внес В.Ф. Феоктистов (1930-2005). Еще в 1950-е годы он посвятил свою научную деятельность изучению творчества древнекитайского мыслителя Сюнь Куана (III до н. э.), автора трактата "Сюнь-цзы". В 1968 г. В.Ф. Феоктистов перешел на работу в ИДВ, в 1972 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. Исследования В.Ф. Феоктистова вошли в золотой фонд философской школы ИДВ.¹¹ В 1974 г. В.Ф. Феоктистов возглавил сектор идеологии ИДВ, в 1970-80-е годы занимался изучением идеологии Компартии Китая, взглядов Мао Цзэдуна и их связи с традиционной китайской идеологией.

В начале 1990-х годов приоритетным направлением в научной работе В.Ф. Феоктистова вновь стала китайская философия. Особое внимание ученый уделял вопросам перевода на русский язык сочинений древнекитайских мыслителей. Он указывал, что философия Китая обладает особым категориальным аппаратом и специфическим языком рефлексии, выступал против механического переноса категорий и понятий западной философской культуры на китайскую почву. Будущее китайской философии В.Ф. Феоктистов видел в органичном развитии национального наследия на его собственной основе с использованием тех достижений Запада, которые помогают полнее раскрыть духовные богатства китайской культуры.

Говоря о философской школе ИДВ, нельзя не вспомнить и о безвременно ушедшем из жизни С.Р. Белоусове (1957-1995), старшем научном сотруднике, кандидате исторических наук. Основной темой его исследований была история общественно-политической мысли Китая новейшего времени. Научные публикации С.Р. Белоусова внесли ценный вклад в изучение философских споров первой трети XX в., включая дискуссии о "науке и метафизике", о "проблемах и измах", отразивших сложные поиски китайскими мыслителями путей взаимодействия традиций Востока и Запада.

Возглавляющий ныне Центр сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии проф. А.Е. Лукьянов с приходом в ИДВ в 1997 г. значительно расширил проблематику и масштабы своей исследовательской и переводческой работы. За это время он выпустил индивидуально и в соавторстве пять монографий, перевел четыре классических трактата, написал более 20 научных статей, принял участие в написании двух философских энциклопедий. На основе древнекитайских текстов проф. А.Е. Лукьянов воссоздает процесс развития мировоззрения древних китайцев. Он разработал теорию органического генезиса культуры Дао (Дао-Дэ) в ее вселенской, космической и ландшафтной формах, дал определение архетипа культуры Дао, расшифровку генетических кодов архетипов даоского и конфуцианского Дао, вывел их графические формулы и ставит своей задачей расшифровку архетипа "Канона перемен". Мифогенную и гносеогенную концепции истоков западной философии (греческой и итальянской) А.Е. Лукьянов дополняет концепцией культурогенеза как процесса рождения китайской философии, обнаруживая опору историко-философского сравнения ранней греческой и китайской философии в едином методологическом основании.

А.Е. Лукьянов опровергает бытующее в среде западных философов и историков философии мнение об отсутствии у китайцев собственного наименования философии и обнаруживает сразу три таких обозначения: конфуцианское *хао сюэ* — любовь к мудрости (в "Лунь юе"), даоское *цзюэ сюэ* — утончение мудрости, с приближением к значению абсолютной мудрости (в "Дао Дэ

цизне”), а также ицзиновское символическое обозначение философской мудрости. Обобщая данные восточноевропейской философской компаративистики, А.Е. Лукьянов выдвигает гипотезу космопланетарного архетипа как критерия идентификации национальных культур, способа их коммуникации и адекватного взаимопонимания.

Терия архетипа получила дальнейшую авторскую детализацию. А.Е. Лукьянов по структурно-функциональным составляющим архетипа Дао осуществляет типологизацию даосской, конфуцианской и ицзиновской моделей цивилизаций, выделяет признаки “подлинных” и “ложных” цивилизаций, подвергает анализу их онтологию войны и мира.¹² Теория архетипа, по мнению ученого, позволяет получить ответ на вопрос о механизмах формирования исходных систем философских универсалий/категорий, дифференцирующихся по порядку и связям в архетипическом объеме, семантической наполненности, гносеологической направленности, мотивациям и алгоритмам движения. Это словарь философской культуры Дао, обеспечивающий диалог внутри нее и позволяющий ей открывать себя вовне.¹³

Значительное место в своей работе А.Е. Лукьянов отводит изучению китайской философской классики. Выполненные им переводы и исследования текстов “Дао дэ цзина”, “Лунь юя”, “Чжун юна”, “Десяти крыльев” “И цзина” представлены в трех монографиях¹⁴. Изучение древней классики предоставляет А.Е. Лукьянову инструментарий для социально-философского анализа современного состояния китайской цивилизации. Проф. Лукьянов провел специальное исследование доктрины построения в КНР общества *сяо кан* (малого благоденствия), предусматривающей перспективу его перерастания в совершенное общество *да тун* (великого единения), рассматривая эту доктрину как зеркальную реминисценцию классической конфуцианской доктрины *да тун* — *сяо кан*, изложенной в трактате “Ли цзи” (VI– IV вв. до н.э.).¹⁵

А.Е. Лукьянов обратился и к философскому анализу художественного творчества китайцев. В частности, он первым из синологов приступил к философскому исследованию поэзии знаменитого танского стихотворца Ли Бо (701—762), посвятив этой теме пять статей.¹⁶

В настоящее время в русле стратегической для ИДВ программы “Евразийская симфония культур и цивилизаций” А.Е. Лукьянов разрабатывает актуальную тему поиска и расшифровки алгоритмов архетипа русской культуры Глагола и согласования его с архетипом китайской культуры Дао.¹⁷

Рождение в ИДВ философской школы ознаменовал приход в Институт представителей ее третьего поколения в конце 80-х — 90-е годы прошедшего столетия.

А.В. Ломанов поступил на работу в ИДВ в 1989 г., после окончания философского факультета МГУ. Его исследовательской темой стала история конфуцианской философии XX в. в контексте взаимодействия культурных традиций Китая и Запада. В 1994 г. А.В. Ломанов под научным руководством М.Л. Титаренко защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству выдающегося китайского философа и историка философии Фэн Юланя (1895–1990). Результаты его исследовательской работы опубликованы в виде целого ряда статей и двух монографий.¹⁸

Летом 1990 г. произошла символическая встреча — аспирант ИДВ А.В. Ломанов увиделся с 95-летним Фэн Юланем в профессорской резиденции на территории Пекинского университета. Этот факт отражен в изданной в КНР биографии мыслителя: “24 июля. Посетил Александр Ломанов из СССР, сказал, что намерен исследовать идеи господина. Господин подарил ему том “Избранных произведений””¹⁹. А.В. Ломанов был одним из последних иностранцев, встретившихся с великим конфуцианским мыслителем — в ноябре 1990 г. Фэн Юлань ушел из жизни. Даже краткая беседа с философом, идеи которого сто-

Ломан

яли в центре научных изысканий молодого ученого, произвела на того огромное впечатление, подарив ему ощущение реальности изучаемого периода китайской интеллектуальной истории и личной причастности к ней.

Исследование разработанной Фэн Юланем в 30-40-е годы XX в. метафизической системы "нового учения о принципе-универсалии" (*синь лисюэ*), испытавшей влияние американского неореализма и европейского логического позитивизма, позволило А.В. Ломанову обратиться к изучению общих характеристик современного конфуцианства. Если в 20-30-е годы в нем преобладало стремление противопоставить китайскую традицию западной, то в дальнейшем верх одержали концепции синтеза двух традиций и возникновения на этой основе "всемирной философии будущего". Разных представителей этого течения объединяло стремление унаследовать китайскую традицию "моральной метафизики", трактующей философию и моральное сознание как форму жизненно-го опыта человека.

В 2001 г. А.В. Ломанов защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам культурной адаптации христианства в Китае. Итоги исследования были опубликованы в виде монографии "Христианство и китайская культура" (2002)²⁰. Эта работа стала первым в отечественной синологии комплексным исследованием истории христианства в Китае от проникновения в страну несторианства до XX столетия. Помимо проблемы интерпретации китайской традиции миссионерами, автор подробно рассмотрел вопросы восприятия христианской доктрины носителями китайской культуры. На первое место была выведена история идей и мировоззрений, а не церковно-миссионерских институтов.

С приходом в ИДВ в 1999 г. выпускницы МГУ Д.Г. Главевой в философской школе Института появилось направление, открывающее новые возможности для изучения воздействия китайской философии и культуры на японскую цивилизацию. В 1998 г. старший научный сотрудник Д.Г. Главева защитила кандидатскую диссертацию по теме "Семантика взгляда в традиционной японской культуре". Ее научные интересы связаны с изучением проблемы культурно-цивилизационной идентичности и "саморефлексии культуры", с выявлением мировоззренческих основ японской традиции, в том числе взаимовлияния в ней исконно японского и китайского мировосприятия. Исследования Д.Г. Главевой нацелены на выявление сущностных характеристик японского культурного организма, тех категорий, в соответствии с которыми возможно как его "внутреннее" описание, так и сопоставление с другими культурами. Особое внимание она уделяет становлению и развитию буддийской, в первую очередь дзэнской, восходящей к китайской школе чань, религиозно-философской мысли. Д.Г. Главева составляет словарь дзэнской терминологии, переводит классические тексты дзэн-буддизма. Так, она впервые представила читателю перевод на русский язык трактата "Оратэгама", принадлежащего кисти известного дзэнского мыслителя, художника, мастера каллиграфии и религиозного реформатора Хакуина Эаку (1686-1769). Текст, сочетающий достоинства философского трактата и художественной прозы, представляет собой апологию дзэнского "внутреннего видения" (*найкан*), созерцания, позволяющего проникать вглубь вещей.

Д.Г. Главева является автором более 30 научных статей и монографии "Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия" (2003)²¹. Опираясь на широкий круг письменных источников, включающих и исторические хроники, и художественные, в том числе поэтические, произведения, и буддийские философские трактаты, исследователь показывает ту роль, которую сыграла в складывании традиционного японского мировосприятия дзэнская тенденция к интериоризации умпостигаемой и переживаемой действительности, ее сведению в глубины человеческого сознания и духа. Ключ к выявлению внутренней логики данного процесса, с точки зрения Д.Г. Главевой, дает фун-

даментальное для культуры Японии понятие “взгляд” (*кан/миру*). В древности он мыслился орудием креативной божественной функции, а в дальнейшем, под влиянием буддизма, стал восприниматься как средство чувственно-эстетического освоения окружающего человека пространства, сообщения внешнему опыту внутреннего измерения, постижения “сокровенной природы” вещей и духовной самоуглубленности.

В 1999 г. в ИДВ после окончания философского факультета РГГУ пришла А.Б. Старостина. К настоящему времени кандидат философских наук, старший научный сотрудник А.Б. Старостина выпустила более 30 работ, в том числе переводы трех монографий с китайского и английского языков, около 15 статей, пять рефератов, переводы философских сочинений с древнего и современного китайского языка, подготовила раздел учебного пособия по истории философии. С 2005 г. она преподает историю китайской философии на философском факультете РГГУ и в ИВКА РГГУ.

Сфера ее научных интересов — философия средневекового и современного неоконфуцианства, изменения специфики конфуцианской мысли в XX в. Исследователь анализирует содержание и эволюцию этических категорий китайской философии, изучает специфику герменевтических подходов комментаторов-конфуцианцев разных эпох и школ к классическим текстам. Недавние исследования А.Б. Старостиной посвящены способам аргументации в средневековой китайской философии, в частности, соотношению логического вывода и рассуждений по аналогии. В настоящее время философ-китаевед занимается определением не только основных форм аргументации, но и их роли и места в архитектонике разных философских систем. А.Б. Старостина приходит к выводу о явном сходстве в строении средневековых и современных конфуцианских учений, существующем, казалось бы, вопреки кардинальной смене способов аргументации.

Аспиранты и студенты представителей трех старших поколений философской школы ИДВ составляют ее четвертую генерацию. Некоторые из них уже трудятся в Институте, как аспиранты Д.Г. Главевой — А.А. Орлов и А.Р. Саяхова. По совместительству сотрудничает в ИДВ и китаевед-буддолог М.А. Анашина.

Заметный вклад в изучение китайской философии в ИДВ вносят профессиональные историки. Доктор исторических наук Л.С. Переломов осуществил в 1998 г. издание фундаментального труда — перевода и исследования классического конфуцианского канона “Лунь юй” (“Беседы и суждения”)²². За эту работу ученый был удостоен премии Президиума РАН им. С.Ф. Ольденбурга. Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук А.О. Миланюк, изучающий традиционную китайскую теорию “вскармливания жизни”, старший научный сотрудник А.Н. Воробьев, занимающийся исследованиями алгоритмов и истории формирования системы китайского календаря, теории китайской медицины и астрономии, в своих изысканиях обращаются к философии “Книги перемен”, к традиционным философским построениям антропологического содержания.

С начала 1990-х годов в ИДВ по инициативе М. Л. Титаренко получило развитие новое научное направление, непосредственно примыкающее к тематике историко-философских исследований, — изучение религий Китая. Важный вклад в его формирование внес ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук В.С. Кузнецов, работающий в ИДВ с 1969 г. В центре его научных интересов в данной области — роль религии в общественно-политической жизни и внешней политике Китая. В частности, он исследовал взаимодействие ислама с властью и обществом в Китае с VIII в. до наших дней, отразив результаты своих изысканий в отдельной монографии²³. В.С. Кузнецов полагает, что понятие “китайская философия” в широком смысле должно охватывать интеллектуальную и духовную традицию не только ханьского этноса, но и не-

ханьского населения, проживающего в границах китайского государства и неизбежно в значительной степени усваивающего культурные традиции и ценности китайцев. К примеру, мусульманские богословы во многом восприняли конфуцианские ценностные установки, подчинив их заповедям исламской веры, переняли у конфуцианства социально-этическую концепцию *сань ган у чан* ("три устоя и пять постоянств") и принцип воспитания добродетелей, дав им монотеистическое толкование.

С религиозно-философской проблематикой тесно связаны исследования ведущего научного сотрудника, доктора исторических наук С.А. Горбуновой. Хотя ее изыскания главным образом нацелены на выяснение роли и места буддизма в современном китайском обществе,²⁴ историк-китаевед также уделяет большое внимание вопросам буддийской религиозной идеологии и социальной философии. Важное место в работах С.А. Горбуновой отводится проблеме исторической реализации выдвинутой известным буддийским теоретиком и реформатором первой половины XX в., монахом Тайсюем, концепции "буддизм в жизни человека", нацеленной на приближение апологетики и проповеди буддизма "к реальному времени, реальному человеку и реальной общественной жизни". Исследователь классифицирует эту концепцию как социо-антропологическую и убедительно показывает, что идеи Тайсюя до сих пор служат основанием для доктрин адаптации буддизма к реалиям современной жизни Китая. Новизна учения выдающегося деятеля китайского буддизма состояла в том, что он впервые в рамках своей конфессии обосновал необходимость создания новых моделей религиозной индоктринации и практики, соответствующих динамике общественного развития.

Родившаяся в ИДВ педагогическая и научная философская школа возникла не на пустом месте. Она наследует и развивает традиции основателей отечественного китаеведения, выдающихся мыслителей и ученых Н.Я. Бичурина, С.М. Георгиевского, В.П. Васильева, В.М. Алексеева, Н.И. Конрада, А.А. Петрова. Эти традиции, как и прежде, задают систему внутренних культурных координат, или, говоря словами великого "Ши цзина" ("Канона поэзии"), являются "горами и морями" всех школ российского китаеведения.

В настоящее время центральная тема, вокруг которой концентрируются изыскания философской школы ИДВ, — "Симфония планетарных культур и цивилизаций". Глобальность этой стратегической темы, охватывающая и проблематику мировой синологии, оставляет каждому сотруднику школы простор для выбора тематики исследования. Они имеют возможность вести свои изыскания в тесном творческом общении с коллегами из России и из-за рубежа. Этому способствуют и периодические командировки сотрудников в Китай, Японию, Корею, Тайвань, европейские страны, их участие в международных философских конференциях и симпозиумах.

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Сост. Ян Хин-шун. Ред. коллегия: В.Г. Буров, Р.В. Вяткин, М.Л. Титаренко. Вступ. ст. В.Г. Бурова и М.Л. Титаренко. 1972-1973.
2. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва "Наука", 1983.
3. История китайской философии. Пер. с кит. В.С. Таскина. Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989.
4. Китайская философия. Энциклопедический словарь. Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.
5. Китайская философия и современная цивилизация. Сб. статей. М.: Вост. лит-ра, 1997.
6. Лукьянов А.Е. Начало древнекитайской философии. "И цзин", "Дао дэ цзин", "Лунь юй". М.: Радикс, 1994.
7. Программа курса лекций "История китайской философии" для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М.: ИДВ РАН, 1998.

8. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Вост. лит-ра, 1994.
9. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит-ра, 2002.
10. Кривцов В.А. Эстетика даосизма. Отв. ред. и предисл. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 1993.
11. См.: Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исслед. и пер. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва "Наука", 1976; Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаеведа. Изд. второе, доп. и испр. М.: Вост. лит-ра, 2005.
12. Он же. Цивилизация палингенезиса в даосизме // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 5; Он же. Война и мир цивилизаций // Там же. 2002, № 1-2.
13. Он же. Понятие философии у древних китайцев // Там же. 1998, № 2, 1998; Он же. Генезис нравственных категорий (конфуцианское человеколюбие жэнь) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М., 1999.
14. См.: Он же. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000; Он же. Конфуцианский трактат "Чжун юн". М., 2003; Он же. И цзин (Канон перемен). М., 2005.
15. См., напр.: Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы "сяо кан" // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 3.
16. См.: Лукьянов А.Е. Ли Бо на Дао-Пути // Книга о Великой Белизне. Ли Бо: Поэзия и Жизнь. М.: Наталис, 2002; Он же. Философско-поэтический космос Ли Бо // Ли Бо. Дух старины. М.: Вост. лит-ра, 2004; Он же. Поэтико-философский пейзаж души Ли Бо // Ли Бо. Пейзаж души. СПб.: Азбука-классика, 2005.
17. Лукьянов А.Е. Этнокультурное взаимодействие России и Китая // Народы Евразии: проблема межцивилизационных контактов. М.: Вост. лит-ра, 2005.
18. Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Вост. лит-ра, 1996; Он же. Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция М.: ИДВ РАН, 1998.
19. Фэн Юлань сяньшэн няньпу чубянь (Погодичная биография господина Фэн Юланя. Начальная редакция). Сост. Цай Чжундэ. Чжэнчжоу, 1994. С. 741.
20. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит-ра, 2002.
21. Главева Д.Г. Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия. М.: Вост. лит-ра, 2003.
22. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. Исслед., пер. с кит., коммент. М.: Вост. лит-ра, 1998.
23. См.: Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. Ч. 1-3. М.: ИДВ РАН, 1996; Ислам в общественно-политической жизни КНР. М.: ИДВ РАН, 2002.
24. См.: Горбунова С. А. Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-90-е годы). М.: ИДВ РАН, 1998; Она же. Китайский буддизм и общество в XX в.: история создания и деятельности буддийских объединений в Китае. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИДВ РАН, 2000.

Крупный ученый-китаевед и дипломат Владимир Алексеевич Кривцов

Владимир Алексеевич Кривцов родился 18 апреля 1921 года. Он принадлежал к первому поколению советских граждан, родившихся и выросших в новой России, в СССР. К поколению, на неокрепшие плечи которого тяжчайшим грузом легла Большая Война. И в этой войне они мужали, теряя друзей, близких, соотечественников, но обретая опыт, достоинство и честь, верность долгу и стремление идти в желанное счастливое будущее.

В 1940 году юноша Кривцов, отслужив после окончания средней школы красноармейскую службу в стрелковом полку в г. Иркутске (1939-1940), поступает в Московский институт истории философии и литературы (МИФЛИ) на искусствоведческое отделение. В 1941-1944 гг. он работает в Душетском районе Грузии, сначала преподавателем неполной средней сельской школы, а затем — директором школы.

В 1944 г. В.А.Кривцов поступает в Московский институт востоковедения (МИВ) на китайский факультет. В 1949 г. по окончании с отличием института он был направлен переводчиком группы советских специалистов в Китай. Молодая страна нуждалась в кадрах, и Советский Союз щедро делился с ней своими специалистами, их опытом и знаниями. Переводческая стажировка В.А.Кривцова оказалась успешной, и в 1951 году его приглашают на работу в МИД СССР, где на разных постах он проработал 17 лет (1951-1968 гг.). Он работает третьим, а затем вторым секретарем Посольства СССР в Пекине (1951-1955 гг.), первым секретарем Посольства СССР в Японии (1958-1960 гг.), генеральным консулом СССР в Шанхае (1960-1962 гг.), советником Посольства СССР в КНР (1963-1966 гг.). В 1956-1958 гг. он учится в Высшей дипломатической школе МИД СССР, которую заканчивает с отличием без отрыва от основной работы в МИДе. В 1963 г. Кривцов защищает диссертацию на тему "Эстетическая мысль Древнего Китая". Ему присуждается ученая степень кандидата философских наук. За работу в МИД СССР он был награжден в 1966 году орденом "Знак почета".

В 1968 году В.А.Кривцов назначается на должность заместителя директора созданного в декабре 1966 года Института Дальнего Востока АН СССР. Задачей нового института и его директора чл.-корр. АН СССР М.И.Сладковского стал подбор кадров специалистов, выработка принципов исследований, определение основных направлений изучения Китая, особенно его современного положения. В эту работу со всей ответственностью и талантом включился В.А.Кривцов. Несмотря на огромную административную, производственную и творческую загруженность, он сохранял контакты с МИД СССР, вел постоянную преподавательскую работу в Дипломатической академии, профессором которой оставался до последних лет своей жизни (В.А.Кривцов скончался в 1985 г.).

Научная работа как цель и образ жизни привлекала Владимира Алексеевича еще со студенческих лет. Уже с 1947 г. он начинает публиковать статьи о древних китайских художниках, о древнекитайских философских учениях. Причем даосизм, изучению которого он уделил много внимания в своем научном творчестве, воспринимался им как одно из органических основополагающих начал китайской духовной культуры. Однако даосизмом не ограничивался круг его творческих устремлений и исследований в области древнекитайской

истории, политических учений и идеологии. В 1957 году при издании Н.Т.Федоренко и А.А.Штукиным крупнейшего памятника древней китайской литературы "Шицзин" В.А.Кривцов редактировал комментарии к этому переводу. Разнообразие тематики, охваченной этим огромным сводом народных песен, масса исторических, политических, этнокультурных данных, отраженных в нем, требовали от комментаторов глубокого знания национальной комментаторской традиции Китая и большого объема классических древнекитайских сочинений, далеко выходящих за рамки даоской традиции ("Шу цзин", "Чуньцю", "Цзочжуань", "Гоюй" и др.). В 1972 г. В.А.Кривцов выполняет частичный перевод на русский язык основного конфуцианского памятника "Луньюй" (Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1. С. 139-174, 313-320), отбирая из числа содержащихся в нем высказываний, наставлений и поучений великого философа Конфуция наиболее яркие афоризмы, сохраняющие значение во все века китайской истории.

Будучи крупным специалистом в области истории общественной жизни стран Востока и международных отношений, В.А.Кривцов неоднократно выезжал в заграничные командировки. Участвуя в международной научной жизни, представлял Институт на многих международных форумах, конгрессах, симпозиумах (Япония, Швеция, Франция, Бельгия, Голландия, Англия, Австрия, Италия, США, Мексика, Швейцария). Его труды получили широкое признание. В 1975 г. он был награжден орденом "Знак почета", в 1981 г. в связи с юбилеем — орденом "Дружбы народов". В 1977 г. В.А.Кривцов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Приближение начала эпохи реформ в Китае вызвало необходимость систематизировать и оценить пройденный КНР исторический путь, идеологические тенденции и ее место в преобразующемся постколониальном мире. Многие из этих моментов и процессов были затронуты в диссертации В.А.Кривцова.

В 1977 г. В.А.Кривцов проводит в Институте конференцию, посвященную двухсотлетию юбилею со дня рождения выдающегося русского китаеведа о. Иакинфа (Бичурина), представляя на ней в качестве основного доклад своего однофамильца В.Н.Кривцова, написавшего об о. Иакинфе биографический роман. К сожалению, сборник материалов этой конференции, который готовил В.А.Кривцов в качестве ответственного редактора, не был издан.

Начиная с 1971 г. набирает силу грандиозный проект Института этнографии, курируемый М.В.Крюковым и Н.Н.Чебоксаровым, а от Института Дальнего Востока М.В.Софроновым и Л.С.Переломовым — "Этническая история китайцев" (6 томов, последний, доведенных до начала XX века, вышел в 1993 г.). В.А.Кривцов от дирекции ИДВ принимает участие в его реализации. В 1978 г. В.А.Кривцов (в соавторстве с В.А.Красновой) издает книгу о выдающемся представителе китайского революционного движения, мыслителе, политическом и общественном деятеле Ли Дачжао.

Издание в 1993 г. ранней работы В.А.Кривцова "Эстетика даосизма" стало достойным духовным памятником этому крупному ученому и организатору китаеведческой науки.

Наряду с фундаментальной научной деятельностью важной составляющей работы В.А.Кривцова на посту заместителя директора ИДВ была прежде всего работа с людьми, требовавшая огромного такта, жизненного опыта и знаний. Работа эта была направлена на то, чтобы сплотить бывших дипломатов, сотрудников аппарата внешней торговли, администраторов, журналистов, представителей различных научных дисциплин в единый научный коллектив, способный достойно, целенаправленно и с пользой для общего дела изучать Китай, помогая руководству нашей страны в поиске путей решения проблем, возникающих в процессе общения одного великого народа с другим.

Россия — родина выдающейся школы китаеведения

© 2006

Янь Годун

Китаец, посещающий сегодня такие города России как Москва и Санкт-Петербург, непременно увидит на прилавках местных книжных магазинов среди прочих и книги с китайскими иероглифами на обложке. Как правило, они выставлены в наиболее заметных для посетителей местах. В русскоязычном Интернете достаточно задать поисковое слово "Китай", чтобы сразу отыскать несколько сотен названий книг, связанных с китайской темой. Очень значительная часть среди них — переводы древних канонов и классической китайской литературы. Президент России В. Путин недавно вручил Председателю КНР Ху Цзиньтао в качестве дара своей страны новый перевод "Конфуцианского "Четверокнижия" ("Сышу"), подготовленный под руководством председателя Русского конфуцианского фонда, известного китаиста, профессора Л. С. Переломова. Повышенный спрос на книги по китайской тематике свидетельствует о том, что в крупной синологической державе России, великолепная китайская культура перешагнула стены ученых кабинетов и оказывает должное влияние на широкие слои общественности.

Классическая китайская литература стала модной в России

В настоящее время большой популярностью пользуются у издателей и читателей такие известные памятники философии, истории и литературы Китая, как "Луньюй", "Ицзин", "Дао-дэ цзин", "Чжуанцзы", "Шицзи" (Исторические записки) Сыма Цяня), "Странные истории из кабинета странника" Пу Сунлина, "Удивительные истории нашего времени и древности", а также издания по китайской медицине, цигуну, ушу и фэншую. Некоторые из них, переведенные еще в XIX веке, вплоть до сегодняшнего дня переиздавались многократно. К примеру, "Луньюй" несколько раз переводился на русский язык еще до Октябрьской революции 1917 г., однако и впоследствии его переводы делались неоднократно. В 2001 году одно из московских издательств выпустило семь различных вариантов перевода "Луньюя" российскими китаеведами, собранных в одно издание.

По мере быстрого экономического развития Китая и усиления международного влияния КНР интерес у российской молодежи к изучению китайского языка достиг беспрецедентного уровня. Она не только стала наиболее активной частью читательской аудитории, но и способствовала распространению китайской культуры с помощью новых информационных средств. В Интернете

Янь Годун, профессор факультета западных языков Института иностранных языков при Нанькайском университете (Тяньцзинь).

Перевод с небольшими сокращениями сделан из "Хуанью шибao" 28 декабря 2005 г.

было создано немало специальных сайтов, знакомящих с китайской культурой. На некоторых из них выложены тексты конфуцианской, буддийской и даосской классики, на других — классическая поэзия, третьи публикуют статьи и исследования о Китае. Есть даже такие, где на основе даосских канонов даются советы по *фэншю* и предсказывается будущее. Этих сайтов так много, что невозможно ознакомиться со всеми. Таким образом современные технологии становятся еще одним каналом, облегчающим распространение в России китайской культуры.

Изучением китайской цивилизации занимались несколько поколений ученых

Российское китаеведение, западная синология и китаеведение в странах иероглифического культурного ареала составляют на сегодняшний день три столпа международного китаеведения и занимают важнейшее место в истории мирового китаеведения. Российские китаеведы сыграли ключевую роль в процессе распространения китайской культуры в России. Еще в XVIII веке в ней начали переводить и изучать классические книги по китайской истории и культуре. В XIX веке появились такие известные синологи как И. Бичурин, В.П. Васильев, Палладий.

По причине географической близости и в связи с нуждами практической дипломатии до Октябрьской революции в России уделяли много внимания исследованиям по истории и географии своего соседа, в особенности северных пограничных районов Китая. После 1917 года под руководством академика В.М. Алексеева, прозванного “русским ханьлиньцем”, в российской синологии произошла трансформация, и старая школа китаеведения Российской империи была преобразована в новое современное китаеведение. За очень короткий срок В.Алексеев воспитал группу талантливых ученых. Однако затем, в период репрессий и Великой Отечественной войны немало ярких китаеведов были либо расстреляны на основе необоснованных обвинений, либо брошены в тюрьмы или погибли на поле боя. Это нанесло трудно восполнимый ущерб развитию советского китаеведения.

Советские исследования по Китаю вновь оживились с наступлением периода дружбы между КНР и Советским Союзом в 50-е годы XX века. В 1960-е годы, когда произошло ухудшение китайско-советских отношений, в связи с необходимостью изучения современного Китая в Академии наук СССР был создан Институт Дальнего Востока. Начиная с этого времени окончательно сформировалась структура русского китаеведения — Санкт-Петербург на севере и Москва на юге, которые изучают соответственно традиционный и современный Китай, взаимно дополняя друг друга.

Петербург и Москва — главные центры русского китаеведения

Санкт-петербургское отделение Института Востоковедения Академии наук возникло на основе Азиатского музея, основанного в 1818 году. Отделение и созданный в 1855 г. факультет восточных языков Петербургского университета¹ являлись до Октябрьской революции двумя самыми важными исследовательскими базами по изучению Востока. Становление этих двух учреждений в значительной степени составляло историю развития китаеведения России.

Российские миссионеры смогли использовать возможность постоянного пребывания в Пекине, чтобы собирать документы на китайском, маньчжурском и монгольском языках для пополнения коллекций этих двух ведомств. К этому следует добавить памятники, самовольно вывезенные русскими экспеди-

циями из Дуньхуаньских пещер, и документы из г. Хэйшуйпэн, относящиеся к тангутскому государству Сися. Это сделало Санкт-Петербург одним из крупнейших в мире центров, где хранятся памятники письменности Китая. Петербургские китаеведы развивают традиции российского классического китаеведения, имеют возможность использовать уникальную коллекцию источников. В основном они ведут работу по переводу китайских классических памятников, их исследованию, редактированию и изданию. К примеру, можно упомянуть “Шэн у цзи”²; “Мэн-да Бэй-лу”³ академика В.П.Васильева, переводы “Удивительных историй нашего времени и древности” академика В.М.Алексеева, “Стансы Сыкун Ту”, перевод стихов в романе “Хун лоу мэн” (“Сон в Красном тереме”), “Соу шэнь цзи” (“Записки о поисках духов” Гань Бао — пер. Л.Н.Меньшикова), работы Меньшикова и А.Невского по изучению рукописей из Дуньхуаня и проч.

Несмотря на общественные трансформации, петербургское китаеведение на протяжении двух веков неизменно придерживается своей специфики и получило наименование “петербургская школа”.

В Москве основными центрами китаеведения являются: Институт Дальнего Востока РАН, Институт Востоковедения РАН и Институт стран Азии и Африки МГУ. Помимо этого имеется Синологическая библиотека, обладающая специальной коллекцией китайских книг и работ по Китаю.

Самый крупный из этих центров — ИДВ РАН — в основном занимается современными проблемами Китая, китайско-российскими отношениями, выработывает рекомендации для правительства РФ в области отношений с КНР. Хотя проблемы Кореи и Японии также входят в сферу исследований ИДВ РАН, однако из более чем 200 научных сотрудников института синологи составляют абсолютное большинство. Сегодня в России имеется три китаиста-академика: С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников и М.Л.Титаренко, двое из которых являются сотрудниками данного института⁴.

Институт Востоковедения РАН в качестве основного направления изучает историю и общество в Китае. С 1970 года⁵ им начали проводиться регулярные ежегодные научные конференции “Общество и государство в Китае”, уже издано 35 выпусков сборников тезисов этих конференций. Работая не покладая рук, известный российский китаист Р.В. Вяткин, сотрудник этого института, большую часть своей жизни отдал переводу “Исторических записок” Сыма Цяня⁶.

В области подготовки специалистов китаеведение в МГУ развивается с упором на изучение языка и литературы Китая. Наиболее заметными в этом отношении стали работы А.М. Карапетьянца и Гань Аошуан.

Нельзя не отметить также члена-корреспондента РАН Б. Рифтина, получившего в 2003 г. по китайскому языку и литературе “Премия дружбы”. Он является главным научным сотрудником Института всемирной литературы имени М.Горького РАН, известным во всем мире специалистом по китайской народной литературе. Знаменитый “первый” вариант “Хун лоу мэн” был обнаружен именно им. По сравнению с Санкт-Петербургским, московское китаеведение в качестве объекта изучения большой упор делает на современный Китай. По методам работы его исследования более разнообразны.

В последние годы активно развиваются китаеведческие исследования и преподавание китайского языка в Сибири и в районах российского Дальнего Востока, имеющих преимущества географической близости к Китаю. Китаеведы Иркутска, Хабаровска и Владивостока одновременно с подготовкой большого числа переводчиков китайского языка, опираясь на местные ресурсы и свою самобытность, сформировали самостоятельное направление китаеведения по

изучению русской эмиграции в Китае, культурных связей между Россией и Китаем, тибетологии и буддологии.

Директор ИДВ РАН, академик М.Л.Титаренко в 2002 году на 14-м Конгрессе Европейской ассоциации синологов, созданной в Москве, подчеркнул, что в России ежегодно издается более 70 монографических исследований по Китаю. Российские китаеведы работают от Москвы до Хабаровска и Владивостока примерно в 50 научных китаеведческих центрах.

С учетом значительных масштабов российских исследований и их серьезных результатов можно утверждать, что и после распада СССР Россия продолжает сохранять за собой место великой китаеведческой державы, что одновременно свидетельствует о важности Китая для его северного соседа и о притягательности китайской культуры.

© 2006

*Перевод с китайского языка
В.Н.Усова*

1. В 1855 г. Восточный факультет Казанского университета был закрыт и переведен со всем профессорско-преподавательским составом и некоторыми студентами, библиотекой и частью нумизматического кабинета в Петербург и на этой базе был создан Восточный факультет Петербургского университета (прим.пер.)
2. В.П. Васильев перевел раздел из "Шэн у цзи" "Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии" (1868) (прим. пер.)
3. "Мэн-да Бэй-лу" содержит записанные китайцем, побывавшим с официальной миссией в стане монголов, сведения об основании монгольского государства и о происхождении его главы, об отдельных монгольских деталях, об управлении и экономическом положении страны, о нравах и других этнографических особенностях (прим. пер.)
4. В.С.Мясников — сотрудник Института Востоковедения РАН.
5. Конференции проводятся с 1969 года (прим. пер.)
6. С 1972 по 2002 г. были изданы все восемь томов Сыма Цяня, седьмой и восьмой тома были изданы уже после смерти Р. Вяткина в сентябре 1995 г. его сыном А.Вяткиным и А.Карапетьянцом (прим. пер.)

Китай — Южная Азия: отношения с соседями складываются нестандартно

© 2006

В. Кузнецов

До сравнительно недавнего времени складывалось впечатление, что внешняя политика Пекина в Азиатском регионе сосредоточена на взаимоотношениях со странами собственно Восточной Азии. 2004 г. отмечен интенсивными контактами руководства КНР с правительствами Южной Кореи и Японии, в формате "АСЕАН+3" они форсировали сотрудничество со странами АСЕАН. Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка) как бы оставалась в стороне от непосредственного внимания со стороны высшего руководства КНР.

Но вот в апреле 2005 г. премьер КНР Вэнь Цзябао совершил поездку в страны Южной Азии. Это, по оценке министра иностранных дел Ли Чжаосина, сопровождавшего Вэнь Цзябао, было первое по важности внешнеполитическое мероприятие года.

В качестве особенностей этого вояжа Ли Чжаосин прежде всего назвал следующее обстоятельство. Это — дружеская поездка. Дружеские связи Китая с Южной Азией берут начало во времена династий Хань и Тан. После образования нового Китая дружественные связи между ним и государствами Южной Азии налаживались стараниями нескольких поколений руководителей. Вэнь Цзябао особо призвал молодое поколение усилить это общение, учиться друг у друга и сообща вписать новую главу в историю дружеских связей Китая и Южной Азии. Обеспечение в известной степени традиционной дружбы Китая со странами Южной Азии, за что ратует высокопоставленный эмиссар Пекина, выступает таким образом одной из отправных установок внешней политики КНР на историческую перспективу.¹

Первой страной, которую с официальным (3-х дневным) визитом посетил премьер КНР, был Пакистан.

4 апреля 2005 г. премьер Вэнь Цзябао прибыл в Исламабад на военновоздушную базу Чаклала. "Китайско-пакистанская дружба выдержала испытания временем и сдвиг в международной обстановке", — возвестил там Вэнь.

Поддержание "всепогодной дружбы" посредством сотрудничества на всех уровнях, говорилось в письменном заявлении Вэня для средств массовой информации, отвечает фундаментальным интересам обеих стран и народов, а

Кузнецов Вячеслав Семенович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

китайско-пакистанские отношения играют также важную роль в обеспечении мира, стабильности и развития региона².

На шоссе через исламабадскую военно-воздушную базу Чаклала и на лугу перед президентским дворцом, живописует “Синьхуа юебао”, были выставлены огромные портреты китайского и пакистанского президентов и премьеров. “Китайско-пакистанская дружбы — выше, чем горы, и глубже, чем океан”, — гласила надпись на полотнище огромного стяга.³

Во время встреч с премьер-министром Азизом и президентом Пакистана Мушаррафом Вэнь обсудил широкий круг вопросов на предмет расширения “всепогодного, всестороннего стратегического сотрудничества”.

Развитие и диверсификация экономических связей между КНР и Пакистаном — насущная потребность дня. Эту установку Пекина Вэнь Цзябао изложил руководству и общественности страны. Он также предложил конкретную программу тех мероприятий, которые, по мнению китайского руководства, следует осуществить для того, чтобы поставить экономическое сотрудничество двух стран на новую основу. Китайский премьер особо акцентировал необходимость обеспечить промышленность Китая сырьем из Пакистана. Богатые минеральные ресурсы Пакистана и промышленная продукция Китая, его опыт оперативного использования техники — вот основа экономического сотрудничества двух государств. Эту установку Вэнь озвучивал и на официальном (во время встречи с президентом Мушаррафом) и на неофициальном уровнях (в выступлениях на собрании, посвященном торговому сотрудничеству КНР и Пакистана).

Китайские предприятия, говорил Вэнь Цзябао Мушаррафу, имеют определенные преимущества в капитальном строительстве, в сфере высоких технологий, производстве оборудования, у Пакистана же — богатые природные ресурсы. Правительственным учреждениям двух государств надлежит усилить и форсировать работу по организации и согласованию, подтолкнуть предпринимателей обеих стран к установлению более тесных связей между собой.⁴ Разница в уровне научно-технического развития КНР и Пакистана, убеждал Вэнь Цзябао, не препятствие, но благоприятная возможность для взаимодополняемости двух экономик. Пакистан богат сырьем, у Китая же определенные преимущества в производстве оборудования, капитальном строительстве, добыче *ископаемых* (выделено нами — В.К.) и в высокотехнологичных технологиях. Вэнь Цзябао выдвинул три предложения относительно расширения взаимной торговли и масштабов капиталовложений, обогащения и осуществления стратегического сотрудничества и товарищеских связей двух государств.

Во-первых, придерживаясь принципов равенства и взаимной выгоды, максимально использовать взаимодополняемость экономик. Китай готов улучшать структуру китайско-пакистанской торговли, приложить усилия к изменению дисбаланса в товарообмене, активно побуждать имеющие реальные возможности предприятия вкладывать капиталы в Пакистане.

Во-вторых, усилить взаимное общение, расширять механизмы сотрудничества и контакты между предпринимателями, поощрять предприятия обоих государств согласовывать свои действия в рамках законов рыночной экономики, перенимать друг у друга все положительное. Оба правительства будут создавать для этого все условия.

В-третьих, развивать различные формы сотрудничества — в сфере сельского хозяйства, финансов, науки и техники — и одновременно искать новые области совместной работы; энергично изучать формы многообразного сотрудничества в сфере объединения капиталов на паях, создания единоличных предприятий, повторной аренды, подготовки кадров.⁵

Общим итогом пребывания Вэнь Цзябао в Пакистане явилось подписание исторического договора "О дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях".⁶

По завершении визита в Пакистан Вэнь Цзябао посетил Бангладеш с двухдневным (7-8 апреля) официальным визитом. Подход КНР к этой стране китайский премьер выразил словами: "Бангладеш — важное государство Южной Азии. Между КНР и Бангладеш нет каких-либо проблем".⁷

Во время беседы Вэнь Цзябао с премьер-министром Бангладеш Хасина Вазед обе стороны пришли к полному единству мнений по ряду важных вопросов, касающихся отношений двух государств.⁸ В ознаменование 30-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя государствами премьер-министры решили объявить 2005 г. "годом китайско-бангладешской дружбы".

Китай, заявил Вэнь Цзябао в беседе с премьером Бангладеш, в своей внешней политике придерживается принципа "с соседями быть в хороших отношениях, соседа сделать другом".⁹ Для дальнейшего развития китайско-бангладешских отношений Вэнь Цзябао предложил следующее. Во-первых, установить товарищеские связи всестороннего сотрудничества Китая и Бангладеш, которым будут присущи долгосрочная дружба, равенство и взаимная выгода. Во-вторых, в рамках "года дружбы Китая и Бангладеш" провести соответствующие мероприятия. В-третьих, углублять взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Для этого китайская сторона предпримет все меры, чтобы решить вопрос о дисбалансе в приграничной торговле, поддерживать вложения китайскими предприятиями капиталов в Бангладеш. В-четвертых, расширять общение между людьми. В-пятых, усиливать взаимодействие и сотрудничество двух стран в международных и региональных делах.¹⁰

Разделяя мнение президента Бангладеш Ауддина Ахмеда о той роли, которую уроженец древней Бенгалии монах Атиша сыграл в установлении связей народов двух стран, премьер Вэнь Цзябао также подчеркнул, что Атиша за 17 лет пребывания в Китае внес важный вклад в развитие дружбы народов двух государств.¹¹ Отметив, что сфера образования составляет важную область сотрудничества Бангладеш и КНР, Вэнь Цзябао заявил о намерении Китая учредить в Дакке конфуцианскую академию, развивать преподавание китайского языка. Президентом Бангладеш был особо затронут вопрос о сотрудничестве в области сельского хозяйства, и премьер КНР согласился с важностью такого сотрудничества, выразив готовность послать соответствующих китайских специалистов в Бангладеш.

8-9 апреля Вэнь Цзябао находился с визитом в Шри-Ланке. Китайская помощь, оказанная ей, пострадавшей от стихийного бедствия, указал Вэнь Цзябао — свидетельство дружеских чувств народа Китая к населению острова. Но, акцентировал премьер КНР, Китай — развивающаяся страна и возможности оказывать помощь ограничены. Очевидно так китайский премьер предвосхитил расчеты властей Шри-Ланки на донорство КНР в будущем.

Развивать связи КНР и Шри-Ланки Вэнь Цзябао предложил по следующим направлениям. Во-первых, продолжать контакты между правительствами, парламентами, политическими партиями и молодежью двух стран. Во-вторых, усилить экономическое сотрудничество, создать условия, благоприятные для кредитования промышленного предпринимательства. В-третьих, расширить сферы сотрудничества, в частности, развивать контакты в сфере культуры, образования, религии. В-четвертых, усиливать сотрудничество и координацию в международных и региональных делах.

Различие в политической философии руководителей КНР и Шри-Ланки не должно препятствовать развитию отношений между двумя странами. Это было наглядно продемонстрировано Вэнь Цзябао во время совместной с

премьером Шри-Ланки церемонии, призванной почтить память Чжоу Эньлая и Соломона Бандаранаике. Чжоу Эньлай, указал Вэнь Цзябао, — один из основоположников китайско-шриланкийской дружбы. Дворец международных конференций памяти Соломона Бандаранаике был построен по совместному решению супруги его Сиримаво Бандаранаике и Чжоу Эньлая. Потом правительство КНР помогло шриланкийской стороне создать выставочный центр Сиримаво Бандаранаике и международный исследовательский центр имени Бандаранаике.

Пребывание в Шри-Ланке Вэнь Цзябао использовал и для того, чтобы показать намерение руководства КНР сотрудничать со всем политическим миром Шри-Ланки. Во время встречи с руководителем оппозиционной партии Векремасингхе Вэнь Цзябао заявил, что КПК стремится к сохранению дружеских связей с основными политическими партиями страны.

Визит Вэнь Цзябао в Южную Азию завершился в Индии. Очередность, в которой он посещал южноазиатские страны не случайна, а продиктована определенными политическими соображениями. Переговоры Вэнь Цзябао с руководителями трех государств Южной Азии, подписание соответствующих совместных деклараций можно расценить не просто как прелюдию к диалогу двух стран: КНР — Индия, но и как бы заочную встречу в формате 4 (КНР, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка) + 1 (Индия). Визит Вэнь Цзябао в три названные страны перед поездкой в Индию был по меньшей мере рекогносцировкой на месте и сверкой позиций КНР и трех южноазиатских государств, соседей Индии, с которыми у нее непростые отношения.

В Индии приземлился премьер КНР не на авиабазе, как в Пакистане, а на аэродроме. О демонстрации чувств в отношении гостя агентство Синьхуа не сообщало. В Нью-Дели в отличие от Исламабада, Дакки и Коломбо обошлось, судя по информации Синьхуа, без 19 орудийных залпов салюта.

Во время встречи с премьер-министром Индии Сингхом Вэнь выдвинул программу из 6-и пунктов по развитию китайско-индийских связей. Во-первых, повысить уровень отношений двух государств. Обе стороны, исходя из стратегии и общей ситуации, последовательно углубляют и усиливают товарищеские связи китайско-индийского долговременного сотрудничества, с тем чтобы дружеские отношения Китая и Индии, двух больших развивающихся государств, стали еще более тесными. Во-вторых, развивать двухсторонние связи, сделать более тесным взаимодействие. Чтобы реагировать на постоянно усложняющуюся международную обстановку, Китаю и Индии надлежит непрерывно развивать стратегический диалог, расширять сотрудничество в ООН и других международных организациях, стимулировать демократизацию международных отношений, защищать права и интересы развивающихся государств. В-третьих, углублять торгово-экономическое сотрудничество, добиваясь взаимной выгоды. Необходимо последовательно укреплять сотрудничество в области науки и техники, энергетики, горного дела, сельского хозяйства, защиты окружающей среды и капитального строительства, ускорить заключение соглашения "О стимулировании вкладов и их гарантии". В-четвертых, расширять культурные связи, делать более частыми контакты между людьми. В-пятых, установить доверие в сфере безопасности, активизировать диалог по вопросам безопасности и контакты по военной линии, взаимно сократить войска в пограничных районах, усилить сотрудничество в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности (борьба с терроризмом, трансграничной преступностью). В-шестых, форсировать переговоры о территориальном разграничении, подерживать мир на границах.¹²

Выступая перед представителями китайских и индийских торгово-промышленных кругов, Вэнь Цзябао назвал конкретные направления расширения экономического сотрудничества двух стран: 1) активизация широкого торгового

сотрудничества, увеличение объема взаимных поставок традиционных товаров; 2) усиление сотрудничества в области высоких технологий; 3) поощрение сотрудничества в сфере взаимных инвестиций капиталов; 4) развертывание сотрудничества в сфере контрактации на проведение инженерных работ; 5) развитие многостороннего торгово-экономического сотрудничества, в частности, в соответствующих международных организациях.¹³ Как заявил Вэнь Цзябао в Делийской промышленной академии, Китай и Индия уже пришли к общему мнению — энергично создавать отношения стратегического сотрудничества и товарищества, для чего необходимо следующее:

— во-первых, укреплять политическое взаимное доверие и сотрудничество, согласовывать коренные интересы обоих государств;

— во-вторых, в полной мере использовать преимущества взаимодополняемости экономик обоих государств, расширять экономическое сотрудничество, сообща ускорять развитие. Китай и Индия — добрые соседи и сотрудничающие товарищи, они не соперники и, тем более, не противники.

— в-третьих, усиливать сотрудничество двух государств в международных и региональных делах, отстаивать и защищать права и интересы развивающихся государств. В 1954 г. два великих политических деятеля — Чжоу Эньлай и Неру выдвинули от имени КНР и Индии пять принципов мирного сосуществования, внесли неизгладимый вклад в защиту мира в Азии и во всем мире. Однако существующий несправедливый, нерациональный международный порядок привел к тому, что интересы развивающихся стран не получают должной защиты. Чтобы изменить обстановку, развивающимся странам, особенно Китаю и Индии, необходимо усилить сплочение и сотрудничество. В важных международных и региональных делах двум государствам надлежит, по словам Вэнь Цзябао, усилить общение, действовать сообща, в духе согласия и вместе продвигать построение справедливого рационального международного политического и экономического порядка. Индия надеется повысить свою роль в международных организациях, включая ООН, и КНР выражает понимание и поддержку этим надеждам Индии;

— в-четвертых, распространять славные культурные традиции двух государств — традиции миролюбия и содействия миру и развитию. На протяжении 1000 лет предки китайцев и индийцев горячо любили мир, стремились к нему. В Китае эта культурная традиция воплощена от заповедей Конфуция “мир — драгоценность”, “то, чего не желаешь себе, не применяй к другому”, до тезиса о “великом единении мира” предшественника народно-демократической революции Сунь Ятсена и до независимой и мирной внешней политики, осуществляемой новым Китаем. В Индии от завета “буддизм и я слиты воедино” древних мудрецов — до учения о непротивлении злу мудрого и мужественного Ганди, до политики неприсоединения, которой Индия придерживается после обретения независимости, также воплощена эта традиция культуры. В настоящее время в мире отнюдь не спокойно. В условиях проявлений насилия, бесчинств террористов, расползания атомного оружия, распространения наркотиков и транснациональной преступности, ухудшения условий жизни, что серьезно угрожает человечеству, Китай и Индия должны продолжать и развивать славные традиции восточной культуры, так как дружественные отношения, гармоничное общество, мирная обстановка — это надежные гарантии безопасности народов Восточной Азии и их национального процветания.¹⁴

Как явствует из сказанного Вэнь Цзябао, Пекин намерен реанимировать “дух Бандунга” в новых исторических условиях. Он предлагает Нью-Дели совместно, как это было в 1950-х гг., выступить лидерами построения нового порядка в Азии, используя для этого в качестве духовной основы традиции культуры Востока. Его народы должны руководствоваться своей политической

философией, отличной от той, что бытует на Западе, если они хотят добиться процветания.

Как лишний раз показала поездка Вэнь Цзябао, из соседних с КНР стран Южной Азии на привилегированном положении у Пекина находится Пакистан, “всепогодный стратегический союзник”. Особое внимание к нему в большом и малом, Пекин проявлял до и после визита Вэнь Цзябао.¹⁵

19 февраля 2006 г. по приглашению председателя КНР Ху Цзиньтао пакистанский президент Первез Мушарраф прибыл в Пекин. В преддверие его визита — представитель МИД КНР Цан Ган охарактеризовал приезд Мушаррафа как решающий для укрепления “китайско-пакистанской всепогодной дружбы и сотрудничества по всем направлениям”.¹⁶

После встречи Мушаррафа с Ху Цзиньтао были подписаны двусторонние соглашения, охватывающие торговлю, национальную оборону, энергетику, сельское хозяйство, здравоохранение и образование. Китай, заявил Ху Цзиньтао, готов работать с Пакистаном, чтобы интенсифицировать контакты на высоком уровне и двустороннее сотрудничество на взаимовыгодной основе с тем, чтобы “поднять” стратегическое партнерство на новый уровень.¹⁷

Как воспринял президент Пакистана Мушарраф идею Вэнь Цзябао превратить Пакистан в сырьевой придаток КНР, определенно судить трудно, но по меньшей мере Мушарраф вызвался содействовать КНР в обретении доступа на центральноазиатские рынки и в удовлетворении потребности в нефти за счет поставок из других стран. “Мы, — во время визита в КНР заявил Мушарраф в интервью “Чайна дейли”, — заинтересованы в создании торгового и энергетического коридора для Китая”. Китай планирует перевозить сырую нефть из Ирана и Африки в Синьцзян через Пакистан. Такой путь, сообщил Мушарраф “Чайна дейли”, будет гораздо короче, чем через Малаккский пролив.¹⁸ Для этого Пакистан строит порт Гвадар. В марте 2005 г. премьер Вэнь Цзябао был на торжествах по случаю завершения первой фазы строительства.

В течение ряда лет расширяются военные связи Пакистана с Китаем. Во время последнего визита Мушаррафа в Китай ему показали самолет Ф-10.

Широк арсенал средств, которые использует Пекин, чтобы продемонстрировать свое особое расположение к Пакистану. Китайское правительство передало властям Пакистана офисного оборудования на 190 тыс. ам. долларов для обеспечения учреждений современным оборудованием.¹⁹

Свыше 200 ученых Китая и зарубежных стран участвовали в трехдневном “Форуме XXI века”, который открылся в Пекине. Среди снимков участников и резюме их выступлений на страницах китайской газеты “Чайна дейли” представлены фото и суждения Мухаммеда Акрам Шейха, заместителя председателя плановой комиссии Пакистана.²⁰ Присутствовал ли кто-либо от Индии, газета оставляет вопросом открытым, так что “стратегическому союзнику” Пакистану уделяется особое внимание. Об этом же свидетельствует и статья в еженедельнике “Бэйцзин ревью”, подзаголовок которой гласит: “Узы становятся теснее”. Публикация посвящена расширению экономического сотрудничества КНР и его южноазиатских соседей, иллюстрируется этот процесс фотоснимком, текст под которым гласит: “Экономические и торговые связи между Китаем и Пакистаном показывают существенные достижения”.²¹

Среди ближайших по времени результатов визита Вэнь Цзябао в Южную Азию следует отметить и активизацию в Китае Шри-Ланкэн эйрлайнс. В июне 2005 г. шриланкийская фирма вступила на китайский рынок и тесно работала с туристическими учреждениями в Пекине и Шри-Ланке на предмет расширения операций по упаковке багажа для китайских путешественников которые намерены посетить Шри-Ланку. “К концу 2006 г. Шри-Ланкэн эйрлайнс увеличит число рейсов по маршруту Коломбо-Пекин с трех раз в неде-

лю до пяти и распространит их на Шанхай", — говорит менеджер Чанака Олагама.²²

Пиетет в отношении Пекина, продемонстрированный во время визита Вэнь Цзябао в Пакистане, Шри-Ланке и Бангладеш, очевидно, сыграл свою роль в их отношении к проблеме сотрудничества в мирном освоении космоса под эгидой КНР. Среди стран, подписавших в Пекине соответствующую конвенцию, Пакистан и Бангладеш. Подписание конвенции, которую должно утвердить правительство КНР — века к официальному началу деятельности Организации сотрудничества Азиатско-Тихоокеанского региона в области космоса. Штаб-квартира ее будет в Пекине.²³

Визит премьера Вэнь Цзябао в страны Южной Азии официально был назван в КНР событием первостепенной важности. Он имел целью дать новый импульс развитию разносторонних связей Китая с государствами южноазиатского региона. Визит начался с Пакистана как приоритетного объекта внешнеполитической деятельности КНР в Южной Азии. С учетом особой сложности пакистано-индийских отношений Пакистан в обозримом будущем будет для Пекина фактором, создающими для КНР благоприятный баланс сил в Южной Азии, где первой величиной выступает Индия. Ее национальные интересы далеко не во всем адекватны китайским, и отсюда — неизбежное соперничество двух гигантов как на региональном уровне, так и в глобальном масштабе. Одна из причин этого соперничества — тождество моделей экономической стратегии, которой придерживаются руководители Китая и Индии. «Широко признано, что большая часть быстрого экономического роста Индии происходит из следования тому, что вообще известно как китайская модель. Эта модель основывается на производстве продукции, которая не потребляется местным населением, но которая отвечает требованиям потребляющих стран Запада и Востока».²⁴ Вот почему заверения Вэнь Цзябао во время пребывания в Нью-Дели о стремлении Пекина всемерно развивать торгово-экономические отношения между КНР и Индией в ряде случаев не находят быстрого практического претворения.

О сотрудничестве Индии и КНР в области производства информационной техники Вэнь Цзябао особо говорил во время пребывания в Индии. Но судя по сообщениям китайской прессы, правительство и предприниматели КНР предпочитают сотрудничество в этой области со странами Европейского Союза и США. В начале апреля 2006 г. торговая миссия во главе с вице-премьером У И подписала контракт на покупку изготовленных в Америке систем информационной технологии для отраслей перерабатывающей текстильной промышленности и обработки соевых бобов.²⁵ Микрософт Корпорейшн, самый большой в мире производитель систем информационных технологий, интенсивно работает с китайскими фирмами по производству мобильных телефонов. «Мы идем к тому, чтобы увидеть драматический рост» — говорит Скотт Хорн, генеральный менеджер Микрософта в Пекине.²⁶

Идея, которую озвучивал Вэнь Цзябао во время визита в страны Южной Азии, — развитие прямых контактов между представителями деловых кругов Китая и южноазиатских стран, — получила известное практическое осуществление. Однако, судя по некоторым сообщениям китайской прессы, южноазиатский рынок не слишком привлекает предпринимателей КНР. Заявления Вэнь Цзябао, сделанные им во время пребывания в столицах государств Южной Азии, продемонстрировали политические намерения китайского руководства укреплять взаимные связи, но оказалось, что эти устремления не во всем отвечают интересам китайских производителей. Вот тому примеры.

30 апреля 2006 г. в Гуанчжоу закончила свою работу 99-я выставка китайских экспортных товаров. Общий объем торговых сделок превышал 30 мил-

лиардов американских долларов. Это — рекордный показатель. Большинство контрактов связано с Европейским Союзом, США и Средним Востоком. Механические и электрические изделия стали предметом большинства сделок.²⁷

9-10 ноября в Чэнду (столица провинции Сычуань) планировалось проведение деловых переговоров между представителями 850 мелких и посреднических фирм Китая и Европейского Союза по вопросам капиталовложений и торговли. Организационный комитет получил заявки от 836 китайских компаний, занятых в сфере сельского хозяйства, туризма, защиты окружающей среды, производства фабричного оборудования, строительной техники, информационных технологий и электроники. Команда экспертов Китая и Евросоюза отберет 500 подходящих компаний КНР и 400 компаний Евросоюза для участия на выставке капиталовложений и торговли, самой большой в истории экономического сотрудничества КНР и Евросоюза.²⁸

Среди факторов, негативно влияющих на реализацию призывов Вэнь Цзябао развивать экономическое сотрудничество между КНР и Индией, известную роль играют и подвижки идеологического порядка. Показательно, что в Индии и на Тайване раздаются голоса об усилении взаимного сотрудничества в научно-технической области в силу тождества их политической природы.

Неофициальные связи между Индией и Тайванем сильны и крепнут. Почему? Перси Фернандес из индийской газеты "Таймс оф Индия" так ответил на этот вопрос: "Потому что Тайвань и Индия разделяют общую религию, а эта религия — демократия". В тон сказанному П.Фернандесом звучат слова председателя совета по кооперации между Тайванем и Индией, бывшего тайваньского премьера Юй Шикуна о том, что поскольку обе страны — демократии, то они разделяют общие ценности, такие как свобода и демократия. Переводя общность политического порядка в сферу хозяйственную, министр экономики Тайваня Морган Хуан указывает, что Тайвань и Индия могут дополнять друг друга в таких секторах, как электроника и информационная технология.²⁹

Несмотря на несовпадение интересов южноазиатских и китайских предпринимателей, Южная Азия остается для руководства КНР неизменной данностью, имеющей для Китая важное геополитическое и геоэкономическое значение. В политическом отношении страны Южной Азии разнятся друг от друга, отличаются они и по уровню контактов с КНР. Это обстоятельство ее руководство будет неизменно учитывать, выстраивая свои отношения с государствами Южной Азии. Обстановка здесь имеет непосредственное отношение к провозглашенной КНР установке — обеспечить стране мир и процветание. Возвращаясь к визиту Вэнь Цзябао в Южную Азию, следует сказать, что он в концентрированной форме явился наглядной демонстрацией того внимания, которое руководство КНР неизменно уделяет южноазиатскому региону. События здесь развиваются стремительно и далеко не всегда в соответствии с расчетами тех, кто планирует внешнюю политику КНР. О практическом ее осуществлении, видимо, следует судить не столько по официальным заявлениям, сколько по конкретным делам. Одно из подтверждений тому — негативная позиция КНР в вопросе о членстве Индии в Совете Безопасности ООН. Вряд ли случайно то обстоятельство, что средства массовой информации КНР воспроизводят заявления официальных лиц Пакистана, стратегического союзника КНР, что Индия не должна занимать места в Совете Безопасности ООН.

1. Синьхуа юебао. № 5. 2005. С. 36.
2. China daily. April 6, 2005.
3. Ibid.
4. Синьхуа юебао. № 5. 2005. С. 28

5. Там же.
6. Salman Bashir, Pakistan ambassador to China. Bilateral relations get on the fast track. — China daily, February 20, 2006.
7. Синьхуа юебао. № 5. 2005. С. 30-31.
8. Там же, С. 29.
9. Там же.
10. Там же.
11. Деятельность Атиши связана не с собственно Китаем, но с Тибетом. Здесь он читал лекции, составлял комментарии к тибетским богословским текстам. В 1964г. пепел Атиши был возвращен в Пакистан, как еще один акт, чтобы укрепить дружбу между Китаем и Пакистаном. См.: Holms Welch Buddhism under Mao. Cambridge Mass. 1972, p.180. В то время, когда имело место это событие, территория будущего государства Бангладеш была частью Пакистана.
12. Синьхуа юебао. № 5. 2005. С. 32-33.
13. Там же, С. 33-34.
14. Там же, С. 35.
15. 1 марта 2005г. министр иностранных дел Ли Чжаосин говорил по телефону со своим коллегой Миан Хуршид Касури. Последний сообщил, как Пакистан готовится к четвертой встрече министров иностранных дел "Диалог об азиатском сотрудничестве", которая должна состояться в Исламабаде в апреле. Ли сказал, что Китай будет рад помочь Пакистану в подготовке встречи. См. China daily. March 2, 2005. Средства массовой информации КНР дают противоречивую информацию относительно того, состоялась ли вышеупомянутая встреча. По сообщению "Синьхуа юебао", после завершения официального визита в Индию Вэнь Цзябао прибыл в Исламабад на открытие 4-й конференции министров иностранных дел "Диалог об Азиатском сотрудничестве. См.: Синьхуа юебао, № 5. 2005. С. 36. Однако по сообщению "Жэньминь жибао" от 13 апреля 2005 г. Вэнь Цзябао 12 апреля вернулся домой.
16. China daily. February 20, 2006.
17. China daily. February 21, 2006.
18. China daily. February 2, 2006.
19. Ibid. June 13, 2005.
20. Ibid. September 7, 2005.
21. Beijing review. 2006, № 2, p.16
22. China daily, April 8-9, 2006.
23. China daily. October 29-30, 2005.
24. Ramtanu Maitra. India "Adopts Chinese model"- with some variations Executive intelligence review. March 3, 2006. vol. 33, № 9, p.56
25. China daily. April 12, 2006.
26. Ibid. April 13, 2006.
27. Ibid. May 1, 2006.
28. Ibid. May 6-7, 2006.
29. Strong business links between India, Taiwan seen as possible cure to debilitating China fever // Taiwan journal. 2006 April 14.

Борьба с коррупцией в Китае: усилия властей и реальная ситуация

© 2006

А. Беляков

Коррупция в современном Китае является одной из главных общественно-политических проблем и основным вызовом успешному проведению политики модернизации Китая.

Китайские исследователи и эксперты в понятие "коррупции" включают явления "неправильного стиля" работы партийных и государственных кадров, а также контрабанду, мошенничество и другие преступления, совершающиеся при поддержке коррумпированных чиновников. При этом китайские политологи отмечают, что такое определение отвечает интересам создания неподкупной администрации.¹

По имеющимся статистическим материалам можно выделить два "коррупционных пика", первый из которых приходится на начало периода реформ и открытости (1980-1983гг), второй — на период реформы цен и существования двухколейной системы цен (т.е. такой системы цен, при которой некоторые виды ресурсов распределялись государством в плановом порядке по ценам, которые зачастую на порядок отличались от рыночных) во второй половине 1987 — второй половине 1989 гг. При этом следует отметить процесс постоянного устойчивого нарастания коррупционных явлений с начала 90-х гг.²

Начальный период реформ и открытости отмечен бурным ростом экономических и хозяйственных преступлений, широким вовлечением в них руководящих кадров. При этом масштабы коррупции оказались намного больше, чем в период кампании "борьбы против 3-х зол" (коррупции, расточительства, бюрократизма) и "борьбы против 5-ти зол" (подкуп работников госаппарата, хищений, уклонения от уплаты налогов, махинаций с государственными заказами, выкрадывания секретной государственной экономической информации). О серьезности данной проблемы говорит факт появления в 1982 году и последующего широкого распространения в партийных документах и выступлениях высшего руководства термина "*фань фубай*" (борьба с разложением). Отметим, что в целом реконструкция событий данного периода в значительной степени умозрительна, поскольку отсутствуют упорядоченные статистические данные по антикоррупционным расследованиям, а также имеет место так называемый "отложенный эффект" антикоррупционной деятельности (в Китае в среднем от момента совершения коррупционного преступления до его раскрытия проходит 6,5 лет)³. Однако в рассматриваемый период отмечен ряд "классических" коррупционных дел, первым из которых стало дело Ян Ибана, заместителя министра химической промышленности КНР (1982).⁴

В целом, в начальный период реформ и открытости китайские чиновники осознали и начали активно использовать новые возможности обогащения,

вытекающие из их служебных полномочий. Очевидно, что в условиях достаточно жесткой разрешительной и плановой системы обвальным рост экономических преступлений, в том числе и с большой суммой нанесенного ущерба, в КНР в начальный этап реформ и открытости был невозможен без соучастия/бездействия государственных чиновников, то есть в нем присутствовала весьма значительная коррупционная составляющая. Комиссии по проверке дисциплины (КПД) и органа государственного контроля в рассматриваемый период находились на этапе организационного и кадрового строительства и являлись недостаточно эффективными.

Период с ноября 1983 по май 1987 является периодом относительной стабилизации коррупционной ситуации. Среди причин стабилизации можно выделить следующие:

- благотворное влияние упорядочения партии и усиления партийного строительства,
- положительный эффект от кампании по борьбе с экономическими преступлениями,
- "отложенный эффект" антикоррупционной деятельности предыдущего периода,
- тот факт, что новые факторы, стимулирующие рост коррупционных явлений, еще не сформировались.

Уже с 1985 года отмечается новый постепенный рост коррупционных явлений. При этом имеются основания говорить о все большей вовлеченности в коррупцию руководителей высокого ранга (например, дело губернатора пров. Цзянси Ни Сяньцэ, раскрытое в мае 1987 года, доказанные эпизоды — с марта 1983 года). Данная ситуация не могла не вызвать беспокойства руководителей страны: Чэнь Юнь в своих выступлениях признал вовлеченность большого числа старых кадров в коррупцию⁵, Дэн Сяопин призвал применять смертную казнь к коррупционерам с целью устрашения. Но в целом данный период являлся периодом относительной стабильности и медленного роста коррупции в Китае.

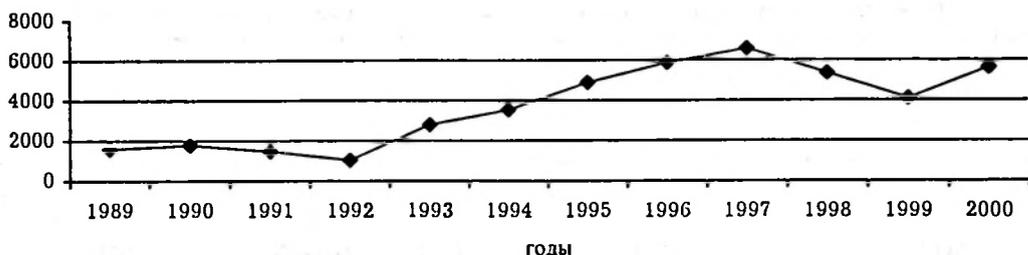
В период 1987-1990, по оценкам китайских исследователей, коррупция в Китае вышла на новую высоту.⁶ Отметим, что события 1989 года и последующее за ними резкое ужесточение антикоррупционных мер сократило число нераскрытых коррупционных преступлений. Основными чертами коррупционной ситуации в Китае в рассматриваемый период явились следующие:

- наличие значительных "черных" финансовых ресурсов в экономике — только в 1989 году из неучтенных, серых фондов предприятий и организаций (*сяо кучэ*) было изъято более 1 млрд юаней.
- Быстрый рост числа дисциплинарных взысканий, наложенных КПД (большая часть из них — за коррупцию).
- Рост должностного положения подвергнутых взысканиям кадров (1985-1986гг — взысканиям подвергнуты 74 руководителя провинциального уровня, а в 1989г — 135 руководителей).⁷
- Рост коррупционных дел, рассмотренных Министерством общественной безопасности (МОБ).

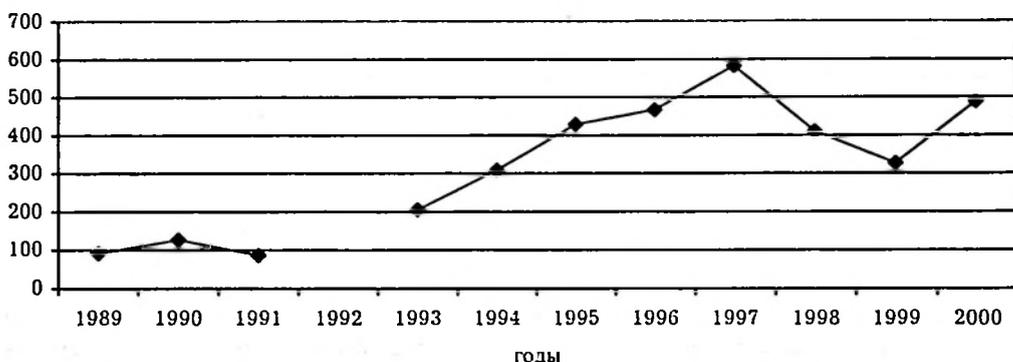
Косвенно о масштабе коррупции свидетельствуют данные о разнице между плановыми и рыночными ценами в Китае в этот период, по некоторым оценкам составляющей около 200 млрд юаней. Иначе говоря, в рассматриваемый период в Китае существует поле для деятельности по "поиску ренты" (деятельность чиновников по реализации по рыночным ценам ресурсов, полученных по государственным ценам и каналам распределения) стоимостью 200 млрд юаней.⁸ Особенно быстро явления коррупции в Китае стали нарастать с зимы 1988 года, когда количество важных и крупных дел о взятках по сравнению с предыдущим кварталом выросло на 50,4%.⁹

В период 90-х гг. статистические данные по коррупции демонстрируют цикличность (период подъема — период спада). По имеющейся информации можно выделить 3 цикла: 1988-1992, 1993-1998 и цикл, начинающийся в 1999 году. Данная циклическая закономерность прослеживается на основе различных статистических данных (материалы ЦКПД, Министерства контроля, материалы расследований, проводимых прокуратурой).¹⁰

Кривая взысканий кадров уездного уровня 1989-2000 гг. (чел.)

Кривая взысканий кадров уровня управлений 1989-2000гг. (чел.)

Необходимо также отметить, что на изменение статистических показателей в рассматриваемый период оказали новшества в антикоррупционной работе в Китае. В частности, некоторое снижение показателей в 1997-1998 году (нисходящая фаза второго цикла) объясняется “передвижением контрольного пункта вперед”, т.е. попыткой перенести тяжесть антикоррупционной работы с расследования крупных и важных дел на искоренение возможностей и предпосылок для коррупции. Хотя это привело к некоторому снижению раскрываемости, однако сделало работу по пресечению коррупции более стабильной и системной.¹¹ Другим важным моментом является произошедшее в 1997 году увеличение имущественных критериев для определения меры наказания коррупционеров. В частности, в 1990 году основаниями для исключения из партии за коррупцию являлись: взятка на сумму 2000 юаней, незаконный доход на сумму 3000 юаней, незаконное использование общественных средств на сумму 2000 юаней. В 1997 году в соответствии с “Правилами дисциплинарных взысканий КПК” (для применения в опытным порядке) исключение из партии предусматривалось за взятку и разложение на сумму более 5000 юаней. При злоупотреблении на меньшую сумму вопрос решали местные партийные органы.¹² Отметим также, что снижение количества коррупционных дел во второй половине 90-х гг. в определенной степени может быть объяснено сужением сферы компетенции прокуратуры по коррупционным делам. Согласно “Постановлению по некоторым вопросам осуществления уголовно-процессуального законо-

дательства", выпущенному ВНС, ВВП, Министерством юстиции, и ПК ВСНП в январе 1998 года, прокуратура не рассматривает дела о коррупции, связанные с уклонением от налогов. В ее компетенции оказываются только те коррупционные действия, которые подпадают под нормы ч.8 УК КНР 1997. Преступные действия, прописанные в ст.163, п.1-2, ст.180, п.1 и ст.164, отнесены к ведению Министерства общественной безопасности. В это же время произошло и увеличение имущественных критериев возбуждения прокурорского расследования.¹³

В целом, если отбросить факторы, искажающие реальные объективные тенденции развития коррупции в 90-е гг. XX века, прослеживается непрерывный устойчивый рост коррупционных явлений, что находит свое отражение в увеличении восходящей фазы и сокращении нисходящей фазы каждого цикла, а также в увеличении амплитуды циклов. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в 90-е гг. происходит нарастание коррупционных явлений в Китае в условиях углубления реформы и ее распространения на новые отрасли. Сокращение длительности нисходящей фазы циклов свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых антикоррупционных мер и кратковременности оказываемого ими воздействия.

В начале XXI века основными тенденциями эволюции коррупционных явлений в Китае являются следующие:

- Сохранение высокого уровня коррупции среди руководителей уездного уровня и выше, вовлечение в коррупцию большого числа лиц.

- Новое качество коррупции на рубеже нового века — повсеместное распространение групповой коррупции и взаимосвязанных коррупционных дел. Характерным примером является дело Ли Чженя (партийный секретарь государственной налоговой инспекции пров. Хэбэй), раскрытое в декабре 2001 года. По результатам этого расследования было возбуждено и успешно завершено в августе 2003 года дело о коррупции Чэнь Вэйгао (председатель ПК СНП пров. Хэбэй).¹⁴

- Рост размеров экономического ущерба от коррупции. Если в начальный период реформ и открытости экономики ущерб колебался от 100 тыс. юаней до 10 млн юаней в исключительных случаях, то в настоящее время ущерб от деятельности коррупционеров зачастую исчисляется десятками миллионов юаней. Характерным примером может служить дело группы коррупционеров во главе с Лян Яохуном. Занимаясь контрабандой автомобилей, преступники получили незаконный доход на сумму более 54 млн юаней. Интересно, что дело Лян Яохуна оказалось тесно переплетено с делом о коррупции Ли Цзичжоу (заместителя министра Общественной безопасности КНР).¹⁵

- Распространение коррупции на новые сферы вслед за углублением реформы: от товарного рынка к рынку факторов производства (фондовый рынок, аренда земли) до новой волны коррупции, ожидающейся одновременно с началом широкомасштабной приватизации госсектора.

- Тенденция неисполнения принимаемых Центром мер и норм по борьбе с коррупцией. Данная тенденция может выражаться как в виде прямого игнорирования распоряжений руководителями на местах, так и в виде тихого саботажа и круговой поруки. Особенно это касается невыполнения решений Центра о контроле со стороны руководителей за деятельностью своих детей и ближайших родственников.

Значимую информацию для характеристики современной коррупционной ситуации в Китае дают материалы 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2006г). В Докладе о работе правительства задача борьбы с коррупцией рассматривается через призму изменения концепции развития Китая, перехода к всестороннему, гармоничному и устойчивому развитию с соблюдением принципа "человек превыше всего". Ставится задача усиления общего руководства

реформой, ее координации на основе единого планирования, большое значение придается работе по обеспечению социальной стабильности.¹⁶

В Докладе подчеркивается важность профилактических мер борьбы с коррупцией, а также отмечается, что в 2006 году основной задачей антикоррупционных мероприятий является борьба с коммерческим взяточничеством (особенно в области размещения госзаказа, землеотвода, строительства, закупке медикаментов и т.д.). Вместе с тем, в Докладе отмечается необходимость усиления контроля и управления госимуществом, а также совершенствования системы ответственности за нанесение ущерба государственным активам. Также говорится о необходимости повышения эффективности работы по сбору и управлению налоговыми поступлениями, упорядочения и сдерживания роста административных расходов.¹⁷

В целом, задачи борьбы с коррупцией и создания неподкупной администрации продолжают находиться в центре внимания правительства. При этом акцент в антикоррупционной работе делается на искоренение условий, вызывающих появление и распространение коррупции.

В Докладах о работе Верховного народного суда (ВНС) и Верховной народной прокуратуры (ВНП) вопросам борьбы с коррупцией уделяется большое внимание. В Докладе о работе ВНС отмечается, что за 2005 год судами различных уровней рассмотрено 24277 дел о коррупции и злоупотреблениях, привлечены к ответственности 1932 чиновника уездного уровня и выше, в том числе 6 кадров провинциального уровня.¹⁸ В докладе Верховной народной прокуратуры приводятся следующие данные. В 2005 году под следствие за взятки, разложение, должностные злоупотребления попали 41447 человек, в суд были переданы дела на 30205 человек. При этом 8490 человек проходили по делам о взятках на сумму более 100 тыс. юаней и растратах на сумму более 1 млн юаней.

Интересным представляются данные о количестве кадров различных уровней, осужденных за коррупцию в 2005 году. Кадры уездного уровня и выше — 2799 человек (в 1991 году — 1470 чел., 1997 г. — 6585 чел., 2000 г. — 5628 чел.), кадры уровня управления (*тин*) — 196 человек (1991 — 87 чел., 1997 г. — 6585 чел., 2000 г. — 488 чел.), кадры провинциального уровня — 8 человек (1991 г. — 7 чел., 1997 г. — 7 чел., 2000 г. — 22 чел.).¹⁹ В Докладе приведены также данные по различным категориям коррупционных дел за 2005 год. В частности, дела о злоупотреблениях в области финансов, образования, энергетики и земельных отношений были возбуждены в отношении 7805 человек, за злоупотребление служебным положением с ответственным привлечены 9117 руководителей госпредприятий, 1930 кадров низового уровня в деревне. За уклонение от исполнения служебных обязанностей к ответственности были привлечены 703 человека (на 14,5% больше, чем в 2004 году). В ходе расследований государству возвращено 7 млрд 400 млн юаней, что на 62,9% больше аналогичного показателя 2004 года.²⁰

Таким образом, можно отметить сокращение числа лиц, привлеченных к ответственности за коррупцию. При этом в целом стабильным на протяжении достаточно длительного периода остается число руководителей провинциального уровня, привлекаемых за коррупцию. Данный факт, по нашему мнению, дает основания полагать, что мероприятия по борьбе с коррупцией в среде провинциальных руководителей в Китае преследуют целью не только борьбу за чистоту рядов руководителей.

По-прежнему актуальным для Китая остается вопрос коррупции в органах суда и юстиции, а также тесно связанный с ним вопрос повышения эффективности и совершенствования процедур их деятельности. ВНП в 2005 году усиливала контроль за заведением дел и следственными процедурами. В результате контрольной и проверочной деятельности выявлено 17940 случаев не-

законного незаведения дел, аннулировано 3737 незаконно заведенных дел по гражданским делам.²¹

В 2005 году ВНС командировал 9 инспекционных групп на места с целью улучшения системы контроля и борьбы со злоупотреблениями в судебной системе. В ходе контрольных мероприятий в отношении 378 работников суда возбуждены дела за злоупотребление служебным положением и коррупцию, что на 18% меньше, чем в 2004 году. В том числе в отношении 66 человек возбуждены уголовные дела (сокращение на 44,7%).²² Однако в целом, как подчеркнуто в Докладе о работе ВНС, в органах юстиции по-прежнему сохраняется проблема коррупции и ненадлежащего ведения дел, отмечается также низкая эффективность и задержки по срокам рассмотрения дел. Вместе с тем, в сфере исполнения судебных решений существует серьезная проблема произвольного смягчения или приостановки действия судебных решений.

Говоря о функционировании судебно-прокурорской системы в Китае невозможно обойти вниманием работу по повышению эффективности и совершенствования юридических процедур деятельности судебно-прокурорских органов. В этой области в 2005 году были достигнуты серьезные успехи. В частности, в результате работы по убеждению проигравшей процесс стороны отозвать обжалование приговора удалось отозвать 73,9% обжалований, что серьезно сократило загруженность судебных органов. Другим важным аспектом явилось усиление компетентности проведения следственных и юридических процедур, в результате чего, например, количество обвинений по делам о должностных преступлениях в 2005 году выросло на 4,4%, количество обвинительных приговоров по данной категории дел выросло на 5,6%, а соотношение числа приговоров по делам о должностных преступлениях к общему числу таких дел выросло на 6,3%.²³

Другим показателем роста эффективности деятельности судебно-прокурорской системы является сокращение числа жалоб на судебные решения, поданных в ВНС и местные суды 2-й инстанции. Количество жалоб в ВНС в 2005 году сократилось на 0,15%, а в местные суды 2-й инстанции — на 5,33%. Как отметили авторы Доклада о работе ВНС, факт сокращения числа жалоб отмечен впервые после устойчивого роста числа жалоб в течение нескольких последних лет.²⁴

В завершение отметим факт принятия в 2005 году "Второй пятилетней программы реформы судебных органов". Важное место в этом документе отводится подготовке квалифицированных кадров для судебных органов, а также на развитие системы судебных заседателей. В области кадрового строительства в 2005 году судебные органы достигли весомых успехов. В частности, были подготовлены 535 руководителей местных судов и 4379 судей. В деятельности судебных органов приняли участие 45697 судебных заседателей.²⁵

В настоящее время имеются основания говорить о некотором сокращении количества коррупционных дел в КНР, но одновременно налицо тенденция к росту ущерба, наносимого коррупционерами. Коррупция в органах юстиции и судебно-прокурорской системе по-прежнему является серьезной проблемой для Китая, однако активная работа по совершенствованию юридических процедур и повышению эффективности судебно-прокурорской системы позволяют надеяться на сокращение коррупции и должностных злоупотреблений в судебно-прокурорских органах и органах юстиции.

В целом, несмотря на определенные успехи в борьбе с коррупцией и разложением в Китае существует весьма большой разрыв между реальной ситуацией и ожиданиями народа и высшего руководства страны.

1. Ван Чуаньли. Гэй фубай хаомай [Измерить пульс коррупции] Пекин. 2004. С. 36.

2. У Пи. Фубай пайлебан юй чжунго фанфубай [Рейтинг коррумпированности и борьба с коррупцией в Китае] // Бэйцзин дасюэ сюэбао, 2002. № 3. С. 52.
3. Ван Чуаньли. Указ. соч. С. 245, 247.
4. Ван Дэин. Цзюэ бу жунской фубай фэенцзы ю цаньшэнь чжиди — тупо да ань яо ань де шицзи сыкао [Ни в коем случае не позволим коррупционерам найти убежище — практика и размышления о раскрытии крупных и важных дел] Пекин. 2001. С. 421.
5. Чэнь Юнь. Бисюй цзючжэнь хуши цзиньшэнь вэньмин цзяншэ ды сяньсян [Необходимо исправить явление игнорирования строительства духовной культуры]. Шиэр да и лай чжуняо вэньсянь сюаньбянь (чяжун). Пекин, 1986. С. 853-854.
6. Чжао Яньлинь, Го Цзюньсю. Чжунго гунчаньдан фань фубай дадянь [Большой словарь по антикоррупционной кампании компартии Китая]. Чанша, 1996. С. 319.
7. По материалам Чжунго цзяньча няньцзянь [Ежегодника Прокуратуры КНР] и Чжунго фалюй няньцзянь [Юридического ежегодника КНР].
8. Ху Хэли. 1988 нянь вогу цзуньцзинь дэ гусуань [прогноз по поиску ренты для КНР в 1988 году] // Цзинцзи шэжуй тичжи бицзяо [Сравнение экономической и социальной модели обществ] Пекин, 1989. № 5.
9. Ван Чуаньли. Гэй фубай хаомай [Измерить пульс коррупции]. Пекин, 2004. С. 173.
10. Там же. С. 269.
11. Чжао Яньлинь, Го Цзюньсю. Чжунго гунчаньдан Фань фубай дадянь [Большой словарь по антикоррупционной кампании компартии Китая]. Чанша, 1996. С. 217.
12. Чжунго гунчаньдан цзилюй чуфэн тяоли (шисин) [Положение о дисциплинарных взысканиях в КПК (в опытном порядке)]. Пекин, 2004.
13. Чжунго цзяньча няньцзянь —1998 [Ежегодник прокуратуры КНР-1998]. Пекин, 1999. С. 41.
14. Фачжи веньцуй бао. 2003. 12 вывгцтв; Фачжи жибао. 2003. 9 сентября.
15. Ван Дэин. Цзюэ бу жунской фубай фэенцзы ю цаньшэнь чжиди — тупо да ань яо ань де шицзи сыкаою [Ни в коем случае не позволим коррупционерам найти убежище — практика и размышления о раскрытии крупных и важных дел]. Пекин, 2001. С.465.
16. Чжэнфу гунцзо баогао [Доклад о работе правительства]. <http://www.dffy.com/fazhixinwen/system/2006/03/19/050304619.shtml>
17. Там же.
18. Цзуй гао жэньмин фаюань гунцзо баогао [Доклад о работе Верховного народного суда]. <http://www.dffy.com/fazhixinwen/sifa/200603/20060319203402-2.htm>
19. Цзуй гао жэньмин цзяньчаюань гунцзо баогао [Доклад о работе Верховной народной прокуратуры] <http://internal.northeast.cn/system/2006/03/19/050304619.shtml>; Ван Чуаньли. Гэй Фубай хаомай [Измерить пульс коррупции]. Пекин, 2004. С.269.
20. Цзуй гао жэньмин цзяньчаюань гунцзо баогао.
21. Там же.
22. Цзуй гао жэньмин фаюань гунцзо баогао.
23. Цзуй гао жэньмин цзяньчаюань гунцзо баогао.
24. Цзуй гао жэньмин фаюань гунцзо баогао.
25. Там же.

К вопросу о ситуации вокруг острова Токто

© 2006

Е. Золотов

Территориальный спор между Японией и Республикой Корея по поводу принадлежности острова (правильнее было бы говорить "островов" или "малого архипелага") Токто является одной из "горячих тем" региональной политики в СВА. Гневные письма и яростные кампании протеста в обеих странах, направление в район Токто подразделений военно-морского флота, однозначные заявления руководства РК, — все это, безусловно, привлекает внимание и заставляет пытаться разобраться в вопросе более детально.

Географические координаты островов Токто (японское название — Такэсима) 131° 52' восточной долготы и 37° 14' северной широты. Это маленький архипелаг, состоящий из двух небольших островов и 33 мелких скал и рифов вокруг них, находящийся в пределах двухсотмильной морской исключительной экономической зоны Республики Корея. Общая территория островов составляет 187453 кв. м. Расстояние между двумя островами составляет 110 — 160 м, глубина пролива между ними 3 — 10 м. То, что Токто — именно архипелаг, весьма важно, так как если одинокая скала в море согласно международному морскому праву может считаться ничейной территорией, на более крупные географические образования это правило не распространяется.

Из-за малой общей территории этот архипелаг чаще всего называют "остров Токто". Помня, что это все-таки не остров, а архипелаг, мы в дальнейшем для простоты изложения тоже будем говорить так.

Ближайшая к Токто суша, находящаяся на расстоянии 89 км от него, — остров Уллындо, и административно Токто входит в состав уезда Уллындо провинции Северная Кенсан.

Ближайшая японская территория — остров Окисима — отстоит от Токто на 160 км.

С 1956 г. на Токто размещается постоянный сторожевой пост морской полиции Республики Корея. Также там расположены маяк, вышка связи, дизельная станция, общежитие со столовой для полицейских и других служащих. Есть также жилое помещение для кратковременного отдыха рыбаков. Там же прописаны рыбаки, ведущие промысел в этих местах.

Япония, да и некоторые наши журналисты, называют Токто спорными территориями. Но факты не оставляют никакого сомнения относительно исторической и юридической принадлежности этого острова в прошлом Корею, а ныне — Республике Корея.

Как свидетельствуют "Исторические записи трех государств" — "Самгук саги" (1145 г.), остров Уллындо и остров Токто, на территории которых находилось одно из мелких корейских королевств под названием Усангук, вошли

в состав государства Силла на тринадцатом году правления вана Чичжына (512 г.)¹, и до самого конца XIX в. Токто называли Усандо.

В сборниках карт, изданных в Корее в XV-XIX вв., Усандо (Токто) всегда изображался рядом с островом Уллындо, причем они имели на этих картах одинаковые размеры. Это карты, включенные в "Истинные записи правления вана Седжона" (1432 г.), в "Обозрение земель Восточного государства" (1481 г.), в "Новое обозрение земель Восточного государства" (1531 г.) и карты 1808 г.

До последнего времени считалось, что первой в Западной Европе картой Кореи была карта, составленная в 1737 г. Ж. Б. Де Анвилем. На ней острова Уллындо и Токто обозначены как территория Кореи и для большей убедительности помещены почти у самых восточных берегов Кореи, причем Токто даже ближе к материковой части Кореи, чем Уллындо.

Недавно профессор Пусанского университета иностранных языков Ким Мун Гиль обнаружил в хранилище географических карт Международного института японской культуры (подразделение Министерства культуры и науки Японии) составленную в 1691 г. знаменитым японским ученым — картографом и специалистом в области буддизма Ю. Исигава "Карту морей, гор и земель". На этой карте северо-восточнее острова Окисима помещен объединяющий острова Уллындо и Токто сдвоенный остров, на котором написано "Хандан"². Так японцы в те времена называли Корею.

Изданная в 1715 г. в Нидерландах географом Лерандом цветная "Карта японской империи" повторяет карту Исигава, в том числе и подтверждая принадлежность островов Уллындо и Токто Корее³.

Во время Имчжинской войны 1592-1998 гг. Уллындо и Токто стали объектами атаки, и дабы избежать поголовного истребления жителей островов, король Кореи издал распоряжение об эвакуации всех их жителей на материк. Острова обезлюдели, и японцы удерживали их за собой почти целое столетие, разрешив секретными указами двум семьям японских рыбаков переехать на жительство, соответственно, в 1618 г. на Уллындо и в 1656 г. на Токто⁴. Следует подчеркнуть, что факт выдачи специального разрешения на переезд на острова является свидетельством того, что эти острова не были японской территорией, ибо такие разрешения выдавались только при выезде за границу.

После окончания Имчжинской войны Корея настойчиво требовала возврата островов. В январе 1696 г. сегунат Токугава подтвердил принадлежность этих островов Корее и аннулировал разрешение японским рыбакам проживать и промышлять в этом районе⁵.

Впервые в официальном документе властей Японии остров Токто упоминается в 1667 г., и в нем указано, что острова Уллындо и Токто принадлежат Корее, и северо-западной границей Японии является остров Окисима⁶. В 1785 г. японский ученый Хаяси Сихей опубликовал карту трех соседних государств, окрасив в разные цвета территории каждого из государств. И на этой карте острова Уллындо и Токто не просто были окрашены в одинаковый с материковой частью Кореи желтый цвет, но было специально записано, что они являются территорией Кореи⁷.

После реставрации Мэйдзи (1868 г.) новое японское руководство после расследования вопроса о принадлежности Уллындо и Токто пришло к выводу об их исторической принадлежности Корее и отметило в 1870 г. это в "Японской дипломатической ноте", которая была опубликована МИДом Японии в 1930 году⁸.

В 1876 г. Департамент внутренних дел Японии издал приказ о создании каждой префектурой карты своей территории и карты регистрации земель, чтобы создать современную карту Японии и карту регистрации земель Японии. Власти префектуры Симанэ запросили Департамент внутренних дел о

том, как быть с островами Уллындо и Токто. Департамент пять месяцев изучал этот вопрос и подтвердил, что эти острова принадлежат Корее, но, учитывая важность этого вопроса, в то же время обратился для окончательного решения этого вопроса к премьер-министру. Премьер-министр рассмотрел все представленные документы и 20 марта 1877 г. тоже подтвердил, что Уллындо и Токто принадлежат Корее. 9 апреля 1877 г. Департамент внутренних дел направил официальное распоряжение префектуре Симанэ об исключении этих двух островов из карты префектуры, поскольку они являются территорией не Японии, а Кореи⁹.

Во второй половине XIX в. Корея стала снова заселять остров Уллындо. В то время больше всего рыбаков туда поехало из самой отсталой в то время части Кореи — провинций юго-запада, которые в Корее именуют Хонам. Когда поселенцы стали заново заселять эти острова, то остров Токто стали называть Тольдо (кор. "каменный остров"), поскольку там скалы, да и постоянного населения там не было. В наречии хонамцев того периода это название звучало как Токто, откуда и закрепилось современное название островов как Токто.

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Япония снова захватила Токто и использовала в военных целях для контроля за прохождением русских судов в этом районе.

После разгрома Японии во Второй мировой войне и освобождения Кореи Союзное военное командование приказом № 667 от 29 января 1946 г. возвратило Корее острова Чечжудо, Уллындо и Токто. В карте, приложенной к этому приказу, остров Токто обозначен как корейская территория под названием "Такэ"¹⁰, а 22 июня 1946 г. издало приказ № 1033, в котором японским рыбакам запрещалось приближаться к острову Токто ближе, чем 12 морских миль, еще раз подтвердив, что остров принадлежит Корее.

В июне 1950 г. силы ООН и командование ВВС США Тихоокеанского региона определили действующую до сих пор зону идентификации защиты воздушного пространства Кореи (KADIZ), и остров Токто включен именно в эту, а не в японскую зону защиты воздушных рубежей (JADIZ).

В этом же году, в период подготовки к Сан-Францисской конференции по Японии с участием Японии было подписано "Соглашение относительно расположения бывших японских территорий" с приложением карт. Токто и там обозначен как корейская территория. Кроме того, в п.3 Соглашения записано, что Корейский полуостров и все корейские острова возвращаются Корее. Здесь же перечислены острова Чечжудо, Комундо, Уллындо и Токто, но уже под названием "Скалы Лянкур"¹¹.

Заметим, что по Сан-Францисскому мирному договору суверенитет Японии был вообще ограничен четырьмя островами (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку). Следовательно, претензии Японии на о. Токто (также как и на Курильские острова или острова Дяюйдао/Сэнкаку) идут вразрез с международными обязательствами Японии по этому договору.

Стоит также обратить внимание на то, что при установлении дипломатических отношений между РК и Японией в 1965 г. ни Япония, ни Южная Корея вопроса о Токто не поднимали, как бы по умолчанию признавая существующий статус-кво в отношении этого острова на тот момент (напоминаю, что с 1956 г. там постоянно находится пост морской полиции РК). Не подняв вопроса о принадлежности Токто и не отразив эту проблему в каких-либо документах, сопровождавших нормализацию отношений с РК, Япония тем самым считала вопрос об острове Токто решенным или несуществующим. Важно: вопрос о принадлежности острова Корее не считался тогда Японией спорным, остров фактически и юридически признавался корейским.

На географических картах, изданных ныне в КНР, КНДР, Франции, Германии, Великобритании, США, Токто отмечен как корейский остров.

Принадлежность Токто Корею подтверждают и объективные японские ученые. Например, Юдзи Носака, профессор отдела японских исследований института Сечжона (г. Сеул) заявил: "Ясно, что Токто принадлежит Корею исторически и законно"¹².

Все это подтверждает заявление президента Республики Корея Но Му Хена от 25 апреля 2006 г. о том, что остров Токто не просто "наша земля, а наша земля, имеющая особое историческое значение"¹³. Таким образом, у японских властей нет ни исторических, ни юридических, ни иных каких-то реальных оснований претендовать на эти территории.

С чего же начался шум вокруг принадлежности Токто? 23 февраля 2005 г. на пресс-конференции в Сеуле японский посол Тосиюки Такано, отвечая на вопрос журналиста, заявил, что "Токто — Такэсима исторически и географически является японской территорией". Масла в огонь подлило решение Законодательного собрания японской префектуры Симанэ объявить 22 февраля Днем борьбы за остров Такэсима, отмечать этот день каждый год и добиваться возвращения "незаконно оккупированных японских земель"¹⁴.

Как известно, Япония — унитарное государство, где высшие органы государственной власти могут отменить любое решение местного органа власти, и это заявление можно было бы счесть частным мнением ряда лиц, но со стороны высших органов власти Японии не последовало никакой реакции на такое провокационное решение местного законодательного органа. Следовательно, акция получила прямое или косвенное одобрение руководства Японии.

В апреле 2006 г. японское правительство напрямую намеревалось заявить свои претензии на остров Токто, решив направить два судна береговой охраны для проведения гидрографического обследования района острова Токто. Это было сделано для того, чтобы подать официальную заявку в международную гидрографическую организацию о присвоении впадине, проходящей между островами Уллындо и Токто, названия "Цусимская впадина", чтобы с помощью такого хода создать впечатление, что остров Токто имеет какое-то отношение к Японии. Решительный протест корейской стороны заставил Японию отказаться от своего намерения.

Одновременно Япония ставит цель помешать Республике Корея подать заявку на присвоение этой впадине названия "впадина Уллындо". Здесь очень важное значение имеет тот факт, кто представит точное гидрографическое описание впадины, и с 3 по 5 июля 2006 г. корейские гидрографы провели работы по исследованию района Токто¹⁵.

Что стоит за такой политикой? Во-первых, прилегающие к Токто воды очень богаты морепродуктами. В районе острова холодное течение с севера пересекается с теплым течением с юга, что создает благоприятные условия для существования морских животных и растений. Согласно статистике, жители ближайшего к Токто корейского острова Уллындо 60% своего улова получают именно в окрестностях Токто.

Напомним, что 200-мильная исключительная экономическая зона Республики Корея отсчитывается к востоку и к югу от острова Уллындо и, естественно, включает в себя остров Токто. Сейчас японские рыбаки ловят рыбу и морепродукты у берегов Токто исключительно по согласованию с Республикой Корея. Сейчас Япония предлагает провести эту границу между островами Уллындо и Токто, явочным порядком пытаясь включить Токто в состав своей территории с целью не только значительно расширить свою рыболовную зону, но и для последующего использования подводных и подземных недр этого региона, в котором, по некоторым предположениям, содержатся запасы около 600

миллионов тонн газового гидрата примерной стоимостью 150 миллиардов долларов¹⁶, а также значительные запасы магнетитов и марганца. Тем более, что в последнее время Республика Корея стала добывать газ у побережья Японского моря, а, следовательно, в этом районе, скорее всего, будут найдены и запасы нефти. И Корея, и Япония практически полностью импортируют энергоносители из-за рубежа и очень нуждаются в таких ресурсах.

“Энергетическая” версия выглядит убедительной причиной начала споров о принадлежности Токто, если бы не одно “но”. Запасы газа были обнаружены недавно, оценка их объема сделана на уровне общих предположений, да и добывать их пока нерентабельно. Но самое главное — Япония выдвигала свои претензии до обнаружения этих запасов. Так что, если газ и оказывает какое-то влияние на территориальный спор, то только второстепенное.

Что же первично? Истоки следует искать в политической линии нынешнего японского руководства, в котором сегодня внешнеполитические ориентиры определяют не карьерные дипломаты, а представители СМИ или политики-назначенцы, которые мало разбираются в современной международной политике. В угоду текущему моменту они активно используют национализм, реваншизм и популизм.

Осенью 2006 г. заканчивается очередной срок пребывания у власти нынешнего премьер-министра Японии Дз. Коидзуми. К этому времени кому-то из политических деятелей, а, возможно, и ему самому, нужно еще раз попытаться активизировать симпатии националистов Японии, чтобы добиться поста премьер-министра.

В этой ситуации повод для разжигания национализма черпается из отношений с Южной Кореей. Устраивать такие провокации или разжигать истерию против России бесполезно, — политическая элита России не потерпит посягательства на суверенитет России в любом проявлении. Чем обернулись попытки Японии “обидеть” Китай, известно по событиям 2004 — 2005 гг. и мощной протестной реакцией КНР. Учитывая сложную внутривластную ситуацию в Республике Корея, Япония посчитала, что РК является слабым звеном среди ее соседей.

Впрочем, о новой волне реваншизма в Японии стоит рассказать подробнее, так как его выразителями, на чаяниях которых пытаются играть политики, является не старое поколение, а молодежь, чье формирование происходило не на фоне экономического роста, а на фоне нынешнего застоя. Это действительно новые люди, свободные из-за смены поколений от груза исторической памяти. Военные преступления Японии для них — давнее прошлое, которое не стоит ворошить, а наказания, которым Япония подверглась после поражения во Второй мировой, воспринимаются ими не как наказания за совершенные японцами военные преступления, а как закономерная участь побежденного. Их идеология, с одной стороны, опирается на национализм, приоритет интересов японской нации над приоритетами международного сообщества, а с другой — на те тенденции, которые можно условно назвать антиглобалистскими, подвергая критике те элементы японского государства и те реформы, которые были проведены по американской указке.

Естественно, реваншисты выступают за возвращение Японии исторически принадлежащих ей, как они считают, территорий, а именно — Курильских островов, архипелага Сэнкаку и островов Токто. При этом важна не столько стратегическая или экономическая ценность спорной территории, сколько сам процесс выдвигания территориальных претензий, который позволяет политикам обрести репутацию стойких борцов за национальные интересы. Не случайно эти действия стоят в одном ряду с демонстративными посещениями премьер-министром Дз. Коидзуми храма Ясукуни, где похоронены казненные

по приговору Токийского трибунала японские военные преступники, или исправлением школьных учебников, в которых замалчиваются черные страницы истории страны.

Впрочем, не следует представлять дело так, что ситуация угрожает войной. Идет вялотекущий (но именно этим и особенно неприятный) процесс, когда политические силы в определенные моменты "вытаскивают" какой-нибудь внешний раздражитель, чтобы обеспечить себе внутреннюю поддержку. По большому счету Японии сейчас не нужно решение проблемы Токто, так как в случае успеха этим политическим силам будет не на чем мобилизовать националистов для поддержки своего курса в дальнейшем¹⁷. Однако в РК опасаются, что на острове Токто реваншисты не остановятся. Вспомним, что в XVI-XVII вв. в Японии название Такешима носил остров Уллындо. Так что, если реваншистам удастся прибрать к своим рукам Токто, Уллындо может оказаться следующим.

Не менее неприятно и то, что указанные выше тенденции не встречают противодействия со стороны США и Запада, поддерживающих Коидзуми как самого проамериканского политика в Японии после Второй мировой войны и автора высказывания: "Чем лучше складываются отношения Японии с Америкой, тем лучше будут складываться отношения Японии со всем миром". У корейских ученых в связи с этим возникает еще одна неприятная аналогия — снисходительное отношение США и Великобритании к японским действиям в Китае в тридцатые-сороковые годы XX века. Тогда оно во многом объяснялось тем, что Запад знал о так называемом плане Танака, по которому захват Манчжурии и Северного Китая являлся предпосылкой становления японского контроля над Советским Дальним Востоком и Сибирью¹⁸. Против кого в таком случае наускивают реваншизм сегодня, особенно с учетом того, что, по мнению ряда российских и китайских экспертов, "феномен Коидзуми" не связан непосредственно с личностью Коидзуми и скорее отражает тенденцию политики японского истеблишмента вообще?

Что делать? Пока территориальные претензии уже встретили быстрый, решительный и единодушный отпор со стороны Кореи. Заявления президента РК Но Му Хена, что Корея "в данном случае никогда не сдастся и не пойдет на уступки, какова бы ни была цена", и о том, что необходимым условием дальнейшего сотрудничества двух стран является пересмотр Японией своего отношения к истории, получили поддержку населения и всех политических партий, в том числе и оппозиционных. КНДР также не только осудила намерения Японии, но и предложила сотрудничество Южной Корее в этом вопросе.

Но отпор такого рода должен быть коллективным. Ведь своими территориальными претензиями к соседним странам Япония игнорирует юридические и политические результаты Второй мировой войны. Как можно после этого доверять заявлениям японских лидеров о мирной политике Японии в Северо-Восточной Азии?

По-видимому, настало время поставить вопрос о координации действий всех стран, к которым Япония имеет территориальные претензии. Может быть, пора создать механизм консультаций между МИД России, КНР, КНДР, Республики Корея по выработке согласованной позиции для отпора японским территориальным претензиям. Правомерен и вопрос о том, а достойна ли Япония места постоянного члена Совета Безопасности ООН до тех пор, пока она не откажется от территориальных претензий к своим соседям и не перестанет оправдывать свои захватнические деяния против азиатских стран во время Второй мировой войны.

Как сказал президент РК Но Му Хен, сейчас от Японии нужны не слова извинений, а конкретные действия, которые показали бы, что она действительно покончила со старым¹⁹.

1. Ким Бу Сик. Самгук саги. [Летописи Силла]. Издание текста, перевод, вступит. статья и комментарии М. Н. Пака. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 384 с. VI, 202, V111 с. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. 1, 1). С. 127.
2. Название "Хандан" — это официальное японское название Кореи периода династии Чосон в XVI-XVII вв.
3. <http://www.chosunilbo.com/national/news/200606/200606180049.html>
4. Точные названия документов: "Разрешение на переезд на остров Такесима (тогдашнее японское название острова Уллындо)", "Разрешение на переезд на Мацусима (тогдашнее японское название острова Токто)".
5. Research history on Korean possession of Docto. Seoul: Docto Institute, 2003. P.126.
6. Investigation on data for possession of Docto, the 1st vol. Seoul, 1988. P.247.
7. A Story of Docto Island, A Korea Territory. Seoul: Docto research and preservation association & Docto Institute, 2005. P. 5.
8. Ibid. p.7.
9. Ibid. p.9.
10. См.: Некоторые территориальные вопросы на Дальнем Востоке и актуальные задачи международного сотрудничества во имя мира. Доклады и выступления на конференции, проведенной в МГУ им. М. В. Ломоносова 23 декабря 2005 г. Под ред. засл. проф. МГУ М. Н. Пака. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Институт стран Азии и Африки; Международный центр корееведения, 2006. С. 23.
11. Дело в том, что европейцы заново открыли для себя остров Токто в январе 1849 г., когда французское китобойное судно "Лянкур" обнаружило не отмеченные в их картах остров. Капитан судна нанес их на карту, дав название своего судна. Отсюда и название этого острова на картах, издаваемых в России.
12. <http://english.yna.co.kr/Engnews/20060611/500100000020060611134158E6.html>
13. Чосон ильбо. 26 апреля 2006 г.
14. <http://www.rg.ru/2005/06/24/korea-ostrov.html>
15. Korea Herald. 6 July 2006.
16. <http://www.rg.ru/2005/06/24/korea-ostrov.html>
17. Курил это тоже касается. Не случайно Япония ответила категорическим отказом от компромиссного предложения по поводу двух Курильских островов. Напрашивается параллель с США, которым также нужно не решение проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, а напряженная ситуация вокруг этой проблемы.
18. См. материал проф. В. Фалина на сайте <http://www.rian.ru/analytics/20060622/49877226.html>
19. Чосон ильбо. 26 апреля 2006 г.

Российский Дальний Восток

Прогноз развития нефтяной и газовой промышленности в России и перспективы формирования новых направлений экспорта энергоносителей

© 2006

А. Коржубаев

1. Глобальная ситуация и позиция Правительства России

Анализ и прогноз развития российской и международной системы энергообеспечения указывают на дальнейшее увеличение в ближайшие десятилетия мирового потребления энергетических ресурсов, прежде всего — углеводородов. В региональном плане наиболее быстро спрос на нефть и газ будет возрастать в странах АТР, главным образом в Китае, Индии, Индонезии, Филиппинах. Вместе с тем в глобальном масштабе остается лишь несколько крупных сырьевых баз углеводородов, за счет которых возможно удовлетворение перспективных энергетических потребностей. Это — политически нестабильные Ближний Восток и Африка, экономически и технологически труднодоступные и геологически слабо изученные шельфы арктических морей, а также Север Западной Сибири (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) и территория Сибирской платформы (Иркутская область, объединенный Красноярский край, Республика Саха). Существуют также возможности значительного увеличения добычи нефти и газа на шельфе Дальневосточных морей (о-ва Сахалин и др.). Из перспективных источников энергетического сырья к самым быстрорастущим и емким рынкам АТР, прежде всего к Китаю, наиболее приближены Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

В июне 2002 г. Правительство РФ утвердило "Стратегию экономического развития Сибири". В ней подчеркнута "необходимость создания новых центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири". В Стратегии уделено особое внимание развитию транспортных коммуникаций. "Сооружение магистральных нефте- и газопроводов "Запад — Восток" экспортного направления, — сказано в ней, — будет способствовать развитию топливно-энергетического комплекса в Восточно-Сибирском регионе и на Дальнем Востоке, позволит решить важ-

нейшие стратегические задачи, связанные с выходом на перспективный рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона”.

В августе 2003 г. Правительство РФ утвердило “Энергетическую стратегию России до 2020 г.”. Стратегия предусматривает повышение роли восточных районов в нефтяной и газовой промышленности России, диверсификацию экспорта с выходом на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона. Предполагается, что основой формирования новых крупных центров нефтяной и газовой промышленности на востоке страны, обеспечения внутренних потребностей этих регионов и организации долгосрочных поставок нефти и газа в АТР, в частности в Китай, будут месторождения Западной Сибири, Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). На базе месторождений шельфа острова Сахалин будет сформирована еще одна крупная система нефтегазообеспечения, преимущественно экспортной ориентации.

2. Перспективы добычи нефти в России и экспорта в Китай

Согласно Энергетической стратегии России, долгосрочное развитие нефтяной промышленности страны предполагает решение следующих основных задач: 1) рациональное использование разведанных запасов нефти, обеспечение расширенного воспроизводства сырьевой базы нефтедобывающей промышленности; 2) ресурсо- и энергосбережение, сокращение потерь на всех стадиях технологического процесса при подготовке запасов, добыче, транспорте и переработке нефти; 3) углубление переработки нефти, комплексное извлечение и использование всех ценных попутных и растворенных компонентов; 4) формирование и развитие новых крупных центров добычи нефти, в первую очередь в восточных районах России и на шельфе арктических и дальневосточных морей; 5) расширение присутствия российских нефтяных компаний на зарубежных рынках, приобретение перерабатывающей и сбытовой инфраструктуры в странах — реципиентах; 6) расширение участия российских нефтяных компаний в зарубежных добывающих и транспортных активах, прежде всего в странах СНГ, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Основным источником поставок нефти из России в Китай, особенно на первом этапе, будет крупнейший нефтедобывающий регион страны — Западная Сибирь. В связи с этим особую значимость приобретает прогноз добычи нефти в России с детализацией по всем макрорегионам с позиции обеспечения поставок на внутренний рынок, экспорта в традиционном западном и новом восточном направлениях.

Перспективные уровни добычи нефти в России будут определяться в основном уровнем мировых цен, объемом внутреннего спроса, уровнем развития транспортной инфраструктуры, налоговыми условиями и научно-техническими достижениями в разведке и разработке месторождений, а также качеством разведанной сырьевой базы. Нижний уровень цен на нефть будет определяться уровнем издержек на месторождениях в крупных регионах добычи с замыкающими затратами, а верхний — издержками для возможного массового производства альтернативных нефти моторных топлив.

Мировая цена будет формироваться в зависимости от темпов развития мировой экономики, интенсивности внедрения нефtezамещающих энергоисточников, предложения нефти на мировых рынках и транспортных возможностей ее доставки к местам потребления. При прогнозировании цены на нефть учитывалось влияние различных политических, экономических и технологических факторов, оказывающих воздействие на формирование рыночной конъюнктуры на мировом рынке нефти.

Наиболее высокий уровень международных цен на нефть сохранится примерно до 2010-2012 гг., хотя тенденция к снижению цен должна обозна-

читься уже в 2006-2007 гг. Это связано с инерционностью технологических систем нефтепотребления, которые сейчас используются в развитых странах и продолжают массово внедряться в Китае и других странах АТР. К 2010-2012 г. в развивающихся странах произойдет технологическое насыщение традиционным моторным транспортом, поэтому глобальный рост спроса на нефть замедлится. Это приведет к снижению цен на нее до уровня 40-45 долл./барр., что с учетом инфляции доллара соответствует современным 35-40 долл./барр.

В этих условиях в России в целом продолжится рост добычи нефти, хотя его темп в Западной Сибири замедлится, а в Европейской части страны снизятся и абсолютные показатели. Годовая добыча нефти в стране может быть доведена в 2010 г. до 500 млн т, в 2020 г. — до 550 млн т, в 2030 г. — до 600 млн т, добыча в Западной Сибири составит в эти же годы 344,5, 350 и 355 млн т, соответственно (табл. 1). В Западной Сибири при стабилизации и постепенном снижении добычи нефти в Ханты-Мансийском автономном округе будет происходить ее рост на севере этого макрорегиона — в Ямало-Ненецком автономном округе.

Таблица 1

**Прогноз добычи нефти с газовым конденсатом в России до 2030 г.
по макрорегионам, млн т**

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	344,5	345,0	350,0	351,0	355,0
в т. ч. ЯНАО	55,0	60,0	65,0	70,0	80,0
ХМАО	265,0	260,0	260,0	256,0	250,0
Томская область	15,0	15,0	15,0	15,0	15,0
Юг Тюменской области	6,2	7,5	7,5	7,5	7,5
Новосибирская область	1,8	1,5	1,5	1,5	1,5
Омская область	1,5	1,0	1,0	1,0	1,0
Европейская часть	120,0	115,0	110,0	106,4	100,0
Восточная Сибирь и Республика Саха	12,5	42,0	60,0	70,0	110,0
Дальний Восток (Сахалин)	23,0	25,0	30,0	32,6	35,0
Россия, всего	500,0	527,0	550,0	560,0	600,0

Примечание: Все четыре таблицы подготовлены автором (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А.Трофимчука в 2006 г.).

В последние годы в российском секторе Каспийского моря выявлен и подготовлен детальными работами к глубокому бурению ряд нефтегазоносных структур, выявлено и подлежит дальнейшему изучению большое количество неантиклинальных объектов, в том числе высокоперспективные ловушки рифового типа, открыто 5 месторождений. В соответствии с долгосрочной программой геологоразведочных работ к 2010 г. в районе планируется прирастить запасы нефти и конденсата в количестве 348 млн т. Это позволит к 2015 г. добывать в российском секторе Каспийского моря не менее 8 млн т, а к 2020 г. — до 20 млн т нефти и конденсата. Освоение Северо-Каспийской и Тимано-Печорской нефтегазоносных провинций позволит в перспективе стабилизировать добычу нефти в Европейской части страны до 140-150 млн т в год.

Кроме того, произойдет увеличение добычи нефти российскими компаниями за рубежом, прежде всего в странах Каспийского региона — Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане. Из этих стран также возможны поставки нефти российскими операторами в АТР, прежде всего в Китай. Здесь лидерами будут выступать «ЛУКОЙЛ», «Газпром» (включая активы «Сибнефти»), «Роснефть».

В перспективе крупнейшим источником экспорта нефти из России в Китай и другие страны АТР станет Восточная Сибирь и Дальний Восток. Нефти рассматриваемых регионов отличаются высоким качеством, превосходящим по основным параметрам российский экспортный стандарт Ugals. Это в основном легкие и низкосернистые сорта. Большая часть запасов нефти Восточной Сибири и Дальнего Востока имеет плотность менее 0,87 г/см³ и содержание серы менее 0,5%.

К 2010 г. добыча нефти в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) может достичь 12—13 млн т. В этот период ожидается начало промышленной разработки Талаканского, Юрубчено-Тохомского, Куюмбинского месторождений, будут организованы поставки конденсата с Ковыктинского месторождения. На шельфе о. Сахалин будет завершён ввод в эксплуатацию производственных объектов проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2", что позволит довести суммарную добычу в Сахалинской области до 23 млн т. В дальнейшем при проведении активной государственной политики в области недропользования и лицензирования недр, резком расширении ГРП, развитии перерабатывающей и транспортной инфраструктуры добыча нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (с учетом добычи на острове Сахалин и его шельфе) может быть к 2020 г. доведена до 90 млн т, а к 2030 г. — до 145 млн т.

На шельфе о-ва Сахалин будет сформирована новая крупная система нефтеобеспечения и расширены экспортные поставки в Китай, Южную Корею, Индию, Японию, Филиппины, другие страны АТР, а также на тихоокеанское побережье США. Кроме того, планируется увеличить загрузку сахалинской нефтью Комсомольского НПЗ. Поставки на Хабаровский НПЗ, вероятно, будут организованы с месторождений Республики Саха. В настоящее время уровень загрузки производственных мощностей Комсомольского НПЗ составляет чуть более 70%, Хабаровского — менее 60%. Доля сырья, поставляемого на эти заводы из Западной Сибири, — свыше 80 и 100%, соответственно.

К 2010 г., с учетом прогноза добычи и переработки нефти в России с детализацией по макрорегионам, экспорта в западном направлении, поставок на НПЗ Восточной Сибири и Дальнего Востока, ежегодный экспорт сырой нефти из России в страны АТР может достичь 44 млн т, в том числе из Западной Сибири — 20 млн т, из Восточной Сибири и Республики Саха — 6 млн т, с Сахалина — 18 млн т (табл. 2). К 2020 г. экспорт нефти составит около 95 млн т в год, к 2030 г. — 120 млн т в год.

Таблица 2

Прогноз экспорта нефти и нефтепродуктов из России в АТР до 2030 г., млн т

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
<i>Сырая нефть</i>					
Западная Сибирь	20	30	35	35	30
Восточная Сибирь и Республика Саха	6	20	35	45	55
Сахалинская область	18	20	25	27	35
Всего	44	70	95	107	120
в том числе в Китай	32	50	61	65	70
<i>Нефтепродукты</i>					
Всего	9	10,2	11,5	11,8	12
в том числе в Китай	8,5	9,7	11	11,3	11,5
<i>Нефть и нефтепродукты</i>					
Итого нефть и нефтепродукты	53	80,2	106,5	118,8	132
в том числе в Китай	40,5	59,7	72	76,3	81,5

Экспорт сырой нефти из России в Китай (включая транзит через Казахстан) возрастет с 8,5 млн т в 2005 г. до 32 млн т в 2010 г., свыше 60 млн т — в 2020 г., 70 млн т — в 2030 г.

Экспорт нефтепродуктов в АТР (в основном в Китай, Монголию, Японию) будет эффективен с НПЗ, находящихся в приграничных районах либо недалеко от портов (Ангарск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре). Объем экспорта, при условии значительного повышения качества продукции, может быть доведен до 12 млн т в год, в том числе в Китай до 11,5 млн т. Поставки будут осуществляться железнодорожным, морским и речным транспортом.

Ежегодный экспорт сжиженных углеводородных газов (СУГ) в страны АТР может достигнуть уже к 2015 г. 1,0 млн т, в том числе в Китай — не менее 800 тыс. т. Представляется целесообразным в контрактах на поставку сырья на экспорт предусматривать обязательства по закупкам в России соответствующих объемов продуктов переработки нефти и химии нефти.

3. Перспективы добычи природного газа в России и экспорта в Китай

В рамках Энергетической стратегии России до 2020 г. стратегическими целями развития газовой промышленности являются: 1) стабильное, бесперебойное и экономически эффективное удовлетворение внутреннего и внешнего спроса на газ; 2) развитие действующей Единой системы газоснабжения страны (ЕСГ) и ее расширение на Восток России; 3) совершенствование организационной структуры газовой отрасли с целью повышения экономических результатов ее деятельности и формирования либерализованного рынка газа; 4) обеспечение стабильных поступлений в доходную часть государственного бюджета и стимулирование спроса на продукцию сопряженных отраслей (металлургии, машиностроения и др.); 5) обеспечение экономических интересов России в Европе и сопредельных государствах, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северной Америке.

Состояние и перспективы увеличения разведанных запасов газа при наличии соответствующих инвестиций и благоприятной ситуации на внутреннем и внешнем рынках газа позволяют довести добычу газа в 2010 году до 681 млрд м³, в 2020 г. — до 890 млрд м³, в 2030 г. — до 910 млрд м³ в год с последующим поддержанием на этом уровне за счет ввода месторождений, прогнозируемых к открытию (табл. 3). Это позволяет удовлетворить внутренние потребности страны, обеспечить увеличение поставок в Европу, сформировать новые крупные экспортные направления — Китай и другие страны АТР, а также США.

Таблица 3

Прогноз добычи газа в России до 2030 г. по макрорегионам, млрд м³

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	610	630	670	670	670
в том числе ЯНАО	570	590	634	634	635
ХМАО	33	32	28	28	27
Томская область	7	8	8	8	8
Европейская часть	40	52	80	88	90
Восточная Сибирь и Республика Саха	11	85	115	117	120
Дальний Восток (Сахалин)	20	23	25	30	30
Россия, всего	681	790	890	905	910

Главными источниками поставок газа из России в АТР, прежде всего в Китай, будут месторождения Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Добыча газа в Западной Сибири может быть доведена до 670 млрд м³ в год, в Восточной Сибири — до 120 млрд м³ в год, на Дальнем Востоке — до 30 млрд м³ в год. При развитии газовой промышленности Восточной Сибири и Республики Саха следует учитывать высокое содержание в природных газах этого региона таких элементов, как этан, пропан, бутаны и конденсат. Ежегодная добыча гелия в Восточной Сибири и Республике Саха может быть доведена к 2020 г. до 135—150 млн м³ в год. При освоении газовых месторождений Лено-Тунгусской провинции необходимо предусмотреть строительство заводов по выделению гелия и его хранилищ.

Экспорт сжиженного природного газа (СПГ) с месторождений Сахалина в АТР может начаться уже в 2007 г., а к 2010 г. объем добычи и поставок СПГ в рамках проекта “Сахалин-2” может быть доведен до 9,6 млн т, или 13,4 млрд м³ в пересчете на исходное вещество (табл. 4). Ожидается, что после 2010 г. может быть реализован проект поставок сетевого газа из Ковыктинского месторождения в Китай и Корею, а после 2015 г. может начаться экспорт из других крупнейших месторождений Восточной Сибири и Республики Саха. В это же время возможно начало экспорта сетевого газа в рамках проекта “Сахалин-1”.

Таблица 4

Прогноз экспорта газа из России в АТР до 2030 г., млрд м³

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	0	15	30	40	60
Восточная Сибирь и Республика Саха	0	30	60	82	82
Сахалинская область	13,4	13,4	18	20	23
Всего	13,4	58,4	108	142	165
в том числе в Китай	5	40	78	102	125

К 2012—2015 гг. по мере роста спроса на газ в Китае, в том числе в качестве моторного топлива, будет организован экспорт газа в восточном направлении из Западной Сибири. Ежегодный объем поставок газа из Западной Сибири в Китай, может быть доведен к 2020 г. до 40 млрд м³, а к 2030 г. — до 60 млрд м³. После удовлетворения внутренних потребностей экспорт газа из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и шельфа острова Сахалин в АТР может быть доведен к 2020 г. до 78 млрд м³ в год, к 2030 г. — до 145 млрд м³ в год.

4. Развитие системы нефте- и газопроводов на востоке России

Фактором, сдерживающим расширение экспорта энергоносителей в Китай и другие страны АТР, является отсутствие эффективной системы транспорта нефти и газа, прежде всего магистральных нефте- и газопроводов.

Россия располагает развитой сетью нефте- и газопроводов в Западной Сибири и Европейской части, однако на востоке страны в настоящее время система магистральных нефтепроводов АК “Транснефть” заканчивается в районе Ангарска (Иркутская область), Единая Система газоснабжения ОАО “Газпром” — в районе Проскоково (Кемеровская область).

Экспорт сырой нефти с о. Сахалин и его шельфа осуществляется в основном через порты Хабаровского и Приморского краев (Де Кастри, Находка), а также с производственно-добывающего комплекса “Витязь” в Охотском море. Поставки нефти из Западной Сибири в Китай ведутся по железной дороге через Наушки и Забайкальск, а также транзитом через Казахстан по действующему нефтепроводу Омск — Павлодар — Атасу и далее по железной дороге

до Алашанькоу, Душаньцзе. С середины 2006 г. транзитные поставки через Казахстан осуществляются по новому нефтепроводу Атасу — Алашанькоу.

Экспорт нефтепродуктов в Китай и другие страны АТР осуществляется в основном с Ангарского, Хабаровского и Комсомольского НПЗ железнодорожным транспортом и через порты Приморского и Хабаровского краев (Владивосток, Находка, Славянка, Ванино, Большой камень и др.). Оптовые поставки сжиженных углеводородных газов (СУГ) потребителям в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и на экспорт также осуществляются по железной дороге.

Для организации крупных поставок нефти и газа российским потребителям и на экспорт в Китай и другие страны АТР в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке необходимо формирование системы сверхдальнего трубопроводного транспорта, строительство заводов по переработке и сжижению природного газа, создание инфраструктуры для отгрузки нефти, нефтепродуктов, СПГ и конденсата.

Первоочередными нефтетранспортными проектами являются: строящийся в настоящее время магистральный нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан по маршруту Тайшет — Сковородино — бухта Перевозная (Находка, Ванино) с отводом на Китай в районе Сковородино (по маршруту Сковородино — Дацин); подводящие нефтепроводы Талакан-Вехнечонская зона нефтегазонакопления (ТВЗ) — Усть-Кут, Юрубчено-Тохомская зона нефтегазонакопления (ЮТЗ) — Пойма. Планируется также строительство в Усть-Куте крупного нефтеналивного железнодорожного терминала. В результате с использованием системы нефтепроводов и железной дороги будет сформирован новый канал для поставок в восточном направлении как западносибирской, так и восточносибирской нефти.

Для экспорта нефти в Западные районы Китая (СУАР) необходимо провести реконструкцию с увеличением пропускной способности нефтепровода Омск — Павлодар — Атасу. В настоящее время завершено строительство нефтепровода от Атасу в Казахстане до Алашанкоу в Китае, протяженностью 980 км и начальной ежегодной пропускной способностью 10 млн т. Нефтепровод будет продлен до НПЗ Синьцзян—Уйгурского автономного района и во внутренние провинции КНР, а его мощность может быть увеличена до 30 млн т.

При формировании на востоке России новой системы газопроводов целесообразно провести газификацию юга Восточной Сибири, включая Забайкалье, соединение с восточносибирской системы с ЕСГ. Это предполагает строительство газопроводов: Ковыктинское месторождение — Саянск — Ангарск, Иркутск — Улан-Уде — Чита, Чаяндинское месторождение — Ковыктинское месторождение, Ковыктинское месторождение — Иркутск — Проскоково. Для экспорта в восточном направлении на первом этапе возможно использование БАМа и Транссиба, что предполагает строительство заводов по сжижению природного и углеводородных газов и ж. д. терминалов по отгрузке СПГ и СУГ в Усть-Куте и Ангарске. После 2010 г., по мере наращивания объемов добычи газа в Восточной Сибири и Республике Саха и развития инфраструктуры газообеспечения в Восточной Азии, должно быть принято окончательное решение о строительстве экспортных газопроводов. Здесь экономически наиболее эффективным представляется маршрут: Чита — Забайкальск — Харбин — Далянь — Пекин, Пьентек (Pyeontaek) — Сеул.

В период до 2010 г. будет происходить интенсивное наращивание поставок нефти и газа с о-ва Сахалин. На первом этапе не интегрированные в восточносибирскую систему нефтегазообеспечения проекты поставок нефти и газа с месторождений шельфа о-ва Сахалин должны обеспечивать газификацию Сахалинской области и Хабаровского края, загрузку Комсомольского и Хабаровского НПЗ, экспортные поставки. Будет построен новый нефтепровод Северный Сахалин — порт Де Кастри, реализованы нефте- и газопроводные про-

екты: (1) Северный Сахалин — Южный Сахалин со строительством на юге острова завода по сжижению газа и терминалов по отгрузке СПГ и нефти, (2) Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск. В дальнейшем эти проекты могут быть соединены с системами нефте- и газопроводов Восточная Сибирь — Дальний Восток в районе Хабаровска.

В перспективе через территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока в Японию, Корею, северо-восточные районы Китая, западные районы США могут быть организованы поставки газа из Западной Сибири с отгрузкой СПГ в портах Тихого океана. Экспорт СПГ из месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа будет проводиться с использованием Северного морского пути.

Поставки трубопроводного газа в западные районы Китая могут осуществляться уже с 2012-2015 гг. через территорию Алтайского края и Республики Алтай с подключением к транскитайскому газопроводу Запад — Восток. Это предполагает продолжение строящегося газопровода Барнаул — Бийск — Горно-Алтайск в направлении Кош-Агач — Канас — Бурчун — Карамай — Урумчи. В дальнейшем по мере наращивания поставок необходимо строительство дополнительных ниток газопровода в транспортном коридоре Уренгой — Сургут — Кузбасс — Алтай — Китай.

5. Условия и механизмы создания новых крупных центров НГК на востоке страны

Для достижения намеченных целей развития НГК востока страны необходимо выполнение следующих условий:

- государство, нефтегазовые и энергетические компании должны осуществлять крупные капитальные вложения в создание объектов транспортной и энергетической инфраструктуры;

- следует резко увеличить финансирование геолого-разведочных работ (в том числе региональных работ за счет федерального бюджета) в районах предполагаемого прохождения нефте- и газопроводов, что повысит инвестиционную привлекательность освоения уже открытых месторождений, позволит расширить количество объектов лицензирования;

- необходимо последовательное сокращение разрыва между внутрироссийскими и международными ценами на нефть, нефтепродукты и газ за вычетом транспортной составляющей и таможенного тарифа.

6. Выводы

1. В ближайшие десятилетия мировое потребление энергетических ресурсов, прежде всего углеводородов будет возрастать. В региональном плане наиболее быстро спрос на нефть и газ будет увеличиваться в странах АТР, главным образом в Китае, Индии, Индонезии, Филиппинах.

2. В мире остается лишь несколько крупных сырьевых баз углеводородов, за счет которых возможно удовлетворение перспективных энергетических потребностей. Это — Ближний Восток, Африка, Север Западной Сибири (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) и территория Сибирской платформы (Иркутская область, объединенный Красноярский край, Республика Саха). Из перспективных источников энергетического сырья к самым быстрорастущим и емким рынкам АТР, прежде всего к Китаю, наиболее приближены Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

3. Наиболее высокий уровень международных цен на нефть сохранится примерно до 2010-2012 гг., хотя тенденция к снижению цен может обозначиться уже в 2006-2007 гг. В дальнейшем в развивающихся странах произойдет технологическое насыщение традиционным моторным транспортом, поэтому

глобальный рост спроса на нефть скорее всего замедлится. Это может привести к снижению цен на нее до уровня 40-45 долл./барр., что с учетом инфляции доллара соответствует современным 35-40 долл./барр.

4. Годовая добыча нефти в России может быть доведена в 2010 г. до 500 млн т, в 2020 г. — до 550 млн т, в 2030 г. — до 600 млн т. К 2010 г. ежегодный экспорт сырой нефти из России в страны АТР может достичь 44 млн т, к 2020 г. — 95 млн т, к 2030 г. — 120 млн т. Экспорт сырой нефти из России в Китай (включая транзит через Казахстан) возрастет с 8,5 млн т в 2005 г. до 32 млн т в 2010 г., свыше 60 млн т — в 2020 г., 70 млн т — в 2030 г. Экспорт нефтепродуктов может быть доведен до 12 млн т в год, в том числе в Китай до 11,5 млн т. Поставки будут осуществляться железнодорожным, морским и речным транспортом. Ежегодный экспорт сжиженных углеводородных газов (СУГ) в страны АТР может достигнуть уже к 2015 г. 1,0 млн т, в том числе в Китай — не менее 800 тыс. т.

5. Состояние и перспективы увеличения разведанных запасов газа при наличии соответствующих инвестиций и благоприятной ситуации на внутреннем и внешнем рынках газа позволяют довести добычу газа в 2010 г. до 681 млрд м³, в 2020 г. — до 890 млрд м³, в 2030 г. — до 910 млрд м³ в год. Экспорт газа из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и шельфа острова Сахалин в АТР может быть доведен к 2020 г. до 78 млрд м³ в год, к 2030 г. — до 145 млрд м³ в год.

6. Первоочередными нефтетранспортными проектами являются: строящийся в настоящее время магистральный нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан по маршруту Тайшет — Сковородино — бухта Перевозная (Находка, Ванино) с отводом на Китай в районе Сковородино (по маршруту Сковородино — Дацин); подводные нефтепроводы Талакан-Вехнечонская зона нефтегазонакопления (ТВЗ) — Усть-Кут, Юрубчено-Тохомская зона нефтегазонакопления (ЮТЗ) — Пойма. Для экспорта нефти в Западные районы Китая (СУАР) необходимо провести реконструкцию с увеличением пропускной способности нефтепровода Омск — Павлодар — Атасу.

7. Развитие системы транспорта газа предполагает строительство газопроводов: Ковыктинское месторождение — Саянск — Ангарск, Иркутск — Улан-Уде — Чита, Чаяндинское месторождение — Ковыктинское месторождение, Ковыктинское месторождение — Иркутск — Проскоково. После 2010 г. — строительство экспортного газопровода: Чита — Забайкальск — Харбин — Далянь — Пекин, Пьентек (Pyeongtaek) — Сеул. Поставки трубопроводного газа в западные районы Китая могут осуществляться из ЕСГ уже с 2012-2015 гг. через территорию Алтайского края и Республики Алтай с подключением к транскитайскому газопроводу Запад — Восток. Это предполагает продолжение строящегося газопровода Барнаул — Бийск — Горно-Алтайск в направлении Кош-Агач — Канас — Бурчун — Карамай — Урумчи. В дальнейшем по мере наращивания поставок необходимо строительство дополнительных ниток газопровода в транспортном коридоре Уренгой — Сургут — Кузбасс — Алтай — Китай.

8. Условиями развития нефтяной и газовой промышленности на востоке России и организации крупномасштабных поставок газа в Китай являются: 1) опережающие капитальные вложения в создание объектов транспортной и энергетической инфраструктуры; 2) расширение геологоразведочных работ; 3) сближение внутрироссийских и международных цен на нефть, нефтепродукты и газ.

Проблемы сохранения и устойчивого использования водных ресурсов сельского хозяйства КНР

© 2006

Е. Кранина

В начале XXI в. в самой многонаселенной и стремительно развивающейся стране мира — Китайской Народной Республике — наряду с огромными успехами в области социально-экономического развития остается нерешенной проблема высоких затрат природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, ухудшения экологической ситуации. Все острее чувствуется нехватка пресной воды, земли, энергии и полезных ископаемых. Широкое использование угля вызывает выпадение кислотных осадков, особенно на севере, истощение грунтовых вод ставит под вопрос возможность проживания и ведения сельского хозяйства на отдельных территориях. Опустошительные наводнения, происходящие из-за вырубки лесов и эрозии почвы, случаются намного чаще, чем это предполагает естественный цикл крупнейших рек Китая, вызывая большие человеческие жертвы.

В Китае, где проживает 22% населения Земли, площадь пашни составляет всего 7% общемировых сельскохозяйственных угодий, из расчета на душу населения менее 0,095 га, т.е. в 3,3 раза меньше, чем в среднем в мире (площадь лесов меньше среднемировой в 7,5; лугов — в 3 раза).¹ Обширное опустынивание, деградация сокращают сельскохозяйственные земли каждый год еще на многие гектары. Причины — засоление земли в результате орошения, эрозия, вызванная чрезмерным выпасом и обезлесением, и сокращения биологического разнообразия. Общая площадь эрозированных земель — 37,1% территории страны, опустыненных — 18,2%.² Прогнозируется что в ближайшие 20 лет полностью будет потеряно 10% обрабатываемых земель и подвергнется эрозии основной массив их. При росте населения за этот же период предположительно на 300-400 млн человек это может иметь весьма серьезные последствия.³

Проблема охраны и устойчивого использования водных ресурсов сельского хозяйства официально признана важной задачей государственной экологической политики КНР и вошла в число самых приоритетных, но ее решение не успевает за быстроразвивающейся экономикой страны. Дефицит и загрязнение воды ведет к непредсказуемым катаклизмам, неизвестным ранее болез-

ням, эпидемиям, ухудшению качества воды, пищи и жизни людей. К 2030 г., когда число жителей страны может возрасти до 1,6 млрд, объем водных ресурсов в среднем на душу населения уменьшится до 1700 м³, (общепризнанной международной нормы водного дефицита) — Китаю предстоит столкнуться со значительным водным кризисом.⁴

Большинство сельских районов КНР страдает от крайне неравномерно распределения осадков по территории, сочетании частых наводнений с засухами и плохой водной экологии. В Центральном, Северном и Восточном Китае бурный экономический рост чрезвычайно обостряет противоречия между потребностями в воде и водоснабжением. Многие мелкие реки и озера здесь обмелели, местами поверхность заболочена, воды загрязнены промышленными отходами, истощены запасы подземных вод. Крестьяне занимаются малопродуктивным трудом на засушливых землях, либо вообще отказываются от сельского труда. Ввиду невозможности обеспечить орошение полей предпочитают бросать землю или отказываться от практики получения двух урожаев в год. Сокращается сбор основных зерновых культур: пшеницы, риса и кукурузы. Создается угроза для здоровья людей, дальнейшему экономическому и социальному развитию региона. Отсутствие гарантированных прав землепользования также является серьезным препятствием на пути повышения продуктивности сельского хозяйства и рационального использования земельных ресурсов. В стране уже насчитывается более 40 млн крестьян, чьи земли частично или полностью использованы в иных целях. Проблема их социального обеспечения становится все более актуальной и сказывается на социальной стабильности страны.

В настоящее время в сфере управления водными ресурсами КНР наметился качественный сдвиг. Программа строительства "новой социалистической деревни" содержит современные водохозяйственные стратегии, рациональную научную систему водопользования. Особенное внимание правительство уделяет семи рекам, от которых, как подтверждает история, всегда исходила наибольшая опасность: Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ, Хайхэ, Чжуцзян, Ляохэ и Сунхуа. В нижнем и среднем течении этих "непредсказуемых" рек проживает около половины населения страны, находится треть пахотных земель и производится около 70% промышленной и сельскохозяйственной продукции.

На долю бассейна реки Янцзы приходится четыре пятых водных ресурсов страны, и лишь одна пятая достается Северному Китаю, где расположены две трети пахотных земель. Две главные реки Китая — Янцзы и Хуанхэ — почти равны по длине. Однако годовой сток Янцзы составляет 500 млрд м³, а реки Хуанхэ — всего 50 млрд м³.⁵ Около 2 тыс. озер, питающих реку Хуанхе уже практически высохли.

В настоящее время ежегодный расход воды в Китае составляет 560 млрд м³, при этом наблюдается острейшая конкурентная борьба между отраслями народного хозяйства за водные ресурсы. Сельскохозяйственные затраты являются самыми значительными. Только на производство одной тонны пшеницы в Китае уходит одна тысяча тонн воды. Однако, если еще двадцать лет назад на нужды сельского хозяйства расходовалось 82% гидроресурсов, то в настоящее время, по данным Всемирного банка, — только 66%. Орошением обеспечено 50 млн га сельхозугодий Китая или лишь примерно 40% общей площади пашни.⁶

По официальным данным, дефицит воды сельскохозяйственного назначения оценивается около 30 млрд м³ в год. Большая часть воды, используемая для орошения, теряется впустую, коэффициент эффективного водопользования составляет только 40% (в некоторых развитых странах этот показатель достигает 80%). Что касается личных нужд, на долю жителей деревень (а это

основная масса населения) приходится 6,8%. В 2000 г. началась реализация проекта водоснабжения сельских населенных пунктов, в настоящее время на эти цели израсходовано 24,3 млрд юней (3 млрд долл.). В 2006 г. вложения из центрального бюджета в объекты по снабжению питьевой водой на селе будут увеличены в 2 раза по сравнению с 2005 г. Планируется к 2010 г. обеспечить 60% сельских населенных пунктов водопроводной сетью и полностью завершить проект в 2020 г.⁷

По наблюдениям гидрологов КНР, отбор грунтовых вод в количествах, превышающих способность природы возобновлять их объем, широко распространены в большинстве сельских районов Китая. В пределах Северо-Китайской равнины, производящей почти 40% зерновых, уровень грунтовых вод опускается за последние пять лет в среднем на 1,5 м в год, а в некоторых районах — на 1—3 м. Колодцы часто пересыхают полностью. В северных районах, где создано больше всего ирригационных систем, расширяются посевы культур, требующих обильного орошения (рис, пшеница, кукуруза), что приводит к стремительному истощению гидроресурсов. На юге некоторые реки мелеют настолько сильно, что вода уже не доходит до моря. Более того, истощаются подземные источники, образуются пустоты, оседает земля. В засушливых приморских районах под землей все чаще встречается соленая вода. Нередко для ирригационных систем качают воду с 400-метровой глубины.

Экономические последствия обезвоживания трудно переоценить. Падение эффективности земледелия и скотоводства в этих районах означает новую волну нищенствующих переселенцев из деревень в города. Обеспечение их работой потребует усиленной индустриализации, а промышленность — все новых запасов воды. Такой порочный круг угрожает властям КНР.⁸

Самый наглядный пример процесса обезвоживания — состояние реки Хуанхэ (Желтой). С 1982 г. река пересыхает ежегодно, причем безводный период с каждым разом увеличивается. А ведь на этой территории выращивают до 1/5 пшеницы и 1/7 кукурузы КНР. Система ирригации в провинции Шаньдун наполовину зависит от реки — ее пересыхание сократило урожай зерновых на 2,7 млн т, которых хватило бы, чтобы прокормить 9 млн человек.⁹

Все реки внутреннего стока КНР (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Ганьсу, Цинхай, Тибетском автономном районе) вместе с водой тающих ледников и подземными водами в состоянии дать не более 5% годового стока страны. На Западе большие территории занимают пустыни Гоби и Такла-Макан. Количество годовых атмосферных осадков в городах СУАР колеблется от 295 мм в Урумчи до 21 мм в городе Турфан. Естественно, что земледелие здесь невозможно без искусственного орошения, причем необходимо большое количество питьевой воды для населения и скота, а также технической воды для развития нефтегазодобычи.

При этом для сельскохозяйственных угодий Западного Китая характерны большие масштабы засоления почв даже в оазисах, опустынивание. Большая часть воды, используемая для орошения, теряется впустую. В связи с этим Министерство сельского хозяйства КНР в 1999 г. начало реализацию специальной программы по сбережению воды для засушливых районов. Крестьяне призывают покупать пластиковые трубы, строить оросительные каналы с бетонным дном, чтобы избежать потерь воды от просачивания, использовать водосберегающие дождевальные установки. В самых засушливых северо-восточных сельских районах создаются системы хранения дождевой воды из подземных цистерн. При этом правительство компенсирует часть трат на приобретение гидротехнического оборудования.

Предусматривается также изменение структуры сельского хозяйства, выращивание новых видов культур с большой урожайностью и низкой потреб-

ностью в воде, внедрение новых влагосберегающих методов обработки почвы, устройство террасированных полей, для контроля стока талых и дождевых осадков. В северных районах отказываются от практики получения двух урожаев в год. Если раньше в районе Пекина в течение одного сезона выращивали озимую пшеницу, затем кукурузу, то сейчас из-за нехватки воды выбирают только одну культуру.¹⁰ Крестьян побуждают переключаться на более прибыльные фрукты и овощи, отказавшись от относительно дешевых зерновых; шире возделывать сорго и хлопчатник вместо требующих гораздо больше воды кукурузы и риса. Изменение структуры сельского хозяйства коснется и внешней торговли. Предполагается, что может увеличиться экспорт овощей и фруктов, но при этом придется импортировать пшеницу, кукурузу и сою из-за рубежа.¹¹

В разработке мероприятий по рациональному использованию водных ресурсов в Китае ключевая роль отведена строительству самого большого гидротехнического комплекса в мире — “Три ущелья”. В мае 2006 г. полностью завершено строительство плотины. Комплекс должен решить целый ряд экологических, экономических и социальных проблем. Он расположен в одном из наиболее геологически и климатически сложных районов страны. На устранение и предупреждение геологических бедствий управление земельных и природных ресурсов Китая выделило 10 млрд юаней, или 1,25 млрд долл.¹²

Гидротехнический узел должен устранить угрозу катастрофических наводнений в среднем и нижнем течении реки Янцзы: перераспределить энергетические ресурсы страны, перебросить электричество из Западного Китая в Восточный, а также создать единую общегосударственную систему. ГЭС “Санься” позволит ежегодно экономить 50 млн тонн угля, уменьшить выбросы углекислого газа на 100 млн т, двуокиси серы — на 2 млн т, угарного газа на 10 тыс. т, а также большого объема промышленных отходов, что, можно надеяться, сыграет важную роль в смягчении ситуации с загрязнением окружающей среды и уменьшении количества кислотных дождей в Китае и сопредельных странах. Гидроузел является также противопаводковым объектом. Предполагается улучшить условия судоходства на реке Янцзы, по водным путям которой совершается три четверти всех речных грузоперевозок.¹³ Одна из главных задач строительства комплекса — “водами Юга оросить Север”. Планируется по трем трассам перебросить из реки Янцзы в реку Хуанхэ 45 млрд м³ воды, или 9% годового стока реки Янцзы. Это позволит покончить с засухами на Севере Китая.¹⁴

Проект в основном решает проблему обеспечения водой северных провинций, но не касается запада и северо-запада. Кроме того, вода в водохранилище слишком дорогая и грязная из-за большего содержания в ней промышленных отходов и речных отложений. Объем сточных вод в реку Янцзы превышает 1,2 млрд т в год. Вокруг водохранилища преобладают промышленные ландшафты, разрушается прибрежная полоса и происходит сползание берегов, продолжается сброс мусора, топливных и иных отходов. Вода загрязняется азотными удобрениями, соединениями тяжелых металлов и ядовитых веществ. Необдуманное осушение болот, уничтожение естественных ареалов обитания наземных животных и птиц, рыб создало опасность утраты биотического разнообразия окружающей среды.¹⁵

В связи с этим в районе водохранилища предполагается строительство более мощных и надежных очистительных систем. Ведется борьба с загрязнением выше по течению реки Янцзы. На эти программы выделено в общей сложности 40 млрд юаней (5 млрд долл.). К настоящему времени затрачено более 20 млрд юаней (2,5 млрд долл.).¹⁶ Программы должны обеспечить стабильность качества воды. Кроме того, вложено свыше 9,8 млрд юаней (1,2 млрд долл.) в реализацию 30 проектов водоочистки, создание 16 станций по утилизации от-

ходов и 75 пунктов мониторинга сброса сточных вод и состояния атмосферы. В районе ведутся лесонасаждения, введен особый контроль в бассейне серьезно загрязненного озера Тайху.¹⁷ К 2010 г. коэффициент лесного покрова в районе бассейна реки Янцзы планируется поднять с сегодняшних 19,4 до 53,9%, благодаря чему объем попадающих в воду песка и отложений должен ежегодно снижаться более чем на 6 млн т.¹⁸

Проблему нехватки воды на Севере Китая удастся, по всей вероятности, решить с помощью переброски части вод реки Янцзы, однако в борьбе с засушливостью западных районов Китая это вряд ли поможет. Дефицит воды в западных провинциях может быть уменьшен за счет повышенного водозабора рек, берущих свое начало в Китае, либо протекающих по его границе и текущих в дальнейшем по территории Казахстана и России. Многие реки, начинающиеся в Китае, в среднем и нижнем течении протекают по территории Казахстана. Из существующих в Казахстане шести гидроэкологических районов два — Балхаш-Алакольский и Иртышский — связаны с Китаем теснейшим образом. 54% притока озера Балхаш зависят от Китая, если Китай увеличит водозабор со своей территории на 10-15%, озеро, вероятней всего, начнет высыхать.¹⁹ Сейчас по Черному Иртышу из КНР в Казахстан поступает 5,0 км³ в год. Учитывая, что в маловодные годы сток Иртыша в Казахстане падает до 4,5 млрд км³, дополнительный забор воды может привести к самым серьезным экологическим и экономическим последствиям.²⁰ Для российских областей ниже по течению Иртыша это представляет определенные проблемы, так как весной не затопливаются сельскохозяйственные угодья, страдает рыбное хозяйство, не обеспечиваются судоходные глубины, и т.д.

В большинстве районов КНР по химическим и микробиологическим показателям поверхностные водоисточники относятся к 5-му классу. Причина одна — продолжающийся сброс неочищенных и недостаточно очищенных хозяйственных и производственных стоков, общий объем которых в 2005 г. составил 64 млрд т.²¹ Технологии очистки устарели, для воды характерна повышенная жесткость, наличие железа и соединений группы аммония, резкое падение содержания кислорода. На отдельных территориях регистрируется загрязнение воды бором, марганцем, нефтепродуктами, фенолом, хлоридами, сульфатами. Население пьет воду с повышенным содержанием фтора, мышьяка, вредных солей.

По общей площади рыбных промыслов — 281 млн га Китай занимает первое место в мире. Но в результате загрязнения воды и видоизменения среды обитания в основных рыбных промысловых районах сокращается продуктивность, уменьшается вес особей и ухудшается качество ценных промысловых видов рыб. 70% промыслов подвергаются либо предельной, либо запретной эксплуатации. Для предотвращения ухудшения экологической среды создаются водные заповедники. Так в 2005 г. начато строительство заповедника “Саньцзяньюань”. Он расположен на Цинхай-Тибетском нагорье, у истока трех рек — Янцзы, Хуанхэ и Ланьцан (этот район еще называют “водонапорной башней Китая”). В заповеднике сконцентрировано множество биологических видов, его строительство окажет важное влияние на климат и защиту природных лугов, лесов и заболоченных земель, позволит сдерживать ухудшение экологической среды в районе.

В рамках 11-й пятилетки предусмотрена реализация 2130 проектов по борьбе с загрязнением воды в наиболее важных озерах и реках страны: в бассейнах рек Хуайхэ, Хайхэ, Ляохэ, озер Тайху, Чаоху, Дяньчи и в районе Санься (Три ущелья) на реке Янцзы. Из них 260 осуществляются в рамках проекта переброса вод с юга на север.²² В 2005-2006 гг. Китай и Россия будут вести совместный контроль за экологическим состоянием сильно загрязненных пограничных рек — Хэйлунцзян (Амур) и Уссури. 30-31 мая 2006 г. в Пекине

состоялось первое заседание китайско-российского координационного комитета по совместному мониторингу состояния трансграничных водных объектов. 31 мая в Пекине Государственное управление по охране окружающей среды КНР и Министерство природных ресурсов РФ в целях охраны и рационального использования трансграничных водных артерий подписали "План совместного мониторинга состояния трансграничных водных объектов". Согласно документу, начиная с 2007 г. в течении четырех лет Китай и Россия будут совместно контролировать экологическое состояние рек Аргунь, Хэйлуцзян (Амур), Усури, Суйфэньхэ и озера Ханка.²³

В 11 й пятилетке предусмотрено строительство ряда комплексов по обработке сточных вод, будут поставлены под контроль новые источники загрязнения, уменьшены объемы выбрасывания терригенных загрязняющих веществ. Расширяется техническая реконструкция и работы по комплексной утилизации газообразных, жидких и твердых отходов. Методы экономического воздействия сочетаются с жесткими административными мерами. Сельские предприятия, серьезно загрязняющие окружающую среду, подвергаются упорядочению, закрываются, объединяются с другими, переводятся на выпуск иной продукции или в установленные сроки перемещаются в другие районы.²⁴

Проект обработки сточных вод включает две части — строительство очистных заводов и реконструкцию канализационной сети. Для реконструкции канализационной сети, "служившей" свыше 50 лет, выделено более 40,5 млрд юаней (5 млрд долл.).²⁵ Для превращения процесса очистки сточных вод в выгодную отрасль создана специальная система оплаты за их обработку в пользу соответствующих предприятий. Объем китайского рынка по очистке сточных вод оценивается свыше 500 млрд юаней (62 млрд долл.).²⁶

В результате развернутой кампании по экономии и очистки воды уровень очистки сточных вод в 2006 г. составляет 45, 67%, к концу 11-й пятилетки его планируется поднять до 60% , а в административных и туристических центрах — до 70%. Правительство планирует вложить в ближайшие годы 243 млрд юаней (30 млрд долл.) в системы очистки воды, стимулирует участие зарубежного капитала в строительстве и эксплуатации систем водоснабжения и сооружений по очистке сточных вод.²⁷ Китай — одна из немногих стран мира, успешно освоивших передовые технологии опреснения морской воды, они используются и для очистки воды. Правительство присвоило ресурсам морской воды статус стратегических и включило работу по развитию технологий опреснения в XI пятилетний план развития народного хозяйства.²⁸

Руководство КНР, придавая серьезное значение охране водных ресурсов и ирригационному строительству, поддерживает активное международное сотрудничество, изучает и заимствует положительный опыт и передовые технологии других стран в данной сфере. Созданный в 1992 г. "Фонд глобальной защиты окружающей среды", весьма эффективно содействует продвижению мер по охране водных ресурсов, предоставляя Китаю эффективное финансовое и техническое содействие. Всемирный Банк вместе с Государственным управлением по делам охраны окружающей среды КНР подготовил два доклада: "О стратегии Китая в охране окружающей среды" и "Чистая вода и синее небо: взгляд на окружающую среду Китая в XXI веке". Эти труды явились вкладом в стимулирование продолжительного развития окружающей среды и водных ресурсов. Всемирный Банк оказал помощь кредитами в реализации 24 проектов, направленных на охрану окружающей среды и водных ресурсов.²⁹

В сфере управления водными ресурсами КНР наметился качественный сдвиг, выработаны новые водохозяйственные стратегии, нацеленные на сохранение ресурсов пресной воды для нужд сельского хозяйства, повышенное внимание уделяется увеличению эффективности водопотребления. Для достиже-

ния баланса водоснабжения разрабатывается рациональная научная система водопользования на государственном и местном уровнях. В сельском хозяйстве проводится "голубая революция", цель которой в увеличении отдачи сельхозпроизводства на единицу расходуемых водных ресурсов, использование культур с меньшим потреблением воды, освоение водосберегающих методов полива, в частности капельной ирригации. В энергетике идет сдвиг в пользу источников, также требующих меньших расходов воды.³⁰

Руководство КНР прилагает усилия, чтобы остановить снижение плодородия пахотных земель, сведение лесов, пастбищ, сокращение площадей сенокосных угодий, ухудшение условий жизнеобеспечения и здоровья населения. Серьезное внимание уделяется сохранению биологического разнообразия в природе. Достижения в области биотехнологии оказывают помощь сельскому хозяйству страны в плане обеспечения засухоустойчивыми и солеустойчивыми сортами, а также устойчивыми к вредителям.³¹

Важные задачи совершенствования государственной экологической политики в деревне поставлены в докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва. Была отмечена необходимость усиления охраны национальных ресурсов и окружающей среды и экологического строительства. С учетом многочисленности населения и ограниченности площади пахотных земель планируется осуществлять самый строгий в мире контроль за пахотными угодьями. Продолжать реализацию важнейших экологических проектов, включая охрану природных лесных ресурсов, борьбу с эрозией почвы, борьбу с песчаными бурями в зоне Пекина и Тяньцзиня, экологическое строительство и охрану окружающей среды заповедников в истоках рек Янцзы, Хуанхэ и Ланьцанцзян, строительство зон озеленения в районе водохранилища Санься. Увеличивать динамику борьбы с загрязнением воды в таких ключевых бассейнах, морских акваториях и зонах крупных объектов, как бассейны трех рек (Хуайхэ, Хайхэ, Ляохэ) и трех озер (Тайху, Чаоху, Дяньчи), зона Бохайского залива, район водохранилища Санься, объекты по переброске вод южных рек на север. Всемерно обеспечивать качество источников питьевой воды. Главные задачи ближайшей и долгосрочной перспективы — дать народу возможность пить чистую воду, дышать чистым воздухом, работать и жить в условиях более хорошей окружающей среды. Только срочное принятие решительных и крупномасштабных мер способно устранить грозящую опасность.³²

- 1 <http://russian.china.org.cn/russian/202254.htm>
- 2 <http://www.mb.ec.gc.ca/english/life/migbirds/avianb/references/ab150.html>
- 3 <http://www.zhb.gov.cn/english/index.php3>; <http://www.zhb.gov.cn/english/index.php> // http://w3.iprolink.ch/iunclib/themes/ramsar/about_poyang.html
- 4 http://russian.people.com.cn/200612/12/rus20061212_85330.html
- 5 http://russian.people.com.cn/200608/25/rus20060825_79398.html
- 6 Angang Hu and Ping Zou. China's Population Development // Beijing. PRC: China's Science and Technology Press. 2005. P. 56.
- 7 <http://www.wws.princeton.edu/cgibin/byteserv.prl/-ota/disk2/2006/8510/851005.pdf>.
8 <http://www.allchina.ru/html>
- 9 Zhang H. Issues in China's Water Resources // Proceeding of International Workshop on barriers to sustainable management of water quantity and quality. 12—15 May 2005. Wuhan, 2005. P.9.
- 10 Wu. X. Ching. N/D. Wastewater Improvement Project in China. 2005. P.34.
- 11 Yangbo C. Three Gorges Project and the sustainable development of regional economy // I b i d.; Changming L. et al. Water problem strategy for China's 21st century. Beijing. 2005. P.15.
- 12 http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-05/16/content_254046.htm
- 13 http://english.peopledaily.com.cn/200603/14/eng20610314_65036.html

- 14 <http://www.rich.ru/material/6248/>
- 15 <http://russian.china.org.cn/russian/198966.htm>
- 16 SEPA 2005 Report on the State of the Environment in China. // <http://www.zhb.gov.cn/english/SOE/soechina2005/english/2-preface.htm>.
- 17 <http://russian.china.org.cn/russian/198966.htm>
- 18 <http://russian.china.org.cn/russian/200686.htm>
- 19 Крестьянские ведомости. 2006.12 марта.
- 20 Крестьянские ведомости. 2006.04 апреля.
- 21 Крестьянские ведомости. 2006.12 марта.
- 22 Агентство Синьхуа. 2006.23 марта.
- 23 Жэньминь жибао. 2006. 05 января.
- 24 <http://russian.china.org.cn/russian/198938.htm>
- 25 Жэньминь жибао.2006.14 февраля.
- 26 Жэньминь жибао.2006.11 января.
- 27 <http://www.ntovari.nnov.ru/2006/04/47.html>
- 28 <http://www.china.org.cn/russian/163397.htm>
- 29 Anonymous.2005. China-Wastewater Treatment Technology // American Online.
- 30 Агентство Синьхуа. 2006.04 апреля.
- 31 Агентство Синьхуа. 2006.24 марта.
- 32 Вэнь Цзябао. Доклад о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва // Агентство Синьхуа. 2006.5 марта.

Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР

© 2006

П. Кочкин

В настоящее время Социалистическая Республика Вьетнам и Китайская Народная Республика — две наиболее динамично развивающиеся страны не только в регионе Восточной Азии, но и в мире. В контексте ускорения региональной интеграции в Восточно-Азиатском регионе (ВАР), большой интерес представляет изучение их торгово-экономических отношений. Укрепление связей Вьетнама с Китаем является важнейшей гарантией не только развития экономики двух стран, но и сохранения мира и региональной безопасности.

Автором поставлена задача — дать комплексный анализ торгово-экономических отношений двух стран, опираясь на количественные методы анализа инвестиционного климата, зависимости экономик СРВ и КНР от внешней торговли, а также некоторых стимулирующих факторов двусторонних отношений в рамках свободного рынка стран Юго-Восточной Азии и Восточно-Азиатского региона в целом.

Вьетнам и Китай связывает продолжительная история очень непростых взаимоотношений, географическая близость, схожесть культур и менталитета и многие другие факторы. Успешная китайская экономическая реформа, ее теория и практика стали объектами пристального внимания со стороны вьетнамского руководства, которое постоянно использует уроки Китая в деле формирования рыночной экономики.

При оценке взаимоотношений Вьетнама и Китая не стоит забывать, что во второй половине XX века отношения между двумя социалистическими странами развивались достаточно неравномерно, что было вызвано многими причинами¹.

С ухудшением отношений между СССР и КНР стали натянутыми и отношения между Вьетнамом и Китаем. Так как Ханой все больше и больше сближался с Москвой, китайско-вьетнамские отношения заметно осложнились, что вылилось в краткосрочный, но довольно жестокий военный конфликт в 1979 году. Подписанный СРВ 3 ноября 1978 года Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР Китай трактовал как направленный против Китая и Камбоджи, а ввод вьетнамских войск в последнюю 25 декабря 1978 года — как военную интервенцию против дружественного Китаю правительства Пол Пота².

Однако с началом трансформации экономических моделей двух стран КНР и СРВ стали сближаться. В 1991 году отношения были официально нормализованы и сейчас успешно развиваются. Хотя и в настоящее время существует ряд проблем — в основном они связаны с территориальными спорами вокруг архипелага Спратли (Чьюнгда).

Другим важнейшим событием современной истории Юго-Восточной Азии начала 1990-х гг. следует считать завершение многолетнего разделения региона на две противостоящие друг другу группировки. Стремительный переход шестерки стран АСЕАН и трех государств Индокитая от конфликта к сотрудничеству внес резкое изменение в конфигурацию сил в регионе, а присоединение стран Индокитая к АСЕАН сформировало единую региональную политико-экономическую систему.

Согласно заявлениям официальных лиц СРВ, она вступила в АСЕАН в 1995 году для того, чтобы “ускорить свой экономический рост, добиться более ощутимого прогресса в социальной сфере, культурного развития в регионе, активно сотрудничать со странами региона в вопросах, представляющих взаимный интерес в области экономики, культуры, техники и управления”³.

Еще в самом начале “политики обновления” Вьетнаму пришлось переориентировать свои внешнеэкономические и внешнеполитические связи с СССР и стран СЭВ на географически более близкие страны, прежде всего в своем регионе. Характерно, в какой последовательности во внешнеполитических документах Вьетнама той поры (1989 год) расставлены приоритеты: страны АСЕАН, Лаос и Камбоджа (которые тогда, как и сам Вьетнам, не входили в эту ассоциацию), Китай, Япония, ЕС, США, Индия, Россия и другие страны бывшего СССР и т.д. В этом перечне еще заметны некоторые политические пристрастия руководства Вьетнама. Лаос и Камбоджа, например, занимают неоправданно высокое, с экономической точки зрения, место в перечне 1989 года, а США — низкое.

В настоящее время приоритеты Вьетнама во внешнеэкономической политике изменились, доказательством чему может служить обнародование министерством торговли СРВ списка важнейших для Вьетнама рынков на 2004 год. Первые места в нем заняли США, ЕС, Япония, Китай, Россия и другие. Это говорит о том, что внешнеэкономическая политика Вьетнама стала более прагматичной, ориентированной, в первую очередь, на потенциальные объемы рынков для экспорта своих товаров и импорта высокотехнологичной продукции.

Вьетнамское руководство хорошо понимает необходимость повышения эффективности экспортно-импортной деятельности. Именно за счет внешней торговли создается значительная часть национального богатства и обеспечивается интеграция в мировую экономику. Поэтому в настоящее время правительство проводит ряд соответствующих мер в рамках “Стратегии развития экспортно-импортной деятельности Вьетнама в 2001-2010 гг.”, в которой предусматривается:

1. ограничение ввоза товаров, производство которых уже налажено или планируется в скором времени наладить внутри страны (мотоциклы, мопеды, цемент, горюче-смазочные материалы, бумажная продукция, сталь и т.д.);

2. предпочтение импорту высокотехнологичного перерабатывающего оборудования, новейших технологий, машин, оборудования для создания потенциала по производству новых экспортных товаров и материалов;

3. решение проблемы нефтеперерабатывающей базы (15% внешней торговли составляет экспорт сырой нефти и импорт нефтепродуктов).

Понятно, что АСЕАН, не упомянутая в списке важнейших для Вьетнама рынков, также остается приоритетным партнером, но, вследствие вступления в АСЕАН и присоединения к Зоне Свободной Торговли АСЕАН (АФТА), у СРВ не осталось препятствий для дальнейшего проникновения на этот рынок.

По правительственным данным, объем товарооборота между странами АСЕАН и Вьетнамом в 2004 году составил более 11 млрд долл. США³. Правительство Вьетнама заявляет, что уделяет очень большое внимание расширению экономического сотрудничества с АСЕАН, а также подчеркивает стремле-

ние СРВ к выполнению всех обязательств по инвестициям, расширению рынков, развитию региональных отношений и интеграции⁶. Вьетнам уже опубликовал список товаров, импорт которых из стран АСЕАН будет облагаться льготной налоговой ставкой. В свою очередь, страны АСЕАН активно поддерживают Вьетнам в его стремлении вступить в ВТО.

Правительство СРВ планировало, что Вьетнам будет принят в ВТО на Министерской конференции ВТО в Гонконге в декабре 2005 года. Вьетнам начал проводить двусторонние и многосторонние переговоры по вступлению в ВТО в июле 1998 года, когда двадцать семь стран предложили СРВ начать обсуждение условий доступа на рынок товаров и услуг.⁷

По мнению заместителя Министра торговли СРВ Чыонг Динь Туйена, в силу серьезных разногласий с некоторыми партнерами по переговорам, цель Вьетнама по вступлению в ВТО до конца 2005 г. оказалась недостижима. По его словам, требования о допуске иностранных компаний в металлургическую и нефтяную отрасль, о разрешении зарубежным предприятиям проводить импортно-экспортные операции, об отмене ограничений на импорт табака и поддержанных автомобилей для Вьетнама абсолютно неприемлемы⁸.

СРВ не удалось присоединиться к ВТО в 2005 году, однако, скорее всего, страна станет членом Организации на следующей министерской конференции в 2007 году, так как уже закончила переговоры почти со всеми странами-членами этой организации.

В своих отношениях с Китаем, Вьетнам, с некоторых пор, начинает позиционировать себя не только как отдельное независимое государство, но и как член АСЕАН. Это и понятно: выстраивать свои отношения с такой державой, как Китай, легче в составе сильного и влиятельного регионального объединения. Экономическая мощь АСЕАН более или менее сопоставима с китайской (население — более 550 млн человек, совокупный ВВП — 700 млрд долл США)⁹.

Существенно, что Вьетнам, являясь сопредседателем рабочей группы АСЕАН — Китай, выступает координатором АСЕАН по работе с такими важными партнерами ассоциации, как Япония, Новая Зеландия и Россия. Что касается России, то ее экономические связи с Вьетнамом налаживаются. РФ стремится резко увеличить объем товарооборота как с Вьетнамом, так и с Китаем, что вполне осуществимо. Роль России в торгово-экономических отношениях с СРВ, конечно, не велика (23-е место среди импортеров вьетнамской продукции и 12-е место среди экспортеров, торговый оборот — 1019 млн долларов США¹⁰). Но, тем не менее, Россия, как совладелец двух крупнейших компаний на территории СРВ по добыче нефти и каучука — “ВьетРосПетро” и “Винарутекс”, являясь серьезным импортером вьетнамского риса и чая и важным поставщиком автомобилей, минеральных удобрений и стали, — пока еще может иметь определенные возможности для влияния на отношения Вьетнама с Китаем и АСЕАН.

СРВ ведет успешный диалог со странами СВА. Вьетнамское руководство отстаивает идею развертывания взаимодействия АСЕАН с Китаем, Японией и Республикой Корея (АСЕАН +3), что считается эффективным механизмом для налаживания как краткосрочного, так и долгосрочного сотрудничества в Восточно-Азиатском регионе¹¹.

Несомненно, одна из главных предпосылок для полной экономической региональной интеграции в ВАР — либерализация внутрирегиональной торговли, к которой сейчас и стремятся страны региона. Темпы роста внутрирегиональной торговли стран Восточной Азии в 1990-е гг. постоянно превышали аналогичный показатель для внешней торговли этих стран в целом, что свидетельствует о нарастании интенсивности их контактов в этой сфере. Это было в

равной степени характерно как для их экспортных поставок в страны Восточной Азии, так и для импорта из них. При этом легко просматривается кардинальное изменение темпов роста в 1995-1999 гг. по сравнению с 1990-1994 гг. Во втором пятилетии, под воздействием резкого ухудшения общеэкономической и, особенно, финансовой обстановки в регионе, темпы роста оборота внутрирегиональной торговли сократились в 3,3 раза, что превышает аналогичный показатель для внешней торговли в целом (2,3 раза)¹². В настоящий момент темпы роста торговли внутри региона заметно выросли. Это связано как с общим мировым экономическим ростом в целом, так и с ростом экономики в Восточной Азии. В 2004 году именно этот регион стал самым динамично развивающимся в мире. Средние темпы роста составили 7,2%. Внутрирегиональный торговый оборот за период 2001-2004 гг. вырос в 2,7 раза. Тем не менее, в 2005 году, по оценкам Всемирного Банка, темпы экономического роста в регионе несколько снизились (до 6,8%), что объясняется последствиями крупных природных катаклизмов конца 2004 — начала 2005 года¹³.

Это свидетельствует, с одной стороны, о большей уязвимости внутрирегионального товарооборота по сравнению с другими сегментами внешнеторгового оборота стран Восточной Азии в целом. С другой — о слабой связи между политическими декларациями о намерениях расширить взаимную торговлю, количество которых заметно возросло именно во второй половине 1990-х гг., и фактическим положением в данной сфере в этот период¹⁴.

Однако доля региональной торговли во внешнеторговом обороте стран Восточной Азии сохраняется на довольно высоком уровне, подтверждая факт усиления взаимозависимости этих стран в сфере торгового обмена. Во второй половине 1990-х гг. на внутрирегиональную торговлю во внешнеторговом обороте стран Восточной Азии приходилось в среднем ежегодно 49,5% против 46,5% в первой половине упомянутого периода¹⁵. И хотя в 2004 году этот показатель составил 43%, он остается достаточно высоким, с учетом того огромного скачка во внешней торговле с развитыми странами, который наблюдался в последние годы.¹⁶

Рассматривая торгово-экономическое сотрудничество стран ВАР, стоит отметить все более возрастающее влияние Китая на положение дел в этом регионе. Курс на экономическое сближение Китая со странами ЮВА и его вступление в ВТО во многом будут формировать новую экономическую ситуацию в XXI веке в этом регионе и в мире вообще. Не за горами создание зоны свободной торговли Китай — АСЕАН. Объем двусторонней торговли между КНР и АСЕАН, начиная с 1980-х гг. ежегодно растет в среднем на 20%. В 2003 году экспорт Китая в страны Ассоциации достиг 30,9 млрд долларов США, импорт — 47,3 млрд¹⁷. В 2004 году торговый оборот между странами АСЕАН и Китаем достиг 105,9 млрд долларов США.¹⁸

У Вьетнама, несмотря на успехи последних лет в проникновении на рынки США и ЕС, основными торгово-экономическими партнерами остаются страны и территории Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. В основном, это члены АСЕАН, Китай, Япония, Корея, Тайвань и Гонконг. Кроме того, некоторые из них являются стратегическими политическими партнерами СРВ.

Стремление Вьетнама к формуле АСЕАН+3 отражает попытку не отдавать предпочтения двусторонним отношениям с КНР, оставаться в одной упряжке с АСЕАН и извлекать пользу из сотрудничества двух сторон. Эта организация и сама выстраивает довольно причудливые принципы отношений с Китаем, то сближаясь с ним (подписание протокола о намерениях создать общую зону свободной торговли), то, наоборот, отдаляясь от Китая (подписание договора о создании союза АСЕАН + Япония).

Также стоит отметить создание отдельной организации, целью которой является ускорение развития торгово-экономических отношений стран Индокитая с КНР. Это — так называемая организация “Большой Меконг” (Организация Стран Бассейна Реки Меконг). Она находится пока в зародышевом состоянии, но, тем не менее, например, уже достигнуто рамочное соглашение о создании единой высокоскоростной системе автодорог на территории стран Индокитая и юга КНР. И хотя в настоящее время организация не приступила к реальному осуществлению проектов, она продолжает функционировать. В апреле 2005 года, например, прошло очередное заседание, посвященное борьбе с торговлей людьми в регионе.

Значительный рост торговли между Вьетнамом и Китаем за последнее десятилетие ускорил взаимное сближение и, в настоящее время, обе страны предпринимают дальнейшие попытки для преодоления возникающих препятствий. Взаимный объем торговли достиг в 2004 году 7,1 млрд долларов США, что является впечатляющим ростом по сравнению с 1,44 млрд долл. США в 1997 и всего лишь 30 млн долл. США в 1991 году.¹⁹ За последние 12 лет Китай и Вьетнам подписали около 20 соглашений, регламентирующих экономическое сотрудничество, торговлю, транспортное сообщение и обеспечение, а также финансовые вопросы. Несмотря на общемировой экономический спад, товарооборот между двумя странами за период с 2000-2002 гг. вырос на 800 млн долларов США (на 18,9%). В 2003 году рост составил 30%, в 2004 — 45%.²⁰ Сейчас можно говорить о том, что СРВ в довольно большой степени зависит от торгово-экономических отношений с Китаем.

Определенные шаги по уменьшению такой зависимости в дальнейшем просматриваются в использовании Ханоем метода противовесов и сдержек. Кроме АСЕАН особо заметна возрастающая роль США как одного из главных торговых партнеров Вьетнама. После того, как в 1994 году было снято эмбарго на торговлю с СРВ, торговые отношения между странами несколько лет не претерпевали серьезных изменений. Однако после подписания в 2001 году двустороннего вьетнамо-американского торгового соглашения экспорт Вьетнама в эту страну стал расти с впечатляющей скоростью. В настоящее время США уже входят в пятерку основных торговых партнеров СРВ, — взаимный товарооборот составил в 2002 году около 3 млрд долл. США и продолжал расти. Причем Вьетнам экспортировал в США товаров на сумму в 2,5 млрд долл.

В 2004 году США стали основным экспортером вьетнамских товаров (4,992 млрд долларов США), более чем на 1,5 млрд долларов опередив Японию²¹. Торговый оборот между странами составил 6,119 млрд долларов, то есть за год вырос более, чем вдвое. В дальнейшем относительные темпы роста несколько снизились, хотя остались впечатляющими — 6,795 млрд долларов в 2005 году. Особо стоит отметить существенно положительный торговый баланс для Вьетнама.

Конечно, для Китая, с его неисчерпаемым внутренним рынком, Вьетнам не может считаться первоочередным торговым партнером. Тем не менее в условиях внешнеэкономической экспансии Китая — в особенности на рынки стран АСЕАН (Китай соперничает с Японией в этом регионе) — КНР стремится поддерживать тесные отношения со всеми странами региона и со своим соседом Вьетнамом в том числе.

Для объективного определения торговых приоритетов рассматриваемых стран можно использовать индекс интенсивности торговли — ИИТ (*Trade Intensity Index — TII*). Японские исследователи из университета в Кейо совместно с Азиатским отделением Всемирного Банка провели такой расчет для многих стран Восточной Азии. В табл. 1 представлен этот показатель для стран китайского ареала и Вьетнама.

Таблица 1

Основные торговые партнеры стран китайского ареала и Вьетнама в 1995-2000 годы, определенные на основе индекса интенсивности торговли²²

Страны	1995-1997 гг.					1998-2000 гг.				
	ГК	ЯПН	ВНМ	ЛАО	КОР	ГК	МНМ	ЯПН	ВНМ	КАМ
Китай	5.9	2.8	2.8	2.5	1.8	6.2	5.0	2.8	2.0	1.9
Гонконг	КИТ	ФЛП	СГП	ТВН	ВНМ	КИТ	КАМ	ФЛП	США	СГП
	10.5	1.9	1.8	1.6	1.6	11.1	3.1	1.8	1.2	1.2
Сингапур	КАМ	МЛЗ	ВНМ	ТАИ	ЛАО	БРУ	МЛЗ	КАМ	МНМ	ВНМ
	16.7	12.1	7.2	4.2	3.9	15.1	14.0	12.1	9.1	5.9
Тайвань	ГК	ВНМ	ФЛП	ТАИ	КИТ	ГК	ВНМ	ФЛП	ИНД	ТАИ
	4.9	3.1	2.4	2.0	1.8	6.6	4.7	3.6	2.0	2.0
Вьетнам	ЯПН	АСТ	ФЛП	ИНД	СГП	КИТ	ЛАО	КАМ	ИНД	ФЛП
	4.1	3.8	3.4	2.7	2.6	1.7	32.8	30.8	7.2	3.8
									ЯПН	3.3

Примечание: АСТ — Австралия; БРУ — Бруней; ВНМ — Вьетнам; ГК — Гонконг; ЛАО — Лаос; ИНД — Индонезия; КАМ — Камбоджа; КИТ — Китай; КОР — Корея; МЛЗ — Малайзия; МНМ — Мьянма; СГП — Сингапур; ТАИ — Таиланд; ТВН — Тайвань; ФЛП — Филиппины; ЯПН — Япония.

Из таблицы видно, что Вьетнам на протяжении 1995-2000 гг. входил в пятерку основных торговых партнеров Китая по индексу интенсивности торговли. В 2002 году доля КНР во внешнеторговом обороте СРВ составила 10,2% (3,7 млрд долларов США) — второе место после Японии.

Динамика индексов интенсивности торговли между Вьетнамом и Китаем, рассчитанная автором на основании статистических данных, приведена на рис. 1. Тот факт, что этот индекс превышает единицу для обеих стран на протяжении 1995-2002 гг. и имеет тенденцию к росту, подчеркивает оживленную взаимную торговлю²³. Необходимо отметить, что данные для расчета индекса взяты из официальных статистических сборников СРВ. Данные по взаимному экспорту Китая и Вьетнама, предоставляемые китайским статистическим центром мичиганского университета США²⁴, отличаются от официальных вьетнамских данных. В частности, объемы экспорта Китая во Вьетнам занижены примерно в 1,5-2 раза. Тем не менее, и в этом случае рассчитанные значения индекса не опускаются ниже единицы.

По данным Доклада Ханойского Центрального Института Управления экономикой за 2001 год, из 220 стран и регионов, в которые Вьетнам экспортировал свои товары, на 10 из них приходилось 66% всего объема экспорта, причем Китай прочно занимал 2-е место. В том же году среди 170 стран, из которых Вьетнам импортировал товары, Китай занимал 5 место в списке 10 самых активных импортеров Вьетнама — на их долю приходилось 80% всего импорта во Вьетнам.

Ситуация кардинально поменялась за последние годы: в 2004 году Китай занял 1-е место среди экспортеров своей продукции во Вьетнам (4,456 млрд долларов США) и 3-е место среди импортеров (2,753 млрд долларов США) после США и Японии^{25,26}.

Увеличение объемов внешней торговли Вьетнама можно рассматривать как фактор, все больше подталкивающий его к сближению с Китаем — емким и удобным рынком сбыта.

Интересно проследить влияние внешней торговли на экономику обеих рассматриваемых стран. Хотя с начала политики обновления в КНР в 1979 году, коэффициент внешнеторговой зависимости ее экономики (КВТЗЭ) довольно быстро повышался, он никогда не достигал таких высот, как во Вьетнаме (табл. 2, табл. 3).

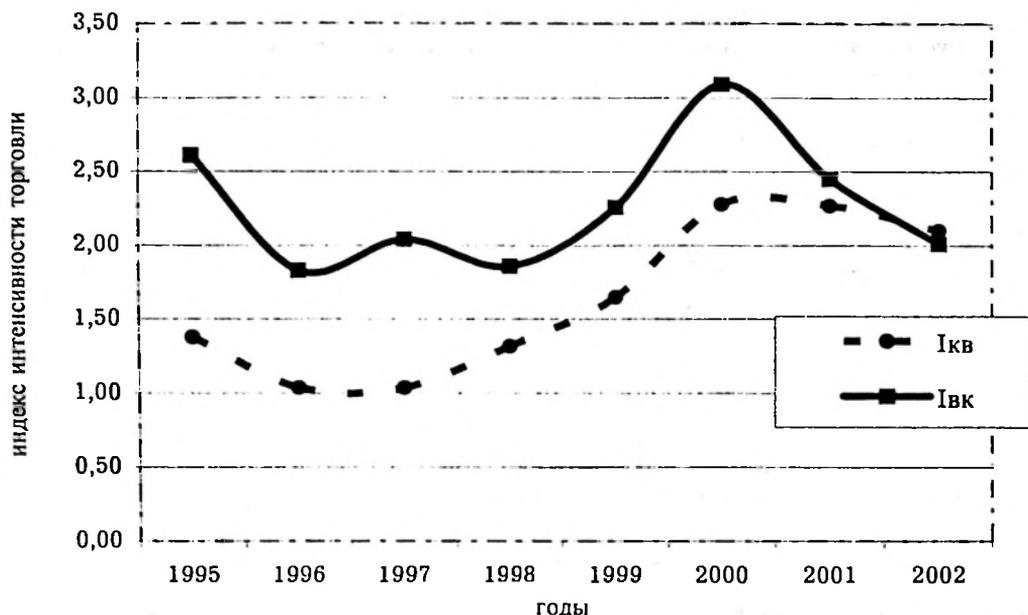

Рис. 1. Динамика индексов интенсивности торговли Вьетнама и Китая (Iвк — ИИТ Вьетнама по отношению к Китаю; Iкв — ИИТ Китая по отношению к Вьетнаму). Статистический ежегодник 2002. Ханой: Статистика, 2003. С. 372, 374, 515. Статистический ежегодник 2003. Ханой: Статистика, 2004. С. 327, 331, 557, 651.

Важным стимулирующим фактором активизации двусторонних торговых отношений является обусловленная географической близостью и историческими традициями возможность приграничной торговли²⁷. Последняя начала расти со второй половины 80-х годов “диким” способом и носила характер бартерных сделок, развиваясь, в основном, в провинции Куангнинь. В декабре 1996 г. Куангниньский аграрный банк (QNBARD) в содружестве с Аграрным банком китайской провинции Гуанси взяли на себя право проведения сделок в приграничной торговле, что помогло ее переводу в цивилизованное русло. Правительства обеих стран и провинциальные власти своими решениями и постановлениями способствовали развитию приграничной торговли²⁸. В 1998 году пограничному городу Монгкай (провинция Куангнинь) было решено придать официальный статус торговых ворот в Китай. Здесь торговцам было разрешено экспортировать кофе, каучук и реэкспортировать автомобили. В настоящее время имеются 48 компаний, которые делают регулярные выплаты китайским поставщикам через отделение банка QNBARD, расположенное в Монгкае. Хотя эти связи и незначительны по объему, они имеют большое значение для оживления местной социально-экономической жизни. В настоящее время на вьетнамо-китайской границе действуют несколько официальных ворот приграничной торговли: Монгкай, Хоаньмо, Тьима, Хьунги, Донгданг, Биньги, Талунг, Тханьтхюи, Лаокай. Неофициальных ворот в два с половиной раза больше²⁹. Приграничные города Вьетнама наводнены дешевыми китайскими товарами, с которыми не способны конкурировать вьетнамские. Однако стоит отметить, что товары эти в подавляющем большинстве плохого качества.

Таблица 2

Показатели внешнеторговой зависимости экономики Вьетнама (1994-2004гг.)
(ВВП, Импорт и Экспорт — в миллиардах донгов;
КВТЗЭ СРВ, доля 1 — доля экспорта в ВВП и доля 2 — доля импорта в
ВВП в%)

Год	ВВП	Экспорт	Импорт	КВТЗЭСРВ	Доля 1	Доля 2
1994	174 017	44 892	64 508	62,87	25,80	37,07
1995	226 391	67 997	101 771	74,99	30,04	44,95
1996	267 736	94 616	145 312	89,61	35,34	54,27
1997	307 875	124 331	156 918	91,36	40,39	50,97
1998	354 368	138 361	169 975	87,01	39,04	47,97
1999	394 614	171 772	172 995	87,37	43,53	43,84
2000	435 319	215 072	232 202	102,75	49,41	53,34
2001	474 855	226 472	244 389	99,16	47,69	51,47
2002	527 387	255 402	301 871	105,67	48,43	57,24
2003	605 586	312 869	391 193	116,26	51,66	64,60
2004	713 071	408 923	495 730	126,87	57,35	69,52

Рассчитано по: Социально-экономическое положение 2004: Издательство Генерального Статистического Управления, 2005. С. 2-3. Статистический ежегодник 2003. Ханой: Статистика, 2004. С. 53-61.

Таблица 3

Показатели внешнеторговой зависимости китайской экономики (1976-2002гг.)
(ВВП, Импорт и Экспорт — в миллиардах юаней³⁰;
КВТЗЭ КНР, доля 1— доля экспорта в ВВП и доля 2 — доля импорта в
ВВП в%)

Год	ВВП	Экспорт	Импорт	КВТЗЭКНР	Доля 1	Доля 2
1991	2 166,25	382,71	339,87	33,36	17,67	15,69
1992	2 665,19	467,63	444,33	34,22	17,55	16,67
1993	3 456,05	528,48	598,62	32,61	15,29	17,32
1994	4 667,00	1 042,18	996,01	43,67	22,33	21,34
1995	5 749,49	1 245,10	1 104,77	40,87	21,66	19,21
1996	6 756,00	1 257,64	1 155,74	35,72	18,62	17,10
1999	8206,8	1614,0	1372,0	36,38	19,67	16,72
2000	8944,2	2063,4	1863,8	43,90	23,07	20,84
2001	9593,3	2203,3	2016,6	43,97	22,97	21,02
2002	1 0239,8	2695,9	2444,0	50,18	21,02	23,87

Рассчитано по: Статистический ежегодник 2003. Ханой: Статистика, 2004. С. 651-652. Социально-экономическое положение 2004: Издательство Генерального Статистического Управления, 2005. С. 50-51.

Вьетнамское правительство активно поощряет участие местных предприятий (причем по всей стране) в приграничной торговле. Бизнесмены из Китая установили торговые отношения с партнерами в Ханое, Дананге и Хоши-

мине, а вьетнамцы — на таких территориях Китая как Фуцзянь, Хайнань, Шэнчжень, Шаньютоу, Шанхай и Сычуань. Качество вьетнамского экспорта, по оценкам вьетнамских экономистов³¹, постоянно улучшается. Отделения и филиалы банков в приграничных экономических зонах помогают бизнесменам вести расчеты, страховать сделки и, тем самым, снизить риски³². В 2002 году приграничная торговля между странами оценивалась уже примерно в 1,5 млрд долларов США, что составляло почти половину объема всей торговли между КНР и СРВ³³. К сожалению, трудно получить объективные данные об объемах приграничной торговли между странами, так как большая часть осуществляется неофициально. Тем не менее, по данным Генерального Налогового Управления СРВ в 2004 году объем приграничной вьетнамо-китайской торговли составил 2,3 млрд долларов США³⁴.

Приграничная торговля оживила китайский туристический бизнес на границе. Только в первой половине 1999 года, например, 46 000 туристов посетили Вьетнам через “северные ворота”, и около 400 000 смогли совершить однодневные путешествия по провинции Куангнинь, которые не входят в общую статистику туризма. Это сопоставимо с общим количеством китайских туристов, посетивших Вьетнам в том же году. В дальнейшем происходил неуклонный рост числа туристов из Китая и 2004 году их число достигло 778431 чел., что в 12,4 раза превышает показатель 1995 г³⁵.

Однако Азиатский финансовый кризис заметно снизил объем приграничной торговли (табл. 4). Этому также способствовали некоторые действия руководства обеих стран. Так, китайские власти ввели высокие тарифы на ввоз риса и каучука из Вьетнама, а вьетнамские — запретили импорт некоторых китайских товаров широкого потребления. Отмена в настоящее время всех торговых барьеров, несомненно, положительно повлияла на рост взаимного товарооборота.

Отсутствие специального управляющего подразделения во Вьетнаме, способного контролировать приграничную торговлю, приводило к конкуренции между местными компаниями, и, как следствие, к большим финансовым потерям. Задержки по платежам со стороны китайцев создавали большие трудности местным банкам.

Для обеих стран существенно, по мнению экспертов, что торговля ведется в местной валюте, а это способствует сбережению государственных золотовалютных резервов.

Таблица 4

Влияние азиатского экономического кризиса на приграничную торговлю в Монгкае (млн долл. США)³⁶

Показатели	Средние в 1994-95 гг.	Средние в 1996-98 гг.	1-я половина 1999 г.	В сравнении с 1-й половиной 1998 г.
Общий объем	190,8	321,0	48,5	
1. Объем торговли	114,1	145,3	36,5	41,5%
- Экспорт	87,2	117,2	31,4	56,4%
- Импорт	26,9	28,1	5,1	36,0%
2. Резкспорт и товары, хранящиеся на таможенных складах	76,7	175,7	12,0	22,2%

Кроме приграничной торговли развиваются и имеют большой потенциал прямые торговые связи между отдельными провинциями. Так, компании китайского города Куньмин ищут новые пути сотрудничества с городом Хошмином, — ведущим экономическим центром Вьетнама. Это и понятно: хотя он

и удален более, чем на 1200 километров от китайской границы, но тот факт, что он является основным центром проживания этнических китайцев и основным экономическим полюсом страны, делает его привлекательным для китайских партнеров. Представители компаний Кунминя (провинция Юннань) провели встречу с бизнесменами города Хошимина для того, чтобы найти партнеров для продажи таких товаров, как: химическая продукция, фармацевтика, сельскохозяйственная продукция, изделия народных промысла, одежда. Обсуждались и возможности сотрудничества в области туризма. «Кунминь считается воротами в юго-восточный китайский экономический регион, численность населения которого составляет 200 миллионов человек», — так считает Хуанг Дзюньфенг, заместитель главы экономического бюро Кунминя. Более того, правительство провинции ведет политику, благоприятную для привлечения инвестиций в регион^{37,38}.

Помимо торговли, важнейшей формой экономических отношений СРВ и КНР является инвестиционное сотрудничество. Схожесть экономик Китая и Вьетнама состоит в том, что развитие обеих стран (Вьетнам — в большей степени) зависит от притока инвестиций.

С конца 1990-х гг. Вьетнам стабильно входит в первую десятку азиатских стран по среднегодовому притоку прямых иностранных инвестиций в страну³⁹. На конец 2004 г. во Вьетнаме было зарегистрировано 6164 действующих проектов с участием иностранного капитала с общим объемом инвестиций более 59 млрд долл. Ведущими иностранными инвесторами являлись Сингапур (404 проекта с общим объемом инвестиций 9,0 млрд долл.), Тайвань (1422 проекта и 8,1 млрд долл.), Япония (551 проект и 6,2 млрд долл.), Республика Корея (932 проекта и 5,4 млрд долл.)⁴⁰. За последние годы положение в стане лидеров по капиталовложениям во вьетнамскую экономику практически не менялось. Общий объем инвестиций стран китайского ареала (Сингапур, Тайвань, Гонконг, КНР) в экономику Вьетнама в 2004 году составил 43% от числа всех инвестиционных проектов и 37% объема всех иностранных инвестиций.

Инвестиционные отношения между материковым Китаем и СРВ развиты пока слабо. Однако в последнее время Китай вошел в десятку инвесторов Вьетнама по числу действующих проектов. По последним статистическим данным материковый Китай вложил 481,8 млн долл. США в 303 проекта на территории СРВ, что составило в 2003 году 1,0% всех инвестиций⁴¹, в 2004 году этот показатель незаметно вырос до 1,2%⁴², в то время как Вьетнам вложил в китайскую экономику и того меньше — лишь 100 млн долларов США.

Тем не менее, стоит отметить, что Китай начинает увеличивать темпы роста объемов инвестиций во Вьетнам. К концу 2004 года во Вьетнаме действовали инвестиционные проекты с участием китайского капитала на сумму в 595,68 млн долларов США⁴³. Но, по большому счету, Вьетнам и Китай не являются странами-донорами, инвесторами. В регионе Восточной Азии таковыми являются Япония, Сингапур, Гонконг, Тайвань и другие развитые государства. КНР и Вьетнам можно считать странами-реципиентами, они привлекают инвестиции в свою экономику. В данном случае две рассматриваемые страны являются конкурентами в борьбе за прямые иностранные инвестиции.

Китай является огромным рынком, имеет большую инвестиционную привлекательность и огромные экономические перспективы, которыми могут похвастать немногие страны мира. С другой стороны, преимущества Вьетнама заключаются в том, что он получает больший объем иностранной помощи в пересчете на душу населения, в значительных нефтяных доходах и в высокой доле в ВВП переводов от этнических вьетнамцев, проживающих за рубежом (ежегодно 1-2 млрд долларов США⁴⁴). Все вместе эти три показателя дают до 20% ВВП Вьетнама.

Но очевидны и недостатки вьетнамского экономического роста. Так, в период с 1995 по 1997 гг. темпы экономического роста СРВ составляли в среднем 8,8%, а объем инвестиций достигал 27,8% от ВВП. То есть, для того, чтобы добиться роста ВВП на 1 процент требовалось 3,2% инвестиций. В период же с 2000 по 2002 гг. этот показатель вырос до 4,5% (по данным Азиатского банка развития) или 5,0% (по данным Международного Валютного Фонда)⁴⁵. Таким образом, в 2002 году Вьетнаму требовалось на 50% больше капитала для достижения одной единицы роста, что, с одной стороны, естественно, но с другой — свидетельствует о нерациональном инвестировании. В 2003 г., согласно официальной статистике, для роста ВВП на 1% потребовалось увеличение инвестиций на 6,5%⁴⁶.

Из-за огромной разницы в размерах Китая и Вьетнама сравнение абсолютного количества инвестиционных проектов и сумм, привлеченных ими, не является наглядным, но существует ряд относительных показателей, позволяющих сравнить уровень КНР и СРВ по привлекаемым прямым иностранным инвестициям.

В научной литературе, для того, чтобы наглядно показать роль той или иной страны на мировом рынке инвестиций, а также роль прямых иностранных инвестиций в экономике стран, используют различные индексы. Наиболее популярными — их используют исследователи Конференции ООН по Торговле и Развитию (UNCTAD) — являются **потенциальный индекс ПИИ** и **показательный индекс ПИИ**⁴⁷.

Показательный индекс ПИИ ранжирует страны по количеству получаемых ПИИ относительно ВВП страны⁴⁸. Наименьшим показательным индексом за период 1994–2001 гг. в регионе ЮВА обладает Тайвань, а наиболее высокие места по этому показателю занимает Сингапур. Индекс Вьетнама (от 8,2 до 1,2) выше, чем у Китая (от 4,7 до 1,1) на протяжении всего рассматриваемого периода времени. Это можно объяснить тем, что экономика Вьетнама гораздо больше зависит от притока капитала извне.

Для характеристики инвестиционной привлекательности страны используется **потенциальный индекс ПИИ**, который учитывает сразу несколько факторов, влияющих на экономическую привлекательность страны для иностранных инвесторов⁴⁹. Этот индекс для Вьетнама вырос за период 1988–2000 гг. практически вдвое — с 0,098 до 0,176. Вьетнаму удалось подняться за 12 лет на 11 позиций и занять 75 место, тогда как Китай поднялся на 5 позиций и находится на 40 месте в мире. Это является прекрасной оценкой политики “обновления”, проводимой правительством СРВ. Однако обращает на себя внимание тот факт, что с каждым годом темпы роста индекса уменьшались, а в последнее время уменьшается (хоть и незначительно) и само значение потенциального индекса, — очевидна некая экономическая стагнация — впрочем, это характерно для многих стран Восточно-азиатского региона. Для КНР изменения индекса не столь заметны.

Можно утверждать, что сейчас Вьетнам преодолел послекризисные трудности и вновь выходит на достигнутый ранее уровень. Так, по данным Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, в 2003 году объем привлеченных прямых иностранных инвестиций во Вьетнам составил 3,064 млрд долл США — было зарегистрировано 752 только новых инвестиционных проекта на 1,914 млрд долл США (по статистическим данным СРВ — 748 проектов на сумму 1,900 млрд долл. США⁵⁰), что составляет рост на 18% по сравнению с предыдущим годом. В пересчете на душу населения ПИИ за 2003 год составили около 38 долларов. В 2004 году Вьетнам привлек самое большое количество ПИИ начиная с 1997 года — 4,5 млрд долларов США, то есть 54 доллара на душу населения, рекордным же оказался год 2005 — более 6,3 млрд долларов.⁵¹

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время инвестиционное сотрудничество Вьетнама и Китая только начинает развиваться в соответствии с потребностями и намерениями двух государств. Обращает на себя внимание

возрастающее желание китайской стороны усилить инвестиционные вливания во Вьетнам, добиться некой инвестиционной зависимости Вьетнама. Следует ожидать, что такой крупный для СРВ инвестиционный проект, как строительство бокситно-алюминиевого комплекса в Дакнонге (стоимость около 1,5 млрд долларов США)⁵² будет лишь первым среди многих аналогичных проектов. В настоящее время проект находится на стадии подготовки ТЭО. Только компаниями китайской провинции Гуанси во Вьетнаме планируется построить ряд мелких ГЭС, совместная работа на угольных шахтах и строительство моста через реку Баклуан⁵³.

Не вызывает сомнения тот факт, что сильное влияние на отношения Вьетнама и Китая оказывает китайская этническая диаспора (хуацяо)⁵⁴. Более миллиона (оценки численности варьируют в разных источниках) этнических китайцев, проживающих во Вьетнаме, являются гарантом бесперебойного притока капитала из стран китайского ареала как минимум в те районы Вьетнама, где они проживают и в те отрасли хозяйства, которые являются объектами их наибольшего интереса. А это, как правило, наиболее богатые и динамично развивающиеся сектора экономики. Иначе говоря, китайская община во Вьетнаме является залогом инвестиционного благополучия ключевых районов Вьетнама.

Рассчитанные ранее автором коэффициенты корреляции между численностью китайского населения для 20 разных провинций Вьетнама и прямыми иностранными инвестициями, осуществляемыми в них, оказались очень высоки⁵⁵. Сопоставление данных последней переписи населения Вьетнама⁵⁶ и статистических показателей за период 1988–2003 гг.⁵⁷ позволило рассчитать коэффициенты корреляции между численностью китайского населения во всех провинциях и городах центрального подчинения Вьетнама (61 административная единица) и иностранными инвестициями в эти провинции (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между численностью групп населения в провинциях и прямыми иностранными инвестициями (за 1988–2003 гг.)

Прямые иностранные инвестиции	Численность по провинциям		
	этнических китайцев	народности хоа	общая численность населения
Количество проектов	0,84	0,85	0,6
Капиталовложения (млн долл. США)	0,76	0,77	0,62
Легальный капитал (млн долл. США)	0,77	0,78	0,64
Прочий капитал (млн долл. США)	0,74	0,75	0,61

Для числа иностранных проектов коэффициент корреляции составляет 0,84. Это позволяет уверенно говорить о влиянии китайских общин на привлечение иностранных инвестиций. Интересно, что и между капиталовложениями и численностью китайских общин провинций Вьетнама есть прямая корреляционная связь (коэффициент корреляции также достаточно высок — 0,76). Причем корреляционные связи напрямую зависят от числа этнических китайцев народности хоа. Две другие группы этнических китайцев — шанзиу и нгай — согласно последней переписи⁵⁸, составляющие около 13% от всех этнических китайцев, не влияют на коэффициенты корреляции. Существенно, что не прослеживается высокой корреляционной связи между общей численностью населения в провинциях и их инвестиционной привлекательностью для иностранных капиталов.

Китайцы постоянно увеличивают размеры своих капиталовложений в страны ЮВА. Даже жесточайший финансовый кризис не заставил их перекрыть финансовые потоки, а лишь на время их ограничить. Это актуально не только для юга Вьетнама (Хошимин, Донгнай), где проживает много хуацяо, но и для северных провинций, чему способствуют оживленная приграничная торговля и осуществляемые инвестиционные проекты по линии этнических китайцев. Так, если в 2002 году в северных провинциях Вьетнама были зарегистрированы 37 проектов, на общую сумму 72,9 млн долл.США⁵⁹, то в 2003 году эти показатели составили 57 и 156,7 млн долл.США соответственно.

Оценивая в целом позиции Китая во Вьетнаме можно прогнозировать, что они будут выглядеть весьма основательными в силу следующих причин.

Во-первых, Вьетнам уже долгое время следует по выбранному Китаем пути экономического развития, внимательно изучает модель китайской экономики.

Во-вторых, очень важную роль в укреплении отношений между странами играет схожесть политических режимов двух стран, партийно-правительственных структур и идеологических концепций. Обе страны официально все еще называют себя социалистическими и строят так называемый рыночный социализм.

В-третьих, не стоит забывать о тысячелетних традициях отношений между странами и о приграничном географическом положении двух государств.

В-четвертых, в настоящее время китайская экономика развивается быстро и стабильно, внешняя торговля продолжает расти, валютный курс китайского юаня остается стабильным. В 2001 году КНР вступила во Всемирную торговую организацию и получила право на проведение Олимпийских игр 2008 года. Все это создало благоприятные условия для поступления вьетнамских товаров на китайский рынок.

Между тем, не стоит излишне оптимистично оценивать эти отношения. Так, например, известно, что Китай и Вьетнам являются серьезными конкурентами в экспорте некоторой своей продукции (обувь, одежда, фарфор) на территорию промышленно развитых стран. И если до 1 января 2005 года Вьетнам вполне на равных и даже в некоторых случаях с небольшим преимуществом (в силу более жестких ограничений в США, ЕС и Японии для продукции КНР) мог конкурировать с великим северным соседом, то после этой даты ситуация может кардинально измениться в пользу Китая. Это связано с тем, что для экспортной продукции Китая, как члена ВТО, должны быть сняты или предельно снижены тарифы на ввоз во все развитые страны. Правда, как показала "текстильная война" КНР и со странами ЕС и США, последние готовы ограничивать экспорт из Китая готовой одежды, если это угрожает их собственным производителям.

Оценивая перспективы Вьетнама, можно сказать, что он довольно удачно обеспечивает поступательное развитие своей экономики, находясь в тени "великого северного соседа" и пользуясь его преимуществами. Это достигается, в том числе, и благодаря успешному лавированию между центрами "экономического притяжения", главными из которых в регионе Восточной Азии, помимо Китая, являются АСЕАН, Япония, Корея, Тайвань и все еще кажущийся экономически самостоятельным Гонконг.

Сегодня Вьетнам рассматривает Китай в качестве стратегического рынка, который он будет осваивать в предстоящее время. Правительство и предприятия Вьетнама придают важное значение разрыванию долгосрочного торгово-экономического сотрудничества с соответствующими китайскими партнерами. Перспективы торгово-экономического взаимодействия КНР и Вьетнама достаточно широки и в последние годы даже превосходят самые оптимистичные прогнозы. Так, правительства обеих стран в начале 2004 года надеялись, что к концу 2005 года взаимный торговый оборот КНР и СРВ превысит

отметку в 5 млрд долл. США и будет расти дальше (к 2010 году этот показатель должен был достигнуть 10 млрд долл. США)⁶⁰.

Однако, как уже отмечалось выше, торговый оборот в 2004 году превысил отметку в 7 млрд долларов США. В 2005 году он достиг 8,74 млрд долларов США⁶¹. Поэтому, по некоторым расчетам, отметка в 10 млрд долларов может быть превышена уже до 2007 года⁶².

Если китайская экономика сохранит впечатляющие темпы роста (а в 2005 г. они достигли 9%⁶³), то к 2010 году совокупный торговый оборот КНР составит 1,8 трлн долларов США, импорт составит — 850 млрд долларов США, что оставит прекрасные перспективы для заметного увеличения экспорта вьетнамских товаров на китайский рынок⁶⁴.

В 2004 году Министерство торговли СРВ сделало следующий прогноз: в 2005 году экспорт Китая во Вьетнам составит более 4 млрд долларов США, в 2006 году — 3,4 млрд, в 2007 году — 3,9 млрд, в 2008 году — 4,4 млрд, в 2009 году — 4,9 млрд, в 2010 году — 5,5 млрд. В случае если вступит в действие бокситно-алюминиевый комплекс в Дакнонге, то в 2009 году этот показатель составит 5,5 млрд долларов США, в 2010 году — 6,2 млрд долларов США⁶⁵. Однако действительность превзошла ожидания: уже в 2005 году экспорт Китая во Вьетнам составил 5,8 млрд долларов США⁶⁶.

Возможно, отношения между странами выйдут на новый уровень после реализации подписанных соглашений о создании принципиально новых форм экономического сотрудничества — 2-х экономических коридоров (Наньнин-Лангшон-Ханой-Хайфон и Кунминь-Лаокай-Ханой-Хайфон) а также экономического пояса вокруг Тонкинского (Бакбо) залива⁶⁷.

1. Ang Cheng Guan. Vietnam-China relations since the end of the cold war // IDSS Working Paper Series. 1998. No.1. 24p.
2. Amer R. Sino-Vietnamese normalization in the light of the crisis of the late 1970s // Pacific Affairs. 1994. V. 67. № 3. P.363.
3. Hoang Nam, Liao Jean. Economic effect of globalization in developing countries: An Analysis of Vietnam and China // EDGE Final Paper. 2002. P.9.
4. Кобелев Е. Вьетнам в системе новых политических отношений в Юго-Восточной Азии // Обозреватель. 1993. № 25. http://www.nasledie.ru/oboz/N25_93/25_07.htm
5. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2004 [Статистический сборник 2004]. Ha Noi, Nha xuat ban thong ke, 2005. Tr.360, 367.
6. Communist Party of Vietnam. Vietnam to boost economic co-operation with ASEAN, ASEM: Trade Minister // Vietnam News. 10 Sept 2001. <http://www.cpv.org.vn>
7. Vietnam busy with WTO negotiations // Viet Nam News. 24.02. 2005. Vol.XV. No.4854. P.14.
8. Vietnam faces obstacles in joining WTO // The Saigon Times Daily. 2.03.2005. No. 2386. P. 1-2.
9. Подсчитано по: "Asia-Europe Cooperation and the Role of Vietnam". Hanoi: National Political Publishers, 2004. P.35-43.
10. Tình hình kinh tế - xã hội năm 2004 [Социально-экономические показатели 2004]. NXB TфTng Cutc Thфmng Kk, 2005. Tr. 40-44
11. Мазырин В.М. Факторы и первые итоги расширения АСЕАН (на примере Вьетнама). В сб.: "АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы". М.: Гуманитарий. Академия гуманитарных исследований, 2002. С. 90.
12. Sakakibara E., Yamakawa S. Regional integration in East Asia: challenges and opportunities. World Bank East Asia Project, Global Research Center, Keio University, 2002. P.4.
13. Восточная Азия: устойчивый экономический рост, новые проблемы и задачи. <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/NEWSRUSSIAN/0,,contentMDK:20872839-pagePK:64257043-piPK:437376-theSitePK:1081472,00.html>

14. Fujita M. Regional trade arrangement and strategies of multinationals: implications of AFTA for economic integration. In: "APEC in the 21st century. Selected Issues for deeper economic cooperation". Chapter V. IDE APEC Study Center, 2000/2001. P.167.
15. Ibid. P.6.
16. Bernice Han. East Asia's growth to level out: World Bank // Viet Nam News. 2005. Vol.XV. No.4917. P.12.
17. Создание зоны свободной торговли "Китай-АСЕАН" принесет большую пользу обеим сторонам // Агентство "Синьхуа". 16.07.2004. <http://russian.xinhuanet.com/html/07161457451.htm>
18. China sees mutual gains from ASEAN // Viet Nam News. 25.03.2005. Vol. XV. № 4883. P.6.
19. Из доклада Посла КНР в СПб господина Ци Цзянго на заседании Международного экономического клуба при ТПП СПб 7.04.2005.
20. Там же.
21. Vietnam Economic News. 2005. No. 9. P. 30-31.
22. Sakakibara E., Yamakawa S. Regional integration in East Asia: challenges and opportunities. World Bank Asia Center. Global Security Research Center, Keio University. Part Two: Trade, finance and integration, 2002. P.14-15.
23. Показатель интенсивности торговли больше единицы свидетельствует, что экспорт из страны находится на более высоком уровне, чем страна-партнер импортирует из других стран мира, что указывает на интенсивную двустороннюю торговлю. Чем выше индекс, тем более важным торговым партнером является страна-реципиент.
24. University of Michigan, USA, China data center. <http://chinadatacenter.org/chinadata/guest/yb2001/indexe.htm>
25. Vietnam Economic News. 2005. No. 9. P. 30-31.
26. Tinh hinh kinh te — xa hoi nam 2004 [Социально-экономические показатели 2004]. NXB TФTng Cuc Thфmng Kk, 2005. Tr. 22-24.
27. Amer R. The management of the border disputes between China and Vietnam and its regional implications. In: "EIAS Briefing Papers", (eds. Van der Geest W., Lim P.), 2000. P.1.
28. См., например: решение 675/ТТг от 18.09.96 "Об экспериментальной политике приграничной торговли в городе Монгкай", которым регламентировалась транзитная торговля, реэкспорт, строительство таможенных складов, визовый режим и т.д.
29. Quan he kinh te — thu'o'ng mai cu'a khau bien gio'i Viet-Trung [Торгово-экономические отношения на вьетнамо-китайской границе]. NXB Thong Ke, 2000. Tr. 9-10.
30. Потапов М. А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998. С. 281.
31. Nguyen Minh Hang. Buon ban bien gioi Viet Nam — Trung Quoc: lich su — kien trang — trien vong [Приграничная торговля между Вьетнамом и Китаем: история-состояние-перспективы]. Ha Noi, Nha xuất ban khoa hoc xa hoi, 2001. Tr. 17.
32. Vietnam-China trade growth consolidates bilateral ties // Vietnam Economy. 28.02.2003. <http://www.vneconomy.com.vn/index.php?param=article&catid=0706&id=030228095412> eng/
33. Nguyen Minh Hang. Buon ban bien gioi Viet Nam — Trung Quoc: lich su — kien trang — trien vong. [Приграничная торговля между Вьетнамом и Китаем: история-состояние-перспективы]. Ha Noi, Nha xuất ban khoa hoc xa hoi, 2001. Tr. 23
34. Vietnam Economic News. 2005. No. 9. P. 30-31
35. Tinh hinh kinh te — xa hoi nam 2004 [Социально-экономические показатели 2004], NXB Tong Cuc Thong Ke, 2005. Tr. 52
36. Nguyen Duc Hong. Settlement for cross-border trade between Vietnam and China. <http://www.hcmuoco.edu.vn/tcptkt/english/2000/thang4/SETTLE.htm>
37. Kunming companies seek cooperation ties in Ho Chi Minh City // Saigon Times Daily. 09.10.2002.
38. Western China trade and investment exhibition in Ho Chi Minh City // Vietnam Economic Times. 21.11.2002.
39. Brooks D.H., Fan E.X., Sumulong L.R. Foreign direct investment: trends, TRIMS and WTO negotiations // ASIAN Development Review. 2003. V.20(1). P.4.
40. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2004 [Статистический сборник 2004]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2005. Tr.105-106.
41. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2003 [Статистический сборник 2003]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2004. Tr.301.

42. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2004 [Статистический сборник 2004]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2005. Tr.106.
43. Investment update // Vietnam Investment Review, 4-10 October 2004. No. 677. P. 20.
44. Kolko G. China and Vietnam on the road to the market // Journal of Contemporary Asia. 2001. V.31(4). P.439.
45. Dapice D.O. Vietnam's economy: success story or weird dualism? A SWOT analysis. United Nations Development Program, 2003. P.8.
46. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2003 [Статистический сборник 2003]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2004. Tr.50, 288.
47. UNCTAD benchmarks FDI performance and potential. Amidst global FDI downturn // UNCTAD Press Release. 17.09.02.
48. Индекс рассчитывается как отношение доли страны в мировом потоке ПИИ к ее доле в мировом ВВП. Если значение индекса больше единицы, то это означает, что страна получает больше ПИИ, чем зарабатывает сама, если меньше единицы, то — недополучает ПИИ. Отрицательный индекс означает, что иностранные инвесторы оттягивают свои капиталовложения из страны.
49. Этот индекс рассчитывается как среднее арифметическое двенадцати других показателей (их значения находятся в диапазоне от 0 до 1), характеризующих экономическую и социальную сферы жизни страны. Наиболее важными из этих показателей являются — ВВП в пересчете на душу населения, темпы роста ВВП за последние 10 лет и перспективы роста, доля экспорта в ВВП и др.
50. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2003 [Статистический сборник 2003]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2004. Tr.299.
51. Данные Генерального Статистического Управления СРВ.
52. Hoang Anh. Chinese firm set to revisit giant 1.5\$ bln. mining project // Vietnam Investment Review. 17.11.2003. No. 631
53. Vietnam — China friendship, relations continue to flourish // Viet Nam News. 14.04.2005. Vol. XV. № 4903. P. 3.
54. Чан Хань. Китайская этническая община во Вьетнаме: проблемы и тенденции эволюции (с конца XIX до конца XX в). Дисс. докт.ист.наук. С-ПбГУ, 1999. 320с.
55. Кочкин П. Хуацяо во Вьетнаме // Азия и Африка сегодня. 2003. № 12. С. 23.
56. Tong dieu tra dan so va nha o Viet Nam 1999 [Всевьетнамская перепись населения]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2001. Tr.22-82.
57. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2003 [Статистический сборник 2003]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2004. Tr.304-305.
58. Tong dieu tra dan so va nha o Viet Nam 1999 [Всевьетнамская перепись населения]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke, 2001. Tr.21.
59. Nien Giam Thong Ke, Statistical Yearbook 2002 [Статистический сборник 2002]. Ha Noi, Nha xuất ban thong ke 2003. Tr.346.
60. Vietnam-China trade to reach over US\$5 bil. this year. http://itpc.hochiminhcity.gov.vn/Ehnglish/business_news/business_day/Folder.2004-07
61. Рассчитано по: Vietnam Economic News Online. http://www.ven.org.vn/view_news.php?id=6991, http://www.ven.org.vn/view_news.php?id=6849
62. Из доклада посла КНР в СРВ господина Ци Цзянго на заседании Международного экономического клуба при ТПП СРВ, 7.04.2005.
63. Геращенко Е. Китайский кризис. <http://vzglyad.ru/economy/2006/2/9/21974.html>
64. Tran Ngoc Ha. Increased Exports to China in 2005-2010 // Vietnam Economic News, 2005, No. 13, P. 9
65. Tran Ngoc Ha. Tang xuất khâu sang Trung Quoc [Рост экспорта в Китай] // Thoi Bao Kinh te Viet Nam. 28.03.2005. № 61 (1527). P. 5.
66. Vietnam Economic News Online. http://www.ven.org.vn/view_news.php?id=6991
67. Из доклада посла КНР в СРВ господина Ци Цзянго на заседании Международного экономического клуба при ТПП СРВ, 7.04.2005.

Развитие рынка программного обеспечения в КНР

© 2006

А. Мамаев

Одной из немногих наукоемких отраслей китайской экономики, которая способна выпускать конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью, является производство программного обеспечения (ПО). Наблюдаемые тенденции свидетельствуют о существенном увеличении доли производимого ПО по сравнению с общим объемом производимой компьютерной техники в КНР. Впрочем, эта тенденция свойственна не только китайскому высокотехнологичному сектору экономики — процесс носит глобальный характер. В отличие от производителей аппаратных продуктов компании, работающие в области ПО, производят продукцию с большей добавленной стоимостью, а, следовательно, потенциально более прибыльны. Производство ПО, в настоящий момент является одной из наиболее быстро развивающихся высокотехнологичных отраслей современной экономики КНР.

Годовой объем рынка ПО в Китае в 2004 г. эксперты оценивают в 27,81 млрд долл., что составляет примерно 1,69% от ВВП КНР. Доля Китая в мировом объеме производимого ПО стабильно возрастает, этот показатель увеличился с 1,20 в 2000 г. до 3,55% в 2004 г. Несмотря на то что в течение последних нескольких лет наблюдается значительное снижение темпов роста мировой индустрии ПО — с 2001 по 2004 гг. рост мирового рынка ПО снизился с 12 до 4,63% — показатели роста отрасли высоких технологий в Китае по-прежнему почти на порядок превышают мировые.

Таблица 1

Доля Китая на мировом рынке ПО (млрд долл.)

	Мировой объем рынка ПО	Рост ми- рового рынка ПО	Китай	США	Япония	Индия	Корея
2000	596,0	-	7,17	240,00	57,20	8,85	8,32
%	100%	-	1,20%	40,20%	9,60%	1,48%	1,39%
2001	621,9	4,35%	9,63	261,20	66,05	10,23	9,90
%	100%	-	1,50%	42,00%	10,60%	1,60%	1,60%
2002	696,5	12,00%	13,30	279,70	71,20	12,20	16,83
%	100%	-	1,91%	40,16%	10,22%	1,75%	2,42%
2003	748,0	7,39%	19,30	296,70	78,50	16,00	20,10
%	100%	-	2,58%	39,67%	10,49%	2,14%	2,69%
2004	782,6	4,63%	27,81	311,50	83,20	20,00	20,70
%	100%	-	3,55%	39,8%	10,63%	2,56%	2,65%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фацжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005. С. 40.

Среднегодовой темп прироста индустрии ПО в Китае за последние 3 года составил 42%. Только за 2004 г. в Китае было вновь зарегистрировано 2129 новых компаний, занятых в индустрии ПО, а общее число компаний в этой отрасли составляет более 10 тыс. с общим числом сотрудников более 720 тыс. человек. В ежегодно проводимой "Китайской Международной выставке программного обеспечения", организуемой Китайской Ассоциацией Индустрии ПО и Министерством информатики КНР, в июле 2004 г. участвовало более 453 компаний, включая крупнейших мировых производителей ПО, что более чем на 50% превышает число участников года, когда в выставке принимали участие около 300 компаний.

Программное обеспечение в Китае, как одно из направлений высоких технологий, развивается более быстрыми темпами по сравнению с другими странами и, возможно, уже в ближайшее время начнет теснить мировых лидеров данной отрасли, таких как США, Япония, страны ЕС. Так, по объему рынка ПО Китай уже в 2002 г. достиг более высоких показателей по сравнению с недавним лидером в этой отрасли среди развивающихся стран — Индией. По итогам 2004 г. объем рынка ПО в Китае превысил аналогичный показатель в Индии на 39%. Следует отметить, что, несмотря на устойчивую тенденцию роста доли экспортируемого ПО Китая, "оффшорного программирования", около 90% производимого ПО реализуется на внутреннем рынке, тогда как в Индии большая часть производимого ПО экспортируется. Так, в 2004 г. объем экспортируемого Китаем ПО увеличился по сравнению с 2003 г. на 30% и составил 21,5 млрд ю., а доля экспортируемого ПО в общем объеме произведенного ПО составила 9,4%.

Таблица 2

**Соотношение производимого ПО для внутреннего рынка
и на экспорт в Китае**

	Внутренний рынок, млрд ю.	Доля, %	Экспортируемое ПО, млрд ю.	Доля, %	Общий объем рынка млрд ю.	Рост, %
2000	56,00	94,4%	3,30	5,6%	59,30	34,31%
2001	73,60	92,5%	6,00	7,5%	79,60	34,23%
2002	97,60	88,7%	12,40	11,3%	110,00	38,19%
2003	143,50	89,7%	16,50	10,3%	160,00	45,45%
2004	208,50	90,6%	21,50	9,4%	230,00	43,75%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005. С. 43.

При анализе общего состояния рынка ПО в Китае можно выделить три основных направления развития: это сервис в сфере ПО, системная интеграция, а также непосредственно продуктивное ПО. Начиная с 2003 г. в отчетах о развитии индустрии ПО,¹ отдельно выделяется развитие направления системной интеграции, тогда как ранее этот сегмент рассматривался как составная часть сервиса в сфере ПО. Действительно, направление системной интеграции является одним из наиболее динамично развивающихся в китайской индустрии программного обеспечения — так, по данным Ассоциации, объем рынка системной интеграции в Китае за 2004 г. был равен 74,8 млрд ю., а рост в этом сегменте индустрии ПО по итогам года составил 41,1%. Значительный рост следует отметить в направлении сервиса в сфере ПО: только за 2004 г. этот сегмент рынка вырос более чем на 103% и составил 41,7 млрд ю. Наибольшую долю рынка в 2004 году занимает направление продуктового ПО. Объем рынка в этой сфере составил 92,0 млрд ю., что на 31,4% больше аналогичного показателя прошлого года.

Таблица 3

Структура внутреннего рынка ПО в КНР 2000-2004 гг. (млрд ю.)

Год	2000	2001	2002	2003	2004
Продуктовое ПО	23,80	33,00	50,74	70,00	92,00
Сервис в сфере ПО	32,20	40,60	46,86	20,50	41,70
Системная интеграция	-	-	-	53,00	74,80

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005. С. 44.

Рассматривая направления продуктового ПО прежде всего следует отметить довольно значительное снижение темпов роста данного сегмента рынка ПО. Так, в 2002-2003 гг. средней процент роста этого направления составлял более 56%, а уже в 2004 г. этот показатель был равен 14,3%, что свидетельствует о начале качественной трансформации роста в этом сегменте. Наблюдаемая и постоянно растущая конкуренция не только среди иностранных производителей, но и среди местных компаний разработчиков, способствует довольно серьезному снижению цен, а также повышению требований к качеству выпускаемых продуктов, что и наблюдается в течение последних нескольких лет в Китае. Более детально рассматривая направление продуктового ПО, в нем, как правило, выделяют следующие сегменты: прикладное ПО, системное ПО, инфраструктурное ПО. Самым крупным сегментом направления продуктового ПО является рынок прикладного ПО, он составляет 68,26 млрд ю. или 74,2%, что на 14,7% превышает объем этого сегмента в 2003 г. Далее следует сегмент инфраструктурного ПО, в которое входят всевозможные утилиты, средства управления сетями и системами, системы обеспечения безопасности, объем этого направления рынка ПО составляет 15,46 млрд ю., или 16,8%. На системное ПО приходится 9% от общего рынка, или 8,28 млрд ю., что на 6,1% выше прошлогоднего значения.

Таблица 4

Структура продуктового ПО в КНР 2000-2004 гг. (млрд ю.)

Год	2000	2001	2002	2003	2004
Прикладное ПО	15,50	19,81	32,88	59,50	68,26
Инфраструктурное ПО	4,96	8,19	11,06	13,20	15,46
Системное ПО	3,32	5,00	6,80	7,80	8,28
Итого	23,80	33,00	50,74	80,50	92,00
Рост, %	31,0%	38,7%	53,8%	58,7%	14,3%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005. С. 45.

Интересно рассмотреть рынок ПО КНР с точки зрения географического расположения его основных центров. Так, наиболее развитыми центрами разработки ПО являются такие города, как Пекин (объем рынка ПО составляет 54,6 млрд ю.), Гуанчжоу (51,0 млрд ю.), Ханчжоу (25,0 млрд ю.), Цзинань (23,2 млрд ю.), Нанкин (18,8 млрд ю.), Шанхай (17,2 млрд ю.). Лидерами по объему экспортируемого ПО являются компании, расположенные в провинции Гуандун — объем экспорта ПО составляет 12,8 млрд долл., а также в Пекине (2,5 млрд долл.), Шанхае (2,5 млрд долл.), Шэньяне (2,0 млрд долл.), за ними с довольно большим отрывом следуют компании, расположенные в провинциях Шаньдун (2,3 млрд долл.), Ляонин (2,0 млрд долл.), Чжэцзян (1,3 млрд долл.). Лидерами по объему производимого продуктового ПО являются провинция Гуандун (30,8 млрд ю.), Пекин (21,5 млрд ю.), провинция Цзянсу (9,7 млрд ю.) и Шанхай (7,1 млрд ю.). Среди городов и провинций-лидеров по объему рынка услуг в области ПО следует отметить Пекин (31,7 млрд ю.), далее с большим отрывом следует провинция Гуандун (7,4 млрд ю.) и Ляонин (6,5 млрд ю.). Та-

ким образом, развитие рынка ПО в Китае представляется довольно дифференцированным и с точки зрения географического расположения компаний, занятых в этой индустрии.

Политика протекционизма в области информационных технологий вообще характерна для регионов Восточной Азии и Китая. Значительная часть китайских софтверных компаний живет исключительно за счет правительственных заказов, одновременно и развивая национальную экономику, и препятствуя экспансии иностранных компаний на внутренний рынок Китая. Предпочтение в обеспечении отраслей народного хозяйства страны информационными продуктами отдается отечественным компаниям, иностранные же порой намеренно не пускаются на внутренний рынок. Правительство активно помогает национальным производителям, в том числе и создавая благоприятные финансовые условия для их развития, оформляя долгосрочные кредиты под низкий процент, предоставляя льготы по налогам, и даже, в определенной степени, оказывая давление на иностранные компании, для того чтобы те не работали на китайском рынке самостоятельно, а создавали совместные предприятия с национальными производителями. "В случае, если Китай уже производит собственное ПО, правительство призывает покупателей приобретать продукцию местных производителей", — заявил Ян Цзюнь, вице-президент одной из крупнейших китайских IT-компаний China National Computer Software & Technology Service Corp.² В подтверждение этих слов можно отметить тот факт, что в 2002 г. для осуществления программы компьютеризации государственного аппарата и системы образования китайское правительство потратило 35 млрд ю., 4,5 млрд ю. из которых пошли на приобретение программного обеспечения (95% от общего объема закупленного ПО составляли продукты местных производителей) и 5,5 млрд ю. — на информационное обслуживание.³ В 2003 г. расходы на покупку программного обеспечения для государственных нужд удвоились и составили уже около 9 млрд ю.

Значительное число китайских компаний получают правительственные субсидии на разработку отдельных проектов для различных отраслей хозяйства КНР. Так, например, довольно активное оборудование школ начального и среднего образования страны современным компьютерным оборудованием и программным обеспечением открыло для ряда компаний неисчерпаемый источник доходов. В условиях жесточайшей конкуренции китайских компаний на рынке обучающего ПО, спрос на подобные продукты в Китае год от года постоянно увеличивается.

Китайское правительство не раз демонстративно оказывала поддержку местным разработчикам ПО. Так, китайская компания KingSoft заключила контракт на поставку пакета WPS Office в школы одного из наиболее экономически развитых городов КНР — Шанхая.⁴ WPS Office фактически является точной копией всем известного пакета программ Microsoft Office. В результате этой сделки компания KingSoft получила возможность продвинуть свои решения в области разработки офисных приложений среди подрастающего поколения китайских пользователей, установив свой пакет программ на несколько сот тысяч школьных компьютеров. Обучающие классы в более чем 2000 начальных и средних школах Шанхая используют специальные наборы, состоящие из программного продукта, а также значительного количества обучающих пособий, предназначенных для ознакомления пользователей с продуктом компании. Этот пример в очередной раз подтверждает то, что китайские власти, как правило, отдают предпочтение продуктам, разработанным местными компаниями. Возможно, в будущем низкие цены и серьезная поддержка правительства позволят значительно уменьшить влияние компании Microsoft в области разработки офисного ПО в КНР. Однако в настоящее время продукты компании Microsoft, по сути дела, являются стандартом в области пакетов офисных программ и операционных систем. В этом контексте продукт, предлагаемый китайской компанией KingSoft, напоминает ограниченную по своим функциям копию пакета офисных программ компании Microsoft и существует на рынке только за счет своей низкой цены и порой протекционистской поддержки правительства КНР.

Несмотря на то что нормы Всемирной торговой организации (ВТО) требуют обеспечивать равные права для всех участников рынка, Китай продолжает последовательно продвигать собственные решения в области ПО, в большинстве случаев предпочитая пусть и менее функциональные, но продукты местных разработчиков. Так, в декабре 2003 г. муниципальное правительство Пекина заключило контракт на поставку программного обеспечения с шестью национальными производителями, демонстративно отклонив специальное предложение Microsoft. Самый крупный контракт, на 1,8 млн долл., был подписан с компанией KingSoft, китайским производителем антивирусных программ и офисных приложений. Еще один из заключенных контрактов получила компания Red Flag Software, разработчик китайской версии Linux — Red Flag Linux. Правительство Пекина приобрело операционную систему, а также решения для автоматизации офисной работы и антивирусные средства, заменив нелегализованные версии ПО от иностранных компаний, более чем в 60 департаментах и ведомствах, которые находятся под его управлением. В ноябре 2004 г. муниципальная администрация Пекина отменила заказ на сумму 29,25 млн ю., размещенный накануне в корпорации Microsoft. После подписания соглашения государственные власти подверглись критике со стороны китайских производителей ПО, утверждавших, что правительство не поддерживает отечественного производителя, что, по всей видимости, и стало причиной расторжения соглашения.⁵

Выступая на семинаре с докладом о нынешнем состоянии и тенденциях развития отрасли программного обеспечения в Китае, представитель Министерства информатики Китая, председатель правления Китайской ассоциации отрасли программного обеспечения Чэнь Чунь отметил, что китайское правительство оказывает энергичную поддержку развитию отрасли ПО в финансовом, налоговом и техническом отношении.⁶ Так, по его словам, Китай активно развивает интернет как экономическую среду, поддерживая на государственном уровне контрактное программирование. Известно, что оплата за контракт исчисляется исходя из стоимости часа работы программиста, в которой учитываются его зарплата и другие расходы: зарплата руководства, аренда помещения, свет, расходы на интернет, на электричество и т. п. Но если в США эта стоимость превышает 100 долл., в Индии — от 25 до 40 долл., то в Китае она составляет немногим больше 10-15 долл. США.

После того как Министерство науки и техники КНР объявило о начале реализации государственной программы “Факел”, в Китае было создано 19 парков по разработке программного обеспечения, которые были расположены в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Сиане, Даляне, Гуанчжоу, Ухане, Фучжоу, Сямэне и Хуфэе. Программа “Факел”, направленная, главным образом, на совершенствование научного и технического развития КНР, и по сей день осуществляет финансовую поддержку локальных компаний-разработчиков программного обеспечения. С 1995 г. на средства, выделенные на эту программу, было профинансировано более чем 600 проектов по разработке программного обеспечения. В 2000 г. компаниями, расположенными в т.н. парках развития разработки программного обеспечения, от экспорта программного обеспечения за границу было получено около 180 млн долл., что составило порядка 80% от общего импорта страны в данной отрасли производства.

В последнее время китайские разработчики активно включились в развитие своего собственного решения в области разработки операционных систем (ОС). Продвигаясь, как и во многих других областях, своим специфическим путем — создав и развивая национальный клон Linux под названием Red Flag Linux (символ — общеизвестный пингвин, но с красным флагом). Версии системы для настольных ПК продаются в Китае в среднем по 80-90 ю. за лицензию, стоимость же серверных версий, как правило, превосходит сумму в 3000-5000 ю.

При поддержке правительства ведется разработка операционной системы, задуманной в качестве альтернативы ОС Windows. Работу над новой ОС, получившей название “Янфань”, ведут около двадцати компаний и университетов КНР. Одна из первых версий ОС уже проходит тестирование в китайских государственных учреждениях. Что именно китайские разработчики взя-

ли за основу “Янфань”, доподлинно неизвестно. Однако, вице-президент софтверного отделения аналитической компании International Data Company (IDC) Дэн Кузнецки полагает, что, вероятнее всего, основой для китайской ОС стала одна из систем с открытым исходным кодом. Наиболее вероятным кандидатом на роль прототипа “Янфань” Кузнецки считает Linux.⁷ Действительно, у Китая уже имеется довольно успешный опыт развития в этом направлении, примером тому может послужить уже выпущенная китайскими разработчиками на рынок операционная система Red Flag Linux. Также немаловажным фактором является и то, что использование исходного кода Linux для создания новых вариантов ОС не является противозаконным. Наконец, одним из ключевых достоинств данной платформы является уже реализованная совместимость Linux с популярными программами для Windows.

В области разработки систем с открытым исходным кодом в Китае также существуют свои национальные особенности. Как заявляет вице-президент компании Red Hat Марк Уайт, некоторые разработчики Linux-программ в континентальном Китае нарушают стандарты разработки свободно распространяемого программного обеспечения, отказываясь предоставить для открытого доступа модифицированные ими исходные тексты. “Китай не в первый раз пытается установить контроль над ними, обернув их в оболочку из китайских приложений и заявив, что теперь это их собственная технология”, — заметил Уайт.⁸

Однако в реальности китайские Linux-разработчики зачастую не выпускают коммерческих пакетных приложений. Как заметила Дороти Янг из IDC China, сейчас, в большинстве случаев, выполняется только работа по настройке программ, созданных на основе свободно распространяемого кода Linux. “В определенном смысле, нет необходимости делать открытыми исходные коды, все изменения в которых связаны исключительно с более тонкой настройкой, ориентированной на отдельно взятого клиента, поскольку все это делается для каждого случая по-своему”, — считает эксперт. Альберт Чанг, ведущий специалист по маркетингу компании Sun Wah Linux, участвовавшей в создании Red Flag Linux, подтвердил, что исходные тексты корпоративных приложений часто не распространяются китайскими разработчиками. “Они создают приложения на основе свободно распространяемых платформ, но исходные тексты этих приложений оставляют закрытыми, — заметил Чанг. — Было бы идеально, если бы все исходные тексты оставались в свободном доступе, это очень хорошо для интеграции. Впрочем, учитывая складывающуюся на сегодня тенденцию, люди могут начинать свои разработки со свободно распространяемой платформы, но все, что они создадут дальше, вряд ли всегда будет оставаться на 100% открытым”⁹.

В качестве примера одного из наиболее динамично развивающихся направлений в индустрии ПО Китая можно отметить работу компаний, занятых в области разработки и реализации компьютерных игр. Над разработкой компьютерных игр работает более 1000 компаний. Общий объем рынка компьютерных игр в 2004 г. оценивался экспертами в 3,61 млрд ю., что на 36,7% выше аналогичного показателя за 2003 г. Подобные результаты были достигнуты в первую очередь благодаря значительному росту сегмента онлайн-игр. Так, в 2004 г. общее число участников онлайн-игр, одновременно находящихся в сети, составило рекордную цифру в более чем 2,81 млн человек, тогда как в 2003 г. это число было равно лишь 1,77 млн. Число зарегистрированных игроков в онлайн-проектах составило более 20,25 млн человек, что превышает подобный показатель за 2003 г. более чем на 47%. Общий объем рынка онлайн-игр в 2004 г. составил 3,497 млрд ю., что на 43,9% выше аналогичного показателя за 2003 г. и практически в 11 раз превосходит объем этого рынка в 2001 г. По данным IDC, ожидается, что уже к 2007 г. Китай по объему рынка онлайн-игр обгонит Южную Корею и станет крупнейшим игровым рынком в Азии.¹⁰

На фоне довольно значительного роста сегмента онлайн-новых игровых проектов, направление офлайн-игр демонстрирует признаки серьезного снижения своих показателей. Так, анализируя соотношение офлайн- и онлайн-рынка игр в Китае, можно отметить, что офлайн-сегмент составляет лишь 3,1%, тогда как остальные 96,9% занимает онлайн. Интересно, что еще в 2001 г. объем оф-

лайн-рынка незначительно превосходил онлайн направление и был равен 0,34 млрд ю. (52,1%), превышая онлайн рынок с объемом в 0,31 млрд ю. (47,9%), которое уже тогда демонстрировало довольно стабильные тенденции к росту. Так, буквально за последние 4 года объем рынка офлайн-игр сократился практически втрое.

Большой популярностью пользуются игры тайваньских, корейских и японских разработчиков. В Китае успешно работают представительства многих известнейших во всем мире игровых компаний. Однако выпуск игр представляют большую сложность для иностранных компаний, работающих на территории КНР, прежде всего это связано с получением специального разрешения дающего право компании издателю выпустить игру на рынок. Компания-издатель обязана пройти специальную комиссию, которая проверяет игру на допустимость содержания и "политическую" корректность. Именно по этой причине многие игры, успешно выпущенные на Западе и пользующиеся там большой популярностью, так и не были допущены к продаже на рынок континентального Китая. Согласно статистике за 2004, 2003, 2002, 2001 гг. в Китае было официально получено разрешений и выпущено 116, 194, 397, 313 игр соответственно.¹¹ Наибольшей популярностью среди выпущенных продуктов пользовались игры местных разработчиков, что еще раз подтверждает способность китайских компаний разработчиков выпускать на рынок продукты, которые способны составить конкуренцию компаниям мировым лидерам в этой отрасли, а также подчеркивает важность понимания местной специфики для успешной работы на китайском рынке ПО.

Таблица 5

Продажи компьютерных игр в КНР (2002-2004гг.) (млрд ю.)

Тип игр	2004	%	Рост	2003	%	Рост	2002	%
PC игры	0,13	3,1%	-46,2%	0,21	7,8%	-22,2%	0,27	21,8%
Online игры	3,497	96,9%	43,9%	2,43	92,2%	150,5%	0,97	78,2%
Итого	3,61	100%	36,7%	2,64	100%	112,9%	1,240	100%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО]. Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005. С. 499.

Постоянно растет популярность обучающего ПО в Китае. Согласно утверждению Министерством образования КНР "Программе по дальнейшему распространению образования на 2003-2007гг.", информатизация этой отрасли станет основой для дальнейшего развития промышленности.¹² Информатизация процессов обучения выдвигается как одна из приоритетных задач дальнейшего развития системы образования КНР. Так, в рамках проводимой программы развития высоких технологий "863", государство только в течение 2004 г. выделило 17,6 млн ю. для реализации более чем 32 проектов в области разработки обучающего ПО. Китайские компании занимают доминирующее положение на местном рынке и активно перенимают новейшие методы разработки подобного программного обеспечения на Западе, используя современные технологии и методики проектирования мультимедиа-приложений.

Таблица 6

Продажи обучающего программного обеспечения в КНР, 2003 г.

Тип продукта	Объем продаж (тыс. коробок)	Соотношение	Объем продаж (млн ю.)	Соотношение
Обучающее ПО для школ	93,51	3,72%	12,89	10,23%
Вспомогательное обучающее ПО	122,41	4,87%	5,61	4,45%
ПО по обучению работе с ПК	1048,42	41,71%	35,42	28,11%

Тип продукта	Объем продаж (тыс. коробок)	Соотношение	Объем продаж (млн ю.)	Соотношение
ПО по изучению иностранных языков	1112,77	44,27%	59,64	47,32%
Другое	136,49	5,43%	12,46	9,89%
Итого	2513,60	100%	126,03	100%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2004 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2004 г. Китайская ассоциация индустрии ПО]. Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2004. С. 415.

Лидирующие позиции в этом сегменте занимают государственные компании, выросшие из давно существующих издательств, ранее специализировавшихся исключительно на печатных изданиях и в настоящий момент активно развивающих отделения, занимающиеся мультимедиа-приложениями. Наблюдается довольно устойчивая тенденция перевода большого числа учебных материалов и пособий в цифровой формат для дальнейшего их распространения на медиа-носителях (CD-ROM, DVD-ROM) или через Интернет. Все большей популярностью пользуются электронные издания книг.

Таблица 7

Продажи электронных книг в КНР, 2003 г.

Тип продукта	Объем продаж (тыс. коробок)	Соотношение	Объем продаж (млн ю.)	Соотношение
Справочные материалы	386,72	6,59%	4,61	4,28%
Книги	5471,52	93,24%	102,41	95,06%
Другое	4,11	0,07%	0,71	0,66%
Итого	5860,82	100%	107,73	100%

Источник: Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2004 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2004 г. Китайская ассоциация индустрии ПО]. Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2004. С. 415.

В стране издается значительное количество материалов, посвященных компьютерной тематике, практически в любом магазине можно найти переводные издания известнейших западных авторов. Китайские специалисты имеют возможность следить за последними новостями в этой области.

Согласно данным, опубликованным в совместно проведенном исследовании компаний Business Software Alliance (BSA) и IDC, ¹³ уровень пиратства в азиатском регионе в 2003-2004 гг. по-прежнему находится на очень высоком уровне и равен 53%, что представляет серьезную угрозу для индустрии ПО в целом. Так, одним из выдвинутых условий вступления Китая в ВТО было ограничение незаконного распространения программного обеспечения. Несмотря на это, Китай по-прежнему лидирует в списке стран, где пиратство наиболее распространено. По данным опубликованного исследования, уровень пиратства в Китае в 2004 г. составлял 90%, что несколько ниже аналогичного показателя за 2003 г. тогда он был равен 92%. По финансовым потерям от нелегального использования ПО в 2004 г. Китай находится на втором месте — 3,565 млрд долл., а США занимают первое место с уровнем потерь в 6,645 млрд долл., что почти на 80% превосходит этот показатель в КНР.

Китайские компании страдают от пиратства ничуть не меньше, чем иностранные лидеры индустрии ПО, такие компании как Microsoft или Adobe, активно осваивающие азиатские рынки. Хотя законодательство, регулирующее процесс производства и продажи программного обеспечения, было принято в Китае еще в 1991 г., фактически оно до сих пор не работает. Китайский покупатель считает цены на лицензионное программное обеспечение необоснованно высокими, притом что оно может быть довольно легко скопировано. По сей

день на рынке существует довольно много путей приобретения пиратских копий популярного программного обеспечения, обучающих программ и игр. Несмотря на значительные усилия китайского правительства по ужесточению мер применяемых к продавцам, а также производителям, занимающихся нелегальным копированием программного обеспечения, пиратство до сих пор остается серьезной проблемой.

Что касается мер, предпринимаемых правительством против пиратства, то следует обратить внимание на следующее. В 1994 г. в Китае начал свою работу специальный центр регистрации программного обеспечения, деятельность которого курировалась Национальной Администрацией по защите авторских прав (National Copyright Administration (NCA)), а также Министерством электронной промышленности (Ministry of Electronics Industry (MEI)) КНР. Последний факт вызвал бурю возмущения со стороны иностранных компаний, стремящихся пробиться на китайский рынок, поскольку MEI являлось соучредителем огромного количества компаний, занятых в сфере производства ПО в Китае. Созданный центр обладал обширными полномочиями, но иностранные компании не торопились регистрировать в нем свое программное обеспечение, в основном, по двум причинам. Во-первых, одним из условий регистрации являлось предоставление полного доступа к исходному коду регистрируемого ПО, а во-вторых, согласно принятым правилам работы центра, любая компания могла зарегистрировать программный продукт в реестре, даже не являясь его разработчиком.

Китайские компании осознают важность проблемы борьбы с пиратским распространением нелегальных копий. Так, в 1995 г. был создан Китайский альянс производителей ПО (China Software Alliance), при поддержке Государственного Комитета по науке, Министерства электронной промышленности, Государственного Комитета по защите интеллектуальной собственности, Правительства г. Пекина. Работа альянса направлена на поиск путей решения проблемы нелегального копирования и распространения программного обеспечения. Альянс включает в себя 15 наиболее крупных представителей индустрии ПО Китая, в него вошли такие компании, как Founder Group, Lenovo Group, Stone Group, Hope Group, UFIDA, Federal Software, KingSoft Software и др. Менеджмент компаний осознает всю серьезность этой проблемы и, по всей видимости, считает, что поиск ее решения является одним из самых больших приоритетов в деле дальнейшего развития рынка ПО в Китае.

Развитие здорового рынка программного обеспечения — довольно длительный процесс, и правительству КНР еще предстоит предпринять множество мер для достижения этой цели. Однако следует более взвешенно подходить к этому вопросу и учитывать интересы компаний разработчиков ПО, чтобы, создавая новые правила с целью оздоровления ситуации на рынке, не создавать еще большие препятствия на пути компаний, работающих в этой области.

Китай является не только потенциально сильным игроком на мировом рынке производства ПО, но также обладает огромным рынком для его реализации, что, в свою очередь, привлекает все больше и больше иностранных компаний для работы на китайском рынке. Китай, как правило, разделяет ПО на "отечественное", "импортное" и, соответственно, "привилегированное импортное". Под отечественным ПО подразумеваются продукты, для разработки которых не менее половины средств было потрачено в Китае. Правительственные органы вынуждены получать специальное разрешение на покупку импортного ПО. Таким образом, для иностранных компаний, занятых в этой индустрии, зачастую существуют всего два варианта выхода на китайский рынок без лишних проблем — это совместное предприятие с национальным производителем или работа через китайского агента. Открытие отделений по разработке ПО и совместных исследовательских центров стало уже довольно устоявшейся практикой как для крупных транснациональных компаний, так и для более мелких компаний, пытающихся выйти на китайский рынок — порой компании просто вынуждены идти на подобные шаги.

Совершенно очевиден тот факт, что сотрудничество с иностранными компаниями в области научных исследований при разработке образцов высо-

котехнологичной продукции должно рассматриваться как успех местных исследований в области высоких технологий, так и, в большей степени, как процесс передачи технологий Китаю. Определить истинный уровень совместно проводимых исследований довольно сложно, хотя и возможно сделать некоторые предположения, исходя из общего уровня подготовки китайских сотрудников, принимающих участие в совместно реализуемых проектах. Китайские программисты часто придерживаются общепринятых стандартов в процессе разработки программного обеспечения и работают, опираясь исключительно на ранее реализованные проекты.

Большая часть работ, проводимых в совместно организованных научных центрах, ведется в области локализации (перевод на китайский язык и модификация продукта с учетом местной специфики и принятых стандартов) ранее разработанных проектов, а не над созданием принципиально новых технологий. Примером, подтверждающим этот факт, может служить ситуация на рынке разработки программного обеспечения, где основная работа ведется именно в области локализации ранее разработанного программного обеспечения. Наблюдается процесс довольно активного импорта технологий и инноваций в сфере разработки и проектирования ПО. Очевидно, что иностранные предприятия вносят основной вклад в проводимые научные исследования в области высоких технологий, и именно от них зависит уровень китайских разработок, в том числе и в области ПО. Большая часть китайских компаний занимается копированием уже существующих на Западе образцов ПО, тем самым задача сводится лишь к простой локализации продукта или уже существующего решения для нужд китайского потребителя.

1. Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2004 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2004.
2. Dexter Roberts. Move over, microsoft (int'l edition) // BusinessWeek, Nov. 18, 1996.
3. В этом году затраты на компьютеризацию государственного аппарата в Китае составят 35 млрд юаней // Синьхуа. 2002. 8 ноября.
4. Чжэнфу чжичи цзяди цзягэ, цзиньшань цзянба вэйжуань цзичу шанхай сюэсяо [Правительство поддерживает снижение цен, KingSoft вытеснил Microsoft из шанхайских школ]. http://www.chinadaily.com.cn/gb/doc/2003-08/22/content_257164.htm, 2003. 22 августа.
5. Beijing cancels 29.25 mln yuan software deal with Microsoft. 2004. 29 ноября. <http://www.forbes.com>
6. Доля Китая в глобальном объеме продукции отрасли программного обеспечения — 1,6 процента. 2002. 25 июля. <http://russian.peopledaily.com.cn>
7. В Китае разрабатывают [альтернативу Microsoft Windows] // 23 July 2002; <http://www.compulenta.ru>
8. Сим Стефании. Китайские разработчики нарушают “правила игры” // Computerworld. #37/ 2001. 2001. 15 ноября. http://www2.osp.ru/cw/2001/37/026_1.htm
9. Сим Стефании. Китайские разработчики нарушают “правила игры” // Computerworld. #37/2001. 2001. 15 ноября. http://www2.osp.ru/cw/2001/37/026_1.htm
10. IDC says Asia/Pacific Online Gaming Subscription Revenue to Hit US\$1 billion in 2005. 24 May 2004. <http://www.idc.com.sg>
11. Чжунго жуаньцзянь чанье фачжань яньцзю баогао — 2005 [Отчет о развитии китайской индустрии ПО — 2005 г. Китайская ассоциация индустрии ПО] // Чжунго жуаньцзянь ханье сехуэй. 2005.
12. “2003-2007 нянь цзяюй чжэньсин синдун цзихуа” [“Программа по дальнейшему распространению образования на 2003-2007 гг.”] // Цзяюйбу. 2004. 10 февраля.
13. First annual bsa and idc global software piracy study. July 2004; <http://www.bsa.org>; Second annual bsa and idc global software piracy study. May 2005; <http://www.bsa.org>

Трудная дорога к миру
(К 50-летию подписания советско-японской
Совместной декларации)

© 2006

В. Павлятенко

После исключительно сложных переговоров в 1955 — 1956 гг. 19 октября 1956 г. в Москве высшими должностными лицами Советского Союза и Японии была подписана "Совместная декларация СССР и Японии", которая определяла параметры урегулирования послевоенных двусторонних отношений и сотрудничества двух стран на международной арене и провозглашала "мир и добрососедские дружественные отношения" между СССР и Японией. Декларация прекращала "состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией", восстанавливала "дипломатические и консульские отношения", определяла принципы межгосударственных отношений в соответствии с Уставом ООН, закрепляла обязательство СССР поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены ООН, окончательно решила вопрос о репатриации японских военнопленных, подтверждала отказ СССР от всех репараций и претензий к Японии, фиксировала готовность обеих сторон к заключению договоров и соглашений "для того, чтобы поставить на прочную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения", вводила в действие двустороннюю Конвенцию о рыболовстве от 14 мая 1956 г., определяла условия и последовательность шагов при последующем заключении мирного договора.¹ Декларация одновременно была ратифицирована Президиумом ВС СССР и парламентом Японии 8 декабря 1956 г. и вступила в силу 12 декабря 1956 г. после состоявшегося в Токио обмена ратификационными грамотами. Процедура ратификации Совместной декларации, характерная для международных договоров, придавала ей "особый правовой статус".²

Сегодня, с позиций 50-летней истории подписания Декларации еще лучше, чем прежде, видится исключительная значимость данного документа в развитии советско/российско-японских отношений за весь послевоенный период как фундамента всеобъемлющих связей между двумя государствами: политических, дипломатических, экономических, научно-технических, культурных, а в последнее десятилетие и военных. Фундамента, который стал основой построения договорно-правовой системы взаимоотношений, регулирующей и оп-

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН.

ределяющей современные российско-японские отношения. По сей день Декларация продолжает оставаться единственным двусторонним документом, ратифицированным высшими государственными органами обеих стран, что подчеркивает ее непреходящую значимость.

Уникальность Совместной декларации состоит еще и в том, что она заключалась в условиях обостряющейся "холодной войны" и раскола мира на два противоборствующих лагеря. Обе договаривающиеся стороны были представителями этих лагерей, исповедовали непримиримые идеологии, строили разные типы социально-экономических систем, входили во враждебные друг другу военно-политические коалиции. Указанные факторы дают основание утверждать, что Декларация во многом стала не столько продуктом международного права, сколько результатом международно-политических реалий того исторического периода времени. Это очевидное обстоятельство обуславливает необходимость взвешенно подходить к оценке итогов как самого переговорного процесса, так и значимости Совместной декларации для настоящего и будущего российско-японских отношений.

* * *

Особенность переговорного процесса 1955-1956 гг. состояла, прежде всего, в том, чтобы добиться компромисса по уже достигнутым результатам послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке после подписания Японией Акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. и заключения Сан-Францисского мирного договора 8 сентября 1951 г. Эти результаты отражали не только факт разгрома держав оси, они являлись следствием усиливающегося противостояния между бывшими союзниками — США и СССР, обеспечивали стратегические интересы указанных держав, которые стремились усилить свои позиции в мире, обеспечить свою главенствующую роль в послевоенном мироустройстве.

Сложный процесс формирования послевоенного международного порядка протекал одновременно и на Западе и на Востоке. Обе великие державы старались потеснить друг друга как в Европе, так и в Азии. Очевидное соперничество двух держав непосредственным образом сказалось на подготовке всех послевоенных международно-правовых документов. Анализ отечественных и зарубежных исторических материалов всех категорий (официальных документов, секретной переписки, мемуаров участников событий, аналитических исследований и др.) четко отражает реалии того периода: свои "потери" в Европе США пытались "компенсировать" на Дальнем Востоке. СССР, в свою очередь, тоже стремился "увязать" события в указанных геополитических регионах. Однако, вряд ли сегодня правомерно осуждать и критиковать СССР и США: обе державы проводили ту политику, которая в их понимании максимально отвечала их национальным интересам во всех сферах, и в первую очередь в сфере обеспечения военной безопасности. Именно это очевидное обстоятельство объясняет тот факт, что в послевоенном урегулировании советско-японских отношений зримо "присутствовали" США, которые, по сути, были "третьим участником переговоров" и оказали исключительное влияние на формирование основ послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке.³

Президент США Ф.Рузвельт буквально в первые дни после нападения Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., по сути, поставил перед советской стороной вопрос о желательности вступления СССР в войну против Японии. Зондаж продолжался и в последующем. И только на Крымской конференции 4-11 февраля 1945 г. в соответствии с договоренностью руководителей трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Велико-

британии" советская сторона взяла на себя обязательство "через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе" вступить в войну против Японии.⁴ При этом, главы трех великих держав подписали соглашение, по которому условием вступления СССР в войну против Японии станет, кроме всего прочего, "возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов", и "передача Советскому Союзу Курильских островов".⁵

Решения Ялтинской конференции — это первый совместный документ трех великих держав, в котором, по сути, была выстроена концепция послевоенного устройства мира. И в этой концепции решение территориального вопроса в пользу СССР занимало такое же место, как и решение о создании ООН, о территориальной опеке, репарациях и др. Ялтинское соглашение — результат компромисса, в котором все стороны пошли на уступки друг другу: США и Великобритания — согласились удовлетворить территориальные претензии СССР, несмотря на наличие известных договоренностей в рамках Атлантической хартии, решений Каирской конференции; СССР согласился с требованиями США и Великобритании по таким вопросам, как формула голосования в Совете Безопасности ООН, не стал возражать против членства Франции в Контрольной комиссии по Германии, согласился с поправками Великобритании по Югославии, содержанием "Декларации по освобожденной Европе", послевоенным положением Польши.⁶ Но главное состоит в другом — три государственных лидера, возглавлявшие всемирную борьбу против фашизма и японского милитаризма, самостоятельно решали вопросы послевоенного мирового порядка так, как это отвечало их интересам.

Спустя много лет после Ялты современные исследователи и некоторые политические деятели и в США, и в Японии подвергли резким негативным оценкам "соглашательскую позицию" Ф. Рузвельта на Крымской конференции. Одни отнесли его "просчеты" на "неосведомленность и историческую неграмотность".⁷ Другие — на состояние его здоровья.⁸ Третьи назвали действия американского президента "глупостью" и считали, что США должны были сами "оккупировать Курилы".⁹

Однако Ф.Рузвельт не заслуживает такой критики. На самом деле он был прекрасно осведомлен об исторических аспектах статуса данных территорий, ясно осознавал, что "территориальные уступки русским" не соответствуют уже имеющимся международным договоренностям изымать у побежденных стран только территории, "приобретенные силой оружия и в результате агрессии".

"Проблему Курил" Ф.Рузвельт продумывал, начиная с 1943 г. Будучи осведомленным о результатах разработки данного вопроса в группе по территориальным вопросам Консультативного совета по послевоенному устройству (КСПУ — President's Postwar Advisory Committee — PWAC) при президенте, усиленной специалистами из исследовательского отдела Госдепартамента,¹⁰ Ф.Рузвельт в течение 1943-1945 гг., вплоть до Ялтинской конференции, выстраивал собственную позицию. Еще в 1940 г. он был проинформирован об интересе И.Сталина к Курильским островам¹¹ и эту заинтересованность он хотел использовать в качестве одного из главных факторов реализации интересов безопасности собственно США в Восточной Азии в послевоенный период.

Готовность Ф.Рузвельта "задобрить" И.Сталина базировалась на его стратегическом видении перспектив отношений с СССР и послевоенного мирового устройства в целом, а не была плодом его "исторической безграмотности". Американский президент хорошо понимал военно-стратегическую важность островов для обеспечения безопасности СССР, и, принимая во внимание задачу в какой-то мере сбалансировать взаимоисключающие интересы Японии и СССР,

принял решение о передаче островов последнему. Нельзя не согласиться с мнением американского исследователя М.Джалликкио о том, что "это решение было составной частью "большой политики" США в отношении СССР. Уступка Курил СССР изначально входила в планы Рузвельта по формированию конструктивных отношений с СССР в послевоенный период, и с этой точки зрения он не считал нужным создавать барьер в виде Курильских островов в отношениях со Сталиным".¹² "По расчетам ФДР — продолжает М.Джалликкио — одной из форм сохранения послевоенного мира должно было стать создание системы военных баз по периметру побежденных в войне государств. В Азии это означало лишение Японии Курильских островов. Совершенно очевидно, что при планировании такой глобальной системы, создаваемой ради сохранения стабильности и мира, вопросы суверенных прав и юридических титулов не являлись помехой для реализации плана Рузвельта по обеспечению послевоенной безопасности".¹³ В своей решимости "вернуть Сахалин и передать Курилы русским" Ф.Рузвельт заручился согласием ОКНШ.¹⁴

Таким образом, согласие США и Великобритании на возврат и передачу Сахалина и Курильских островов СССР, официально закрепленное в Ялтинском соглашении, было ничем иным как документальным подтверждением доминирования интересов и принципов *real politic* в формировании послевоенного регионального и мирового порядка в целом, в обеспечении, прежде всего, собственных национальных интересов. Этот исторический факт невозможно игнорировать. Его следует принимать как свершившееся событие в жизни мирового сообщества, а потому всякие попытки критики исключительно сложного и противоречивого периода 60-летней давности с позиций нынешних реалий и международного права, которое в конечном итоге не несет в себе законодательной нормы, не только некорректны, но и контрпродуктивны.

Ф.Рузвельту не было суждено реализовать его стратегические проекты. Американский президент ушел из жизни 12 апреля 1945 г., его пост занял вице-президент Г.Трумэн. Со сменой руководства страны стал выссовываться и набирать силу "обратный курс", который сопровождался кардинальным пересмотром политики США в отношении СССР, его участия в процессе послевоенного устройства Японии, подготовке мирного договора, строительстве нового порядка в Восточной Азии в целом.

Уже в первые месяцы после безоговорочной капитуляции Японии между СССР и США стали возникать взаимные упреки по принципам формирования контрольного механизма в этой стране, обособленным действиям американских представителей в Союзном командовании и др. Эти претензии в достаточно жесткой форме И.В.Сталин высказал в беседе с послом США в СССР У.А.Гарриманом в октябре 1945 г. Советский лидер, в частности, отметил, что в результате действий американской стороны "Советский Союз оказался в положении не союзника, а посторонней силы". "Может быть — продолжил И.В.Сталин — Америке нужны сателлиты, а не союзники? Должен сказать, что Советский Союз не годится для такой роли".¹⁵ Такое заявление спустя два месяца после совместной победы свидетельствовало о начале раскола между союзниками, который увеличивался по мере того как "обратный курс" Г.Трумэна стал набирать обороты.

Новый президент США поставил своей целью постепенно реализовать стратегию отказа от Ялтинского соглашения и, прежде всего, отказа от возвращения Сахалина и передачи Курильских островов СССР. В этом направлении были предприняты попытки исключить Курильские острова из числа районов, где советские войска должны были принимать капитуляцию японской армии в соответствии с "Общим приказом № 1"¹⁶, получить право на базирование американской авиации на одном из южнокурильских островов и т.д.¹⁷

Следует отметить, что Г.Трумэн "подпитывался" в основном от экспертов Госдепартамента, прежде всего, из Управления политического планирования, которые вели работу по поиску "аргументов и фактов" с тем, чтобы дезавуировать обещания США в соответствии с Ялтинским соглашением в отношении Курильских островов.¹⁸ Эта работа заметно активизировалась после издания Указа Президиума ВС СССР от 2 февраля 1946 г. об образовании Южно-Сахалинской области и включении ее "в состав Хабаровского края РСФСР".¹⁹ В самом Госдепартаменте не было единого мнения в отношении создания "доказательной базы" по "изъятию Курил" у русских. Более того, "задача" осложнялась еще и необходимостью "изъять и легально удержать" Окинаву в собственных руках. Даже после того, как все прерогативы по формулированию политики на японском направлении перешли от Департамента Дальнего Востока к Управлению политического планирования госдепартамента, который возглавил Д.Кеннан, ставший впоследствии послом США в СССР (1954-1963 гг.), "разброд и шатания" не прекратились.²⁰ Несмотря на конкретную установку Д.Кеннана "обосновать возвращение Японии Итурупа, Кунашира, Шикотана и группы Хабомаи"²¹, дело продвигалось весьма туго. Специалисты по географии, истории и праву самым тщательным образом анализировали широкий круг материалов. Однако результаты были далеки от того, чтобы подвести прочную историческую и правовую базу под предложение Дж. Кеннана. В частности, специалисты по географии пришли к заключению, что если можно, в принципе, доказать, что Шикотан и группа Хабомаи не являются частью Курильских островов, то же самое невозможно доказать в отношении Итурупа и Кунашира. Специалисты юридического отдела Госдепартамента после тщательного анализа материалов и документов так же пришли к выводу, что Итуруп и Кунашир всегда относились к Курильским островам. Таким образом, выводы специалистов, несмотря на большое желание руководства Госдепартамента и самого Г. Трумэна поддержать претензии Японии на все Курильские острова, свидетельствовали о том, что "нет юридической поддержки такому желанию".²²

Что же касается Пентагона, то военные однозначно понимали решения Ялтинской конференции и скрупулезно их исполняли. Кроме того, в результате анализа значимости Курильских островов для реализации оперативно-стратегических планов на театре военных действий вплоть до начала 1950-х годов Пентагон не проявлял к ним никакого интереса, что во многом обуславливало тщательность исполнения обязательств США, данных в Ялте. Уже 29 января 1946 г. в меморандуме главнокомандующего союзных держав № 677 (SCAPIN-677) было указано, что "японскому императорскому правительству надлежит прекратить осуществление или попытку осуществления правительственного или административного управления всеми территориями вне Японии... В целях исполнения директивы Японии надлежит включить в себя четыре основных острова (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов...исключая...Курильские (Тисима) о-ва, группу о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также о-в Сикотан".²³ Военные в целом считали, что мирный договор с Японией должен носить наказательный характер, что включало в себя возвращение Сахалина и передачу Курил СССР.²⁴ Главком союзных войск генерал Макартур был достаточно последовательным и независимым в плане осуществления оккупационной политики и выполнения международных обязательств, однако именно это обстоятельство приводило к серьезным трениям между ним, Госдепартаментом и даже самим президентом.²⁵

Искусственное "затягивание" американской стороной процесса подготовки мирного договора с Японией имело свое конкретное "объективное" обоснование. Уже 17 марта 1947 г. Макартур информировал Вашингтон о том, что

Япония готова к заключению мирного соглашения, а 11 июля Госдепартамент разослал приглашения одиннадцати странам участникам дальневосточной комиссии на предмет проведения предварительной конференции по подготовке проекта мирного договора с Японией. Однако это не отвечало планам Вашингтона в тот период, поскольку и Госдепартамент и сам президент придерживались мнения о том, что Япония еще не в полной мере готова стать союзником США по "сдерживанию коммунизма в Азии". Поэтому Вашингтон принял решение "не торопиться с подписанием мирного договора" до тех пор, пока "внутренние условия в Японии стабилизируются" и создастся возможность восстановления баланса сил с СССР путем "укрепления независимости различных стран".²⁸ Кроме того, и самое главное — для обеспечения интересов безопасности США в Восточной Азии необходимо было иметь "дружественную Японию" даже при условии сохранения номинально враждебного Китая.²⁹

К 1950 г. упомянутые условия "созрели". В мае 1950 г. специальным советником президента был назначен Дж.Ф.Даллес, который возглавил процесс подготовки к заключению мирного договора с Японией. Основная цель Дж.Ф.Даллеса, который выдвинул собственный проект мирного договора, озаглавленный "Семь принципов заключения мирного договора с Японией", состояла в том, чтобы как можно дальше отойти от Ялтинского соглашения и обязательств США по нему.²⁸ Кроме того, в проекте ставилось условие: Сахалин и Курильские острова будут переданы СССР только при условии подписания им мирного договора. Советская сторона выступила с резкой критикой этого проекта за отход США в нем "от прежних договоренностей", касавшихся не только Сахалина и Курильских островов, но и ставивших вопрос о передаче США в мандатное управление под эгидой ООН островов Рюкю и Бонин. Серьезные возражения по проекту были у Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Филиппин, Бирмы, у правительства Чан Кайши.²⁹

Японская сторона тоже "откликнулась" на проект заявлением в том смысле, что она готова быть на стороне "свободного мира" против коммунистического блока, пойдет на заключение сепаратного договора с США, но при условии оставления Окинавы, Бонин и Курильских островов за Японией.³⁰ С.Есида и другие японские официальные лица настойчиво требовали от Дж.Ф.Даллеса объявить суверенитет Японии в окончательном тексте мирного договора.³¹

Но у Даллеса был другой план. К марту 1951 г. он подготовил переработанный проект договора, в котором отвергались требования Японии в отношении Южных Курил, но сохранялась обусловленность передачи Курил СССР при условии, что он станет участником данного договора. Известный американский исследователь Т.Хасэгава отмечает, что у Дж.Ф.Даллеса были основания считать, что СССР не подпишет договор и тогда в этом случае "разлад между СССР и Японией будет играть в пользу интересов США".³² Кроме того, сделав ничего не значащую для США уступку Японии в отношении островов Бонин, Дж.Ф.Даллес тем самым рассчитывал на то, "японский ирредентизм* будет повернут с юга на север — против СССР".³³

При подготовке мирного договора Даллес интерпретировал Ялтинские соглашения как заявление об общих целях. Это означало, что для получения суверенитета над Курилами СССР должен подписать мирный договор с Японией. Поскольку шансов на то, чтобы СССР участвовал в контролируемом США процессе подготовки этого договора было мало, то и окончательное состояние Курил оставалось бы неопределенным. Но одновременно это не означало, что Даллес приготовился полностью отказаться от Ялтинских соглашений. Есида безуспешно пытался убедить Даллеса включить в текст договора четкое

* Ирредентизм — стремление к воссоединению территорий.

признание претензий Токио на четыре острова. Но согласно плану Даллеса, урегулирование курильской проблемы должно было ждать заключения мирного договора Японии с СССР.

Великобритания и представители Содружества возражали против такой формулы, считая, что договором с Японией следует решить территориальную проблему, а не создавать ее. МИД Великобритании в феврале и марте 1951 г. подготовил два собственных проекта договора и в обоих Курильские острова, включая группу Хабомаи, передавались советской стороне в соответствии с Ялтинским соглашением. В апрельском проекте английская сторона пошла на уступку своему "влиятельному партнеру" и исключила Хабомаи и Шикотан из состава Курильских островов. Окончательный вариант был согласован во время англо-американских переговоров 25 апреля — 4 мая 1951 г. в Вашингтоне. Суть изменений и поправок сводилась к тому, что если СССР не подпишет и не ратифицирует договор, он не получит суверенитета над Курильскими островами. Тем самым Дж.Ф.Даллесу удалось создать условия, при которых вопрос о Курильских островах оставался бы "в подвешенном состоянии". На одной из встреч помощник министра иностранных дел Великобритании "заметил с удовлетворением", что откладывание юридической передачи Курил до тех пор пока, русские не примут договор, оставит вопрос открытым для противоречий между СССР и Японией.³⁴

Проект англо-американского договора был направлен в Москву в конце марта 1951 г.; 14 июня проект был разослан другим странам с упоминанием, что поправки к нему принимаются до 13 августа 1951 г. 20 июля 1951 г. послы США и Великобритании посетили министра иностранных дел СССР, передали приглашение на участие в конференции и сделали пояснения по процедуре проведения конференции: участники приглашались для подписания договора без права внесения поправок. Таким образом, Советский Союз, внесший значительный вклад в разгром японского милитаризма, приглашался на конференцию только, чтобы поставить подпись под англо-американским проектом. Это было не только унижительным для СССР, но и в определенной степени являлось вызовом для него.

В своем выступлении на конференции, проводившейся 4-8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско, глава советской делегации, первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А.Громыко, давая комплексную критическую оценку условий подготовки и содержания англо-американского проекта договора, подчеркнул, что составители грубо нарушили свои обязательства по Ялтинскому соглашению в отношении Китая и СССР, других государств, "пострадавших от японской оккупации".³⁵ С учетом того, что англо-американский проект не отвечал тем требованиям, которые предъявляются к мирному договору с Японией, советский представитель предложил внести поправки — редакция имеющихся четырех статей и две новые статьи. Поправка по ст.2 п. с гласила: "Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалин, со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, оснований и претензий на эти территории".³⁶ Председатель конференции отклонил это предложение, сославшись на уже утвержденную процедуру конференции.

В выступлении Дж.Ф.Даллеса было отмечено, что в соответствии с условиями капитуляции, данный договор лишь определяет район суверенитета Японии, но не устанавливает окончательного статуса отторгнутых у Японии территорий. Давая пояснение в отношении "географического названия "Курильские острова", он подчеркнул, что американское правительство "не рассматривает Хабомаи в качестве составной части Курил" и судьбу этой гряды, по мнению американской стороны, "следует решить в Международном Суде".³⁷

Необходимо подчеркнуть в этой связи, что “пояснения” Д. Даллеса были ничем иным, как выражением точки зрения, не носившей правовой силы, и оно было лишь принято к сведению участниками договорного процесса. То же самое касается содержания выступления С. Есиды.³⁸

Договор подписали 48 стран, включая Японию, СССР, Чехословакия и Польша договор не подписали. Ни у одного из государств, подписавших договор, кроме США и Японии, не было даже комментариев по территориальным статьям. К моменту подписания мирного договора 8 сентября 1951 г. Сахалин и Курильские острова образовывали Южно-Сахалинскую область, входившую в состав Хабаровского края — субъекта РСФСР, о чем участники были хорошо информированы.

Спустя несколько часов после церемонии подписания Сан-Францисского мирного договора США и Япония заключили Договор безопасности, который сохранял американское военное присутствие на территории Японии. Япония стала членом западного лагеря и “краеугольным камнем” безопасности США на Тихом океане. В выступлении перед сенатом спустя некоторое время после подписания договора Даллес заявил, что договор с Японией — “первый официальный акт Соединенных Штатов, которым признается наша полная свобода от обязательств, взятых в Ялте”.³⁹ Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что после подписания Сан-Францисского мирного договора и японо-американского Договора безопасности США потеряли всякий интерес к “Курильской проблеме” и “резко прекратили подтверждать претензии Японии” на Итуруп, Кунашир и Шикотан.⁴⁰

Таким образом, США сделали максимум возможного, чтобы Сан-Францисский мирный договор для СССР и Японии не стал договором послевоенного урегулирования. Более того, обе страны формально продолжали оставаться в состоянии войны. Япония стала военно-политическим союзником США и тем самым включилась в “холодную войну” против СССР. Такое положение — не результат собственно советско-японских послевоенных отношений, а результат противоборства США и СССР на международной арене в целом в деле обеспечения собственных национальных интересов главным образом в сфере безопасности, результат борьбы за мировое лидерство. На Дальневосточном театре в 1951 г. “партия была за США”. По меткой оценке бывшего австралийского дипломата, ныне вице-президента Международного университета “Акита” Г. Кларка, “Макиавелли гордился бы” США, которые в 1951 заставили Японию отказаться от требований вернуть Курилы, включая Итуруп и Кунашир, а в 1956 г. пригрозили превратить Окинаву в американскую колонию, если Япония не сохранит свое требование в отношении всех Курил, включая Итуруп и Кунашир.⁴¹

Однако для СССР, с точки зрения легитимизации его присутствия на Курильских островах, в Сан-Францисском договоре содержалось главное — отказ Японии от прав, правооснований и претензий на Курильские острова. Этот факт имел и продолжает иметь абсолютный характер и является конкретным выражением международной практики отнесения территориальных постановлений мирных договоров к нормам объективного права международных отношений в целом, а не только отношений между государствами-участниками таких договоров. Отсутствие в договоре положений о суверенитете СССР над Курилами не имеет никакого отношения к принципиальной позиции почти всех участников договора. Это, в свою очередь, означает, что де-юре отказ Японии от Курил, на которых к этому моменту СССР в течение пяти лет осуществлял суверенитет, и на которые в официальном порядке никто из участников договора, включая США, не выдвигал претензий, де-факто подтверждал права Советского Союза. Это понимали и в США и в Великобритании.

Это же хорошо понимали и в Японии. Спустя чуть более месяца после подписания договора, премьер-министр С.Есида заявил в парламенте: «Согласно положению, содержащемуся в Сан-Францисском договоре, Япония отказалась от суверенитета и правооснований на Курильские острова, Сахалин и другие. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступать, Япония не имеет теперь права вмешиваться».⁴² Японская сторона тоже хорошо ориентировалась в реальной политической ситуации того периода.

Многие западные и российские исследователи отмечают, что отказавшись подписать англо-американский проект договора СССР допустил стратегическую ошибку и «политический просчет» — если бы СССР стал участником договора, то в советско/российско-японских отношениях не было бы «территориальной проблемы».⁴³ Сегодня — это очевидно, в 1951 г. — нет, поскольку в тот период баланс сил был другой, перспективы для СССР, как одного из мировых лидеров, были как никогда благоприятными, СССР добился военного паритета с США, лишив Вашингтон ядерной монополии в Восточной Европе укрепились позиции социалистического лагеря во главе с СССР. На Дальнем Востоке появились союзники — КНР и Северная Корея. В этих условиях проблема подписания договора, от подготовки которого СССР был незаслуженно отстранен и тем более договора, в котором ставились условия для партнера-победителя, становилась вопросом чести. Тем более, что руководство страны не видело для себя больших потерь, поскольку Сахалин и Курилы уже находились под суверенитетом СССР.

Несмотря на то, что после ратификации Японией Сан-Францисского договора руководство страны ужесточило отношение к советским представителям в Токио,⁴⁴ правительство СССР неоднократно демонстрировало свое стремление к добрососедству с Японией. Первые открытые сигналы с призывом к нормализации двусторонних отношений поступили из СССР в сентябре — октябре 1954 г.⁴⁵ Уже 11 декабря того же года, выступая в парламенте с программной речью, новый министр иностранных дел Японии только что сформированного кабинета И.Хатояма М.Сигэмицу, заявил о желании японской стороны «восстановить нормальные отношения с Россией и Китаем на взаимоприемлемых условиях».⁴⁶ 16 декабря В.М.Молотов ответил о готовности СССР к переговорам. Западные исследователи увидели в этой готовности «важный сдвиг в японской политике» СССР.⁴⁷ Что же касается Японии, то ее намерения нормализовать отношения с СССР во многом обуславливались внешнеполитическими и внутривластными целями нового кабинета министров во главе с лидером Демократической партии И.Хатояма.⁴⁸ Начинаясь новый этап в процессе послевоенной нормализации советско-японских отношений.

В результате активного обмена дипломатическими нотами между СССР и Японией о готовности вести переговоры и ряду процедурных вопросов в июне 1955 г. в Лондоне открылись двусторонние переговоры. Уже до их начала очевидным фактом стало то, что с первых же заявлений и обмена нотами к переговорам «подключились» и США, что во многом предопределило не только ход переговорного процесса, но его конечные результаты.⁴⁹

Переговоры начались в Лондоне 3 июня 1955 г. Советскую делегацию возглавлял посол СССР в Великобритании Я.А.Малик, японскую — профессиональный дипломат и член нижней палаты парламента Японии С.Мацумото.⁵⁰ Перед отъездом в Лондон С.Мацумото получил «инструкцию № 16», определявшую позиции, по которым японская делегация должна была добиться согласия СССР. Инструкция включала следующие позиции: 1) поддержка СССР в вопросе принятия Японии в члены ООН; 2) возвращение в Японию всех военнопленных; 3) возвращение Японии островов Хатобомаи и Шикотан, Курильских островов и Южного Сахалина; 4) обеспечение безопасности японских рыбаков,

ведущих промысел в северо-западной части Тихого океана; 5) открытие торговли.⁵¹ В содержании инструкции четко отражались стратегические приоритеты Японии в отношении СССР на тот период: вступление в ООН, восполнение утрат в трудовых ресурсах в результате проигранной войны, решение остро стоящих проблем продовольственной безопасности. Эта инструкция стала основой меморандума, который С.Мацумото вручил Я.А.Малику на втором заседании.

Советская делегация представила свой проект мирного договора на третьем заседании 14 июня 1955 г. Проект включал следующие предложения: прекращение состояния войны и восстановление официальных отношений на основе "равенства, взаимного уважения, территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и ненападения"; проведение последующих переговоров о заключении отдельных договоров и соглашений о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве, консульских отношений и др.⁵² Одновременно Я.А.Малик предложил постатейное обсуждение японского меморандума и советского предложения на основе предварительно достигнутого соглашения о конфиденциальности переговоров. Однако, министр иностранных дел Японии М.Сигэмицу по получении текста советских предложений грубо нарушил общепринятую в мировой дипломатии всех времен практику конфиденциальности переговоров, выступив на совещании заведующих политическими отделами ведущих японских газет с критикой советского проекта мирного договора.⁵³

На последующих встречах приоритетным в японской позиции стал вопрос о репатриации военнопленных. Советская сторона, не дожидаясь подписания соответствующего акта о прекращении состояния войны между двумя странами, осуществляла процесс репатриации с 1950 г. и как жест доброй воли продолжила его во время переговоров. Характерно, что тональность требований японской стороны вынуждала советского представителя неоднократно напоминать главе японской делегации о том, что "Япония проиграла войну и безоговорочно капитулировала".⁵⁴

Совершенно очевидно, что акцентирование японской стороной внимания на теме военнопленных было формой затягивания переговоров. Это объяснялось тем, что С.Мацумото был вынужден вести "двойную дипломатию": с одной стороны он не мог идти против желания премьер-министра нормализовать отношения с СССР, с другой — он был вынужден выполнять указания министра иностранных дел, у которого позиция в отношении переговоров с СССР в целом и в отношении территориальных претензий, в частности, обуславливалась позицией правого крыла политического истеблишмента и "мнением Вашингтона".⁵⁵

В подготовительный период к переговорному процессу премьер-министр И.Хатояма четко определили пределы "территориальной передачи" Японии — гряда Хабомаи и о-в Шикотан. Что касается "оставшихся территорий", то его позиция состояла в следующем: нельзя смешивать вопрос о гряде Хабомай и о-ве Шикотан с вопросом обо всех Курильских островах и Южном Сахалине, решенным в Ялте; Япония не вправе требовать передачи всех Курил и Южного Сахалина, поскольку она отказалась от них по Сан-Францисскому договору.⁵⁶

Однако эта позиция к началу переговоров была существенно "ревизована" при помощи американского союзника. В январе 1955 г., задолго до начала советско-японских переговоров, на основании аналитической записки департамента по делам Северо-Восточной Азии Госдепартамента США в отношении нормализации советско-японских отношений Дж.Ф.Даллес подготовил для посла США в Японии Д.Аллисона первый меморандум. В нем он высказал обеспокоенность в отношении того, что советско-японское сближение может иници-

ировать японо-китайский диалог, вновь поддержал позицию о принадлежности группы Хабомаи и о-ва Шикотан Японии.⁵⁷ Тем самым, считает Т.Хасэгава, Дж.Ф.Даллес хотел использовать территориальный вопрос для блокирования "советско-японской нормализации, не вызывая при этом возмущения японцев".⁵⁸ Во втором меморандуме Д.Аллисону от 26 февраля 1955 г. Дж.Ф.Даллес изложил следующие инструкции: первое — японо-советские переговоры на должны подрывать американско-японский договор безопасности; второе — советско-японское соглашение не должно вступать в противоречие с Сан-Францисским договором, группа Хабомаи и о-в Шикотан не являются частью Курильских островов и Японии следует передать данный вопрос в Международный Суд, если СССР будет против этого возражать.⁵⁹ Одновременно США оказали косвенное давление на Токио: в марте 1955 г. Вашингтон отказался принять М.Сигэмицу с официальным визитом, что "правильно" было расценено в Японии как недовольство японской позицией в отношении переговоров с СССР.⁶⁰

На встрече с главой японской делегации 9 августа 1955 г. Я.А.Малик сообщил ему, что Советское правительство готово пойти на встречу пожеланию японской стороны и передать группу Хабомаи и о-в Шикотан Японии при условии окончательного урегулирования "территориальных недоразумений" между двумя странами при подписании мирного договора. Одновременно Я.А.Малик подчеркнул, что советская сторона не увязывает общую нормализацию отношений и заключение мирного договора с обязательствами Японии по ее международным договорам с другими странами.⁶¹

Такой "прорывной" шаг со стороны советской стороны был, по словам С.Мацумото, "воспринят японским правительством с большой радостью".⁶² Глава японской делегации впоследствии отмечал, что в тот момент он подумал "о сближении взглядов сторон и о близости завершения переговоров".⁶³ Таков же был и смысл его телеграммы, направленной в Токио.

Указанный шаг советской стороны по-разному оценивается участниками обеих делегаций. В частности, член японской делегации, занимавший в тот период пост первого секретаря посольства Японии в Стокгольме, К.Ниидзэки признавал "неожиданный характер" советского предложения, и одновременно высказывал мнение, как свое, так и членов делегации, о том что советская сторона так и не использовала в полной мере имеющиеся на ее руках очевидные "козыри" — принятие Японии в ООН, проблему японских военных плененных, обеспечение доступа японской стороны к лову рыбы в Охотском море.⁶⁴

Советский участник второго этапа переговоров в 1956 г. академик С.Л.Тихвинский считает, что "запасная позиция" советской делегации, утвержденная Н.С.Хрущёвым, предусматривавшая уступку островов Шикотан и Хабомаи в случае согласия японской стороны на заключение мирного договора, была непродуманным волюнтаристским поступком Хрущёва, который в свою бытность руководителем страны, не считаясь с общественным мнением внутри страны и нормами международного и отечественного права, произвольно менял также и границы между союзными и автономными республиками Советского Союза (передача Крыма Украине, ряда российских территорий — Казахстану и Чечне и т.д.).⁶⁵ "В случае с Японией — продолжает С.Л. Тихвинский — Хрущёвым не только была юридически размыта ялтинская договоренность СССР, США и Великобритании о передаче СССР Курильских островов, но и Сан-Францисский договор, предусматривавший, что Курильские острова не входят в территориальный состав Японии".⁶⁶

Нельзя не согласиться с оценкой действий Н.С.Хрущёва, как проявления волюнтаризма, но вместе с тем хотелось бы найти его корни. Как представляется, они лежали в сфере геополитической "игры" Н.С.Хрущёва с США. Совет-

ский лидер пытался “разыграть японскую комбинацию”, с тем чтобы путем нормализации и последующего развития двусторонних отношений с Японией создать почву для ее “отрыва” от США, для разрушения основ американо-японского военно-политического союза и тем самым ослабить позиции Вашингтона на Дальнем Востоке, где “при удачном раскладе” можно было бы создать и возглавить советско-японо-китайскую коалицию против США. В такой “крупной игре” советские Хабомаи и Шикотан были “вполне приемлемой ценой”, а “территориальная откупная” — практика недавнего прошлого. В этой связи следует обратить внимание на следующее. В Ялте Ф. Рузвельт в своей “геополитической игре” с СССР первым использовал “территориальную откупную” в виде Курильских островов с целью втянуть СССР в войну против Японии и тем самым решить ряд задач: гарантировать минимальные потери армии США в войне против Японии и “задобрить” И. Сталина с целью гарантировать построение “не враждебных” отношений в послевоенный период. История распорядилась так, что в обоих случаях фигурировали одни и те же острова. Разница состояла в том, что Ф. Рузвельт без ведома американского народа “играл” территориями ему не принадлежавшими, а Н. Хрущёв — принадлежавшими Советскому Союзу. Именно последнее свидетельствует о том, что хотя шаги Н. С. Хрущёва носили волюнтаристский характер, однако они не имели никакого отношения к юридическим основам Ялтинского соглашения и Сан-Францисского договору, поскольку Советскому Союзу с его геополитическим весом в тот период не было нужды согласовывать вопрос о передаче собственных территорий кому-либо.

Телеграмма С. Мацумото о предложении советской стороны буквально “привела в панику” М. Сигэмицу и сторонников “жесткой линии”. Именно в этот момент М. Сигэмицу наконец то был принят в Вашингтоне, где он проинформировал Дж. Ф. Даллеса о ситуации в Лондоне. Американский партнер напомнил японскому коллеге о ст. 25 Сан-Францисского договора, запрещавшей делать какие-либо уступки стороне, не подписавшей договор. В случае нарушения Японией этой статьи (согласие Японии на два острова — В. П.), подчеркнул Дж. Ф. Даллес, США получают право требовать для себя таких же привилегий.⁶⁵ Такая позиция Дж. Ф. Даллеса свидетельствовала о том, что он не столько поддерживал стремление Японии к сохранению территориальной целостности сколько предпочитал оставить территориальный вопрос в японо-советских отношениях нерешенным.

Для М. Сигэмицу было ясно, что речь идет о претензиях США на Окинаву. Телеграмма С. Мацумото была скрыта не только от общественности, но и от самого премьер-министра И. Хатояма. Глава японской делегации в Лондоне получил содержание нового меморандума для передачи советской стороне: а) в день вступления в силу договора суверенитет над Итурупом, Кунаширом, Шикотаном и Хабомаи переходит к Японии; б) вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах должен быть решен на переговорах союзных государств, включая СССР и Японию, в возможно короткие сроки.⁶⁶ Это вызывающее “предложение” по определению не имело перспектив на какой-либо успех⁶⁶ и его главной целью был срыв переговоров, на которых к этому времени было согласовано 9 из 12 советских предложений. Первый этап переговоров в Лондоне закончился 15 сентября 1955 г.

Второй этап начался в январе 1956 г., японская сторона продолжала отстаивать свою уже известную неконструктивную позицию⁷⁰ и после 23 заседаний в марте 1956 г. японская делегация отбыла в Токио “для доклада о ходе переговоров и получения новых инструкций”.

К этому времени обострилась ситуация с рыболовством в дальневосточных водах СССР. Японские промышленники развернули хищнический лов

в акваториях, прилегающих к Камчатке и Курильским островам. С целью защиты своих биоресурсов Совет Министров СССР в марте 1956 г. принял постановление "Об охране запасов и регулировании промысла лососевых в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке". Такое постановление отвечало нормам международного морского права и было инструментом реальной политики по обеспечению всеобъемлющей безопасности СССР.

Японская сторона спустя два дня после опубликования 21 марта 1956 г. постановления Совмина известила советскую сторону о готовности вступить в переговоры о сохранении рыбных ресурсов и оказании помощи судам, терпящим бедствие в море. Японская делегация во главе с министром сельского хозяйства и лесоводства И.Коно, сторонником И.Хатояма, прибыла в Москву 27 апреля 1956 г., а 14 мая была подписана двусторонняя конвенция по рыболовству и соглашение об оказании помощи людям, терпящим бедствие в море. В соответствии с указанными документами, оба соглашения должны были вступить в силу одновременно с мирным договором или восстановлением дипломатических отношений между СССР и Японией. Однако советская сторона сделала очередное "послабление" и обусловила вступление в силу соглашения о ловле рыбы японскими судами в Охотском море возобновлением в ближайшее время переговоров о нормализации отношений между обеими странами.⁷¹

Переговоры возобновились 31 июля 1956 г. в Москве. Главой японской делегации был назначен С.Сигэмицу, как дань со стороны И.Хатояма проамерикански настроенным кругам в партии и в стране. Вторым полномочным представителем стал сторонник И.Хатояма С.Мацумото. Уже на первом заседании стало ясно, что японская сторона не настроена на конструктивный диалог. Ее предложение включало согласие СССР на передачу Японии Южнокурильских островов Итуруп и Кунашир в обмен на отказ Японии от претензий на Южный Сахалин и Курильские острова.⁷² Эти "предложения" были отвергнуты советской стороной и на всех встречах, включая встречи японских представителей с высшими советскими руководителями, советская сторона придерживалась твердой линии. Последнее обстоятельство, по свидетельству очевидцев, "надломило" Сигэмицу, который, по их оценкам, был готов подписать мирный договор на условиях СССР.⁷³

С целью затяжки переговоров М.Сигэмицу вылетел в Лондон для участия в международной конференции по Суэцкому каналу, где состоялось несколько встреч между ним и Д.Даллесом. В результате этих встреч-консультаций, переговоры в Москве закончились ничем. В Лондоне Д.Даллес в категорической форме потребовал от Сигэмицу отказа от урегулирования территориального вопроса с СССР и заявил, что "в отношениях с Японией США ведут себя мягко, а СССР — жестко. Наверное США следует занять подобную жесткую позицию... Если СССР приобретет все Курилы, то США могут навечно остаться на Окинаве и тогда ни одно японское правительство не сможет удержать (своих позиций)".⁷⁴ Американские угрозы носила абсолютно открытый характер.

Провал переговоров объективно ослаблял позиции кабинета И.Хатояма и премьер-министр решил сам включиться в процесс переговоров, приняв решение поехать в Москву лично. 11 сентября Председателю Совета Министров СССР Н.А.Булганину И.Хатояма направил послание о готовности к переговорам с целью скорейшего "осуществления нормализации".⁷⁵ Незамедлительно переданный ответ советской стороны был положительным.

Переговоры состоялись 13-19 октября 1956 г. Перед отлетом в СССР И.Хатоямой и его сторонниками в виду исключительно сложной внутривнутриполитической обстановки, обусловленной активизацией противников советско-японского сближения, была обнародована формула переговоров, которую японская

делегация использует в переговорах с советской стороной. Суть формулы, выдвинутой по инициативе И.Коно состояла в следующем: японская делегация не собирается заключать мирный договор с СССР, а лишь осуществит нормализацию в виде восстановления дипломатических отношений. Против такой формулы не могли возражать правые ни в Токио, ни в Вашингтоне. Кроме того, кабинет Хатоямы уже имел положительный ответ советской стороны на предложение Токио о том, что переговоры "относительно заключения мирного договора, включающего территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами".⁶

Главную роль в согласовании ключевых положений совместного документа, особенно положений по территориальному вопросу, по сути, сыграли И.Коно и Н.С.Хрущёв, которые на своих протокольных встречах вели достаточно откровенный (прежде всего это касается Н.С.Хрущёва) диалог. Уже на первой встрече 16 октября 1956 г. Н.С.Хрущёв заявил, что территориальный вопрос может решаться только в рамках мирного договора и "никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Шикотана, мы принимать не будем... передача Хабомаи и Шикотана представляет собой окончательное решение территориального вопроса".⁷

На первой протокольной встрече Н.С.Хрущёв вскользь упомянул, что "решение о Хабомаи и Шикотана, которое мы предлагаем, будет содействовать делу освобождения Окинавы".⁸ Но уже на второй встрече с И.Коно 17 октября Н.С.Хрущёв дал "развернутое" пояснение: "наш вариант может быть успешно использован Японией также и в пропагандистских целях, ибо обязательства Советского Союза передать Японии указанные территории могут служить достаточным основанием для того, чтобы оказать давление на Соединенные Штаты и требовать от них возвращения Окинавы и других территорий, находящихся под контролем США. ...Мы хотим помочь Японии добиться освобождения Окинавы и других территорий, а для этого наш вариант решения территориального вопроса был бы весьма приемлем. Япония в этом случае смогла бы привести в пример Советский Союз и на этом примере мобилизовать внутреннее и международное общественное мнение на поддержку борьбы за освобождение".⁹ Данное заявление документально свидетельствует о том, что Н.С.Хрущёв стремился, прежде всего, "убить американского зайца", а Япония в его "геополитической охоте" играла лишь вспомогательную роль.

Следует подчеркнуть, что И.Коно весьма изобретательно вел переговоры с Н.С.Хрущёвым и постоянно пытался так сформулировать свои предложения, чтобы их толкование давало в будущем основу для поддержания территориального вопроса "на плаву". Однако следует отдать должное советскому лидеру, который пресекал все эти попытки японского партнера и подчеркивал, что необходимо "устранить возможность возникновения в будущем конфликта на почве толкования настоящего соглашения", которое "нужно составлять так, чтобы ничто не допускало неправильного толкования".¹⁰

19 октября 1956 г. состоялось подписание Совместной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии. С советской стороны ее подписали "по уполномочению Президиума Верховного Совета" СССР Н.Булганин и Д.Шепилов, с японской — "по уполномочению Правительства Японии И.Хатояма, И.Коно, С.Мацумото. Декларация прекращала состояние войны между СССР и Японией (ст.1), восстанавливала дипломатические и консульские отношения (ст.2), подтвердила, что "в своих отношениях стороны будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций (ст.3), обязательство СССР поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены ООН (ст.4), отказ СССР "от всех репарационных претензий к Японии (ст.5) и др. В ст.9 стороны "согласились на продолжение после восстановления нормальных

дипломатических отношений" между СССР и Японией "переговоров о заключении мирного договора. При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией".⁸¹

27 ноября 1956 г. нижняя палата парламента Японии ратифицировала Совместную декларацию, Протокол о развитии торговли, Конвенцию о рыболовстве и Соглашение о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море. Проголосовали "за" все 365 присутствующих членов палаты, 60 отсутствовали на заседании. 3 декабря советско-японские соглашения были ратифицированы верхней палатой парламента: "за" — 224, "против" — 3. 8 декабря 1956 г. император Японии Хирохито утвердил ратификацию. В тот же день документы были ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР. 12 декабря в Токио состоялся обмен ратификационными грамотами. 18 декабря 1956 г. на 11-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН при поддержке Советского Союза Япония была принята в члены ООН. Закончился долгий путь СССР и Японии к послевоенному миру.

Как же можно оценить значение Совместной декларации с точки зрения состояния и перспектив советско-японских и современных российско-японских отношений?

Прежде всего, представляется, что непреходящее позитивное значение состоит в том, что на протяжении полувека Декларация служила фундаментом и базисом для сохранения мира между странами, развития и углубления их всесторонних отношений, которые носили взаимовыгодный характер. Декларация обеспечила поступательное развитие двустороннего сотрудничества и на международной арене, особенно после образования Российской Федерации.

Ценность Декларации определяется и тем, что ее содержание в течение почти 10 послевоенных лет выработывалось в сложной международной обстановке, характеризующейся, прежде всего, идеологическим, политическим и другими видами противостояния между СССР и США. Это противостояние во многом определяло не только формы, темпы советско-японских переговоров, но и переговорные содержание, тактику и стратегию советской и японской стороны в равной мере. В свою очередь американско-советское противостояние определялось и регулировалось не столько какими-то общепринятыми нормами, правом, сколько интересами главных победителей в войне против фашизма и японского милитаризма, что в свою очередь определяло отношение этих мировых держав к праву. Такое положение отражало военно-политической ситуации того исторического периода времени и воспринималось международным сообществом "как особенности текущего периода".

Чего не сделала Совместная декларация? Декларация не смогла покончить с "территориальной проблемой" в отношениях Японии, как с СССР, так и с Россией. Декларация не смогла изменить состав "участников" — по прежнему помимо Японии и России в длительной "тягбе" и сегодня активное участие принимают США. Уже в истории новой России были зафиксированы факты "вторжения" американских официальных лиц в переговорный процесс между Москвой и Токио по разрешению наиболее сложных проблем, тормозящих прогресс в двусторонних отношениях.⁸² Это очевидное обстоятельство, к сожалению, дает основание говорить о том, что "слухи об окончании холодной войны оказались слишком преувеличенными". Таким образом, все говорит о том, что история не столько повторяется, сколько продолжается.

Позиция российского руководства в первые годы после развала СССР не отличалась последовательностью в отношении территориальных претензий Токио, что сбивало партнера по переговорам и запутывало ситуацию в целом. Однако в последние годы были предприняты значительные усилия с целью вывода переговорного процесса из тупика. Однако, к сожалению, эти усилия не инициировали каких-либо позитивных подвижек в позиции японской стороны. Напротив, с приходом Дэ.Коидзуми к власти в течение последних пяти лет наблюдается ужесточение позиции Японии в отношении территориальных претензий к России. Это обстоятельство обусловило вполне обоснованные претензии президента России к японской стороне, которая продолжает использовать традиционную тактику изменения подходов к уже согласованным позициям. В этой ситуации напрашивается вопрос — насколько Совместная декларация отвечает реалиям сегодняшнего дня? Каковы временные рамки действия договоренностей по двусторонним отношениям? Могут ли эти договоренности оставаться неизменными при кардинальных изменениях в глобальной ситуации, региональной обстановке, при серьезном изменении в балансе сил на международной арене? Все эти и другие вопросы носят не праздный характер, а напротив — заставляют думать о том, что договорно-правовая база межгосударственных отношений должна в полной мере отвечать реалиям текущего исторического периода.

1. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII-XVIII. М. 1963 г. С. 257-260.
2. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы 1918-2003 гг. Т.3, События 1945 — 2003 гг. // Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003 г., С. 218.
3. Gallicchio Marc. The Kuriles Controversy: U.S. Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941-1956 // Pacific Historical Review. Vol. LX. February 1991. # 1. P.72/
4. Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока // Тегеран-Ялта-Потсдам. Сборник документов // Международные отношения. М., 1971 г. С. 199.
5. Там же.
6. Stettinius Edward R. Jr., Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference (ed. By Walter Johnson) // Doubleday and Company. Inc., 1949 // Garden City, N.Y., P. 309-312. Стеттиниус даже отмечал, что после Ялтинской конференции у И.Сталина возникла напряженность в отношениях с членами Политбюро, которые считали, что глава советской делегации "сделал слишком много уступок "капиталистам" // Ibidem.
7. Stephan John J. The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific // Oxford, 1974. PP. 155,216; Rees David. The Soviet Seizure of the Kuriles // N.Y., 1985. P.61; Buhite R.D. Decision at Yalta: An Appraisal of Summit Diplomacy // Wash.,Dela., 1986, P. 101; Glaubitz Joachim, Between Tokyo and Moscow: The History of Uneasy Relationship, 1972-1990's // Honolulu:University of Hawaii Press,1995. P.37.
8. Rosman G. Japan's Response to the Gorbachev Era, 1985-1991: A Rising Superpower Views a Declining One. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1992. P.255.
9. Gibling J.F., National Strategies and Japan's Northern Territories // Naval War College Review, XL, 1985. P.65. Президент Д.Эйзенхауэр прямо заявлял о том, что "мы потеряли Курилы" и "это была чертовская глупость" // Foreign Relations of the United States, 1952-54, 16 vols. // Washington, D.C., 1979-1984, XIV. PP. 1724-1726.
10. Gallicchio M., American East Asian Policy and the fall of the Japanese Empire: Ph.D. dissertation, Temple University, 1985. Pp. 1-45
11. С 1940 г. американские дешифровальщики читали телеграммы японских послов, поэтому Ф.Рузвельту было известно, что вопрос о Курилах поднимался И.Сталиным в связи с переговорами о заключении пакта о нейтралитете с Японией. Именно об этом шла речь в телеграмме посла Японии в Москве от 20 ноября 1940 г. // Message of Japanese ambassador, Nov.20, 1940, B5, in Special Research History 108,

- Japanese Diplomatic Message // Wilmington, Del., and; Lensen A., *Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relation During the Second World War 1941-1945* // Tallahassee, Fla., 1972. P.10; См.: Gallicchio Marc. *The Kuriles Controversy: U.S. Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941-1956* // *Pacific Historical Review*, vol. LX, February 1991. # 1. P.7.
12. Gallicchio Marc. *The Kuriles Controversy: U.S. Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941-1956*. P.76.
 13. Gallicchio Marc. *Op. cit.* P.77. В подтверждение именно такого стратегического видения Ф.Рузвельта М.Галличчио ссылается на планы американского президента передать острова Рюкю под опеку Китая, несмотря на то, что Япония обладала международно-признанным суверенитетом над островами с 1870 г. // Dallek R. *Franklin D.Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945*, N.Y., 1979. PP. 428-430.
 14. Gallicchio Marc. *Op. cit.* P. 80. Против такого плана не было возражений и у ОКНШ Великобритании // Eden A. *The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon: the Reckoning* // Boston, 1965. P.438.
 15. Советско-американские отношения 1945-1948. Документы // Международный фонд "Демократия", "Материк". М., 2004 г. С. 80.
 16. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*, 1945. Vol.6. P.687-688.
 17. *Ibidem*. P.692.
 18. *Policy Concerning Trusteeship and Other Methods of Disposition of the Mandated Islands and Other Outlying and Minor Islands Formerly Controlled by Japan*, June 24, 1946 // SWNCC 59/1, SWNCC Papers, RG 353, NA. См.: Gallicchio Marc. *Op. cit.* P.89.
 19. Ведомости Верховного Совета СССР, № 5 от 16.02.1946. Марк Галличчио подчеркивает в этой связи, что несмотря на желание американского военно-политического истеблишмента ослабить позиции СССР на дальневосточных рубежах, тем не менее, "многие придерживались мнения, что заняв Курильские острова СССР не нарушил ни Ялтинского соглашения, ни Потсдамской декларации, ни Общего приказа № 1 — Gallicchio Marc. *Op. cit.* P.90
 20. Hasegawa Tsuyoshi. *The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Vol.1: University of California at Berkeley*, 1998. Pp.83-86.
 21. *Memorandum on Japanese Peace Treaty, Oct.14, 1947* — FRUS, 1946. Vol.11: Wash. D.C., 1969-1972. Vol. VI. Pp.536-543).
 22. Gallicchio Marc. *Op. cit.* P.91.
 23. Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. *Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы: Алгоритм. М., 2002 г. С.97-98.*
 24. В конечном итоге эти трения привели к его отставке 11 апреля 1951 г., которую Д.Даллес преподнес японской стороне как "сигнал к перемене в политике США в отношении процесса заключения мирного договора" // Hasegawa T. *Op.cit.* P.91.
 25. Кеннан Дж. *Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана: ЗАО Центрполиграф. М., 2002 С. 263-268.*
 26. Кеннан Дж. *Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. С. 271-290.*
 27. Там же. С.269-270.
 28. Hasegawa T. *Op.cit.* P. 86
 29. *Ibidem*. P. 87.
 30. *Ibidem*.
 31. Stephan J. *Op.cit.* Pp. 198-200; Yoshitsu M. *Japan and the San Francisco Peace Settlement: N.Y.,1983. Pp. 9, 45; Shigeru Yoshida. The Yoshida Memoirs: Boston, 1962. P. 247.*
 32. Hasegawa T. *Op. cit.* P.90.
 33. *Ibidem*. P.89.
 34. *Memorandum of conversation between Sir Oliver Franks and John F. Dulles, Jan. 12, 1951: FRUS, 1951. Vol. VI. Pp. 920-926*
 35. Зиланов В.К., Кошкин А.А. и др. *Ук.. соч. С. 99-104*
 36. Там же. С. 106.
 37. Нихон гайко бунсё. Хэйва дзэйяку-но тэйкэцу-ни кансуру тессё [Сборник документов по японской внешней политике. Материалы о подписании мирного договора]. Т.4 // Гаймусё хакко, 1992. С. 283; *Statement of the Special Representative of the President*

- at the San Francisco (Dulles), Postwar Settlement: In: U.S. Department, American Foreign Policy, 1950-1955. N.Y., 1957. P. 448-462.
38. В апреле 1952 г. Сенат США одобрил Сан-Францисский мирный договор в целом. Вместе с тем в резолюции было отмечено, что "условия договора не будут означать признания за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г. ...и какие бы о ни было положения в пользу России в отношении Японии по Ялтинскому соглашению" // *Congressional Record*. March 20, 1952. Vol.98. Part 2. P.2594. Данное постановление Сената, равно как и комментарии Д.Даллеса на конференции, не имело правовой силы для других государств-участников и лишь отражало позицию США, обусловленную "нормами и правилами" холодной войны против СССР.
 39. Gallicchio Marc. *Op.cit.* P.91.
 40. *Ibidem*.
 41. *The Japan Times*. March 24, 2005; *Japan Focus*. April 7, 2005.
 42. Хоппо рёдо мондай сирёсю [Сборник документов по проблеме северных территорий] // Общество помощи соотечественникам на юге. Токё, 1968. С. 68.
 43. Hasegawa T/ *Op.cit.* PP.97-105; Зиланов В.К., Кошкин А.А. и др. Ук. соч. С. 120.
 44. Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен: Наука. М., 2005 г. С. 279.
 45. Имеются ввиду интервью министра иностранных дел В. М.Молотова японской газете "Тютю Ниппон" от 11 сентября 1954 г. и Совместная декларация правительств СССР и КНР от 12 октября 1954 г. // Там же; Петров Д.В. Внешняя политика Японии после Второй мировой войны // *Международные отношения*. М., 1965 г. С. 139-140.
 46. Ministry of Foreign Affairs. Press Releases, December 1954, P.3.
 47. Hasegawa T. *Op.cit.* P.107
 48. Тихвинский С. Л., Россия-Япония. Обречены на добрососедство: Памятники исторической мысли. М., 1996. С. 63; Петров Д.В. Ук. соч. С.144-148.
 49. Первая официальная нота о готовности вести переговоры, переданная премьер-министру Хатояма И. и.о. советского торгового представителя в Токио (т. н. "письмо Домницкого") была в тот же день передана в американское посольство в Токио // Петров Д.В. Ук. соч. С. 142.
 50. Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. С. 280.
 51. Hasegawa T. *Op.cit.* Pp.107-110.
 52. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 282.
 53. Там же. С. 282. Спустя почти 50 лет подобный "сюжет", который характеризует набор традиционного японского дипломатического инструментария, "повторился" в мае 2001 г. спустя только три недели после ухода с поста премьер-министра Японии, Мори Ё. в телевизионном интервью компании "Асахи тэрэби" изложил содержание конфиденциальных переговоров в Иркутске в марте 2001 г. с президентом России В. Путиным.
 54. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 283.
 55. Там же. С. 288; В неофициальных беседах с советскими представителями сам Мацумото С. и члены его делегации давали ясно понять, что территориальный вопрос, вопрос о международных обязательствах и военных союзах Японии — это сферы, по которым Япония не могла принимать самостоятельных решений без согласия США // Там же; См. также: Hasegawa T. *Op. cit.* Pp. 110-112.
 56. См. заседания бюджетной комиссии и комиссии по иностранным делам 24 и 25 марта 1955 г. во время 22-ой сессии японского парламента. // Петров Д.В. Указ. соч. С. 143-144.
 57. U.S. Department of State, FRUS, 1955-1957. Vol. 23. Pt. 1. Pp. 5-6.
 58. Hasegawa T. *Op.cit.* Pp.114-115.
 59. *Op.cit.*, P.115. Хасэгава делает весьма важный вывод о том, что подобные инструкции были обусловлены не столько желанием поддержать ирредентистские настроения японцев, сколько "удержать их от заключения мира с СССР". Как опытный юрист Д.Даллес должен был осознавать, что обращение в Международный суд с запросом о положениях Сан-Францисского договора совершенно не касались государств, которые его не подписали.
 60. Такой визит Сигэмицу М. состоялся лишь в августе 1955 г.
 61. Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. С. 284.
 62. Там же. С. 285.

63. Там же.
64. Ниидзэки К. Три волны в японо-советских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 1990 г. № 1. С. 96-97.
65. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 286
66. Там же.
67. Hasegawa Т. Op.cit. P.119
68. Ididem. P. 112; Тихвинский С. Л. Россия-Япония. Обречены на добрососедство. С. 74 - 75.
69. Многие не ангажированные японские специалисты в области международного права твердо придерживались мнения о том, что Япония после подписания Сан-Францисского договора не имела никаких прав на Южный Сахалин и Курильские острова, поскольку в момент подписания и ратификации договора не сделала юридически действенной оговорки относительно того, что упомянутые в договоре "Курильские острова" не входят в те территории, от которых она отказалась" // Петров Д.В. Ук. соч. С. 151. Следует подчеркнуть, что аналогичной "юридически действенной" и принятой всеми участниками оговорки не сделали и США в отношении толкования условий перехода суверенитета над указанными в договоре территориями Советскому Союзу.
70. Hasegawa N. Op.cit. Pp.121-122.
71. Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. С. 289.
72. Там же. С. 292.
73. Hasegawa Т. Op.cit. Pp. 123-124; Тихвинский С. Л. Россия-Япония. Обречены на добрососедство. С. 101-103
74. U.S. Department of State. FRUS, 1955-1957. Vol.23. Pt. 1. Pp.202-203.
75. Послание премьер-министра Японии И.Хатояма Председателю Совета министров СССР Н.А.Булганину // Вестник архива президента Российской Федерации. 1996 г. № 6. С. 108.
76. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД России и МИД Японии. 1992 г. Сс. 41-43. Эти документы известны как "письма Мацумото -Громько". Именно на них сегодня ссылаются японские эксперты в попытках доказать, что СССР согласился на продолжение "территориальных переговоров" после возвращения Хабомай и Шикотан в результате заключения мирного договора. В этой связи нельзя не согласиться с абсолютно объективной оценкой американского исследователя Хасэгава Т. в отношении того, что письма "Мацумото — Громько не представляли собой официальных документов, которые бы связывали советское правительство. Не включали они и "территориального вопроса" в том смысле, как нам пытается навязать японское правительство" // Hasegawa Т. Op.cit. P.133.
77. Вестник архива президента Российской Федерации. С. 117.
78. Там же. С. 120.
79. Там же. С. 123.
80. Там же. С. 128.
81. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII — XVIII. Сс. 257-260.
82. В 1995 г. посол США в России Т.Пиккеринг выступил с заявлением в поддержку необоснованных территориальных претензий японской стороны к России. То же самое "проделал" сменивший его в 1996 г. на этом же посту М.Коллинз. Даже президент Дж.Буш "не удержался" и в 2002 г. пообещал японскому премьер-министру "оказать помощь в решении территориальной проблемы с Россией", правда, в обмен на посредничество Японии в стабилизации американо-иранских отношений.

Мао Цзэдун и "дело Линь Бяо"

© 2006

А. Панцов

10 декабря 1970 года Мао Цзэдун давал очередное интервью своему старому знакомому, американскому журналисту Эдгару Сноу. Мао был уже стар: через две недели ему должно было исполниться семьдесят семь лет. Тем не менее Сноу нашел его в неплохой физической форме. Чувствовалось только, что Мао был немного простужен, но в целом выглядел удовлетворительно. Даже чуть похудевшим со времени их предыдущей встречи, состоявшейся в январе 1965-го. Конечно, возраст давал о себе знать, но ум Председателя по-прежнему был "живой". Правда, "великий кормчий" заметил своему гостю, что "скоро увидит Бога", но особенно по этому поводу вроде бы не грустил. "Это неизбежно, — сказал он. — Все в конце концов должны увидеть Бога". Так что Сноу не придавал этому значения. Он знал, что Мао и раньше любил поговорить о смерти. Еще в 1961 году Председатель собирался "на встречу с Марксом", о чем говорил британскому фельдмаршалу Бернарду Ло Монтгомери¹. Заводил он "заупокойный" разговор и в 1965 году, накануне "культурной революции", с самим Сноу. Именно тогда он впервые сказал, что "очень скоро" встретится именно с Богом. (Почему уже не с Марксом, а со Всевышним, неизвестно)². В общем, старость и смерть давно были излюбленными темами его разговоров.

Разумеется, во всем этом была немалая доля игры. Мао обожал притворяться больным и хворым, чтобы посмотреть на впечатление, которое это произведет на окружающих³.

Так бывало не раз, но в декабре 1970 года Мао на самом-то деле чувствовал себя плохо, и ему стоило больших трудов показаться здоровым своему американскому знакомому. Накануне встречи он едва начал выкарабкиваться из тяжелейшей пневмонии, которая продержала его в постели почти два месяца. Именно поэтому, кстати, он и выглядел похудевшим.

Он, правда, напоследок оживился. И прощаясь со Сноу, все же бросил: "Я буддийский монах под зонтиком. Без волос и без неба"⁴. Эта древняя аллегория означала, что он не подчиняется никаким законам, ни людским, ни небесным. Иными словами, живет, как считает нужным, и будет жить сколько захочет.

Сноу ничего не понял, так как молодая переводчица, Нэнси Тан (Тан Вэньшэн), родившаяся в Америке и не знакомая с классической философией, перевела это выражение иначе: "Я одинокий монах, бредущий по миру с дырявым зонтиком"⁵. Откуда она взяла такую красивую фразу, никому неизвестно, но так как Сноу вполне доверял ей, он разнес это "откровение" Мао по всему свету. И люди в разных странах стали гадать: что имел в виду властитель Китая? Почему он так одинок?

Бодрился Мао напрасно. Пневмония в его возрасте была очень опасна, тем более что так серьезно он заболел в первый раз. До этого его всегда пре-

Панцов Александр Вадимович — доктор исторических наук, профессор университета "Кэпитал", (Огайо, г. Колумбус, США)

следовали только бронхиты, полностью избавиться от которых ему мешало курение. Он выкуривал по две пачки в день и больше всего любил отечественные сигареты “Чжунхуа” (“Китай”), “Сюнмао” (“Панда”) и “Лоцзяшань” (“Гора Лоцзя”). Возможно, из патриотических чувств. Правда, незадолго до приезда Сноу он перешел на более качественные сигареты “Северная полярная звезда”, которые производились в Кантоне из табака, выращивавшегося за границей⁶. Но отравы от этого не перестала быть меньшей.

Не способствовал укреплению здоровья Мао и его ненормальный образ жизни. Он ложился спать далеко за полночь, часто около пяти утра, и спал до одиннадцати. Ел всего два раза в день — около двух-трех часов дня и между восьмью и девятью вечера. Больше всего любил жирную жареную свинину, порезанную мелкими кусочками и приготовленную в остром хунаньском соусе с красным перцем. Пил, правда, крайне умеренно. Изредка мог себе позволить немного китайского виноградного вина. И только по большим праздникам — чуть-чуть *маотая* (ароматной рисовой водки).

Сильное разрушающее воздействие на его организм оказывала непрекращающаяся политическая борьба. После подавления хунвэйбинов в 1968 году ее эпицентр с улиц и площадей вновь переместился в партию. Резко возросшая роль армии, а соответственно высшего генералитета, непосредственно руководившего наведением порядка, вызвала недовольство группы главных застрельщиков “культурной революции”, возглавляемой женой Мао Цзэдуна Цзян Цин. Постепенно начали обостряться отношения между фракциями некогда единой группы “левых” вождей. Такие лидеры “культурной революции”, как Цзян Цин, Кан Шэн, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань стали выражать недовольства действиями НОАК. Министр обороны Линь Бяо, его генералы, а также его жена Е Цюнь, имевшая колоссальное влияние на мужа и его окружение, реагировали болезненно. Они считали, что “период бури и натиска” закончился и надо приступать к развитию производства и перевооружению армии. В этом их поддерживал Чжоу Эньлай.

Первые проявления конфликта дали знать о себе уже в конце 1967 года. Вот что доносила об этом в ЦК КПСС советская разведка: “Из информации тов. ЦВИГУН[А]*, вх. № 4761 от 7 декабря 1967 г. . . . Внутри новой руководящей группы [в китайской компартии] наши службы стали свидетелями обострения отношений между Чжоу Эньлаем и Линь Бяо, с одной стороны, и руководителями Группы по делам культурной революции при ЦК КПК, особенно Кан Шэном и Цзян Цин — с другой. Критика и отстранение многих деятелей — представителей “новых сил”, поддерживаемых Кан Шэном и Цзян Цин, свидетельствуют о том, что позиции последних в настоящий момент несколько ослабли. Прекращение чистки в армии, ограничение действий хунвэйбинов и цзаофаней в области захвата власти силой, отказ от их вооружения, большее внимание экономическим вопросам — все эти маневры, несомненно, повысят авторитет Чжоу Эньлая и Линь Бяо”⁷.

Эта информация была верна. Цзян Цин разжигала антилиньбяоские настроения среди партийного руководства — сначала исподволь, а затем все более открыто. До поры до времени, однако, ей не удавалось вовлечь в эти козни Мао. Он по-прежнему доверял своему “близкому соратнику” (таков был официальный титул Линя). И на IX съезде КПК в апреле 1969 года положение о том, что Линь Бяо является “продолжателем” дела Мао Цзэдуна, было даже включено в устав партии⁸.

* Семен Кузьмич Цвигун (1917-1982) с ноября 1967 года являлся первым заместителем председателя КГБ СССР.

Ничего плохого о Лине Мао не хотел слышать. Он знал его с апреля 1928 года, с того самого момента, когда войска Чжу Дэ, в которых Линь Бяо служил командиром 1-й роты, соединились с его повстанцами в горах Цзинган. Их познакомил Чэнь И, будущий министр иностранных дел КНР, возглавлявший в то время политработу в отрядах Чжу Дэ. Он охарактеризовал Линя как блестящего офицера, умевшего громить врага. Мао пришел в восторг. “Вы такой молодой и так умело сражаетесь. Совсем неплохо!”, — воскликнул он⁹. Это были первые слова, сказанные им Линь Бяо.

Линь действительно был тогда очень молод. Ему шел всего двадцать первый год. Он родился 5 декабря 1907 года в уезде Хуанган провинции Хубэй в семье ткачей-кустарей. В 1921 году окончил начальную школу, а через четыре года получил среднее образование. В 1924 году под влиянием двоюродных братьев коммунистов Юйина и Юйнаня вступил в Социалистический союз молодежи, и зимой 1925 года приехал в революционный Кантон, где был принят в военную школу Вампу. Это и определило его карьеру. Став в конце 1925 года членом компартии, он был направлен в коммунистический полк Е Тина, который сыграл немалую роль в период Северного похода Национально-революционной армии Китая в 1926-1927 годах. Вместе с Е Тинем и Чжу Дэ Линь Бяо принял участие в антиканкайшистском Наньчанском восстании 1 августа 1927 года, после разгрома которого и пришел в горы Цзинган¹⁰.

К Мао он сразу испытал огромное уважение. Более того — начал относиться с поистине сыновьей почтительностью, что, конечно же, не могло скрыться от внимательных глаз будущего “великого кормчего”. Для Линь Бяо, слабо разбиравшегося в марксистской теории, Мао стал энциклопедией знаний, гением науки и политики. Ценил он его и как военного руководителя. Скромный и застенчивый от природы Линь по характеру не был лидером, хоть и являлся талантливым военачальником. Не случайно в кругу вождей китайской компартии его называли “девушкой”¹¹. Худенький и низкорослый, с густыми, чуть удивленно поднятыми вверх бровями, он и вправду напоминал красотку из какой-нибудь пекинской оперы, где все женские партии исполняли мужчины. С его внешним видом и поведением как-то не очень вязалось имя Линь Бяо, в переводе означающее “Лесной барс”.

Именно послушание, неамбициозность и преданность в сочетании с блестящими военными способностями* и импонировали в нем Мао Цзэдуну, легко подавлявшему его своей сильной волей. В молчаливом и слабохарактерном военачальнике, всегда готовом выполнить его приказ, он не видел конкурента. А потому и стал выдвигать Линя на руководящие посты. Ко времени образования Китайской Народной Республики Линь Бяо был уже членом ЦК, командующим войсками 4-й полевой армии. В 1949 году его избрали членом Центрального народного правительственного совета, а также назначили заместителем председателя Народно-революционного военного совета КНР. После чего в 1954 году он получил пост заместителя премьера Госсовета. Через год Мао ввел его в состав Политбюро, присвоил звание маршала, а в мае 1958-го сделал членом Постоянного комитета Политбюро и одним из своих заместителей.

Ни минуты не колебался он и тогда, когда в 1959 году в связи с отставкой строптивого Пэн Дэхуая ему понадобился новый министр обороны. Его решение назначить на этот ключевой пост Линь Бяо было естественным.

* Даже ненавидевший Линь Бяо военный советник ЦК КПК Отто Браун в одном из докладов в ИККИ вынужден был указать: “Я лично считаю, что он [Линь Бяо] лучший полевой командир 8-ой Арм[ии] [т.е. войск китайской компартии]” (РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов).

Единственное, что иногда раздражало Председателя в его “близком соратнике”, так это чрезмерная даже для властолюбивого Мао лесть. “Я никогда не верил, что несколько моих книжонок могут обладать такой большой, волшебной силой, — написал как-то Мао Цзян Цин в июле 1966 года. — Теперь, после его [Линь Бяо] хвалебных слов, вся страна начала превозносить их, вот уж поистине “старуха Ван продает тыквы и при этом расхваливает свой товар” . . . Он [Линь Бяо] . . . в печати тем более выступил весьма энергично. Прямо-таки превозносил меня как святого из святых. Таким образом, мне оставалось лишь пойти на это. Но . . . чем выше превозносят, тем больше падать”¹².

Подхалимство Линь Бяо, однако, не являлось слишком большим “преступлением”. И хотя Мао мог поворчать по этому поводу, удовольствие оно ему доставляло. Да к тому же Линь Бяо и не являлся главным льстецом. Тех, кто готов был молиться на Председателя, хватало с избытком. Настолько, что к концу 60-х стареющий вождь уже и сам ощущал себя небожителем. Да и как могло быть иначе: тиражи “Цитатника” во всем мире уступали только тиражам “Библии”, а “Жэньминь жибао” и другие газеты бесперерывно писали о немислимых чудесах, которые творили с народом “идеи Мао Цзэдуна”. Корреспонденты агентства Синьхуа на полном серьезе сообщали о воскрешении из мертвых людей, над телами которых врачи произносили цитаты из “великого кормчего”, о прозрении слепых и исцелении глухих при аналогичных процедурах, а также о прочих невероятных вещах¹³. Разве Линь Бяо был ответственен за эту галиматью? Ведь не он, а Цзян Цин контролировала средства массовой информации.

Гораздо больше неудобств Мао доставляло то, что его будущий преемник все время болел. Что это была за болезнь, до сих пор остается тайной. Известно только, что она носила психический, а не физический характер. Возможно, являлась результатом четырех ранений, полученных им во время гражданской и антияпонской войн. Как бы то ни было, но уже во время первой поездки в Москву в 1939-1941 годах Линь Бяо главным образом жаловался на сильные головные боли, рвоту, сердцебиение, бессонницу и нервное расстройство¹⁴. Он лечился в Моинио и Кисловодске, но это не помогло. По его собственным словам, сильная головная боль и бессонница у него возникали всякий раз, как он “немного” работал “умственным трудом”¹⁵. В июле-октябре 1951 года вместе с женой Е Цюнь и дочерью Лихэн (домашнее прозвище — “Доудоу”, уменьшительное имя от слова “Бобы”)* он вновь лечился в Советском Союзе, и опять безрезультатно. Он перестал доверять врачам, у него развилась тяжелая мания преследования. Почему-то ему казалось, что врачи замыслили убить его, подсыпая яд в ванны, которые прописывали ему. Он прекратил общение с ними, и с тех пор его лечащим доктором стала жена¹⁶. Это женщина обладала

* Линь Бяо был женат дважды. Его первая жена Лю Синминь (она же Лю Синьминь и Чжан Мэй) была моложе его на двенадцать лет. Это была простая, малограмотная девушка из северной Шэньси. В 1939 году вместе с мужем она приехала в Советский Союз. Но через два года Линь порвал с ней и, уехав в августе 1941-го обратно в Китай, оставил ее беременную в Москве. Лю родила девочку, которую назвала Сяолинь. Вплоть до сентября 1948 года она работала в Ивановском интердетдоме, где одно время находилась и Хэ Цзычжэнь, бывшая жена Мао. После этого вернулась в Китай. Сяолинь же смогла выехать в КНР только в 1950 году после того, как о ее возвращении перед ЦК ВКП(б) ходатайствовал сам Линь Бяо. С этой дочерью он, однако, виделся крайне редко. У него была другая семья. Во время антияпонской войны он женился на уроженке провинции Фуцзянь по имени Е Цюнь, которая тоже была младше его на двенадцать лет. От этого брака у него было двое детей: дочь Линь Лихэн (Доудоу), 1944 года рождения, и сын Линь Лиго (родился в 1946 году).

поразительно сильным характером, так что не удивительно, что безвольный Линь оказался полностью в ее власти. Любить мужа, который беспрерывно изнывал от депрессии, она, разумеется, не могла, тем более что Линь, заиклившийся на своих болезнях, потерял всякий интерес к сексу. Но брак с ним был для нее трамплином в высшую власть, а потому она изо всех сил старалась ублажить больного супруга.

Между тем психические приступы Линь Бяо продолжались. Причем с каждым годом становились сильнее. В результате, формально занимая руководящие посты, Линь месяцами не появлялся на работе¹⁷. Вот как описывает один из таких приступов личный врач Мао, которого как-то попросили навесить маршала в его пекинской резиденции в районе Маоцзявань: "Когда нас провели в его комнату, Линь Бяо находился в кровати, свернувшись клубком на руках жены Е Цюнь. Его голова покоилась у нее на груди. Он плакал. Е Цюнь гладила и успокаивала его, как ребенка". По словам врача, жена Линя рассказала ему, что в 40-е годы ее муж пристрастился к опиуму, а затем перешел на морфий. В Советском Союзе его вылечили от этого, но "его поведение осталось странным. Линь Бяо . . . так боялся ветра и света, что редко выходил из дома, часто пропуская заседания. Он боялся воды — настолько, что даже звук ее вызывал у него страшный понос. Жидкости он не пил совсем. Е Цюнь размачивала в воде пампушки, вареные на пару, и кормила ими своего мужа. Только так, в еде, он и получал жидкость. Линь Бяо никогда не пользовался туалетом. Когда ему приспичивало опорожниться, он накрывался одеялом как тентом и садился на корточки над судном, которое жена ставила ему на кровать. Я поразился. Линь Бяо был явно душевнобольным"¹⁸. Схожий диагноз поставил и другой китайский доктор, осматривавший министра обороны. "Никаких функциональных отклонений" в его организме он не нашел, однако признал наличие "огромного количества симптомов, указывающих на психическое расстройство и свидетельствующих об употреблении наркотиков"¹⁹.

По воспоминаниям дочери Линь Бяо, Доудоу, и зятя, Чжан Цинлиня, больному маршалу неизменно вводили какое-то "лекарство", прежде чем он отваживался покинуть свой дом, окруженный высокой каменной стеной, для участия в публичных мероприятиях во время "культурной революции". Хранившееся в ампулах под названием "витамин С" это "лекарство" могло поддерживать его в форме в течение нескольких часов, но вслед за тем у несчастного наступало обострение болезни, длившееся неделями²⁰.

Но, должно быть, именно такой "близкий соратник" и нужен был Мао, опасавшемуся сильных личностей. А может, Председатель просто жалел несчастного Линя, позволяя ему болеть? В любом случае он явно не желал слушать Цзян Цин и ее единомышленников, наговаривавших на министра обороны.

Но вода точила камень исправно. И в конце концов коварной Цзян удалось свалить больного маршала. В смертельной схватке за власть между двумя группировками стареющий "кормчий", естественно, сделал выбор в пользу своей супруги.

Произошло это следующим образом. Как-то в начале мая 1970 года во время отдыха в Ханчжоу, Мао пришла идея изменить Конституцию КНР, а именно: убрать из нее второй раздел, согласно которому формальным главой государства являлся Председатель Китайской Народной Республики. С устранением бывшего Председателя КНР Лю Шаоци, ставшего главной жертвой "культурной революции", пост этот оставался вакантным, и Мао решил, что он вообще не нужен. Об этой идее он известил членов Политбюро, добавив, впрочем, что если последние сочтут необходимым сохранить эту должность, пусть имеют в виду, что он (Мао) не хочет быть Председателем КНР. "Если же [Политбюро] решает сохранить этот пост, то его должен будет занять только Линь

Бяо", — резюмировал он²¹. Так, спустя много лет, вспоминал об этой инструкции Мао один из членов Политбюро генерал У Фасянь, командующий военно-воздушными силами КНР*.

Получив указание, члены Политбюро постановили образовать комиссию в составе шести человек для подготовки проекта новой Конституции, которая вскоре начала работать. Между тем Линь Бяо, который, как всегда был болен и не присутствовал на заседании Политбюро, через своих секретарей довел до сведения как Мао, так и всех остальных членов руководства, что он никоим образом не хочет быть Председателем КНР. Однако считает, что "было бы неверным, чтобы такая большая страна", как Китай, "не имела символического главы, который бы ее представлял". Поэтому он настаивал, чтобы именно Мао вступил в эту должность. Возможно, Линь просто не понял, чего на самом деле желал "великий вождь", и на всякий случай решил подольститься. Конечно, по правилам хорошего китайского тона, он должен был отнекиваться и в том случае, если бы действительно хотел занять этот пост. Но в том-то и дело, что он на самом деле с ужасом думал о лишних обязанностях, об участии в обязательных протокольных мероприятиях и регулярных поездках за рубеж. Для человека в его состоянии это было бы непомерной ношей!

Мао, казалось, понял страхи или подхалимаж Линь Бяо. По крайней мере передал ему через секретаря, что пост Председателя КНР можно в Конституции и сохранить. Но, добавил он, "ни я, ни ты не будем занимать эту должность. Пусть почтенный Дун [Дун Биу**] будет председателем государства, а несколько молодых людей при этом станут заместителями председателя"²². На том, вроде бы, дело и кончилось.

Но в это время между членами комиссии, занятой подготовкой проекта Конституции, разгорелись жаркие споры. Суть их по большому счету заключалась в том, как правильнее распознать намерения "великого кормчего". Кан Шэн и Чжан Чуньцяо полагали, что Мао на самом деле не хочет поста Председателя КНР, а У Фасянь и еще один генерал из группы Линь Бяо думали наоборот. Кроме того, разногласия шли по вопросу о том, включать ли в текст Конституции следующее положение: "Идеи Мао Цзэдуна — руководящая сила нашей страны". Генералы выступали "за", их оппоненты — "против". Последние, скорее всего, просто провоцировали сторонников Линь Бяо, вызывая их на скандал. Чжан Чуньцяо даже сказал: "Некоторые все время трезвонят о марксизме и идеях Мао Цзэдуна, но это не значит, что они на самом деле являются марксистами". Он явно намекал на Линь Бяо, помятуя о ворчании Мао по адресу лстеца. Чэнь Бода, также участвовавший в работе комиссии, защитил генералов. Еще один, шестой член группы, отмолчался.

"Предательство" Чэнь Бода, бывшего до того одним из ближайших соратников Цзян Цин и Кан Шэна, не являлось случайным. Чэнь давно уже испытывал неприязнь к жене Мао и даже делился с некоторыми знакомыми желанием "покончить с собой", не будучи больше в силах терпеть истеричную и властолюбивую женщину во главе Группы по делам культурной революции. В конце концов вместо самоубийства он избрал путь измены, перебежав к Линь Бяо и Е Цюнь. Он стал открыто поддерживать конкурентов Цзян с конца 1968 года. Этого, конечно, она ему простить не могла²³.

* Неопубликованные мемуары У Фасяня широко цитируются в книге его дочери Цзинь Цю "Культура власти. Инцидент Линь Бяо в культурной революции", изданной в Стэнфорде в 1999 году.

** В начале 30-х годов Дун Биу (1886-1975) был секретарем Контрольной комиссии партии. С 1959 года наряду с Сун Цинлинь являлся заместителем Председателя КНР.

В этой обстановке в августе-сентябре 1970 года в Лушани (провинция Цзянси) собрался 2-й пленум ЦК. В повестке дня его стоял вопрос о новой Конституции. Линь Бяо воспользовался этим для того, чтобы нанести удар по Чжан Чуньцяо, а заодно и по всей группе Цзян Цин. Он попросил Мао дать ему слово для небольшого выступления. Он сказал, что хочет дать отпор кое-кому из тех, кто сомневается в “гениальности” вождя. После чего изложил слова Чжан Чуньцяо. Чжоу поддержал его, и тогда Мао, согласившись с ними, только посоветовал Линю, критикуя, не называть Чжана по имени. “Должно быть, за спиной Чжан Чуньцяо стоит Цзян Цин”, — заметил он²⁴.

И Линь выполнил все, о чем договорился с Мао. Имени Чжана не назвал, но о том, что “великий кормчий” — гений, сказал, подчеркнув необходимость вставить пассаж об идеях последнего в Конституцию. После этого участники пленума разделились по группам для детального обсуждения выступления Линя. И тут началось такое, о чем Линь Бяо вскоре пришлось пожалеть. Многие выступавшие, прежде всего его генералы, стали горячо поддерживать своего командующего, особенно когда поняли, что его речь направлена против Чжана, Цзян Цин и иже с ними. Выступили в поддержку Линя и ветераны.

Цзян мало кто любил в партии. И в этом была ее главная трагедия. Нелюбовь многих членов партийного руководства и их жен преследовала Цзян во все время замужества, разжигая в ней злобу, зависть и ненависть. Получался замкнутый круг: чем больше ее презирали, тем сильнее она всех ненавидела, но чем изощреннее преследовала она врагов, тем яростнее ее третировали. Особую ненависть она стала вселять в ветеранов партии тогда, когда возглавила Группу по делам культурной революции. И вот теперь те из них, кто смог выжить в годы хунвэйбиновского террора, почувствовали вкус реванша. Они с готовностью начали славить Линя, лишь бы насолить Цзян. Во всю старался и Чэнь Бода.

Дискуссии продолжались два дня. Цзян, Чжан и остальные “леваки” были страшно напуганы. И сделали то единственное, что могли: обратились за помощью к Мао. Остается только догадываться, какими черными красками поливали они Линь Бяо, Е Цюнь и генералов. Судя по тому, что произошло в дальнейшем, они представили их всех “заговорщиками”, поставившими перед собой цель “развенчать” “культурную революцию”. Да к тому же обвинили Линя, считавшего необходимым сохранить пост Председателя КНР, в попытке захватить власть в государстве. Их ничуть не смущало, что наивный маршал предлагал на эту должность “гениального” Мао. Все, что говорил враг, они трактовали как гнусную попытку “завязтого интригана” ввести вождя в заблуждение. Этого “великий кормчий” потерпеть не мог.

Его реакция была молниеносной. Он тут же созвал заседание Постоянного комитета Политбюро, на котором решительно встал на сторону Чжана. После этого он прервал пленум и начал готовиться нанести врагам Цзян контрудар. Сделал он это через шесть дней, сконцентрировав весь огонь критики на одном человеке — Чэнь Бода! Ведь именно Чэнь предал Цзян Цин, а соответственно и “культурную революцию”. И именно его Мао больше всего хотел заставить выступить с самокритикой.

Линь был потрясен. Такого гамбита он от “великого кормчего” не ожидал. Впервые за время их “дружбы” Мао так беззастенчиво “кинул” его! Уезжая из Лушани после окончания пленума, Линь мрачно заметил своим сослуживцам: “Мы генералы и знаем только, как вести войны”²⁵. Этим он хотел сказать, что ни он, ни его подчиненные так и не научились за всю свою жизнь вести политические игры.

По-настоящему обидевшись на Мао Цзэдуна, Линь приказал генералам не заниматься самокритикой. Свое поражение он признал, но больше в грязной сваре участвовать не хотел.

Однако Мао не мог успокоиться. Как это уже бывало не раз, его охватила охотничий азарт. Чувствуя это, кровожадная Цзян Цин изо всех сил раздувала пожар, все настойчивее внушая мужу мысль о "заговоре" военных. Чувствуя, что почва продолжает ускользать из-под ног, Линь был вынужден дать разрешение своим генералам выступить перед вождем с самокритикой. Но за собой он по-прежнему никакой вины не признавал. Просто спрятал голову в песок — и все!

И тогда мудрая Е Цюнь поняла: надо срочно что-то предпринимать для того, чтобы найти выход из опасного положения. Будучи самой активной и волевой из всех окружавших Линь Бяо людей, она первая заговорила о контрмерах. Ей не давала покоя драматическая судьба прежнего преемника Мао, Лю Шаоци, умершего в опале в ноябре 1969 года, а также его жены, подвергшейся несправедливым гонениям. Зная прекрасно, что может произойти с ней, Линем и их семьей, если вождь по-прежнему будет слушать Цзян Цин, она не могла сидеть сложа руки. Ее беспокойство разделял сын, Лиго, которого она обожала до самозабвения. Он служил офицером военно-воздушных сил, и хотя был еще очень молод (в 1970 году ему шел только двадцать пятый год), пользовался в НОАК огромным влиянием. С октября 1969 года Лиго занимал должность заместителя начальника оперативного отдела ВВС, одновременно являясь одним из руководителей канцелярии командующего У Фасяня. Был он тщеславен и самоуверен до крайности, что, впрочем, неудивительно. С детства к нему в семье относились как к "принцу". Мать любила его настолько, что уже на второго ребенка, Доудоу, тепла у нее не оставалось совсем. Дочь росла парией, выполняя черную работу по дому и терпя бесконечные унижения от матери. В сердце ее накапливалась обида.

В октябре 1970-го Линь Лиго вместе с несколькими ближайшими товарищами, смотревшими на него снизу вверх и называвшим его почему-то по-английски "коммэндр" ("командир"), сформировал тайную группу, названную им "Объединенный флот"²⁶. Эта организация ставила перед собой целью подготовку к захвату власти в стране. Мозговым центром ее стала Е Цюнь (члены группы называли ее виконтесса)²⁷.

Тщательно конспирируясь, заговорщики начали разрабатывать варианты спасения. Линь Лиго был настроен крайне решительно. Даже радикальнее матери. С его одобрения в марте 1971 года один из офицеров ВВС разработал несколько вариантов покушения на Мао Цзэдуна, изложив их в черновой записке. Ознакомившись с ней, Лиго пришел в восторг. И тут же дал документу название: "Тезисы проекта 571". Эта цифра звучит на китайском языке как "у ци и". Точно так же, только другими тонами, произносятся и слова "вооруженное восстание". Мао в записке фигурировал под кодовым обозначением "В-52" (знаменитый американский бомбардировщик). Наивные дети играли в войну!

Разумеется, они были обречены. Ни один из вариантов их плана не являлся реальным. Все, что они разрабатывали, выглядело совершенно безумным. Например, один из способов устранения Мао заключался в том, чтобы поднять в воздух целый авиационный корпус для бомбардировки спецпоезда "великого кормчего". Другой подразумевал взрыв нефтехранилища в Шанхае в момент, когда к нему подойдет железнодорожный состав Председателя. Третий состоял в том, чтобы устроить аварию на мосту между Шанхаем и Нанкином²⁸. В любом случае, считали конспираторы, нужен был "неожиданный удар"²⁹.

Как бы наивно ни выглядели их планы, понять заговорщиков можно. Времени на обстоятельную проработку путча у них не было. С часу на час они ожидали ареста. "Мы должны совершить насильственное, революционное восстание, — писал автор записки. — В-52 . . . подозревает нас. Лучше сжечь за собой мосты, чем сидеть и ждать, когда тебя схватят . . . Это борьба не на жизнь, а на смерть — либо они уничтожат нас, либо мы — их"³⁰.

Между тем ничего не подозревавший Мао усиливал давление на Линь Бяо. По его собственным словам, он использовал три метода: "швырял камни, подсыпал песок, подкапывал стены"³¹. Иными словами, критиковал, вводил в Военный совет своих людей и переформировывал преданные Линю организации. В конце 1970 — начале 1971 гг. он провел реорганизацию соответственно Северо-Китайского Бюро ЦК и командования Пекинского военного округа, вычистив из них известных сторонников Линя и Чэнь Бода. Одновременно в стране ширилась истеричная кампания критики Чэня, в вину которому ставились главным образом "предательство и шпионство". (Никто, правда, в стране, кроме Мао и членов Группы по делам культурной революции, не понимал, в чем на самом деле состояли эти преступления). При этом через различных людей Мао все время давал понять Линю, что тому надо приползти к нему на коленях. Но его душевнобольной соратник находился в депрессии и обиде. И выйти из них у него уже не было сил. Даже когда сам Чжоу Эньлай по просьбе Мао посетил его и рассказал о настроениях вождя, Линь процедил сквозь зубы только одну фразу: "Часто приходится собирать урожай, который не выращивал"³². И не двинулся с места.

Мао рассчитывал, что скрывающийся от него маршал выступит с самокритикой на предстоявшем в апреле-июле рабочем совещании ЦК по вопросам образования. Но Линь, сказавшись больным, проигнорировал это мероприятие.

Больше сил терпеть у Председателя не было. В июле 1971 года он, еле сдерживая гнев, заявил Чжоу Эньлаю: "Их [Линь Бяо и его людей] ошибки отличаются от тех, которые делал в прошлом ты. Дело в том, что они заговорщики"³³.

Менее чем через месяц, 14 августа, Мао тайно покинул столицу, чтобы прощупать настроения на местах. С 15 августа по 11 сентября он посетил Ухань, Чаншу, Наньчан, Ханчжоу и Шанхай, где встретился с региональными партработниками и военачальниками. Перед отъездом он заметил своему врачу: "Я не думаю, что региональные командующие встанут на сторону Линь Бяо. Народно-освободительная армия не станет поднимать против меня мятеж, не правда ли? Но если они не желают, чтобы я руководил ими, я вернусь в Цзинганшань и начну новую партизанскую войну"³⁴.

Дело начинало приобретать крутой оборот. Знал ли Мао к тому времени о реальном заговоре Линь Лиго и Е Цюнь, не вполне понятно. Некоторые очевидцы утверждают, что да, другие — сомневаются в этом. Скорее всего, был в неведении, а под словом "заговорщики" имел в виду то, что Линь Бяо и его сторонники просто занимались внутрипартийными интригами. В противном случае он вряд ли оставил бы конспираторов на свободе, покидая Пекин.

Тем не менее на всех встречах с местными кадрами он открыто напал на Линя и его соратников, камня на камне не оставляя от них. Причем открыто называл их по именам. Его слова звучали как смертный приговор: "На пленуме в Лушани в 1970 году они [Линь Бяо и другие] предприняли внезапную атаку. Начали подпольную деятельность. Почему же они не осмелились действовать открыто? Это показало, какие у них подлые душонки. Сначала они действовали скрытно, а потом вдруг перешли в наступление. Они держали это в тайне от трех членов Постоянного комитета Политбюро из пяти, а также от большинства товарищей из Политбюро . . . Они не обмолвились ни словом и нанесли неожиданный удар . . . Все их действия были целенаправленными!

Пэн Дэхуай . . . открыто бросил вызов, а они недостойны даже Пэн Дэхуая. Из этого можно видеть, как низки эти люди”.

Да, судя по всему, Мао действительно был страшно зол. И, распалаясь, накручивал себя все больше. “По-моему, — продолжал он, — их внезапное выступление, подпольная деятельность имели плановый, организованный и целенаправленный характер. Их план состоял в утверждении поста председателя государства, в выдвижении “гения”, в выступлении против линии IX съезда . . . Кое-кто страстно желал стать председателем государства, хотел расколоть партию, спешил захватить власть. Вопрос о “гении” — это вопрос теории, [и в этом вопросе] они стояли на позициях идеалистического трансцендентализма”.

На этом месте, по-видимому, подавляющее число его слушателей в глубине души ахнули и уже больше не сомневались в “контрреволюционной” сущности некогда чтимого ими “близкого соратника великого вождя”. Вряд ли кто-либо из них знал значение страшно звучащего слова “трансцендентализм”.

А Мао все не мог успокоиться. “Эту свою речь Линь Бяо не обсуждал со мной, и не давал ее мне для ознакомления . . . По возвращении в Пекин я обязательно встречусь с ними и побеседую. Они не обращаются ко мне, так я обращусь к ним . . . Я шесть раз говорил, что не надо утверждать пост председателя государства, что я не буду председателем государства . . . а они не слушают”, — сетовал он.

Не мог удержаться он и от того, чтобы не продемонстрировать презрения к Линю и как к несостоятельному мужчине и отцу. “Я никогда не соглашался с тем, чтобы чья-либо жена [Мао употребил простонародное выражение “лао по”, “старушка”] работала заведующей канцелярией в учреждении, которое возглавляет ее муж, — бросил он. — У Линь Бяо заведующей канцелярией была [и есть] Е Цюнь, и, когда кто-нибудь из четверки [ближайшие к Линю генералы] обращался с чем-либо к Линь Бяо, он должен был обращаться через нее. Надо самому заниматься своей работой, самому читать и самому критиковать. Нельзя зависеть от секретаря, нельзя давать секретарю такую большую власть”. О сыне же Линь Бяо, Лиго, он сказал следующее: “Когда человека в возрасте 20 с лишним лет превозносят как сверхгения, то в этом нет ничего хорошего”.

В общем, после таких слов семейству Линей и его генералам оставалось либо кланчить прощения, либо застрелиться, либо действительно поднять восстание. Мао, правда, оставлял им возможность “исправиться”. “Надо все же проводить курс на воспитание, — говорил он, — “извлекать уроки из ошибок прошлого в назидание на будущее; лечить [болезнь], чтобы спасти больного”. Линя еще надо защищать”. Но при этом он все же придал разногласиям с новыми “врагами” характер борьбы двух линий или двух штабов, поставив их на одну доску не только с Пэн Дэхуаем, но и с Лю Шаоци³⁵. А это уже было на самом деле опасно.

Об этих выступлениях Мао тут же стало известно Е Цюнь и Линь Лиго. И они, естественно, запаниковали. Надо было что-то делать, но ни на что конкретное они не могли решиться. У них, правда, хватило ума понять, что “проект 571” реализовать невозможно. Так что прибегать к нему они даже не стали. Оставалось одно — бежать. Напряжение возрастало по мере того, как Мао переезжал из одного города в другой. И в конце концов 12 сентября, когда он вернулся в Пекин, достигло критической точки. Е Цюнь и Линь Лиго стали внушать Линь Бяо мысль о бегстве.

Что же касается Доудоу, то брать ее с собой они не хотели. Отношения с дочерью у Е Цюнь оставались враждебными. Очень плохо к сестре относился и Линь Лиго. Та платила им той же монетой и то и дело впадала в депрессивное состояние. Как-то раз, еще в ранней юности, она даже пыталась покончить

с собой. Ей упорно казалось, что Е Цюнь не ее биологическая мать. Подозрения перешли в уверенность, когда бедная девушка начала получать анонимные письма, подтверждавшие ее опасения. (Позже стало известно, что писала их жена Лу Динъи, павшего одной из первых жертв “культурной революции”. Делала она это из мести, и в ее словах не было ни капли правды)³⁶.

В сентябре 1971 года вся семья отдыхала в курортном Бэйдайхэ, недалеко от которого в аэропорту Шанхайгуань в распоряжении министра обороны находился самолет “Трайдент” № 256. Именно на нем Линь Бяо, Е Цюнь и Линь Лиго решили в конце концов бежать из страны. Все переговоры они вели за закрытыми дверьми, но вечером 12-го числа Лиго проговорился сестре об их намерении. Доудоу бросилась доносить на ближайших родственников. В десятом часу вечера она влетела в здание охраны, чтобы сообщить находившемуся там заместителю командира войсковой части 8341, обслуживавшей высших руководителей партии, обо всем, что ей стало известно. Она была совершенно убеждена, что ее мать и брат решили “похитить” отца.

Зам. командира немедленно связался с Пекином, передав слова Доудоу своему начальнику. Тот проинформировал Чжоу Эньлая, находившегося в здании Всекитайского собрания народных представителей. Бросив все, премьер сразу же поспешил в правительственную резиденцию Чжуннаньхай доложить об инциденте вождю. Лицо Мао исказила гримаса гнева. Чжоу посоветовал Председателю незамедлительно покинуть его особняк и перебраться в здание ВСНП, где он будет в большей безопасности³⁷. Между тем Линь Бяо с женой и сыном, захватив фарфоровую посуду, столовые приборы, фотоаппараты и магнитофон, в бронированной машине устремились в аэропорт. Забравшись на борт, они тут же дали команду взлетать, даже не зная, достаточно ли в баках горючего. А его-то как раз было не больше тонны. Впопыхах они не взяли с собой ни второго пилота, ни штурмана, ни радиста. К тому же, при взлете их самолет задел заправочную машину, в результате чего от него оторвалось шасси. Короче, с самого старта их полет не заладился.

О том, что происходило в это время в комнате № 118 здания ВСНП, где находился Мао вместе с близкими ему людьми, сообщает очевидец: “Чжоу Эньлай предложил атаковать самолет ракетой. Мао отказался. “Дождь будет падать с небес. Вдовы будут вновь выходить замуж. Что мы можем сделать? Линь Бяо хочет бежать. Позвольте ему. Не стреляйте”, — сказал он. Мы ждали . . . Китайский радар отслеживал маршрут самолета . . . Он держал курс на северо-запад, в направлении Советского Союза . . . Примерно в 2 часа утра [13 сентября] пришло сообщение, что самолет Линь Бяо покинул Китай и вошел в воздушное пространство Внешней Монголии [МНР]. Самолет исчез с китайского радара. Чжоу Эньлай доложил об этом Мао. “Итак, мы имеем еще одного предателя, — сказал Мао, — такого же, как Чжан Готао и Ван Мин* “. Следующая потрясающая новость пришла уже днем. Чжоу Эньлай получил известие от Сюй Вэньи, китайского посла в МНР. Китайский самолет с девятью пассажирами на борту — одной женщиной и восемью мужчинами — разбился в районе Ундурхан в Монголии. Все, кто находился на борту, погибли . . . “Вот что ты получил за побег”, — сказал Мао³⁸.

Работавшие на месте трагедии монгольские и советские специалисты пришли к заключению, что самолет взорвался, совершая аварийную посадку:

* Чжан Готао (1897-1979) — один из лидеров КПК. В апреле 1938 года в результате конфликта с Мао Цзэдуном бежал из г. Яньань, контролировавшегося в то время китайской компартией, на территорию, подконтрольную Чан Кайши. Ван Мин (1905-1974) — один из главных противников Мао. В январе 1956 года выехал на лечение в СССР, где, по существу, получил политическое убежище.

во время приземления потерял равновесие, коснулся правым крылом земли и загорелся. Останки его разбросало по площади в десять квадратных километров. Вот как описывает место аварии посол Сюй Вэньи, прибывший в Ундурхан 15 сентября: "Большинство трупов лежало навзничь, руки и ноги раздвинуты, головы были так обожжены, что трупы не поддавались опознанию. Мы разложили все девять трупов с севера на юг, пронумеровали их и сфотографировали с различных позиций с тем, чтобы позднее провести опознание. Согласно проведенному впоследствии расследованию, в трупе № 5 был опознан Линь Бяо: сохранилась небольшая плешь, кожа на голове повреждена, кости вышли наружу, брови обгорели, глаза превратились в черные отверстия. Труп № 8 — жена Линь Бяо Е Цюнь . . . Она обгорела сравнительно мало, волосы практически остались целы, левый бок был поврежден. Труп № 2 — сын Линь Бяо Линь Лиго: высокий рост, лицо обуглилось и приняло мученическое выражение, как будто до смерти он катался в пламени. Из вещей, принадлежавших погибшим, был обнаружен пропуск № 002 в военно-воздушную академию на имя Линь Лиго". По соглашению с монгольской стороной, советские представители отделили головы Линь Бяо и его жены и отвезли в Москву на экспертизу³⁹. Останки же погибших похоронили прямо на месте аварии.

В ту же ночь, 13 сентября, трое подручных Линь Лиго попытались бежать из КНР на вертолете, но их вынудили совершить посадку недалеко от Пекина. Двое из них покончили с собой, предварительно застрелив пилота. Единственный же оставшийся в живых участник заговора вскоре стал давать показания⁴⁰.

Бегство и гибель Линь Бяо потрясли членов китайского руководства. Как ни старался сохранять спокойствие Мао, но и он был глубоко поражен. Первой его реакцией было сохранить измену "близкого соратника" в тайне. Дав указание верному Чжоу расследовать происшедшее, он удалился к себе в Чжуннаньхай. На него напала апатия. Он перестал что-либо делать, молчал и сутками не выходил из спальни. Когда же наконец через два месяца появился на людях, все ахнули: так он вдруг одряхлел. Шаркающей стариковской походкой прошел он по дому, непрерывно кашляя и сплевывая на пол. Жаловался на головные боли и тяжесть в ногах. Давление его поднялось выше обычного — 180 на 100, биение сердца стало прерывистым⁴¹.

Люди Чжоу между тем раскопали детали заговора, обнаружили при обыске в доме одного из конспираторов записную книжку с изложением "Тезисов проекта 571", восстановили всю картину побега. Вплоть до июля 1972 года, однако, правду о "деле Линь Бяо" народу не сообщали. Об измене "близкого соратника вождя" первоначально, через двадцать дней после инцидента, на закрытых собраниях проинформировали лишь высших командиров НОАК и крупных партийных работников⁴². Затем — остальных членов партии, и только после этого — широкие массы. В стране развернулась новая истеричная кампания — критики Линь Бяо. Бывшего "близкого соратника" Председателя стали критиковать как "ультралевого"⁴³.

А Мао по-прежнему чувствовал себя очень плохо. Его часто знобило, пульс учащался до 140 ударов в минуту, сдавало сердце. Неожиданно он стал сентиментален. И его потянуло к друзьям боевой молодости, многие из которых по его же собственной воли оказались в опале в годы "культурной революции". Он очень огорчился, узнав о смерти 6 января 1972 года маршала Чэнь И, своего цзинганшаньского товарища, министра иностранных дел. А ведь он сам страшно критиковал его в феврале 1967-го, когда тот вместе с четырьмя другими заместителями премьера выступил против Группы по делам культурной революции.

В день похорон Чэнь И, 10 января, несмотря на ужасное самочувствие и плохую погоду, он отправился выразить соболезнование его вдове. После чего велел Чжоу заняться реабилитацией тех, кого еще можно было спасти.

Сам же продолжал болеть. С каждым днем ему становилось все хуже. Врачи поставили диагноз: легочно-сердечная недостаточность. Сердце не справлялось с перекачкой необходимого организму количества крови, мозг испытывал недостаток кислорода. Мао задыхался: он то и дело открывал рот, жадно глотая воздух и затем с шумом выдыхая его. "Жизнь председателя была в опасности, — пишет его бывший врач. — . . . Его неподвижные руки и ноги выглядели парализованными".

21 января вечером он почувствовал себя особенно плохо. И в присутствии нескольких людей из ближайшего окружения обратился к Чжоу Эньлаю: "Мне не вылечиться. Вы позаботитесь обо всем после моей смерти. Будем считать это моим последним желанием". Цзян Цин побелела, "ее глаза широко раскрылись, руки сжались в кулаки". Но Мао был непреклонен. "Дело сделано, — произнес он. — Вы все можете идти"⁴⁴.

В этот раз он, однако, не умер. Хотя полностью оправиться от болезни ему так и не удалось. Последние пять лет жизни он медленно угасал. Эпоха Мао Цзэдуна подходила к концу.

(Окончание в следующем номере)

1. См. Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein, Bernard Law. Three Continents. P. 33, 34.
2. См. Snow, Edgar. The Long Revolution. New York, 1972. P. 4, 89, 168, 170, 194, 219, 220; Заявление Эдгара Сноу. — Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 9. Л. 379.
3. См. Snow, Edgar. The Long Revolution. P. 89.
4. Thomas, S. Bernard. Season of High Adventure. Edgar Snow in China. Berkeley, Calif., etc., 1996. P. 326; Li Zhisui. The Private Life of Chairman Mao. P. 120
5. Snow, Edgar. The Long Revolution. P. 175.
6. Личное дело Мао Цзэдуна. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 9. Л. 440; Мао Цзэдун шэнхо данъань (Архив о жизни Мао Цзэдуна). Т. 1-3. Пекин, 1999.
7. Личное дело Линь Бяо. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 3. Л. 134.
8. IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969. С. 102-103.
9. Цит. по: Ван Синфу. Линьши сань сюнди: Линь Юйин, Линь Юйнань, Линь Бяо (Три брата Линь: Линь Юйин, Линь Юйнань, Линь Бяо). Ухань, 2004. С. 314.
10. Линь Бяо. Автобиография. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л. 197-200, 204-206.
11. См. Личное дело Линь Бяо. — Там же. Л. 201.
12. Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. М., 1976. С. 212, 213.
13. См. The Miracles of Chairman Mao. A Compendium of Devotional Literature 1966-1970. Los Angeles, 1971; Личное дело Мао Цзэдуна. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 9. Л. 267-277.
14. См. Личное дело Линь Бяо. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 53. Т. 1. Л. 167, 177.
15. Там же. Л. 178.
16. Интервью с Линь Лихэн (Доудоу) в г. Пекине 31 октября 2004 г.
17. Личное дело Мао Цзэдуна. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 9. Л. 211.
18. Li Zhisui. The Private Life of Chairman Mao. P. 453, 454.
19. Цит. по: Jin Qiu. The Culture of Power. The Lin Biao Incident in the Cultural Revolution. Stanford, Calif., 1999. P. 147.
20. См. ibid. P. 129.
21. Цит. по: ibid. P. 121.
22. Цит. по: ibid. P. 122.

23. См. *ibid.* P. 101, 117.
24. Цит. по: *ibid.* P. 123.
25. Цит. по: *ibid.* P. 131.
26. См. "Вэньхуа да гэмин" цыдянь (Словарь "Великой культурной революции"). Тай-бэй, 1993. С. 404; Yen Chia-chi, Kao Kao. *The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution*. Taipei, 1988. P. 312-322.
27. См. *The Lin Biao Affair. Power Politics and Military Coup*. White Plains, NY, 1975. P. 81.
28. См. *A Great Trial in Chinese History. The Trial of the Lin Biao and Jiang Qing Counter-Revolutionary Cliques*, Nov. 1980 — Jan. 1981. Oxford, etc., 1981. P. 24-25; Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 540.
29. "Outline of 'Project 571'". — *The Lin Biao Affair*. P. 88.
30. *Ibid.* P. 83, 85.
31. Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 278.
32. Цит. по: Jin Qiu. *The Culture of Power*. P. 134.
33. Цит. по: *ibid.* P. 135.
34. Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 532.
35. Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 6. С. 274-280. См. также Личное дело Мао Цзэдуна. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 9. Л. 286-294.
36. См. Jin Qiu. *The Culture of Power*. P. 153-154.
37. См. *ibid.* P. 173-180, 186; Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 534-537.
38. Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 537, 538.
39. См. Скосырев В. Голову Линь Бяо генерал КГБ привез Москву. — *Известия*. 17 февраля 1994 г.
40. См. *A Great Trial in Chinese History*. P. 89-100, 216; "Вэньхуа да гэмин" цыдянь. С. 405; Jin Qiu. *The Culture of Power*. P. 237; Yen Chia-chi, Kao Kao. *The Ten-Year History of the Chinese Cultural Revolution*. P. 343-345.
41. См. Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 542-543.
42. Интервью с одним из жителей Пекина 31 октября 2004 года.
43. См. Barnouin, Barbara and Yu Changgen. *Ten Years of Turbulence. The Chinese Cultural Revolution*. London and New York, 1993. P. 252-253.
44. Цит. по: Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. P. 552.

Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1921-1922 гг.

© 2006

Т. Орнауцкая, Ю. Ципкин, В. Ширяев

Сложная внешнеполитическая ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке в начале 1920 г., вынудила Советскую Россию создать в этом регионе особое буферное государство — Дальневосточную Республику.

Перед ней стояла задача выиграть время, освободить регион от интервентов без прямого военного столкновения с Японией, войска которой оставались на российском Дальнем Востоке и после начала 1920 г. Необходимо было избежать войны одновременно с белыми силами Деникина и Врангеля на юге страны, Польшей — на западе и Японией — на Дальнем Востоке и восстановить геополитические позиции России на Тихом океане¹. ДВР существовала с 6 апреля 1920 по 15 ноября 1922 гг. и была ликвидирована после освобождения региона от интервентов. Руководство внутренней и внешней политикой республики осуществляло Политбюро ЦК РКП (б), Совнарком и НКВД РСФСР.

Нельзя забывать и о том, что 18 марта 1921 г. был подписан Рижский договор между РСФСР и Польшей, по которому Советская Россия потеряла территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Ранее были потеряны Прибалтика и Бессарабия. К началу 1921 г. геополитические позиции страны в различных регионах Евразии серьезно ослабли.

Важную роль в ликвидации интервенции сыграла дипломатия ДВР. В большой и зачастую запутанной игре контрагенты на переговорах с ДВР использовали шантаж, запугивание и различные интриги. Вот почему на переговорах неизбежны были ошибки и промахи, которые вовремя исправлялись не без помощи Москвы.

Началу мирных переговоров между делегациями ДВР и Японии в Дайрене (бывший порт Дальний), которые продолжались с 26 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г., способствовал ряд причин. К середине 1921 г. в Японии осложнилась внутриполитическая обстановка. Для японского правительства переговоры с ДВР служили уступкой антивоенному общественному мнению в своей стране и ответом на давление со стороны США. Данные аналитиков из дипломатических кругов и разведслужб ДВР свидетельствовали, что Япония пошла на Дайренскую конференцию из-за финансовых трудностей, вызванных интервенцией. В 1921 г. на интервенцию было истрачено 100 млн иен, а в 1922 г.

Орнауцкая Татьяна Александровна — зам. декана Исторического факультета Дальневосточного государственного университета, г. Хабаровск.

Ципкин Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Ширяев Владимир Александрович — старший преподаватель Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Статья опубликована при содействии Гранта РГНФ 05-01-88100а Т.

планировалось израсходовать еще 55 млн. 1921 год Япония закончила с бюджетным дефицитом в 400 млн иен, внешняя торговля страны оказалась в значительной степени подорвана, золотой запас уменьшился без малого на 100 млн иен. До 1922 г. интервенция стоила Японии около 1 млрд иен и унесла несколько тысяч жизней японских военнослужащих, не считая жизней российских граждан². В военных кругах намечался раскол: военное министерство стояло за сокращение интервенции, генштаб — за ее усиление. Готовность Японии пойти на Дайренскую конференцию свидетельствовала о том, что сторонникам окончания интервенции из “штатских” временно удалось “победить” милитаристов. В неофициальных кругах Японии зрела мысль о соглашении с Советской Россией. Безусловными сторонниками эвакуации японских войск с российского Дальнего Востока были круги, интересы которых выражали либеральные издания “Иомиури”, “Осака майнити” и “Асахи”³. Однако милитаристы не сдавались и почти открыто заявляли, что не допустят, чтобы дайренские переговоры окончились компромиссом с ДВР⁴.

Под прикрытием переговоров с помощью японского командования велась подготовка к вооруженному нападению белых сил на ДВР со стороны Южного Приморья⁵.

Токио был вынужден учитывать и укрепление позиций Советской России на международной арене. Комментируя подписание англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 г., газета “Осака майнити” подчеркивала, что этот документ является большим успехом Ленина, и это скажется на дальневосточной политике Москвы⁶. 6 мая 1921 г. было заключено временное соглашение о возобновлении торговых сношений и обмене представительствами между РСФСР и Германией. Вскоре советское правительство заключило торговые соглашения с Норвегией, Австрией, Италией и другими государствами. По сути, это было признание советского правительства де-факто.

США опасались, что в рамках проведения переговоров в Дайрене, будет заключено соглашение между ДВР и Японией. В связи с этим в Читу был направлен американский неофициальный представитель Колдуэлл, бывший в этот период консулом в Кобе. Миссия Колдуэлла должна была создать у руководства ДВР впечатление, будто США всерьез намерены пойти на установление отношений с республикой и тем самым помочь делегации ДВР в Дайрене устоять перед японскими домогательствами⁷. Одновременно пребывание Колдуэлла в Чите должно было оказать сдерживающее воздействие на японское командование, лишить его свободы действий на Дальнем Востоке, заставить считаться с американскими интересами. В то же время американскому консулу в Дайрене Кирджасову было поручено сообщить делегатам ДВР об отрицательном отношении Вашингтона к каким-либо территориальным или административным изменениям в Восточной Сибири (прозрачный намек на заинтересованность США в том, чтобы без их участия не было достигнуто соглашение между ДВР и Японией)⁸.

Японскую делегацию в Дайрене возглавлял бывший генеральный консул во Владивостоке Мацусима. ДВР представляли заместитель председателя Совета министров ДВР Ф.Н. Петров, секретарь Дальбюро ЦК РКП (б) П.Ф. Анохин, И.С. Кожевников. В качестве военного советника делегации участвовал военный министр ДВР и главком НРА В.К. Блюхер.

Делегация ДВР, в связи с тем, что часть территории Дальнего Востока (Камчатская область) относилась к РСФСР, потребовала пригласить на переговоры советского представителя. Японская сторона долго на это не соглашалась. Наконец, 7 октября 1921 г. она дала согласие на участие его в “комиссии по специальным вопросам”. К ним были отнесены вопросы, связанные с Камчатской областью (рыболовные и др.). 24 октября из Москвы для участия в дай-

ренских переговорах выехал представитель РСФСР Ю.Ю. Мархлевский. Японская делегация лишь в конце ноября согласилась признать его в качестве "частного лица"⁹.

Конференция проходила в очень сложных условиях.

Первоначально делегацию ДВР на переговорах в Дайрене возглавлял министр иностранных дел ДВР И.Л. Юрин (Дзевалтовский)¹⁰. Лишь позже делегацию возглавил заместитель председателя Совета Министров ДВР Ф.Н. Петров. И.Л. Юрин, не имея четких инструкций, на первых заседаниях конференции допустил ряд оплошностей. Об этом неоднократно заявлял народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин, который внимательно отслеживал ход переговоров¹¹.

Японская делегация в Дайрене заняла довольно жесткую позицию. Мацусима отказался заключить договор о дружбе между Японией и ДВР, т.к. не считал это необходимым для заключения торгового договора. Японская делегация постоянно настаивала на безусловной секретности переговоров и т.д.¹²

Негативное отношение к ДВР и ее дипломатам проявляли и китайские власти. МИД ДВР делало неоднократные протесты министру иностранных дел Китая в связи с задержанием дипломатических курьеров Читы, досмотра их багажа и снятия копий с документов¹³. В октябре 1921 г. китайские таможенники задержали и досмотрели на ст. Маньчжурия Китайско—Восточной железной дороги дипломатический багаж главы делегации МИД ДВР Ф.Н. Петрова¹⁴. Курьер, отправленный делегацией ДВР из Дайрена с секретными документами, требующими срочного ответа правительства, вынужден был вернуться назад, поскольку под давлением японского представителя при маньчжурском диктаторе Чжан Цзолине мукденские власти отказались наложить соответствующую визу¹⁵.

5 сентября 1921 г. делегация ДВР внесла состоящий из 29 пунктов проект соглашения между Читой и Токио "О мире, дружбе и торговле"¹⁶. В данном проекте был поставлен вопрос об эвакуации японских войск с территории Дальнего Востока в месячный срок. В беседе с корреспондентом Дальневосточного телеграфного агентства (ДальТА) Ф.Н. Петров заявил, что представители республики явились в Дайрен "с вполне определенным мандатом — добиться немедленной эвакуации японских войск" и для этого готовы были предоставить Японии "известные компенсации в виде некоторых коммерческих, экономических выгод"¹⁷.

В ответ на это предложение, японская сторона выдвинула свои предложения, которые, по сути, носили захватнический характер. 26 сентября японская делегация вручила свой проект "Соглашения о торговле и прочем", который имел 17 пунктов¹⁸. К проекту были приложены три секретных пункта. Особое значение имел второй, в котором указывалось, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области "по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя". Японские требования включали ликвидацию российских военных укреплений и военного флота на Тихом океане, превращение Владивостока в чисто торговый порт под иностранным контролем, свободное плавание японских кораблей во внутренних российских водах, беспошлинную торговлю японских подданных. Япония настаивала на пересмотре ранее принятых рыболовных конвенций, расширении прав японских рыбопромышленников, подтверждении договоров с прежними российскими правительствами и белыми властями, аренде Северного Сахалина как компенсации за "никалаевский инцидент" и т.д.¹⁹. Японская сторона требовала не вводить на территории Дальнего Востока коммунистический режим и сохранить принцип частной собственности, а также вести право част-

ной собственности японских подданных на землю в пределах российских владений.

Принятие этих условий делегацией ДВР превратило бы республику в полуколонию Японии. Г.В. Чичерин в телеграмме заместителю министра иностранных дел ДВР Я.Д. Янсону 8 октября 1921 г. подчеркивал, что политика "открытых дверей" в торговле между ДВР и Японией будет означать закрытие границ между РСФСР и Дальневосточной республикой, и тогда последняя превратится в "экономический привесок Японии"²⁰.

Г.В. Чичерин в связи с жесткой позицией Японии и рядом непродуманных шагов И.Л. Юрина телеграфировал Я.Д. Янсону: "Пусть Петров запрашивает обо всем и ни шагу не предпринимает сам под страхом отозвания и привлечения к ответственности"²¹. Об этом же тревожился Ю.Ю. Мархлевский, когда информировал НКВД РСФСР о переговорах в Дайрене. Он считал, что "японцы ведут двойную игру и на всякий случай не желают "компрометировать себя" официальными переговорами с нами. Ввиду этого я предложение приехать в качестве частного лица приму". Главными мотивами для него было то, что японцы шантажировали Петрова и Блюхера тем, что попытаются перевести остатки врангелевских войск из Европы на Дальний Восток и двинуть их против ДВР²².

В Дайрене был остро поставлен вопрос о Северном Сахалине, оккупированном Японией в качестве "компенсации" за "николаевский инцидент". Мацусима заявил, что войска на Северный Сахалин были отправлены после "николаевских событий". Поэтому, мол, неправильно будет применять известную Декларацию японского правительства от 2 августа 1918 г. в связи с расширением общесоюзной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (якобы для помощи чехословакам) по отношению к эвакуации с Северного Сахалина²³. 11 октября 1921 г. Чичерин запрашивал Янсона: "Может быть, японцы согласились бы взять как отступные Северный Сахалин за все остальное и оставить в покое ДВР. Нельзя ли позондировать?"²⁴. Японская сторона поставила вопрос, чтобы за эвакуацию северной части острова и Николаевска-на-Амуре частное японское общество взяло Северный Сахалин в аренду на 60 лет. 24 ноября 1921 г. Чичерин сообщал Янсону, что НКВД стоит за то, чтобы согласиться на это, но после максимальной торговли.

Руководство Дальневосточной республики рассчитывало, что в начале ноября 1921 г. в Приморье успешно будет организовано большевистское восстание, которое должно быть поддержано частью солдат и офицеров белой армии. Это стало бы серьезным аргументом делегаций ДВР и в Дайрене, и в Вашингтоне для вывода японских войск с российского Дальнего Востока. Однако планы коммунистов были раскрыты, и они понесли большие потери в результате репрессий белого меркуловского режима и японской контрразведки²⁵.

Дайренские переговоры на определенный срок совпали с Вашингтонской конференцией, которая открылась 12 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) 24 ноября 1921 г. заслушало предложение Чичерина о переговорах в Дайрене и постановило максимально тянуть время, стараясь выждать результаты Вашингтонской конференции"²⁶. Директива МИД делегации в Дайрене гласила: затягивать время в связи с Вашингтонской конференцией и попытками правительства ДВР вовлечь США в обсуждение вопроса о Сахалине путем предоставления концессии на острове нефтяной компании "Синклер"²⁷. Однако японцы выслали американских геологов с Сахалина.

В своих воспоминаниях Петров писал, что он получил указание Чичерина "учитывать противоречия империалистов на Вашингтонской конференции и продолжать занимать твердую позицию в Дайрене"²⁸.

Но 9 декабря 1921 г. конференция была прервана из-за наступления "белоповстанческих" отрядов, костяк которых составляли каппелевцы (остатки бывших колчаковских формирований), из Приморья. Они были вооружены японским командованием. Токио стремился таким образом оказать давление на ДВР. 22 декабря 1921 г. белогвардейцы, пользуясь ошибками правительства ДВР и командования ее Народно-революционной армии, взяли без боя Хабаровск²⁹. Иницилируя поход белых против ДВР (японские войска в нем не участвовали), Япония стремилась расширить зону своего влияния, закрепить это положение на Вашингтонской конференции и, поставив США перед фактом, предотвратить их вмешательство в "сибирскую" политику Токио³⁰.

Объективно белогвардейцы выступали инструментом японской политики, а в результате с обеих сторон гибли российские граждане³¹.

Известный историк Б.М. Шерешевский считал, что Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР переоценили дипломатические способы борьбы и недооценили опасность похода белоповстанцев со стороны Приморья. Заместитель председателя Правительства ДВР Д.С. Шилов писал, что правительство и не ждало зимней военной кампании в Приморье, полагая, что меркуловщина ликвидируется мирным путем³².

В нотах от 12 и 31 декабря 1921 г., а также 19 января 1922 г., направленных ДВР, японцы старались отстоять те положения, которые предусматривали превращение республики в протекторат Токио. В ответных нотах делегация ДВР заявила, что не допустит диктата в отношении своей Конституции, но соглашалась на удовлетворение некоторых японских требований, готова была обсуждать предложения по урегулированию "николаевского инцидента", не возводить новых укреплений на границе и т.д. Делегация Читы настаивала на выводе всех японских войск с территории российского Дальнего Востока, включая Северный Сахалин³³.

В правительстве Японии шла борьба между сторонниками соглашения с ДВР и милитаристской кликой, стоявшей за продолжение интервенции. Временно взяла верх последняя, и даже после разгрома белогвардейцев под Волочаевкой, который последовал 12 февраля 1922 г., японская делегация стала вновь настаивать на своих "17 пунктах". Провал хабаровского похода белогвардейцев, подготовка к Генуэзской конференции привели к тому, что директивы Москвы не прерывать переговоры в Дайрене сменились на предложения требовать немедленной эвакуации японских войск, ликвидации экономических преимуществ Японии, а в случае отказа — переговоры прервать³⁴.

К середине апреля 1922 г. на переговорах в Дайрене с японцами был согласован проект "Торгового и общего соглашения" и большинство статей "Соглашения о предметах военного характера". Не был согласован вопрос о сроках вывода японских войск из Приморья³⁵. Еще 28 марта 1922 г. Дальбюро ЦК РКП (б) рассмотрело предложение японской делегации в Дайрене, изложенные в телеграммах Петрова и Мархлевского (отложить решение "николаевского вопроса", разрешение плавания японским судам по Амуру и Сунгари и подписать общий договор, даже соглашаясь пропустить НРА во Владивосток). Дальбюро согласилось с этим, но общий договор должен быть подписан только с соглашением об эвакуации японских войск. В противном случае Япония, подписав общий договор, могла бы бесконечно долго тянуть работу военной комиссии и не выводить свои войска с российского Дальнего Востока. В случае же несогласия японской стороны — переговоры прервать³⁶.

Важно отметить, что еще 14 апреля 1922 г., т.е. за два дня до окончательного прекращения Дайренских переговоров, МИД ДВР ожидало результатов переговоров в Генуе с целью заключить договор с Японией и добиться от нее эвакуации войск из Владивостока³⁷. Но 15 апреля японцы предложили но-

вую редакцию уже согласованных статей и в ультимативной форме потребовали их подписания. Японская сторона отказалась от фиксации точной даты вывода своих войск из Приморья, потребовала разрешения в одностороннем порядке пребывания японских военных представителей в крупнейших городах ДВР, равных прав японским подданным с гражданами ДВР и отмены для японцев ограничений, существующих в республике для иностранцев. Делегация ДВР отказалась принять требования Японии. 16 апреля 1922 г. делегация Японии прервала переговоры и выехала в Токио. 24 апреля правительство ДВР в своей ноте возложило ответственность за срыв переговоров на правительство Японии³⁸.

Своим итогом Дайренская конференция имела одно единственное соглашение — обмен корреспондентами телеграфных агентств. В Японию таким был послан В.Г. Антонов, а от японцев в ДВР — полковник Мике³⁹.

Вашингтонская конференция, как и Версальская, должна была закрепить раздел мира между великими державами после первой мировой войны. Конференция проходила с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 гг. Еще 28 марта 1921 г. председатель правительства ДВР А.М. Краснощеков обратился к государственному секретарю США Юзу с нотой, в которой по поручению Учредительного собрания ДВР просил согласия на посылку в США миссии ДВР⁴⁰. Госдепартамент не ответил на эту ноту. В начале сентября 1921 г. представитель ДВР в Пекине И.Л. Юрин вновь поставил вопрос перед посольством США о допуске делегации ДВР в США. На этот раз госдепартамент дал согласие на приезд в США торговой делегации ДВР, обещав оказать ей “неформальную помощь” и оговорив, что это не означает официального признания ДВР. Соединенные Штаты крайне нуждались в союзниках при давлении на Японию.

Представителями ДВР на Вашингтонскую конференцию были назначены А.А. Языков, П.М. Караваев, Б.Е. Сквирский, причем первый был утвержден Политбюро ЦК РКП (б). Перед дипломатией буферной республики была поставлена цель — добиться признания ДВР и заинтересовать американский бизнес в торговле с ДВР. Необходимо было, используя противоречия между США и Японией, заставить уйти последнюю с российского Дальнего Востока.

В начале декабря 1921 г. делегация ДВР прибыла в Вашингтон и вручила госдепартаменту свои полномочия на право представительства ДВР в США и на участие Вашингтонской конференции. Однако к участию в работе конференции делегация не была допущена. США и другие державы были настроены резко антисоветски и желали видеть Японию антибольшевистским бастионом на Дальнем Востоке, но в то же время не желали ее закрепления в регионе. Поэтому США проявили двойственность и нерешительность по отношению к политике Японии. Вашингтон был даже готов пойти на уступки ей в т.н. “сибирском вопросе”. Аналогичные колебания проявляла и Великобритания.

Япония же крайне опасалась, что на Вашингтонской конференции в рамках обсуждения дальневосточного вопроса будет принято решение, которое ущемит ее интересы в этом регионе. Было ясно, что японцы, прикрываясь переговорами, будут выжидать результатов Вашингтонской конференции и, вероятно, попытаются предпринять на Дальнем Востоке новые авантюры. Сенат США решил внести в свои протоколы полный текст брошюры о японской агрессии, изданной делегацией ДВР в Вашингтоне⁴¹.

Делегация ДВР развернула в Вашингтоне активную антияпонскую пропагандистскую компанию. В конце декабря 1921 г. она опубликовала серию секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших цели Японии на Дальнем Востоке⁴². Прессе были представлены указанные документы, которые выявили существование секретного соглашения

между Японией и Францией о создании на Дальнем Востоке подчиненного Японии марионеточного белогвардейского государства⁴³. Международное политическое острие этого соглашения, как явствовало из документов, было направлено против Соединенных Штатов. Опубликованная делегацией ДВР французская нота от 2 сентября 1921 г. раскрывала существование тайного сговора этих стран относительно Вашингтонской конференции и дипломатического блока, направленного против Америки. Опубликованный делегацией текст договора, подписанного представителями Японии, Франции и белогвардейцев 12 марта 1921 г., предусматривал превращение Дальнего Востока усилиями трех сторон в японскую колонию. Франция и Япония должны были, согласно этому договору, перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР.

Эффект от публикации был колоссальный. Не менее ясно политика Японии вскрылась и в ряде других опубликованных делегацией ДВР документов, разоблачавших, в частности, поддержку, которую Япония оказывала атаману Семенову и Унгерну⁴⁴.

23 января 1922 г. на конференции обсуждался "сибирский вопрос", который после публикации документов делегацией ДВР уже нельзя было замалчивать. На заседании дальневосточной комиссии конференции первым выступил японский делегат Сидехара. Он зачитал обширную декларацию, в которой Япония заявляла о своем бескорыстии в делах Дальнего Востока и полном нейтралитете в борьбе русских партий, уважении территориальной целостности России. Сидехара даже подтвердил обязательство Японии вывести свои войска с территории российского Дальнего Востока, но не назвал срока. В качестве доказательства Сидехара ссылался на Дайренскую конференцию. В заявлении главы японской делегации вновь прозвучало оправдание японской интервенции на российском Дальнем Востоке: содействие чехословакам, защита японских подданных, осевших в Сибири, обеспечение безопасности корейской границы, "николаевский инцидент", после чего, мол, Японии "оставалась лишь одна *альтернатива* (выделено авт.), а именно занять в качестве репрессалии некоторые пункты русского Сахалина"⁴⁵. Система управления Японией острова Сахалин могла бы служить моделью оккупационных порядков на всем российском Дальнем Востоке, - считал японский представитель.

"Основанием" экспансионистской политики Японии служили не только "николаевский инцидент" и убытки японских резидентов в России за годы революции, но и пресловутое "жизненное пространство". Милитаристские круги Токио, опиравшиеся на феодально-аграрные круги, ставили вопрос о том, что Япония, якобы, не может больше из-за перенаселения оставаться в границах своих островов и должна расширить свои границы за счет соседних государств. Это нашло поддержку и у торгово-промышленных кругов страны. Согласно плану японского генштаба и карты "Будущей Японии", расширение империи должно начаться с образования прочной базы на ближайших берегах азиатского континента и с превращением всего водного пространства, замкнутого между Японскими островами, Сахалином, берегами русского Приморья и Кореи, во внутреннее Японское море⁴⁶.

28 января 1922 г. делегация ДВР в Вашингтоне выступила с Меморандумом к делегациям стран-участниц конференции о немедленном выводе японских войск с территории Дальнего Востока. Делегация Дальневосточной республики подчеркивала лицемерие японского правительства, которое только за один 1921 г. 11 раз давало обещания эвакуировать войска с российского Дальнего Востока, но так и не сделало этого. В то же время представители ДВР не снимали ответственности за интервенцию с других держав⁴⁷.

Японская делегация всеми силами пыталась дезавуировать документы, которые опубликовала делегация ДВР в Вашингтоне.

Белогвардейское Временное приамурское правительство братьев Меркуловых также претендовало на свое участие в Вашингтонской конференции и пыталось представить себя единственным законным правительством на российском Дальнем Востоке. В США из Владивостока была послана довольно представительная делегация. Несмотря на то, что делегацию белого Приморья принял госсекретарь США Юз, ни белое правительство во Владивостоке, ни ДВР так и не были признаны ни одним государством. И в этом также проявилась двойственность политики США.

В то же время на конференции ни одна из держав не поддержала призывания Токио на привилегированное положение на российском Дальнем Востоке и в той или иной форме осудила присутствие японских войск в Приморье и на Северном Сахалине. Делегация США, несмотря на общий антисоветский настрой, потребовала "полного отзыва японских войск со всей русской территории" и "вернуть Сахалин русскому народу"⁴⁸.

Японская делегация представила в Вашингтоне "Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской империи, ныне именуемой "Дальневосточная республика"⁴⁹. Этот документ был разработан в январе 1922 г. по взаимному соглашению представителя Японии в Вашингтоне Сидехары и представителя Франции Бриана, которые и составили свою комиссию для уточнения и обсуждения протокола. Министр иностранных дел Японии виконт Утида и представитель Франции Жоффер пришли к принципиальному согласию о совместной защите своих интересов на будущей Генуэзской конференции. Правда, в соглашении оговаривалось, что послы Японии и Франции в Генуе могли вести сепаратные переговоры с представителями РСФСР, если они могли принести успех⁵⁰.

В основание вышеуказанного Протокола были положены материалы заседаний Вашингтонской конференции по дальневосточному вопросу, предварительных переговоров представителей держав и многочисленные доклады и жалобы иностранных резидентов и некоторых русских политических групп (скорее всего — представителей Белого движения) "на усилившуюся анархию на Дальнем Востоке". По замыслу Утиды, документ должен был быть представлен и реализован на предстоящей Генуэзской конференции, если Советская Россия не примет условий иностранных держав по возврату долгов, реституции имущества и компенсации за т.н. "николаевский инцидент". В Протоколе содержалось требование возобновления торговых отношений с Советской Россией на условиях Японии и Франции. Документ также требовал роспуска Президиума III Интернационала "с обязательством не созывать интернациональных съездов, направленных на коммунизацию государств и колоний"⁵¹.

Протокол и другие документы попали в руки разведки ДВР во Владивостоке в 1922 г. и были переправлены через представителя ДВР в полосе отчуждения КВЖД Э. Озарнина в Читу. Протокол предполагал ввод на российский Дальний Восток международных сил, в которых главную роль должны были играть японские войска⁵².

Представителям Франции, Англии и США были направлены препроводительные письма к Протоколу. В письме британскому послу в Токио Утида предлагал поддержать прилагаемый проект в Генуе⁵³.

В депеше японскому послу в Вашингтоне барону Сидехаре от 15 февраля 1922 г. (Хабаровск был освобожден войсками НРА 14 февраля 1922 г.) предписывалось обратить внимание правительства США на тесную связь РСФСР и ДВР и опасность, исходящую от них. Токио заявлял, что он выступает против раздела бывшей Российской империи, но целостность России зависит от уми-

ротворения ее окраин. Если советские представители не примут условия, предложенные им в Генуе, необходимо немедленно провести реформы, обозначенные в Протоколе. В депеше также отмечалось, что белое Временное приамурское правительство слабо и неопытно, и это, мол, не может оставлять японское правительство "равнодушным зрителем"⁵⁴.

Речь, таким образом, шла о попытке создания единого фронта против РСФСР и ДВР, военном шантаже и угрозе новой союзной интервенции против нашей страны.

Японское правительство инструктировало барона Сидехару опровергать все заявления делегации ДВР в США и материалы в американской прессе относительно этого документа⁵⁵. Но протокол лишний раз подтвердил наличие японо-французского сговора против РСФСР и ДВР.

Японское предложение не было принято ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу успехов РККА и НРА, правильной тактики дипломатии РСФСР и ДВР, укрепления позиций Советской России и заинтересованности держав в экономических отношениях с советской страной и Дальневосточной республикой.

Это был успех дипломатии ДВР и РСФСР: Японии не удалось организовать объединенную интервенцию против Советской России, как это было в 1918 г.⁵⁶

Экономический кризис, протесты общественности, активная политика РСФСР, ДВР и конкурента Японии на Тихом океане США привели к тому, что в июне 1922 г. японские правящие круги приняли решение о выводе войск с российского Дальнего Востока до ноября того же года.

Летом 1922 г. дипломатия ДВР усилила свою активность для решения вопроса о выводе контингента японских войск с территории российского Дальнего Востока. Через вышеупомянутого сотрудника телеграфного агентства ДальТА В.Г. Антонова было отправлено соответствующее обращение к японскому правительству. Обращение было принято, и конференция состоялась в Чаньчуне с 4 по 26 сентября 1922 г.

По взаимной договоренности правительств РСФСР и ДВР в Чаньчунь была направлена объединенная российская делегация, возглавляемая членом ВЦИК А.А. Иоффе. ДВР представлял на переговорах министр иностранных дел Я.Д. Янсон.

Глава японской делегации Мацудайра сообщил, что Япония намерена эвакуировать свои войска из Приморья к концу октября 1922 г., а с Северного Сахалина — лишь, после разрешения т.н. "николаевского вопроса". Практически эвакуация откладывалась на неопределенный срок, поскольку от немедленного обсуждения этого вопроса японские делегаты уклонились.

Мацудайра заявил, что если российская сторона не станет торопиться, то Япония "разрешит все свои интересы самостоятельно" и "вынуждена будет говорить с той властью, с которой можно договориться". В ответ А.А. Иоффе заявил, что если переговоры будут вестись в таком тоне, то они вряд ли придут к желательному результату⁵⁷.

После этого переговоры фактически были прекращены.

Заместитель народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. Карахан 9 сентября 1920 г., телеграфировал А.А. Иоффе, что "позиция должна быть твердой, никаких уступок, сверх установленных прежними инструкциями. Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписей Дальневосточной Республики и разрешения рыболовных вопросов. Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии на счет нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны"⁵⁸.

Конференция в сентябре 1922 г., закончила свою работу, так и не достигнув договоренности ни по одному из вопросов.

В октябре 1922 г. Народно-революционная армия ДВР, усиленная частями РККА, разгромила остатки белых войск М.К. Дитерихса, которые бежали в Китай.

25 октября 1922 г. последний японский корабль с войсками ушел из Владивостока, и в город торжественно вступили части НРА ДВР.

Дальневосточная республика способствовала ликвидации интервенции без войны с Японией, сохранению единства страны и восстановлению геополитических позиций России на Тихом океане. Эта цель была достигнута. Советская Россия разгромила белогвардейцев Деникина и Врангеля и избежала войны на два фронта одновременно — против Польши и Японии. В этом была заслуга дипломатии РСФСР и ДВР. В дипломатической борьбе с заведомо более сильными противниками буферного государственного образования приходилось использовать тактику компромиссов, затягивания переговоров, использования противоречий между Японией и США.

15 ноября 1922 г. ДВР была официально ликвидирована, и регион воссоединился с Россией.

1. Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 36.С.332; Т.40.С.87; Т.41.С.129, 339, 340; Т.42.С.23, 61, 62, 63, 66-68, 93, 95, 120, 125, 170; Т.44.С. 133, 548-549; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т.У.М., 1961 С. 572.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.495, оп.127, д.8, л.27.
3. Там же, ф.372, оп.1, д.1181, л.20; ф.495, оп.127, д.8, л.29.
4. Там же, ф. 372, оп. 1, л. 108. л. 52-52.
5. 26 мая 1921 г. остатки белой армии с помощью японцев совершили переворот в Приморье. К власти пришло Временное Приамурское Правительство (ВПП) во главе с братьями С. Д. и Н.Д. Меркуловыми. Позже белый режим распространил свою власть на Нижний Амур, Охотское побережье, Камчатку и часть Приамурья. Токио был заинтересован в существовании зависимого от него "российского национально-го" прикрытия своей интервенции (см.: Мостовец Н.В. Дайренская конференция // Учёные записки АОН. Вып.П. Вопросы всеобщей истории. М., 1948. С. 283, 284, 287).
6. Цит. по: Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1974. С. 79.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.391, оп.2, д.7 а, л.443.
8. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны //История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1. Владивосток, 2003. С. 551-552.
9. Дальний Восток России в период революций и гражданской войны. С. 548.
10. И.Л. Юрин занимал также должность Чрезвычайного уполномоченного ДВР в Пекине. Осенью 1921 г. он был отозван в Москву. Дальбюро ЦК РКП (б) обвиняло его в самостоятельном начале переговоров в Дайрене, неосторожных заявлениях, и угрожало взысканием за "сепаратизм и нарушение партийной дисциплины"; ему также ставили в вину недостаточную мобилизацию общественного мнения Китая в пользу улучшения российско-китайских отношений, слабую дисциплину и тяжелый личный характер. Кроме того, он поддерживал председателя правительства ДВР А.М. Краснощёкова, которого, в свою очередь, обвиняли в дальневосточном сепаратизме. 14 октября 1921 г. И.Л. Юрин написал заявление об отставке с поста министра иностранных дел ДВР ввиду "существующих расхождений по вопросам иностранной политики между мной и правительством". Позже Юрин был агентом-незаконником в Западной Европе по линии Коминтерна, но перешёл на сторону противника и перебежал в Польшу. Умер (отравлен) в 1925 г. (см.: РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.2191, л.21; ф.372, оп.1, л. 54, л. 56, 124, 145, 147, 152; л. 90, л. 10, 12; л. 66, л. 5, 77; д.171, л.106; Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 68; Казанин М.И. Записки секретаря миссии. М., 1963. С. 134-135, 139-140, 154-157; Прохоров Д.П. Сколько стоит продать Родину. СПб., 2005. С. 21-24).
11. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 69, л. 23, 34,35; Казанин М.И. Записки секретаря миссии. С. 138-139; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 109.

12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), ф.08, оп.5, п.3, д.16, л.38-44.
13. Там же, ф. 492, оп.1, п. 2, л. 4, л.130-132, 140-141.
14. Там же, ф. 492, оп.1, п. 1, л. 3, л. 154.
15. РГАСПИ, ф.391, оп.2, д.7 а, л.214.
16. ДВП СССР. Т.IV. М., 1960. С. 724; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией. Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч.II. С. 166-168.
17. Цит. по: Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962. С. 237; Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. М., 1962. С. 73-93.
18. ДВП СССР. Т. IV.М., 1960. С. 784; Дальневосточная республика: Становление... Ч.П. С. 161-166.
19. В феврале 1920 г. партизанские отряды, действующие в низовьях Амура ("Красная Армия Николаевского района") под командованием анархиста-максималиста Я.Тряпицына, заключили договор о нейтралитете с японским гарнизоном и вошли в Николаевск-на-Амуре. 12 марта 1920 г. японский гарнизон (350 чел.) и местная японская колония (380 чел.) напали внезапно на партизан, но были разгромлены. Позже почти все японские пленные были расстреляны. Тряпицын, используя мощную местную радиостанцию, заявил о своём неприятии идеи буферной республики и призвал все революционные силы региона к войне с Японией. 22 марта 1920 г. НКВД РСФСР выразил сожаление в связи с происшедшими событиями в Николаевске-на-Амуре и вновь предложил начать мирные переговоры между Советской Россией и Японией. Однако правящие круги Японии развернули мощную пропагандистскую кампанию и заявили о необходимости "компенсации" за "николаевский инцидент". Летом 1920 г. японцы высадили десант в низовьях Амура. В качестве "компенсации" и с целью "защиты интересов" японских граждан, находящихся на данной территории, весной 1920 г. японцы заняли Северный Сахалин, откуда ушли только в 1925 г. Японский исследователь В. Фудзимото подчёркивал, что главной целью занятия Северного Сахалина было удержание нефтяных и угольных месторождений. США выступили с протестом против оккупации Японией Северного Сахалина, но безуспешно (см.: Дальневосточная республика: Становление... Ч.1. С. 28-39, 225-232; Фудзимото В. Дальневосточная республика и Япония // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы междунар. науч. конфер. Владивосток, 1997. С. 141 и др.).
20. РГАСПИ, ф.372, оп.1, д.69, л.23.
21. Там же, л. 24-25.
22. Там же, д.1950, л.1,2. Японцы предоставили три транспорта, которые были готовы к перевозке белых войск из Турции. К переброске готовились 42 тыс. бывших военнослужащих армии Врангеля. Причём половина из них — офицеры. Небольшие группы офицеров даже выехали из Константинополя на Дальний Восток. За этими действиями с тревогой следили американские дипломаты, о чём свидетельствует переписка представителя США в Шанхае Хэммонда. 2 июня 1921 г. НКВД РСФСР предупредил советских дипломатов о готовящейся акции Японии, Франции и Англии. Белогвардейское Временное приамурское правительство пыталось добиться от Франции оплаты расходов по этой операции. Об этом ходатайствовал В.С. Колесников в письме от 24 июня 1921 г. к бывшему российскому послу в Париже В.А. Маклакову. Однако французское правительство в виду полной бесперспективности данного шага не пошло на расходы по организации этой переправки. Более того, Франция прекратила помощь врангелевской армии в Турции. По этому поводу П.Н. Врангель написал Открытое письмо Генеральному комиссару Франции в Константинополе генералу Пеле. Потеряли интерес к этой авантюре Англия и США. Вот почему ни В.А. Маклаков в Париже, ни бывший российский посол в Токио В.Н. Крупенский после запроса японского МИДа не обнадежили В.С. Колесникова в этом вопросе (см.: ДВП СССР. Т. IV. М., 1960. С. 157, 253-254, 435, 440-441; Никифоров П. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М., 1923. С. 46-52; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 245, 264, 328, 330).
23. АВПРФ, ф.08, оп.5, п.3, д.16, л.102; Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955. С. 165-166.

24. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 69. л.24-25.
25. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 107, 113-114; Smith C. Vladivostok under Red & White rule. Revolution & Counter-revolution in the Russian Far East 1920-1922. — Seattle & London, 1975. PP. 120-122.
26. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 69. л. 40.
27. РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.2191, л.2; АВПРФ, ф.08, оп.5, п.14, д.3, л.18.
28. Петров Ф.Н. Переговоры уполномоченных ДВР с представителями Японии // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922). (Воспоминания ветеранов) М., 1973. С. 237.
29. Главком НРА и Военный министр ДВР В.К. Блюхер был назначен военным советником делегации в Дайрен в разгар военной реформы. Об ошибочности назначения Блюхера советником в Дайрен предупреждал В.М. Молотова член Дальбюро ЦК РКП (б) М.И. Губельман. Полпред НКВД РСФСР в Сибири и член РВС-5 Б.З. Шумяцкий 17 декабря 1921 г. выступил с предложениями о стабилизации положения в районе Хабаровска, но считал преждевременным посылать советские войска в ДВР. 17 декабря 1921 г. В.К. Блюхер дал командующему Восточным фронтом НРА С. М. Серышеву директиву не сдавать город белогвардейцам, поскольку его потеря может иметь тяжёлые последствия в Вашингтоне и Дайрене. При занятии Хабаровска белыми "меркуловское правительство может быть признано равноценным с правительством ДВР" (см.: РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.2190, л.159; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф.849, оп.1, д.200, л.8; Дальневосточная республика: Становление... Ч.II.С. 159-190; Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 313).
30. Мостовец Н.В. Дайренская конференция. С. 287; Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. ТТ.1-2. М., 1990. С. 285-287).
31. К. Смит подчёркивал, что наступление белых было выгодно только Японии. Белые же оказались в "деликатном положении". Они не хотели, чтобы их ассоциировали с японцами, но нуждались в их снабжении. Военные поставки Японии снизили моральный авторитет белых и подорвали сознание ими своей независимости. Японцы в результате похода не получили ни политических выгод, ни экономических концессий (см.: Smith C. Op.cit. PP.123-124, 170).
32. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 123-124.
33. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 550.
34. РГАСПИ, ф.372, оп.1, д.69, л.17-19; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 550.
35. Дальневосточная республика: Становление... Ч.II. С. 179-185.
36. ГАХК, ф. П-44, оп.1, д.159, л.213-214, 239.
37. РГАСПИ, ф.372, оп.1, д.69, л.17-19.
38. ДВП СССР. Т.IV. М., 1960. С. 270-272; Дальневосточная республика: Становление...Ч.II.С.185-189; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551.
39. В.Г. Антонов, имевший на руках все материалы о дайренских переговорах, находился в Токио под постоянным надзором. Корреспонденты либеральных газет боялись появляться около его квартиры, зато его осаждали под видом репортеров работники японских спецслужб (см.: РГАСПИ, ф.5, оп.1, д.1950, л.4; ф. 372, оп. 1, л. 50 л. 434).
40. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 54, л. 110; ДВП СССР. Т.IV. М., 1960. С. 35.
41. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551-554.
42. ГАХК, ф. П-44, оп.1, д.154, л.1-30; ДВП СССР. Т.V. М., 1961. С. 21-44.
43. РГАСПИ, ф.373, оп.1, д.13, л.44-46.
44. Дальневосточная республика: Становление... Ч.II.С.93, 95.
45. РГАСПИ, ф. 495, оп.127, д.37, л.2-3; Дальневосточная республика: Становление... Ч.II. С. 202-209; Лопачёв А. Освобождение Северного Сахалина: борьба советской дипломатии за освобождение северного Сахалина (1920-1925 гг.). Южно-Сахалинск, 1989. С. 25).
46. РГАСПИ, ф.495, оп.127, д.8, л. 16, 29; д.37, л.15, 18, 20, 29.
47. ДВП СССР. Т.V.М., 1961. С. 712.
48. Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 213 — 214.

49. Фонд ОРАФ Управления ФСБ РФ по Омской области, ф.65, д.14, л.18-24; Николаев С. "Маки-Мираж". Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 16-17.
50. Фонд ОРАФ Управления ФСБ РФ по Омской области, ф.65, д.14, л.23.
51. Там же, л.19. Важной стороной международной политики Советской России стало инициирование революционного движения во всём мире, используя для этого Коминтерн. Поначалу, объединяющий 35 партий и групп из 21 страны, Коминтерн провозгласил своей целью объединение рабочих всех стран и угнетенных народов за свержение империализма. Советская дипломатия действовала в конкретных исторических условиях и рамках этики международных отношений того времени. В этом смысле деятельность Коминтерна представляется как орудие внешней политики РСФСР, поддержки левой оппозиции в различных государствах, которые, в свою очередь, поддерживали контрреволюцию в России. НКВД РСФСР, МИД ДВР тесно сотрудничали с Коминтерном, ГПУ РСФСР и Государственной политической охраной (ГПО) ДВР. Через Читин шла связь с Японией через Харбин - Владивосток и через Благовещенск - Хабаровск - Владивосток. Для активизации революционной деятельности в странах Востока и подготовки кадров для этой работы Сибирское бюро ЦК РКП (б) создало Секцию восточных народов в Иркутске. На ее основе в январе 1921 г. был учрежден Дальневосточный секретариат ИККИ в Иркутске. Его руководителем был назначен Б.З. Шумяцкий (А. Червонный), бывший в свое время главой Совета министров и МИД ДВР. Большое внимание Президиум ИККИ уделял агитационно-пропагандистской работе в японских экспедиционных войсках на российском Дальнем Востоке. Для этих целей в Чите была создана типография, которая публиковала пропагандистские тексты на японском языке. Материалы направлялись в Хабаровск, Владивосток и Николаевск-на-Амуре. Большое внимание Восточная секция ИККИ уделяла организации революционного движения в Корее. Почти во всех партизанских районах Приморья действовали корейские партизанские отряды и группы, которым ставилась задача борьбы с белогвардейцами и японскими интервентами (см.: РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 103, л. 17,37; л. 135, л. 27-28; д.552, л.14; ф.495, оп.127, л. 1, 6-7; Дальневосточная республика: Становление... Ч.I. С. 170; Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 193-194; . ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. М., 2001. С. 275-277; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн. 1919-1943 гг. Док. М., 2004. С. 76, 92-93, 131-132; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — начала XX в.). Док и материалы. Владивосток, 2004; Беликова Л.И., Храмова Н.А. Пропагандистская работа дальневосточных большевиков в войсках интервентов (1917-1922 гг.) // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Сб. статей. Владивосток, 1988. С. 21; Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. М., 1997. С. 25-26).
52. Государственная политическая охрана ДВР (ГПО), Разведывательное управление НРА создали ряд резидентур и передаточных пунктов на КВЖД. Особенно важной была работа во Владивостоке, где действовало белое Временное Приамурское правительство и его учреждения, штаб и службы японских интервенционистских войск, а также иностранные консульства. Агентура ГПО и РУ НРА (а также ВЧК-ГПУ и РУ Штаба РККА) покупала, добывала и фотографировала японские и белогвардейские документы. Этой же деятельностью занимались подпольные большевистские организации Приморья. Несмотря на ряд тяжелых провалов, был добыт очень ценный разведывательный материал, свидетельствующий о планах белого режима и интервентов, который успешно использовали дипломаты ДВР (см.: РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 87, л. 45; л. 97, л. 11; л. 103, л. 17, 18; д.112, л. 40, 41).
53. Фонд ОРАФ Управления ФСБ РФ по Омской области, ф.65, д.14, л.19.
54. Там же, л.24.
55. РГАСПИ, ф.372, оп.1, д.1181, л.42-43.
56. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 245-246.
57. РГАСПИ, ф. 495, оп.127, д.25, л.11-12; Дальневосточная республика: Становление... Ч.II. С. 273-275.
58. ДВП СССР. Т. V. М., 1961. С. 572.

Народно-освободительная армия Китая в 1945-1949 гг.: реорганизация и создание регулярных войск

© 2006

И. Пожилов

Победа КПК в последней битве за власть с Гоминьданом была обеспечена целым рядом важных факторов, далеко не последнюю роль среди которых сыграли последовательно проводившиеся руководством партии и высшим командным составом НОАК накануне и в течение всего периода гражданской войны мероприятия по строительству современной общевойсковой регулярной армии.

В отечественной научной литературе советского периода нет вполне ясного и точного изложения этой темы. Отчасти это объясняется отсутствием в то время достаточной документальной базы, отчасти — более пристальным вниманием к ходу военных действий на фронтах и динамике развития ситуации внутри страны. Изрядную помеху в исследовании процесса реорганизации НОАК составляло то обстоятельство, что одной из важнейших точек опоры авторов советской поры являлся тезис об односторонней приверженности Мао Цзэдуна доктрине "народной партизанской войны", которую он неизменно отстаивал в борьбе с линией высших военачальников, не менее настойчиво выступавших за "регуляризацию" китайской Красной армии¹. Укоренению этой весьма сомнительной точки зрения способствовали и работы некоторых западных специалистов по военной истории КПК, в частности, пожалуй, самого авторитетного из них — У.Уитсона (США), проводившего в своем фундаментальном труде мысль о том, что все успехи и победы вооруженных сил китайских коммунистов были достигнуты "не благодаря, а вопреки руководству Мао Цзэдуна"². Весьма часто цитируемому американскому ученому отечественные исследования обязаны и немалым количеством частных, но порой очень значимых фактических ошибок, которые не могут не вызывать недоумения, поскольку большей частью никак не касаются каких-либо "закрытых" сюжетов и проблем, в том числе процесса реорганизации НОАК и строительства регулярных войск в годы гражданской войны.

Сторонники партизанской стратегии во главе с Мао Цзэдуном, согласно советскому исследователю Б.Г.Сапожникову, не желали отказываться от ее основополагающих установок и принимали высказанные в июне 1945 г. предложения военных о необходимости коренной модернизации организационно-штатной структуры и изменения в тактике НОАК лишь частично. В итоге такой неуступчивости "организационную перестройку и исправление принципов

Пожилов Игорь Евгеньевич — доцент кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина.

стратегии и тактики НОА пришлось осуществлять в условиях, когда инициативу в боевых действиях захватило гоминьдановское командование³, то есть со значительным опозданием и в крайне сложных условиях боевой обстановки на фронтах. По утверждению М.Ф.Юрьева, реорганизация вооруженных сил КПК с учетом требований времени началась еще позднее, лишь в ноябре 1948 г., когда решением Военного совета ЦК КПК войсковые части крупных стратегических районов были разделены на три категории: полевые войска, местные войска и партизанские отряды⁴.

К сожалению, М.Ф.Юрьев упоминает лишь о завершающем этапе структурной перестройки НОАК, когда все вооруженные силы КПК перешли на новую, триединую систему организации и комплектования с разными оперативно-тактическими задачами. "Программа модернизации" НОАК, с которой выступили Чжу Дэ и Пэн Дэхуай⁵ (если таковая, конечно, уже была), формально не могла обсуждаться (разве что в рабочем порядке) в июне 1945 г., поскольку известно, что в это время в Яньани завершал работу VII съезд КПК, следом прошел I пленум ЦК, а затем руководители партии провели переговоры с американской военной делегацией.

Не соответствуют действительности и сведения, которые приводит китайский историк Тянь Вэйбэнь, утверждающий, что первая в НОАК полевая армия была создана по приказу Чжу Дэ (без предварительного согласования с Военным советом ЦК КПК) в начале июня 1947 г. в пограничном районе Шаньси-Чахар-Хэбэй. Ее командующим стал Ян Дэчжи⁶.

Курс на превращение вооруженных сил КПК в армию регулярного типа был представлен в общем виде в докладе Мао Цзэдуна "О коалиционном правительстве" на открытии VII съезда партии 24 апреля 1945 г.⁷, а конкретизирован в военном докладе Чжу Дэ "О фронтах освобожденных районов" 25 апреля 1945 г.⁸ В обоих докладах военно-политическое руководство заявило о необходимости проведения соответствующего поворота от преимущественно партизанских акций к маневренным действиям регулярных войск и позиционной войне. В соответствии с этим курсом в докладе Чжу Дэ был намечен ряд практических мер, нацеленных на подготовку и проведение такого поворота, главной из которых являлось переформирование местных частей в регулярные соединения и оперативные объединения, способные вести наступательные и оборонительные боевые действия независимо от постоянных районов базирования (т.н. "освобожденных районов"), сложившихся в годы антияпонской войны.

Однако, опережая события, У.Уитсон отмечает, что "приготовления к гражданской войне, включая реорганизацию войск, уже шли в ходе VII съезда (апрель-июнь 1945 г.). Главной фигурой, руководившей ими, был Е Цзяньин, являвшийся заместителем председателя Военного совета ЦК КПК"⁹. Информация У.Уитсона неверна. Во-первых, Е Цзяньин такого поста в то время не занимал, во-вторых, никаких официальных решений по вопросам реорганизации НОАК тогда не принималось. Наконец, ответственным за формирование регулярных войск, их подготовку и перевооружение был назначен Пэн Дэхуай как заместитель председателя и начальник Генерального штаба Военного совета, и решение на этот счет было принято позднее, на расширенном заседании Политбюро 23 августа 1945 г.¹⁰

Проблема переустройства вооруженных сил компартии стала в повестку дня с началом капитуляции японских и марионеточных войск в Китае и связанными с этим крупными боевыми столкновениями частей НОАК и гоминьдановских войск в силу их встречного движения с задачей захвата крупных городов и узлов коммуникаций в Северном и Восточном Китае. Несмотря на некоторые тактические успехи войск КПК, сражения показали, что в целом они не готовы вести масштабные и тем более фронтальные наступательные

действия в полевых условиях против сильного, обученного и технически оснащенного противника. Строительство современной армии становилось важнейшей задачей текущей и перспективной политики партии и главным залогом ее военной победы в войне с Гоминьданом.

Вопросам модернизации регулярных войск было посвящено расширенное заседание Военного совета ЦК КПК 11 августа 1945 г., на котором было принято «Решение ЦК КПК о задачах нашей партии после капитуляции Японии»¹¹. Его проект был подготовлен Мао Цзэдуном.

Участники заседания солидарно высказались за концентрацию рассредоточенных по обширной территории освобожденных районов регулярных войск, создание полков, бригад, дивизий на базе пехотных колонн и формирование из лучших частей группировок, способных оперировать вне пределов мест их постоянной дислокации. По мнению присутствовавших, для решения задачи требовалось создать централизованно управляемую, единую службу тыла, состоящую из соответствующих подразделений военных округов, а также обеспечить войска достаточным количеством артиллерийских частей. Полевые группировки, освобожденные от бремени мобилизационных, хозяйственных и прочих организационных проблем, приобретут сравнительно высокую маневренность и боеспособность, окончательно утратив черты полупартизанской армии. В перспективе полевое оперативное объединение НОА должно было соответствовать фронту Советской Армии периода Великой Отечественной войны, имевшему в своем составе танковые, механизированные, артиллерийские и инженерно-саперные части, позволявшие осуществлять глубокие операции по окружению и уничтожению крупных войсковых группировок противника в хорошо укрепленных оборонительных районах. Создание полевых формирований планировалось осуществлять постепенно, по мере насыщения войск современным тяжелым вооружением и повышения уровня боевой и оперативно-тактической подготовки личного состава, командиров и штабов всех звеньев, а также в тех районах, опасность захвата которых противником была наибольшей и могла повлечь серьезные последствия для позиций НОАК на театре в целом.¹²

Подготовленные в последнее время Академией военных наук и Партийной школой ЦК КПК справочные издания по военному строительству и кадровому составу вооруженных сил КПК, монографии историков КНР, посвященные боевой деятельности и развитию НОАК в годы гражданской войны, серия биографий, хроник и мемуаров высших командиров¹³ позволяют восстановить основные этапы и содержание реорганизации НОА в 1945-1949 гг.

Изменения организационно-штатной структуры регулярных войск было решено проводить, не отказываясь от основных военно-территориальных единиц — военных округов (районов). Уже существующие планировалось укрупнить, а новые создать путем слияния многочисленных подокругов с учетом складывающейся обстановки. Военные округа должны были служить источником комплектования и тыловой базой снабжения для формирующихся войск.

Поскольку важнейшими составными театра военных действий к началу гражданской войны оказались Северный и Центральный Китай, которые прикрывали возможные подступы и плацдармы от прорыва гоминьдановских армий в Маньчжурию, именно в этих районах и начали создаваться первые части и группировки регулярных войск КПК.

Своеобразным полигоном для испытания в боевых условиях войсковых формирований нового типа стал старейший освобожденный район КПК Шаньси-Чахар-Хэбэй, основанный Не Жунчжэнем в первые месяцы антияпонской войны в Северном Китае. Здесь в ноябре 1945 г. из главных сил дислоцированного в районе военного округа были сформированы две первые в НОАК поле-

вые армии. Первую полевую армию в составе девяти бригад возглавил командующий войсками военного округа Не Жунчжэнь (по совместительству) с задачей ведения боевых действий восточнее г.Калган. Командующим Второй полевой армией (17 бригад) был назначен его заместитель Сяо Кэ. Районом их оперирования были определены провинции Жэхэ и Хэбэй. Общая численность армий составила более 180 тыс.человек. Неудачные оборонительные операции группировок (в основном из-за острой нехватки артиллерии, отсутствия боевой слаженности и перегруженности личным составом пехоты) в течение осени 1945 г. послужили причиной расформирования органов штабного управления и войсковых соединений обеих армий в декабре 1945 г.¹⁴

Отдельные полевые части в составе военного округа Шаньси-Чахар-Хэбэй продолжали сохраняться и выполнять наиболее сложные и ответственные задачи в качестве передовых (ударных) отрядов, однако речь о сведении их в единую группировку (ПА) вновь зашла лишь в июне 1947 г., когда директивой Военного совета ЦК КПК была сформирована полевая армия Шаньси-Чахар-Хэбэй под командованием Ян Дэчжи (три полевые колонны и отдельная артбригада). В результате ряда проведенных ею успешных наступательных операций стратегическая обстановка в Северном Китае стала изменяться в пользу КПК. В июле-августе 1948 г. войска Северокитайского военного округа (бывшего военного округа Шаньси-Чахар-Хэбэй) и часть сил и средств военного округа Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань были развернуты в три армейские группы. 1-ю (позднее переименованную в 18-ю) армейскую группу возглавил в качестве командующего и политкомиссара Сюй Сянцзянь. Командующим 2-й (19-й) АГ был назначен Ян Дэчжи, политкомиссаром — Ло Жуйцин. 3-я (20-я) АГ была сформирована под началом командующего Ян Чэнъю и политкомиссара Ли Цзинцюаня. В феврале 1949 г., согласно указанию Военного совета ЦК КПК, армейские группы, оставаясь в составе Северокитайского военного округа, перешли в прямое оперативное подчинение Главного командования НОАК.¹⁵

У.Уитсон называет три указанные армейские группы "Северокитайской полевой армией Не Жунчжэня".¹⁶ Это название с его подачи перекочевало в отечественные, западные и некоторые китайские издания, что не соответствует официально принятым обозначениям имевшихся тогда в НОАК пяти крупнейших войсковых формирований. Армейские группы Сюй Сянцзяня, Ян Дэчжи и Ян Чэнъю никогда не составляли единого войскового объединения с общим штабным управлением под командованием Не Жунчжэня. В рассматриваемый период Не Жунчжэнь формально занимал должность командующего Северокитайским военным округом.¹⁷

Процесс реорганизации регулярных войск в других подконтрольных компартии районах страны после завершения антияпонской войны прошел несколько этапов и завершился формированием главных компонентов вооруженных сил — четырех полевых армий.

Северо-Западная полевая группировка НОАК начала оформляться в августе 1945 г., когда из войсковых частей Объединенного командования Шэньганьнинского района и военного округа Шаньси-Суйюань была создана полевая армия прямого подчинения Военному совету ЦК КПК под командованием Хэ Луна (политкомиссар Гуань Сянъин) в составе шести бригад. Армия просуществовала недолго и в ноябре 1946 г. была расформирована. В феврале 1947 г. для отражения наступления гоминьдановских войск в северной Шэньси была образована Шэньганьнинская народно-освободительная полевая группа под командованием Чжан Цзунсуня (политкомиссар Си Чжунсюнь). Группа обеспечивала оборону Яньани и прикрывала эвакуацию из города партийных и административных органов. 16 марта 1947 г. решением Военного совета ЦК КПК все наличные войсковые части района были переданы под командование

Пэн Дэхуа¹⁸ и секретаря Северо-Западного бюро ЦК КПК Си Чжунсюня. После реформирования группировка получила наименование Северо-Западной полевой армейской группы в составе 1-й (командир Чжан Цзунсунь) и 2-й (командир Ван Чжэнь) колонн. С падением Яньани группа вела активные оборонительные бои с войсками Ху Цзуннаня. 31 июля 1947 г. Военный совет ЦК КПК переименовал группировку Пэн Дэхуа в Северо-Западную полевую армию с включением в ее состав 3-й колонны под командованием Сюй Гуанда (политкомиссар Сунь Чжиюань). Численность армии составила 45 тыс. человек. В сентябре-октябре 1947 г. войска Пэн Дэхуа пополнились еще двумя колоннами под началом Ван Шитая и Ло Юаньфа. К концу года их численность возросла до 75 тыс. бойцов. На завершающем этапе гражданской войны, согласно директиве Военного совета ЦК КПК о введении в войсках единой организационно-штатной структуры, Северо-западная полевая армия получила новое, номерное наименование — Первая полевая армия (Пэн Дэхуа — командующий и политкомиссар, Чжан Цзунсунь и Чжао Шоушань — заместители командующего, Янь Куйяо — начальник штаба, Гань Сыци — начальник политуправления). Колонны были преобразованы в корпуса, бригады — в дивизии и сведены в две армейские группы: 1-ю АГ (командующий Ван Чжэнь) и 2-ю АГ (командующий Сюй Гуанда). В апреле 1949 г. Первой полевой армии были приданы в оперативное подчинение 18-я АГ (командующий Чжоу Шици) и 19-я АГ (командующий Ян Дэжи). Общая численность армии превысила 340 тыс. человек. К марту 1950 г. Первая полевая армия под командованием Пэн Дэхуа освободила все четыре провинции Северо-Западного Китая, уничтожив в боях более 300 тыс. солдат и офицеров противника. В мае 1950 г. полевая армия была расформирована. Ее части и соединения вошли в состав Северо-Западного военного округа.¹⁹

Для ведения боевых действий против гоминьдановских войск в районе Центральной равнины в июле 1946 г. была образована Полевая армия Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань на основе частей и соединений одноименного военного округа под командованием Лю Бочэна (Дэн Сяопин — политкомиссар, Ли Да — начальник штаба). В июне 1947 г., в связи с переходом НОАК в стратегическое наступление, Военный совет ЦК КПК принял решение произвести перегруппировку войск армии и регулярных частей военного округа. В результате реорганизации была сформирована Полевая армия южного направления (для краткости ее в НОАК стали называть “армия Лю-Дэна”) с задачей прорыва на Центральную равнину и создания плацдарма на стыке провинций Хубэй, Хэнань и Аньхой. Численность полевой армии составила около 120 тыс. бойцов и командиров. Одновременно для осуществления взаимодействия с войсками Чэнь И-Су Юя и маневренной поддержки своей полевой армии была сформирована оперативная группа под командованием Чэнь Гэна (политкомиссар Се Фучжи) численностью более 80 тыс. человек. В мае 1948 г. главные силы “армии Лю-Дэна” и группа Чэнь Гэна были слиты в Полевую армию Центральной равнины. Оставшиеся войсковые части реформированы в 1-ю армейскую группу под началом Сюй Сянцзяня, которая вошла в состав Северокитайского военного округа. Командующим Полевой армией Центральной равнины был назначен Лю Бочэн, политкомиссаром — Дэн Сяопин, заместителями командующего — Чэнь И (оставшийся по совместительству командующим и политкомиссаром Восточно-Китайской полевой армией) и Ли Сяньнянь. 5 февраля 1949 г. армия получила наименование Второй полевой армии НОАК. В ее составе были созданы три армейские группы: 3-я АГ (командующий Чэнь Сялянь, политкомиссар Се Фучжи), 4-я АГ (командующий и политкомиссар Чэнь Гэн) и 5-я АГ (командующий Ян Юн, политкомиссар Су Чжэньхуа). Численность Второй полевой армии составила более 280 тыс. человек. В мае 1950 г.

штаб армии и армейские группы были расформированы, а корпуса, входившие в их состав, включены в структуру Юго-Западного военного округа.²⁰

Первая полевая группировка, действовавшая в Восточном Китае, была создана в составе Центрально-Китайского военного округа (командующий Чэнь И) в ноябре 1945 г. и получила наименование Центрально-Китайской полевой армии под командованием Су Юя (политкомиссар Тань Чжэньлинь). Первоначальный боевой состав армии насчитывал четыре пятиполковые бригады. В сентябре 1946 г. войска армии были усилены и перегруппированы. Командармом и политкомиссаром назначен Чэнь И, его заместителем — Су Юй. В январе 1947 г., согласно решению Военного совета ЦК КПК, наименование “Новая 4-я армия” было упразднено; Шаньдунский и Центрально-Китайский военные округа слиты в Восточно-Китайский военный округ, а полевая армия переименована в Восточно-Китайскую численностью 275 тыс. бойцов и командиров. Из пяти войсковых колонн армии, уже оперировавших в юго-западном Шаньдуне, в августе 1947 г. была сформирована армейская группа западного фронта под командованием Су Юя (“армия Чэнь-Су”); четыре колонны и две дивизии армии, действовавшие в пограничном районе Хэнань-Аньхой-Цзянсу, были сведены в армейскую группу восточного фронта под командованием Сюй Шию и Тань Чжэньлиня (“армия Сю-Таня”). В январе 1948 г. в составе Восточно-Китайской полевой армии были сформированы четыре армейские группы: “армия Чэнь-Су” преобразована в 1-ю АГ (группа Су Юя), “армия Сю-Таня” — во 2-ю АГ (шаньдунская группа); остальные войсковые соединения полевой армии сведены в 3-ю АГ (командующий Чэнь Шицзюй, политкомиссар Тан Лян) и 4-ю АГ (командующий Вэй Гоцин, политкомиссар Чэнь Писянь). В мае 1948 г., как отмечено выше, с созданием Полевой армии Центральной равнины Чэнь И был назначен заместителем ее командующего. Исполняющим обязанности командарма и политкомиссара Восточно-Китайской полевой армии стал Су Юй. После очередного реформирования в начале февраля 1949 г. Восточно-Китайская полевая армия была переименована в Третью полевую армию (командующий и политкомиссар Чэнь И, заместитель командующего Су Юй, начальник политуправления Тан Лян) в составе четырех армейских групп (45 дивизий): 7-й АГ (командующий Ван Цзяньань, политкомиссар Тань Цилун), 8-й АГ (командующий Чэнь Шицзюй, политкомиссар Юань Чжунсянь), 9-й АГ (командующий Сун Шилунь, политкомиссар Го Хуажо), 10-й АГ (командующий Е Фэй, политкомиссар Вэй Гоцин). В середине июня 1949 г. органы управления Третьей полевой армии (за исключением фронтального комитета КПК) и Восточно-Китайского военного округа были слиты в единую структуру; командующим назначен Чэнь И, политкомиссаром — Жао Шуши, заместителями командующего — Су Юй и Чжан Юньи, начальником политуправления — Шу Тун, начальником штаба — Чжан Чжэнь. В июле 1949 г. штаб армии и округа переместились в Нанкин. В ходе реформирования подчиненных войск в течение августа-сентября 1949 г. в их организационно-штатной структуре остались три армейские группы — 7, 9 и 10-я. В мае 1950 г. номерные обозначения полевой армии и армейских групп были упразднены, а их части и соединения включены в состав Восточно-Китайского военного округа. Вместо армейского фронтального комитета КПК был сформирован комитет КПК Восточно-Китайского военного округа (1-й секретарь Чэнь И, 2-й — Су Юй, 3-й — Тан Лян)²¹.

Следуя стратегическому курсу “развертывания на север, обороны на юг”, ЦК КПК в целях создания в Северо-Восточном Китае новой революционной базы 31 октября 1945 г. принял решение о формировании главного командования Отдельной народной армии Северо-Востока во главе с Линь Бяо²² (1-й политкомиссар Пэн Чжэнь, 2-й — Ло Жунхуань, заместители командующе-

го — Люй Чжэнцао, Ли Юньчан, Чжоу Баочжун, Сяо Цзингуан, начальник политуправления Чэнь Чжэнжэнь). К декабрю 1945 г. в Маньчжурии сосредоточились части и соединения, передислоцированные сюда из освобожденных районов Северного и Восточного Китая, общей численностью более 274 тыс. человек. В январе 1946 г. северо-восточная группировка вооруженных сил КПК была преобразована в Объединенную демократическую армию Северо-Востока (командующий и политкомиссар Линь Бяо, заместители политкомиссара Пэн Чжэнь, Ло Жунхуань, Гао Ган, Чэнь Юнь; заместители командующего остались прежними). 1 января 1948 г. ОДАСВ было присвоено наименование Народно-освободительной армии Северо-Востока в составе Северо-Восточного военного округа и Северо-Восточной полевой армии. Командование войсками округа и армии возглавил Линь Бяо (политкомиссар Ло Жунхуань). В сентябре 1948 г. Военный совет ЦК КПК утвердил решение командующего о создании в структуре полевой армии двух армейских групп — 1-й АГ (командующий Сяо Цзингуан, политкомиссар Сяо Хуа) и 2-й АГ (командующий Чэн Цзыхуа, политкомиссар Хуан Кэчэн). К этому времени численность полевых соединений армии достигла 700 тыс. человек, не считая личный состав военного округа, перешедшего под командование Гао Гана (340 тыс. человек). В декабре 1948 г. номерные обозначения армейских групп были изменены на 12-ю и 13-ю АГ. 28 марта 1949 г. Народно-освободительная армия Северо-Востока получила наименование Четвертой полевой армии, без персональных кадровых изменений в старшем командном составе. В войсках армии были сформированы две новые армейские группы: 14-я АГ под командованием Лю Ялоу (политкомиссар Мо Вэньхуа) и 15-я АГ под командованием Дэн Хуа (политкомиссар Лай Чуаньчжу). В мае 1949 г. Четвертая полевая армия была объединена с военным округом Центральной равнины, в декабре — с Южно-Китайским военным округом. В самом конце 1949 г. органы управления полевой армии и армейских групп были расформированы, наличные войска (1,2 млн человек) включены в состав Южно-Китайского военного округа.²¹

Начатые в августе 1945 г. по инициативе руководства КПК и военного командования мероприятия по реформированию НОАК и созданию крупных группировок регулярных войск обеспечили в сравнительно короткий срок переход стратегической инициативы в гражданской войне к вооруженным силам компартии и окончательное военное поражение Гоминьдана на материке. Участие в руководстве крупными оборонительно-наступательными операциями полевых армий выдвинуло в первые ряды военачальников КПК когорту молодых талантливых полководцев. Одновременно претерпел изменения формальный и репутационный статус некоторых уже признанных военных лидеров. Принадлежность старших командиров и политкомиссаров к той или иной из основных войсковых группировок указанного периода привнесла новые акценты и в сложившиеся ранее внутрикорпоративные связи военной элиты КПК.

- 1 См., например: Сапожников Б.Г. Народно-освободительная война в Китае (1946-1950). М.: Воениздат, 1984; Он же. Китай в огне войны (1931-1950). М.: Наука, 1977; Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20-40-годы). М.: Наука, 1983.
- 2 Whitson W., Cheng Hsiahuang. The Chinese High Command. A History of Communist Military Politics, 1927-1971. N.Y.: Praeger Publishers, 1973.
- 3 Сапожников Б.Г. Указ. соч.. С. 38-39.
- 4 Юрьев М.Ф. Указ. соч. С. 282.
- 5 Данных о "Программе" обнаружить не удалось.

- 6 Тянь Вэйбэнь. Чжу Дэ шуайлин цюаньцзюнь тупо гунцзяньчжань дагуань [Чжу Дэ командует армией в наступлении на укрепленные районы] // Данши тунсюнь. 1986. № 12.С.12.
- 7 Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.3. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. С. 270-275.
- 8 Цзефан жибао. 1945. 9 мая.
- 9 Whitson W., Cheng Hsiahuang. Op.cit. P.82.
- 10 Пэн Дэхуай чжуань [Биография Пэн Дэхуая]. Пекин: Дандай чжунго чубаньшэ, 1997. С. 292.
- 11 Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи [Избранные документы ЦК КПК]. Т.15. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ, 1992. С. 142-145.
- 12 Мао Цзэдун няньпу [Хроника жизни и деятельности Мао Цзэдуна]. Т.3. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1993. С. 1-2.
- 13 Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи нянгэ хэ гэци линдао чэньюань мицзюэ [Изменения в организации и списки командного состава НОАК]. Пекин: Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, 1987; Чжунго гунчаньдан лиши дацзидянь. Синьминьчжучжуй гэмин шици [Словарь по истории КПК. Период новодемократической революции]. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ, 1991; Цзефан чжаньчжэнь цзиши. 1945-1950 [Летопись освободительной войны]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1988; Цзяньминь чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжаньши [Краткая боевая история НОАК]. Пекин: Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, 1992; Мао Цзэдун цзюньши вэньцзи [Военные произведения Мао Цзэдуна]. Т.3. Пекин: Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, 1993; Мао Цзэдун юй гунхэго цзяншуай [Мао Цзэдун и полководцы республики]. Пекин: Хунци чубаньшэ, 1993; Чжу Дэ цзюньши ходун цзиши [Военная деятельность Чжу Дэ]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1996; Се Лифу. Цзефан чжаньчжэнь шилу [Подлинные записки об освободительной войне]. Шицзячжуан: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 1990; и др.
- 14 Ян Дэчжи. Хэнгэ машан [Наперекор войне]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1984. С.348-360; Чжунго гунчаньдан лиши дацзидянь. С. 801.
- 15 Ян Чэньгу хуэйилу [Воспоминания Ян Чэньгу]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1990. С. 169-182; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи... С. 808-857.
- 16 Whitson W., Cheng Hsiahuang. Op.cit. P.336.
- 17 Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзяншуай мицзюэ [Полководцы НОАК]. Т.1. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1986. С. 18.
- 18 Командованием группой планировалось поручить Хэ Луну, так как войска Особого района находились под его непосредственным началом. Однако состоялось назначение Пэн Дэхуая, который обратился к Мао Цзэдуну с личной просьбой об этом. К выразившим по этому поводу недоумение командирам Хэ Лун был вынужден обратиться с разъяснением: "Наши войска — это войска партии, а не какого-либо человека... Армия должна подчиняться указаниям партии" (Хэ Лун чжуань [Биография Хэ Луна]. Пекин: Дандай чжунго чубаньшэ, 1997. С. 381-382).
- 19 Цзяньминь чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжаньши. С.312-318; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи... С.577-614; Чжунго гунчаньданши дацзидянь. С.802-804.
- 20 Лю Дэн дацзюнь чжэньчжань цзи [Записки о походах и сражениях армии Лю Дэна]. Т.1-3. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 1984; Да Циз, Пэн Икунь. Чэнь Гэн дацзюнь цзай цзефан чжаньчжэнь чжун [Генерал армии Чэнь Гэн в период освободительной войны]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1985. С. 62-64, 97-99, 160-163, 286; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи... С.615-668.
- 21 Ван Фуи. Синь сыцзюнь цзяньши [Краткая история Новой 4-й армии]. Пекин: Чжунгунданши чубаньшэ, 1997. С. 477-503; Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи... С. 669-735.
- 22 Командующим войсками армии первоначально планировалось назначить Чэнь И, но после беседы с Мао Цзэдуну было решено оставить его на прежней должности (Чэнь И чжуань [Биография Чэнь И]. Пекин: Дандай чжунго чубаньшэ, 1993. С. 326).
- 23 Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи... С. 736-807; Се Лифу. Указ.соч. С. 230-241; Чжунго гунчаньдан лиши дацзидянь. С. 807-809.

Философия

Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши

© 2006

В. Киселев, А. Юркевич

В начале XX в. проблема адаптации Китая к доминирующему цивилизационному потоку встала особенно остро. В предыдущем столетии, когда господствовала идея "самоусиления" за счет заимствования западных достижений в технике и вооружениях, наиболее насущной считалась задача переложения на китайский язык технической, математической и естественнонаучной терминологии. Вопросы интерпретации гуманитарного понятийного аппарата волновали тогда главным образом отдельных интеллектуалов. Однако поражение антизападного восстания ихэцзюаней в 1901 г. и последовавшее за тем заключение новых неравноправных договоров с державами поставило страну перед дилеммой: либо принять культурную "инфраструктуру" западной цивилизации, включая существенные элементы политики, права, образования, чтобы в будущем занять достойное место в изменившемся мире, либо обречь Поднебесную на бессрочную унижительную зависимость от развитых стран. Предпринятая в 1905-1911 гг. попытка реформы, предполагавшая трансформацию политической и административной систем, законодательства и суда, вооруженных сил и системы образования империи Цин, дала толчок целеустремленному поиску способов освоения понятийного аппарата западной культуры.

Одной из ее фундаментальных категорий является понятие "философия". Отличие этого феномена интеллектуальной жизни от науки было осознано на Западе еще в античный период.¹ Однако Китай, при всей древности своей философской традиции, обходился без такой дифференциации, как и вообще без общепризнанных эквивалентов термина "философия". Любое теоретическое знание определялось как сюэ — "наука", "учение", "доктрина".

Попытки передачи слова "философия" на китайском языке предпринимались еще в конце династии Мин — начале эпохи Цин (XVII в.), когда Китай благодаря католическим миссионерам получил возможность познакомиться с европейской интеллектуальной традицией. Первоначально миссионеры пытались передавать термин "философия" посредством прямого фонетического заимствования. Следует заметить, что слова, рожденные с помощью такого мето-

Киселев Валерий Анатольевич, аспирант кафедры истории философии Российского университета дружбы народов.

Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философии Российского университета дружбы народов.

да, впоследствии нередко укорянялись в китайском языке. Это касается как обиходной лексики, так и научной (“логика” — *лоцзи* и т.п.).²

Свидетельством такой попытки стало сочинение Джулиано Алени (Giulio Aleni, 1582-1649, кит. Ай Жулюэ) “Си сюэ фань” (“Изложение науки Запада”, 1623). Данное произведение представляло собой описание структуры европейских университетов и читавшихся в них курсов. В числе учебных дисциплин Алени назвал и философию (*фэйлуософэйя*). Возможно, благодаря его китайским помощникам в работу попали также сокращенные версии этой тяжелой транскрипции, такие как *фэйлусо* и даже *фэйлу* (“великое учение *фэйлу*”). Известный филолог и историк Ван Говэй (1877-1927) утверждал, что Алени вообще уклонился от перевода слова “философия” и ограничился лишь его транскрибированием.³ Однако современный исследователь Чэнь Цивэй считает, что хотя смысл “философии” как “любви к мудрости” миссионер действительно не передал, но он имел в виду именно это понятие, когда употреблял бином *лисюэ* (букв. “учение о принципе”).⁴

В российской научной литературе он в основном понимается как обозначение ведущего направления неоконфуцианства, оформившегося в XI-XII вв. благодаря Чжу Си и его учителям, братьям Чэн И и Чэн Хао, и противопоставляется другому неоконфуцианскому течению, *синьсюэ* (“учение о сердце”). Однако, по мнению философа-китаевода А.И. Кобзева, “данное терминологическое различие не отражает ни традиционную историко-философскую классификацию, ни точку зрения большинства современных специалистов”. Проф. Кобзев приходит к выводу, что в китайской традиции “в категорию *лисюэ* прежде всего включаются учения представителей сунской ортодоксии и их последователей при династии Мин. В более распространенном и широком смысле к *лисюэ* причисляются вообще все философски (метафизически) мыслившие идеологи эпох Сун и Мин”.⁵ Таким образом, данный термин подразумевает близость западным критериям философичности. В то же время понятие *лисюэ* в периоды Мин (1368-1644) и Цин (1644-1911) включало и творчество “сунских ортодоксов” — учителей и предшественников Чжу Си, а также его самого. Философия чжусианства уже в конце эпохи Юань (1271-1368) официально именовалась *дао сюэ* — “учение Пути”, “истинное учение”, а предложенные Чжу Си трактовки канонических текстов для эпох Мин и Цин воплощали официально признанную версию конфуцианской ортодоксии. Соответственно, чжусианство предлагалось понимать как передачу традиции “совершенномудрых” древних правителей во всей ее чистоте и полноте, т.е. трансляцию рационально постигаемой истины как таковой. Это обстоятельство было способно повлиять на выбор Алени китайского термина, объясняющего смысл и задачи философии. К тому же центральное для неоконфуцианства понятие *ли* — “принцип”, структурирующее начало мироздания, неотрывное от его субстанциальной основы, могло дать повод для сопоставления “учения о принципе” с философией как метанаукой.

Алени, следуя схоластической (“школьной”, общепринятой для католического образования) традиции, выделял в философии пять разделов: логика (*ложицзя*), физика (*фэйсицзя*), метафизика (*модафэйсицзя*), математика (*мадэмадицзя*), этика (*вэйдицзя*).⁶ Использование транскрипции для передачи западных терминов говорит о том, что миссионер был уверен в отсутствии прямых аналогов соответствующих реалий в китайской мысли.

Примечательно, что другой католической миссионер той эпохи, Франческо Самбиази (Francesco Sambiassi, 1582-1649, кит. Би Фанци), в переводах которого, истолковывавших учение Аристотеля и построения Фомы Аквинского¹⁰, также использовалась фонетическая транскрипция термина “философия” (*фэйлу*), объяснял китайскому читателю смысл этого слова посредством неоконфуцианской терминологии. *Фэйлуософэйя* толковалась им как “учение о классификации вещей для исчерпания принципов” (*гэ у цюн ли чжи сюэ*).

Словосочетание *гэ у цюн ли*, введенное в оборот китайской мысли самим Чжу Си, состоит из двух биномов. Первый из них, *гэ у* (“выверение вещей”, “классификация вещей”), восходит к конфуцианскому памятникнику “Да сюэ” (“Великое учение”), начинающему конфуцианское “Четверокнижие”¹¹. “Выверение вещей” представляет собой первое из “восьми основоположений” (*ба тяо му*) — ступеней и одновременно последовательных условий упорядочивающего воздействия человека сначала на собственную личность, а затем на окружающий мир, вплоть до “уравновешивания Поднебесной” (*пин тянь ся*). Бином *цюн ли* взят из комментирующего приложения к “И цзину” (“Канону перемен”), где “принцип”-*ли* ассоциируется с моральной категорией “долга/справедливости”-*ли*¹², но в другом тексте приложения он четко соотнесен с “земными” структурами¹³, данными человеку в чувственном опыте. Акцент чжузианства на постижении внешнего мира проявил себя в соположении соответственно классифицирующего внешние “вещи” (*гэ у*) и исчерпывающего (*цюн ли*) познания¹⁴, где первое логически предшествует второму и выступает его условием. Но для неоконфуцианцев средоточием “принципов” мироздания является человеческое сознание (*синь* — “сердце”) в изначальном, “неповрежденном” его состоянии¹⁵. Таким образом, выражение *гэ у цюн ли* подразумевает постижение сокровенной упорядоченности внешнего и внутреннего мира, что вполне могло вызвать аналогии со схоластическим пониманием философии как сферы рационального познания данных миру универсальных и неизменных божественных законов.

Предпринимались в ту эпоху миссионерами и попытки калькирования термина “философия”. Так, в увидевшем свет в 1631 г. сочинении “Мин ли тань” (“Исследование имен и принципов”), излагающем основы логики Аристотеля, говорится об “учении любви к знанию (*ай чжи сюэ*), на Западе именуемом *фэйлософэйя*”¹⁶.

Несмотря на все усилия миссионеров, западные формы знания, не связанные с практикой астрономии, календарного счисления и топографии, не были востребованы в Китае и воспринимались главным образом как более или менее любопытные диковины. Но кое-какие следы в китайской мысли они оставили. Так, западная традиция разделения науки и философии нашла своеобразное преломление в построениях Фан Ичжи (1611-1671), который предложил различение *чжи цэ* (“измерения вещества”) и *тун цзи* (“проникновения в [исходные] импульсы”). Названные термины китайский мыслитель взял из “Си цы чжуани” (“Комментария привязанных слов”), наиболее философичного приложения к основному тексту “И цзина”. К сфере *чжи цэ* он относил “учения о символах и числах (нумерологическая комбинаторика, предоставлявшая матрицы для разного рода расчетов и вычислений в традиционной китайской науке. — *Авт.*), календаре, звуках и медицине”, а *тун цзи* толковал как уяснение того, почему “принципы вещей таковы, [как они есть]”, причем “проникновение в импульсы... хранится в измерении вещества”, т.е. составляет некую органичную теоретическую подоснову соответствующих дисциплин. По мнению Фан Ичжи, западные ученые погрязли в “измерении вещества”, тогда как неоконфуцианское “учение о принципе” грешит противоположной крайностью.¹⁷ Однако термины *чжи цэ* и *тун цзи* не стали общепринятыми в среде китайских интеллектуалов.

Второй этап активного проникновения западной мысли в Китай относится к исходу правления династии Цин (конец XIX — начало XX в.). Миссионерские переводческие опыты XVII-XVIII вв., и прежде не слишком популярные, были к тому времени изрядно подзабыты. Китайские ученые, интересовавшиеся главным образом современными на тот момент европейскими теориями, столкнулись теперь уже с настоящей необходимостью интерпретации понятия “философия”.

В 70-80-х годах XIX столетия в изложенных на китайском языке сочинениях европейских миссионеров и сиологов Эрнста Фабера (кит. Хуа Чжиянь) и Тимоти Ричарда (Ли Тимотаи), которые описывали западную систему образования, появилось слово *чжисюэ* (“умное учение”, “учение о мудрости”),

использовавшееся как эквивалент “философии”¹⁸. Этот термин применялся и китайскими учеными. Например, Пэн Юйлинь (1816-1890) в “Расширенном [обзоре] учебных заведений” (“Гуан сюэ сяо”)¹⁹ выделял четыре основных, по его мнению, западных университетских специальности: экономику²⁰, право, медицину и философию (чжисюэ). Не исключено, что в данном случае представитель китайской культуры впервые признал в философии некое универсальное интеллектуальное явление, смысловое содержание которого можно обозначить, пользуясь средствами китайского языка. Тем более что один из первых переводчиков европейской общественно-политической и философской литературы на китайский язык, Янь Фу (1854-1921), активно работавший в то же время, в переводе “Эволюции” Гексли использовал фонетическую передачу слова “философия” — *фэйлосифэй*²¹. Лишь упоминая греческих философов, он называл их *чжисюэцзя* (“представители учения о мудрости”), *лицзя* (“представители принципа/разума”, “школа принципа/разума”) или *чжучжи* (“мудрецы”)²², видимо, не решаясь соотнести историческую часть европейской интеллектуальной традиции с философией как целостным и специфическим ее воплощением.

В самом конце XIX — начале XX столетия в Китае пришел термин, употребляемый и поныне: чжэсюэ. Первый смысловой компонент этого бинорма, чжэ, означает “мудрость” как прежде всего знание людей. Второй — сюэ — что уже отмечалось, имеет значения “наука”, “учение”, “доктрина” и изначально подразумевал любое теоретическое знание. Сочетание этих иероглифов для передачи термина “философия” (яп. чтение *тэцугаку*) ввел японский мыслитель Ниси Аманэ (1828-1897), известный как создатель современной японской философии. Он сознавал, что бинорм чжэсюэ не соответствует исходному смыслу философии как “любви к мудрости”, но считал его наиболее подходящим обозначением “науки наук”.²³ Указанное сочетание иероглифов прижилось в японской литературе и оттуда было заимствовано китайскими интеллектуалами.

Появление нового термина совпало с качественно новой ступенью эволюции национального самосознания китайской интеллигенции. Культура Китая начинала пониматься как часть общемировой цивилизации, а философия-чжэсюэ — как всеобщий феномен. К тому времени уже многие выдающиеся мыслители страны признавали необходимость изучения западной философии. Об этом, в частности, писал Ван Говэй в статье “Чжэсюэ бянь хо” (“Опровержение сомнений относительно философии”), увидевшей свет в начале XX в. Это, по-видимому, первая китайская научная работа, посвященная анализу содержания и признаков философии-чжэсюэ как собой формы интеллектуальной практики. Автор указал на японское происхождение термина чжэсюэ, а также попытался обосновать выгоды изучения философии, в том числе западной, для Китая, необходимость организации философских исследований, органичность философии для китайской культурной традиции. Ван Говэй подчеркивал тесную связь между образованием и философией, рассматривая изучение последней как необходимый этап подготовки педагогических кадров: по его мнению, данный этап должен предшествовать изучению собственно педагогики.²⁴ По Ван Говэю, если Китай хочет иметь таких же прославленных философов (чжэсюэчжэ), как и в прошлом, то это, “без сомнения, должны быть люди, глубоко проникшие в философию (чжэсюэ) Запада”²⁵. А видный китайский педагог, мыслитель и общественный деятель Цай Юаньпэй (1868-1940) отмечал: “Если мы хотим создать систему [китайской философии], то нам не на что опереться в сочинениях древних, поэтому нельзя не опираться на историю западной философии”.²⁶

В учебных программах китайских университетов, которые стали создаваться в первом десятилетии XX в., курсы философии появились довольно поздно. Первоначально гуманитарное университетское образование было полностью подчинено изучению конфуцианских канонов в традиционном духе, как средоточия некоей исключительной мудрости, никоим образом не соотносящейся с культурой “варваров”. Представление же о китайской философии как особом разделе знаний, занимающем отдельное место в общемировой мысли,

закрепилось в системе высшего образования благодаря Цай Юаньпэю. Осенью 1911 г., после начала антиманьчжурской Синьхайской революции, переросшей в антимонархическую, Цай Юаньпэй, ставший министром просвещения Временного правительства в Нанкине, предложил давно разработанные им новые направления образования, в том числе преподавание философии. Пионером в освоении этих направлений стал Пекинский университет²⁷.

Однако даже после Синьхайской революции 1911 г. курс философии в Пекинском университете все еще был подчинен догмам классической китайской педагогики. Профессура была в основном представлена учеными-канонистами, в том числе такими известными, как Чэнь Фучэнь, Чэнь Ханьчжан, Чэнь Дацзи, Ма Сюйлунь и другими. В центре изучения стояла история философии Китая, изложение которой начиналось с легендарных времен “трех первопредков и пяти императоров” (*сань хуан у ди*), а основное содержание курсов составлял пересказ дочжоусских мифов²⁸. За год, как пишет современный китайский историк, “проходили лишь до ‘Великого образца’ (главы ‘Шу цзиня’, ‘Канона [документальных] писаний’, представлявшего в основном историзованный мифологический материал. — *Авт.*)”²⁹.

Что касается западной философской традиции, то даже ее активными пропагандистами она осмыслялась исключительно сквозь призму традиционных китайских понятий и категорий. В 1915 г. Цай Юаньпэй написал “Очерк философии” (“Чжэсюэ даган”), в котором знакомил китайского читателя с популярными в то время течениями западной мысли. Книга, помимо общего обзора, включала разделы, посвященные эпистемологии, онтологии и аксиологии. Разъясняя идеи европейской философии, Цай Юаньпэй иллюстрировал их примерами из древнекитайских доктрин, что могло создавать у читателей впечатление, будто западная мысль является по-преимуществу парафразом китайской.³⁰

Принципиально новый взгляд на функции философии и ее преподавание вошел в оборот китайской культуры благодаря философу-прагматику Ху Ши (1891-1962). Получив традиционное китайское образование, он окончил Китайский национальный институт, а затем учился в США, завершив обучение в 1916 г. в Колумбийском университете под научным руководством “философа номер один” в США, видного апологета прагматизма Джона Дьюи. Для последнего центральным понятием философии был “опыт”, включающий все проявления человеческой жизни, а источником философии — социальные стрессы и напряжения. Соответственно, целью философии мыслилось не отыскание некоего фундамента истинного знания, а превращение проблемной ситуации в целостную и контролируемую. Такая метаморфоза осуществляется посредством “исследования”, инструменты для которого — идеи и концепции — предоставляет философия, опирающаяся на “научный метод”. Философия Дьюи, получившая название “инструментализма”, оказала определяющее влияние на становление мировоззрения Ху Ши.

За ним укрепилась репутация крайнего “вестернизатора”, яркого сторонника прагматистского подхода к культурным преобразованиям. Однако его стремление подтолкнуть Китай к изменениям на западный манер не только диктовались патриотическими мотивами, но и во многом реализовывались в формах, обусловленных спецификой национального культурного менталитета.

В 1917 г. Ху Ши, вернувшийся в Китай, по приглашению Цай Юаньпэя, в то время ректора Пекинского университета, начал преподавать там философию. Естественно, основными учебными пособиями по этому предмету стали его труды. Переводил он на китайский язык и сочинения Дьюи, в частности его “Реконструкцию в философии” (“Reconstruction in Philosophy”, кит. “Чжэсюэ дэ гайцзао”)³¹.

Впервые определение феномена философии Ху Ши дал в “Очерке истории китайской философии”, вышедшем в 1920 г. Это произведение, как и положено в научном труде западного образца, начинается с фиксации объекта исследования. Отмечая многообразие толкований понятия “философия”, Ху Ши предлагает свое: “Философией называется всякая наука, которая исследует и отыскивает основу важнейших вопросов человеческой жизни”³². В данном

определении можно обнаружить как прагматистскую нацеленность на решение конкретных задач, так и традиционную для китайской мысли “антропологическую” ориентацию. Примечательны в этом смысле пояснения Ху Ши, ставящие акцент на этической (в научном смысле) составляющей философского творчества. Если “обычные люди”, по мнению Ху Ши, “либо убеждают других поступать хорошо, а не дурно, либо поощряют хорошие поступки и наказывают за плохие”,³³ то “философы, встречаясь с подобными проблемами, изучают, что такое ‘добро’ и ‘зло’, выясняют природу ‘добра’ и ‘зла’”³⁴. Вместе с тем следует помнить, что и для Дьюи философия была разновидностью морального учения, а в центре его теоретизирования находились социально-этические конструкции. Нацеленность Дьюи на организмически целостное видение человеческого опыта в построениях его ученика Ху Ши наложила на организмическую же и антропоцентричную матрицу китайского культурного сознания.

Позднее Ху Ши, уточняя свои определения, подчеркнул выступал с позиций инструментализма: “Философия исследует важнейшие вопросы человеческой жизни, осмысляя их с точки зрения значимости, и ищет значимость, которая может быть в известной степени всеобщей”³⁵. Таким образом, отправной точкой философии для него являлись общезначимые “важнейшие вопросы человеческой жизни”, а ее плодом — применимые на практике решения таких вопросов. Однако жесткий инструментализм Дьюи смягчался у Ху Ши признанием некоего общего для людей смысла жизни, который для китайского философа-прагматика был неотделим от ее рационального постижения: “Человеческая жизнь, отдалившаяся от философии, становится бессмысленной, философия, отдаленная от человеческой жизни, перестает быть философией”³⁶. А в сочинении “О конфуцианстве” (“Шо жу”) Ху Ши, давая определение фундаментальному для этого течения китайской мысли понятию *жэнь* (обычно переводится как “гуманность”, “человечность”), характеризовал его содержание формулировкой: “Рассматривать все человечество как [сферу] своей собственной ответственности”³⁷. Этот универсалистский гуманистический пафос — прямое наследие конфуцианства — отчетливо виден и в его определении философии.

В “Очерке истории китайской философии” Ху Ши включил в структуру философии, в зависимости от существа конкретных “вопросов человеческой жизни”, шесть разделов: космология (*юйчжоулунь*), логика и гносеология (*минсюэ цзи чжишилунь*), “философия человеческой жизни, прежде называвшаяся этикой” (*жэньшэнь чжэсюэ цзю чэн луньлисюэ*), философия образования (*цзяюй чжэсюэ*), политическая философия (*чжэньчжи чжэсюэ*), философия религии (*цзяюй чжэсюэ*)³⁸. В этот список не вошла такая традиционная для западной философии область, как онтология. Ею Ху Ши, как и его американский учитель, интересовался крайне мало. Коль скоро философия должна заниматься решением вопросов, связанных с деятельностью человека, то она должна приносить человеку полезные с этой точки зрения знания. Под влиянием инструментализма Дьюи Ху Ши в качестве первостепенного объекта любого научного исследования рассматривал опыт человеческой деятельности, а перед философией ставил задачу изучения происхождения и существования опыта.

Принявший активистские императивы американского прагматизма Ху Ши видел в философии прежде всего орудие исторической смены парадигм интеллектуальной деятельности. В лекции, прочитанной 17 мая 1925 г. в Пекинском университете, он дополнил свое прежнее определение философии: “С точки зрения истории, как китайской, так и западной, философия является результатом столкновения старой и новой мысли; таким образом, изучать философию — значит делать философию органом реагирования на столкновение”³⁹. Следуя изложенной в “Реконструкции в философии” Дьюи установке на созидание новых типов философствования, адекватных современному контексту, Ху Ши обвинил своих оппонентов по научным дискуссиям — Лян Шумина, Лян Цичао, Чжан Цзюньма и других в том, что их философии предста-

ляют собой “древнюю традиционную мысль” и даже демонстрируют “религиозное отношение” к философским идеям.⁴⁰

Соответственно, выявления и фиксации исторических изменений требовал Ху Ши и от истории философии. Хотя он рассматривал ее не столько как научную дисциплину, сколько в качестве упорядоченного изложения сведений об исторических проявлениях философского творчества, этот процесс упорядочения целенаправлен и подчинен прагматической задаче “исследования”. Целями истории философии Ху Ши назвал “прояснение изменений” (*мин бянь*), “поиск причин [изменений и различий]” (*цзю инь*) и их оценку (*пипань*). Поясняя свои выкладки, он писал: “Первая задача истории философии — показать эволюцию мышления. Например, Мэн-цзы и Сюнь-цзы — конфуцианцы, их учения и отличны от учения Конфуция, и различаются между собой... Но цель истории философии еще и в том, чтобы найти причины этой эволюции, например узнать, почему философия братьев Чэн и Чжу Си отличается от философии Конфуция и Мэн-цзы”⁴¹. Под “оценкой” он понимал не субъективную оценку идей древности с точки зрения достижений современности, в чем не видел пользы, а “объективное” выявление “всех достижений какой-либо конкретной теории. Ценность этих достижений и будет определять ценность теории”⁴². Чтобы увидеть такого рода достижения, “необходимо определить влияние [соответствующей] теории на мировоззрение текущей и последующей эпохи, выяснить ее влияние на нравы и политику, а также на формирование характера человека”⁴³. Таким образом Ху Ши впервые представил Китаю общепринятые в западной науке критерии исторической значимости того или иного идейного явления или процесса.

В то же время он оказался отнюдь не свободен от привычных для Китая канонов теоретизирования. Так, определяя место китайской традиции в общемировой философии, Ху Ши предложил концепцию, очевидно искусственную с точки зрения западных норм дискурса, но вполне отвечающую традиционным китайским критериям стройности. Она четко следует бинарному принципу и ориентирована на абсолютную симметрию мыслительной конструкции. Ху Ши настаивал на независимом формировании четырех философских систем: китайской и индийской, выделяемых им в восточную ветвь мировой философии, греческой и еврейской, составляющих западную ветвь. Еврейская философия, после некоторого периода самостоятельного развития, в период правления династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) влилась в греческую и таким образом сложилась средневековая европейская философия. Датировка этого “слияния”, подразумевающего становление христианской мысли в рамках позднеэллинистической культуры, выглядит несколько курьезно, но была вполне привычна китайскому читателю. С течением времени, по Ху Ши, влияние еврейской философии (так он трактовал развивающую традицию монотеистического богословия христианскую теологию) ослабло, что было началом европейской философии Нового времени. В отношении Востока Ху Ши рисует подобную же ситуацию. Индийская философия влилась в китайскую, что привело к появлению средневековой китайской философии. Впоследствии индийская составляющая стала играть все меньшую роль, последовало возрождение конфуцианства, результатом чего стало возникновение китайской философии Нового времени, просуществовавшей с эпохи Сун (960–1280 гг.) до XX в.⁴⁴

Истоки странной, казалось бы, концепции поглощения одних ветвей мировой философии (на деле благополучно продолжавших существовать и развиваться) другими становятся более прозрачными, если принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, это убежденность прагматиков в превосходстве “научного метода” как орудия философствования, призванного заменить все остальные, во-вторых, популярность в то время в Китае идей эволюционизма, влияние которого не обошло и философию Дьюи. Ху Ши отслеживал исключительно судьбы наиболее сильных и жизнеспособных, с его точки зрения, ветвей мировой философии. Для него *цзя жу* — “вхождение”, *тянь цзя цзиль цюй* — “добавление и проник-

новение" одних ветвей философии в другие, более перспективные, получающие таким образом новый импульс к саморазвитию, означало прогрессивную смену моделей философского знания. Европейская и китайская мысль у него просто "выходят в финал" мирового историко-философского процесса!

Как известно, некоторые современные историки философии усматривают в факте отсутствия логической системы одно из принципиальных отличий китайской философии от западной.⁴⁵ Однако для Ху Ши сопряженность всякой философии с логикой была сама собой разумеющейся. Еще в своей дипломной работе, впоследствии опубликованной на английском и китайском языках, он писал: "Философия обусловлена логическим методом, развитие философии безусловно исходит из развития логического метода"⁴⁶. Под "логическим методом" вообще он понимал любую теоретическую парадигму познания и организации знания. В традиционной китайской мысли он выявлял две такие парадигмы, в которых усматривал два типа "логики": моистскую (разработанную в древнекитайской школе *мо цзя*), близкую аристотелевской логике, и альтернативную ей конфуцианскую, представленную в "И цзине" — "Каноне перемен".⁴⁷ Логический статус ицинистики китайскому философу убедительно обосновать не удалось. Но основная задача его работы состояла в доказательстве того факта, что именно в логических штудиях моистов, по своему содержанию приближающихся к основаниям западной науки логики и не востребованных последующей китайской традицией, следует искать историческую опору новой китайской философии, социально действенной и опирающейся на "научные методы" познания. В поздние годы Ху Ши писал: "Все мои сочинения, разбирающие китайскую мысль и китайскую историю, построены вокруг вопроса 'метода'. На самом деле 'метод' управлял всеми моими сочинениями за более чем 40 лет. Основу этого взгляда заложило влияние Дьюи"⁴⁸.

Примечательны в данной связи мнения одного из главных оппонентов Ху Ши, его младшего современника Фэн Юланя (1895-1990), создателя философии "нового учения о принципе" (*синь лисюэ*). В логическом методе западного образца последний, по выражению А.В. Ломанова, видел некий мыслительный скальпель, способный "отсечь нежизнеспособные наслоения и выделить абстрактные идеальные сущности, составляющие основу китайской культуры"⁴⁹. Как надеялся Фэн Юлань, "в скором времени европейские философские идеи будут дополнены китайской интуицией и опытом, а китайские философские идеи будут прояснены европейской логикой и четким мышлением"⁵⁰. Это высказывание относится к 1934 г. Ху Ши, как и Фэн Юлань, видел перспективу развития мировой философии в синтезе китайской и западной традиций. В "Очерке истории китайской философии" он писал: "В настоящее время эти две великие ветви философии взаимно сливаются, влияют друг на друга. Кто знает, возможно, через 50, 100, а может и менее лет возникнет единая мировая философия"⁵¹. Универсалистские тенденции китайской мысли, преодолев барьеры традиционного этнокультурного эгоцентризма, в сходных формах реализовывались даже у идейных соперников.

Но если Фэн Юлань усматривал контуры "всемирной философии" будущего в соединении лучших специфических черт китайской и западной философий, то Ху Ши видел их слияние на основе универсального (и стандартизирующего) "научного" метода. Вместе с тем признанный "вестернизатор" Ху Ши, первым в Китае предпринявший попытку поставить проблему логического метода в философии, был и решительнее своего оппонента в поисках опоры для усвоения достижений западной мысли в национальном культурном опыте.

Впоследствии Ху Ши, в полемическом запале доводя до крайности прагматистскую установку на торжество "научности", начал утверждать, что философия обречена уступить свое место науке. Философию прошлого он стал считать "несовершеннолетней, ошибочной или ущербной наукой", а в будущем видел "только одно знание — научное знание, только один метод мышления — научный. В будущем будут только мыслители, но не будет философов".⁵² Ху

Ши даже переименовал название первого тома своего "Очерка истории китайской философии" на "Историю древнекитайской мысли", а второй том назвал "Историей средневековой китайской мысли". Однако принесенные им нормативы систематичности, структурности и историчности в описании феномена философии как универсального явления, сознание важности проблем методологии познания навсегда закрепились в китайской философской культуре.

1. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Вост. лит-ра, 1994. С. 351.
2. См.: М.В. Крюков и др. Этническая история китайцев в XIX — начале XX в. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва "Наука", 1993. С. 230-234; Кобзев А.И. Учение о символах и числах. С. 142-143.
3. Ван Говэй. Чжэсюэ бянь хо (Опровержение сомнений относительно философии) // Ван Говэй вэньцзи (Собрание сочинений Ван Говэя). Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 1997. С. 45.
4. Чэнь Цивэй. "Чжэсюэ" имин као (Исследования перевода термина "философия") // <http://www.acriticism.com/article.asp?Newsid=703&type=1005>
5. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 16.
6. Там же. С. 12.
7. Там же. С. 10.
8. Чэнь Цивэй. "Чжэсюэ" имин као.
9. Там же.
10. Примечательно, что Самбази название "Суммы теологии" Аквината интерпретировал по-китайски как "Сумму философии" — "Фэйлу да хуэй" (букв. "Свод ответов [по поводу] философии"). См.: там же.
11. "Да сюэ", первоначально глава канона "Ли цзи" ("Записки о ритуале"), в средние века выделилась в самостоятельное произведение. Основоположники чжусианства подвергли памятник значительной редакции, в том числе изменили его структуру, и включили в составленные ими "Четверокнижие" ("Сы шу"), которое стало рассматриваться как средоточие истины конфуцианства и с эпохи Мин (1368-1644) легло в основу традиционного образования.
12. Шо гуа чжуань (Комментарий толкований гуа). § 1: "В древности совершенномудрые люди создавали Перемены... Согласовали последовательность в Дао-Дэ и принципы упорядоченности И (Справедливости), исчерпали принципы упорядоченности И (Справедливости)..." (курсив наш. — Авт.). — Цит. по: Лукьянов А.Е. Дао "Книги перемен". М.: ИНСАН, 1993. С. 196.
13. Си цы чжуань (Комментарий привязанных слов). I, 2: "В древности Баоси был ваном Поднебесной. Смотрел вверх — созерцал образы на Небе, смотрел вниз — созерцал образы на Земле. Созерцал узоры птиц и зверей и наземный порядок (ли. — Авт.)... С этого начал создавать восемь триграмм". — Цит. по: там же. С. 217.
14. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. С. 85-86.
15. См. в частности: там же. С. 15.
16. Цит. по: Чэнь Цивэй. "Чжэсюэ" имин као. Изначально это был курс лекций по логике Аристотеля, созданный в XVI в. и читавшийся в одном из португальских университетов. Перевод на китайский сделан известным астрономом Ли Чжицзао (1565-1630) совместно с португальским миссионером Франсиско Фуртадо (Franciscus Furtado), прибывшим в Китай в 1621 г. — Там же.
17. Подробнее см.: Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 346-347.
18. Хуа Чжиань. Дэго сюэсюэ лунъюэ (Обзор учебных заведений Германии) // Хуанчао цзин ши вэнь сань пянь (Писания об имперском управлении миром в трех разделах). Цз. 41. Б.м.: Юйвэнь шуцзюй, 1898; Ли Тимотай. Лунь бу гуан синь сюэ чжи хай (О пагубности неполного восприятия новой науки) // Там же.
19. Цит. по: Чэнь Цивэй. "Чжэсюэ" имин као.
20. Точнее, речь шла о науках об управлении обществом. Термин *цзинцзи*, который ныне переводится как "экономика", является стяжением от традиционного обозначения государственного управления, подразумевающего также заботу о подданных:

- цзин ши цзи минь ("управление миром и вспомоществование народу"). См. об этом: Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва "Наука", 1985.
21. Хэ Сюйли (Гексли). Тянь янь лунь (Об эволюции). Пекин: Шанъу иньшугуань, 1981. С. 65.
 22. Там же.
 23. См. об этом: Кобзев А.И. Учение о символах и числах... С. 351-352; Ма Даньцин. Гуаньйюй жибэнь чжэсюэ дэ шуой имин вэньти (К проблеме переводных терминов в японской философии) // Чжэсюэ яньцзю. 1987, № 4. С. 78.
 24. См.: Ван Говэй чжэсюэ мэйсюэ луньвэнь цзии (Неизвестные труды Ван Говэя по философии и эстетике). Шанхай: Хуадун шида чубаньшэ, 1993. С. 1. См. также: Ван Говэй. Лунь чжэсюэ юй мэйшуцзя чжи тяньчжи (О высшем призвании философов и деятелей искусства) // Цзинъань вэнь цзи (Собрание сочинений Цзинъаня). Шэньян: Ляонин цзяюй чубаньшэ, 1997. С. 120-121.
 25. См.: там же.
 26. Ху Ши. Чжунго гудай чжэсюэ ши (Истории китайской философии) // Ху Ши сюаньцзи (Избранные сочинения Ху Ши). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2005. С. 2.
 27. См.: Оуян Чжэшэн. Ху Ши цзиндянь лунь цунь. Чжэсюэ (Классические концепции Ху Ши. Философия). Пекин, 2004. С. 3.
 28. Подробнее см.: Фэн Юлань. Сань сун тан цзысюй (Автобиография из Зала трех сосен) // Фэн Юлань. Сань сун тан цюаньцзи (Полное собрание сочинений из Зала трех сосен). Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1985. С. 186.
 29. Сюй Инши. Чжунго цзиньдай сысян ши шан дэ Ху Ши (Ху Ши в истории мысли Китая Нового времени) // Тайбэй: Ляньцзин чубань шиэ гунсы, 1994. С. 55.
 30. Об этом соч. Цай Юаньпэя см.: Оуян Чжэшэн. Указ. соч.
 31. Ду Вэй (Дьюи Дж). Чжэсюэ дэ гайцзао (Реконструкция в философии). Хэфэй: Аньхой цзяюй чубаньшэ, 1999.
 32. Ху Ши. Чжунго гудай чжэсюэ ши. С. 10.
 33. Там же.
 34. Там же.
 35. Ху Ши. Чжэсюэ юй жэньшэн (Философия и человеческая жизнь) // Ху Ши вэньцзи. Т. 12. Пекин: Бэйцзин дасюэ иубаньшэ. 1998. С. 281.
 36. Там же. С. 282.
 37. Ху Ши. Шо жу (О конфуцианстве) // Ху Ши вэньцзи. Т. 5. С. 47.
 38. Он же. Чжунго гудай чжэсюэ ши. С. 10.
 39. Он же. Цун лиши шан кань чжэсюэ ши шэммо (Что такое философия с точки зрения истории) // Ху Ши вэньцзи. Т. 12. С. 285-288.
 40. Там же. С. 288.
 41. Ху Ши. Чжунго гудай чжэсюэ ши. С. 11.
 42. Там же. С. 11.
 43. Там же. С. 11.
 44. Там же. С. 12-13.
 45. См. напр.: Кобзев А.И. Учение о символах и числах... С. 24-25, 33-35 и др.
 46. Ху Ши. Сяньцин минсюэ ши (История доциньской логики) // Ху Ши вэньцзи. Т. 6. С. 6.
 47. Hu Shih. The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1928. P. 21-130.
 48. Кан Дэган. Ху Ши коушу цзычжуань (Биография Ху Ши, рассказанная им лично) // Ху Ши вэньцзи. Т. 1. С. 256.
 49. Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Вост. лит-ра, 1997. С. 171.
 50. Цит. по: там же. С. 172.
 51. Ху Ши. Чжунго гудай чжэсюэ ши. С. 12.
 52. Ху Ши вэньцзи. Т. 12. С. 351.

Культура

Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая

© 2006

Н. Лебедева

Внимание к молодым литераторам всегда было отличительной чертой великого китайского писателя XX века Лу Синя, а в последние годы его жизни наряду с работой над литературными переводами стало одной из основных составляющих его деятельности. Этот факт отмечали все, писавшие о Лу Сине.

Так, Л. Д. Позднеева писала: "Лу Синь уделял в этот период еще больше внимания литературной молодежи: он никогда не отказывал молодым литераторам в совете, редактировал произведения новичков, продвигал их в печать, давал к ним предисловия"¹.

В.В. Петров отмечал: "Лу Синь собирал вокруг себя и терпеливо учил талантливую литературную молодежь. Многих молодых писателей он ввел в большую литературу. При его прямом содействии вышли книги Е Цзы, Сяо Хун, Гэ Цинь и других молодых авторов. Лу Синь предостерегал их от зазнайства, от поверхностного и легкомысленного отношения к жизни и творчеству, давал много ценных практических советов, щедро делился своим богатейшим творческим опытом"².

Л.З. Эйдлин обращал внимание на то, что "Лу Синь воспитал целую группу молодых литераторов, уроженцев Северо-Востока"³. Об этом сказано и в уже упоминавшейся книге Л. Д. Позднеевой⁴.

В. Н. Рогов в своих воспоминаниях о Лу Сине уделил внимание встречам и беседам в 1938 году в Чунцине с писательницей Сяо Хун, которая рассказывала о Лу Сине как о своем наставнике в литературе⁵.

В книге "Современная китайская литература в эпоху движения "4 мая", изданной в Гарварде под редакцией М. Голдмана, также указывается, что в последние годы жизни Лу Синь продолжал способствовать развитию новых талантов, и среди тех, кому он помогал опубликовать их произведения часто на собственные средства, были Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Е Цзы.⁶ Другой китайцевед из США, Г. Голдблэйт целую главу своей книги о Сяо Хун посвящает ее взаимоотношениям с Лу Сином⁷.

Много на эту тему написано и в самом Китае, в особенности на Северо-Востоке⁸.

Среди тех начинающих писателей, кому Лу Синь помогал в этот период, практически все исследователи называют имена молодых литераторов — выходцев из северо—восточных провинций Китая. Захват 18 сентября 1931 года японскими войсками Мукдена (Шэньяня), получивший название Мукден-

Лебедева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дальневосточного государственного университета, г. Владивосток.

ского инцидента, положил начало японской оккупации Северо-Востока, где 1 марта 1932 года было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-го. Поэтому очевидно, что одна из основных причин внимания Лу Синя именно к литераторам из Маньчжурии заключалась в том огромном значении, которое имели для него судьбы родины.

Свое отношение к борьбе народа против японских захватчиков Лу Синь выражал вполне определенно: "Я в полной мере одобряю политику всенародного антияпонского фронта, предложенную китайской революционной партией, и безоговорочно присоединяюсь к этому фронту, потому что я не только писатель, но и китаец... Я присоединяюсь к единому фронту и буду бороться за него пером, своими произведениями и новыми переводами. А если понадобится, я не откажусь сменить перо и на другое оружие"⁹.

Размышляя о том, какой должна быть литература об антияпонской войне, Лу Синь говорил, что массовую литературу национально-революционной войны нельзя ограничивать одним описанием боев добровольцев, манифестаций и демонстраций студентов. Она гораздо шире и охватывает все сферы — от описания образа жизни людей до вопросов сознания и борьбы¹⁰.

Именно об этом и пытались писать молодые литераторы из Маньчжурии, которые обращались к Лу Синю за поддержкой, советом, а иногда и за материальной помощью. Среди них были "двое Сяо" — Сяо Хун и Сяо Цзюнь, Дуаньму Хунлян, Цзинь Жэнь. Истории их взаимоотношений с великим китайским писателем и посвящена эта статья.

Лу Синь и "двое Сяо"

Сяо Хун (1911-1942) и Сяо Цзюнь (1907-1988) начинали свой творческий путь в Харбине в период его захвата японцами. В 1932 г. они опубликовали совместную книгу рассказов и эссе "Дорожные трудности" ("Башэ"), практически сразу же конфискованную японской цензурой из-за ее патриотической направленности. Еще в Харбине они подумывали о том, что следует отправиться в Шанхай и встретиться там с лидером новой китайской реалистической литературы Лу Синем. Эта идея осуществилась не сразу: сначала они переехали в Циндао, где завершили работу над рукописями своих книг. Сяо Цзюнь написал роман "Деревня в августе" ("Баюэ дэ сянцинь"), Сяо Хун — повесть "Поле жизни и смерти" ("Шэнсычан"), посвященные войне сопротивления на Северо-Востоке. Пытаясь опубликовать произведения по такой проблематике, можно было рассчитывать только на поддержку левых сил.

Они написали Лу Синю письмо, в котором рассказывали о себе, просили разъяснить, какой должна быть революционная литература, спрашивали разрешения прислать ему на рецензию свои произведения. Лу Синь получал множество таких писем и от талантливой молодежи, и от графоманов, и просто от любителей автографов. Но он выделил это письмо из всего потока своей корреспонденции, очень быстро откликнулся и предложил молодой паре прислать свои рукописи. В Шанхай были отправлены "Дорожные трудности".

В конце октября 1934 г. Сяо Цзюнь и Сяо Хун приехали в Шанхай и уже на следующий день написали Лу Синю, сообщая о своем прибытии и прося разрешения на встречу. Но Лу Синь не считал эту встречу столь срочно необходимой. В этот период он находился на полулегальном положении, его квартира не раз служила убежищем для преследуемых гоминьдановцами коммунистов, в 1933 г. у него дважды жил Цюй Цюбо, видный деятель коммунистического движения, один из организаторов Лиги левых писателей (Левой лиги).

Началась переписка. За первый месяц в Шанхае "двое Сяо" написали Лу Синю шесть писем, на каждое из которых получили ответ. Потом, когда состоялось личное знакомство, когда Сяо Хун стала своим человеком в семье Лу Синя, переписка сделалась менее интенсивной, но не прекратилась совсем. Всего же они получили от Лу Синя пятьдесят четыре письма¹¹.

В начале своего пребывания в Шанхае они переживали трудный период. Сяо Хун писала об этом так: "Чувствуя себя парой сурков, мы прибыли в Шанхай. Кого мы там знали? Кто были нашими друзьями? Даже небо казалось нам чужим. Первое, чего мне хотелось, — взять те восемнадцать с половиной юаней, которые у нас оставались, и вернуться назад, снова стать солдатами бездействующей армии. Наши мечты о жизни в Шанхае на литературные заработки вскоре были разбиты, и все, чего я хотела, — бросить две повести, что мы написали, и пусть он (Сяо Цзюнь. — *Н.Л.*) делает с ними, что хочет. Но перед тем как уехать, мы, по крайней мере, должны повидаться с человеком, которому мы верили; кто бы мог подумать, что будет так трудно увидеть его?"¹².

Они пытались жить по заведенным в Циндао правилам: каждый день садиться за стол и писать. Но очень быстро обнаружили, что Шанхай — это не Циндао и не Харбин, что здесь существует жестокая конкуренция между теми, чей хлеб — литература. Журналы не только не хотели печатать сочинения никому неизвестных литераторов, но даже не возвращали рукописи. Деньги таяли. Только одно поддерживало — письма Лу Синя.

Молодая пара напомнила Лу Синю те времена, когда он сам впервые оказался в пестром и опасном мире Шанхая. Тогда после простора деревни, после Пекина, в Шанхае он самому себе казался запертым в клетку голубем; чтобы привыкнуть, ему понадобилось два-три года¹³. Он понимал, какие чувства испытывают эти двое, и в письмах старался поддержать их. "Вы сейчас не в состоянии работать. Человек покидает родные места, приезжает в другое место, а там еще не возникло новых связей, еще нет корней в этой новой почве. Писатель, покинув родину, не может сразу начать писать, это обычное дело. После того, как я приехал в Шанхай, мне тоже не писалось. Шанхай — это такое место, где не позовешь человека и не сблизись с ним. Я вижу беспокойство и тревогу, которым нельзя дать развиваться дальше, самое лучшее — больше ходить, смотреть, наблюдать различные человеческие типы и ситуации", — советовал Лу Синь в одном из своих писем¹⁴.

Характеризуя ситуацию в литературных кругах Шанхая, Лу Синь отмечал: "... в Шанхае есть чрезвычайно коварные "литераторы", с которыми нельзя быть неосторожными... Шанхай на самом деле — не лучшее место, конечно, необязательно считать всех людей здесь коварными, но и не надо все принимать близко к сердцу"¹⁵. В другом письме он предостерегал их, узнав, что они проводят много времени на улице Сяфэй: "Сейчас я должен незамедлительно сообщить вам, что те русские, мужчина и женщина, с улицы Сяфэй, скорее всего — белые. Не стоит много говорить с ними по-русски, иначе, боюсь, они могут решить, что вы — студенты из России, захотят завербовать. Среди них немало доносчиков"¹⁶. Это письмо Лу Синь писал, будучи большим, с высокой температурой. Он считал необходимым срочно предупредить своих друзей по переписке. Лу Синь понимал, что, если молодой паре придется самой искать свои "корни" в Шанхае, на это уйдет много времени, и необязательно эти поиски будут успешными.

В ноябре 1934 г. Сяо Цзюнь написал Лу Синю письмо с просьбой помочь найти ему работу и одолжить двадцать юаней. Несмотря на то, что они ждали денег из Маньчжурии, уверенности, что помощь придет вовремя, Лу Синя не было. Их "капиталы" были истрачены. 27 ноября они получили от Лу Синя приглашение встретиться через три дня в книжном магазине на Бэй Сычуаньроуд и принести с собой рукопись повести Сяо Хун. Оставшееся до встречи время было прожито в радостном волнении: их мечты сбывались. Сяо Хун снова и снова просматривала текст "Поля жизни и смерти". Наконец наступило тридцатое, и взволнованные и возбужденные от мысли, что состоится одно из самых значительных знакомств в их жизни, они отправились на встречу. Увидев Лу Синя, заметили, что он выглядит чрезвычайно болезненно. Втроем они зашли в ближайшее кафе, где к ним присоединилась жена Лу Синя Сюй Гуанпин с пятилетним сыном Хайином. За завтраком они беседовали. Лу Синь не

мог предложить Сяо Цзюню какой-либо работы, но вручил двадцать юаней, которые тот просил. Сяо Хун передала Лу Синю свою повесть.

Деньги Лу Синя очень поддержали Сяо Хун и Сяо Цзюня, до их первых шанхайских гонораров было еще несколько месяцев. Они укрепились в намерении остаться в Шанхае и постараться завоевать его.

Между тем их отношения с Лу Синем имели продолжение. Составив впечатление по письмам, Лу Синь не был разочарован личной встречей. Новые друзья были приглашены 19 декабря на банкет в ресторане "Лянюанью" по случаю исполнения месяца сыну Ху Фэна. В тот вечер Сяо Хун и Сяо Цзюнь познакомилась с Мао Дунем, Не Ганьну, Е Цзы и другими писателями — членамилевой лиги. Так, с помощью Лу Синя начинали завязываться дружеские отношения с представителями литературного мира Шанхая. Более других они подружились с Е Цзы, он стал для них настоящим гидом в суматошной круговерти города-гиганта.

Позже Сяо Хун, Сяо Цзюнь и Е Цзы объединились в "Общество рабов" с целью публикации своих книг, которые составили "Библиотеку рабов". Слово "рабы" в названиях общества и серии книг было вызовом тем, кто стремился сделать из китайцев нацию рабов. Напротив, эти молодые люди боролись с рабством в себе и других, и их произведения — лучшее тому подтверждение.

Лу Синь стремился влить новые жизненные силы в Левую лигу. Он считал своим долгом помогать молодым авторам, используя личные связи, рекомендовал их произведения в редакциях и издательствах. Подобную протекцию он составил и Сяо Хун. Прочитав ее повесть "Поле жизни и смерти", он счел необходимым опубликовать ее и взялся за дело, оказавшееся сложным и долгим. История публикации первого крупного произведения Сяо Хун — яркое свидетельство внимания, заботы и щедрости, с которыми Лу Синь относился к молодому поколению писателей.

О том, что повесть будет опубликована, и он уже нашел издателя, Лу Синь написал Сяо Хун через несколько дней после памятного банкета 19 декабря. Но книга вышла в свет только через год. Она находилась в цензуре шесть месяцев и после этого была возвращена как неприемлемая для публикации. Эти полгода ожидания дались Сяо Хун нелегко. Она впала в состояние уныния и депрессии, испытывала неловкость перед Лу Синем за то, что ее проза столь плоха, что даже Лу Синь не может продвинуть ее. Лу Синь успокаивал, поддерживал надежду, уверяя, что цензоры очень внимательны к ее повести, они сделают необходимые исправления, и книга будет напечатана.

В начале 1935 г. ситуация изменилась к лучшему: влияние Лу Синя и талант Сяо Хун сделали свое дело, и ее произведения начали появляться во многих шанхайских изданиях: "Венера" ("Тайбай"), "Литература" ("Вэньсюэ"), "Буревестник" ("Хайянь"), "Знание жизни" ("Шэнхо чжиши"), "Школьник" ("Чжунсюэшэн"), "Писатель" ("Цзоцзя"), "Литературный ежеквартальник" ("Вэньсюэ цзикань") и других. Сяо Хун на литературной арене Шанхая приобрела известность как молодая писательница из окружения Лу Синя.

Произведения Сяо Цзюня тоже находили свой путь к читателю. К этому времени их было напечатано даже больше, чем у Сяо Хун. Эти публикации становились все регулярнее, но пока еще не были постоянными. В августе 1935 г. на средства Лу Синя был опубликован его роман "Деревня в августе". Он стал второй книгой в серии "Библиотека рабов". Сяо Цзюнь подписал книгу новым псевдонимом — Тянь Цзюнь.

14 ноября 1935 г. Лу Синь закончил читать гранки повести Сяо Хун, внес последние исправления, написал предисловие и отправил книгу в печать. Активное участие в издании всех трех книг серии принимал также Ху Фэн, написавший послесловие к "Полю жизни и смерти". В декабре 1935 г. "Поле ..." было напечатано под псевдонимом Сяо Хун.

Как прежде "Дорожные трудности", вновь изданные книги "двух Сяо" сразу же были запрещены, что только добавило им популярности. И Сяо Хун,

и Сяо Цзюнь понимали, что своим литературным успехом они обязаны Лу Синю. За эти шанхайские месяцы их отношения стали ближе и теплее, встречи — более частыми.

5 ноября 1935 г. Сюй Гуанпин с сыном приехали к молодым друзьям домой, чтобы пригласить их к себе на обед, который превратился в ужин. Сяо Хун так вспоминает о первом визите в дом Лу Синя: “В тот вечер мы пили чай, сидя за столом рядом с господином Лу Синем и госпожой Сюй Гуанпин. Весь вечер мы говорили о положении в Маньчжурии, как начали после ужина, так и проговорили до десяти часов, потом собрались было уходить, чтобы господин Лу Синь мог пораньше лечь отдыхать, ведь я видела, что его здоровье было не слишком хорошим, да к тому же слышала, как госпожа Сюй говорила, что господин Лу Синь больше месяца был простужен и только что поправился.

Но господин Лу Синь не выглядел утомленным. Хотя в гостиной стоял плетеный диванчик, на который можно было прилечь, и мы несколько раз уговаривали его пересесть туда, чтобы немного отдохнуть, он не пересел, по-прежнему оставался сидеть на стуле. При этом только однажды поднялся наверх, чтобы накинуть халат на меху.

Весь вечер господин Лу Синь о чем-то говорил, сейчас я не могу припомнить, о чем... После одиннадцати вдруг пошел дождь, капли барабанили по оконному стеклу, на окне не было шторы, поэтому стояло только повернуть голову, чтобы увидеть стекающие по стеклу струйки. Становилось поздно, дождь продолжался, на душе было беспокойно, несколько раз мы поднимались, чтобы уйти, но господин Лу Синь и госпожа Сюй вновь усаживали нас, говоря: “Около двенадцати обычно бывает трамвай, поедете на нем”. Поэтому мы просидели почти до двенадцати. Надев плащ и открыв скрипящую наружную железную дверь, Лу Синь непременно хотел проводить нас на улицу. Я думаю, почему ему обязательно надо было провожать нас? Должно ли было так провожать таких молодых гостей? Разве дождь не мог намочить волосы, а холодный зимний ветер должен был перестать дуть? Стоя за дверьми, господин Лу Синь сказал, указывая на большую вывеску “Чай” на соседнем доме: “Когда придете в следующий раз, запомните этот “Чай”, сразу рядом с этим “Чаем”. При этом протянул руку, словно хотел коснуться цифры “9”, того номера “9”, который был на дверях. “В следующий раз запомните номер “9” рядом с “Чаем””. С того вечера они стали постоянными посетителями этого дома, а Сяо Хун — своим человеком, почти членом семьи, особенно после того, как в начале 1936 г. из французской концессии они переехали поближе, на ту же Бэй Сычуань-роуд.

Сяо Хун пришла к им ко двору и сама нашла в семье Лу Синя то, что искала всю жизнь — свой дом. Ни дом отца в Хунани, ни разделяемые с Сяо Цзюнем временные жилища не давали ей тепла, чувства защищенности. Отношения, которые сложились между Лу Синем и Сяо Хун, были не только отношениями учителя и ученицы. Это были теплые отношения двух людей, старшего и сильного — младшей и слабой. Лу Синь был организатором, редактором публикаций Сяо Хун, учителем и утешителем в трудной науке жить.

Несмотря на довольно скромные похвалы в предисловии к “Полю...”, Лу Синь считал, что Сяо Хун обладает большим творческим потенциалом, она “наиболее многообещающая из наших писательниц, и демонстрирует возможность стать такой же, как Дин Лин или какой прежде была Бинь Синь”¹⁸. Сюй Гуанпин вспоминала, что Лу Синь использовал любой шанс, чтобы рекомендовать Сяо Хун и ее произведения друзьям, единомышленникам, посетителям. Американская журналистка Агнесс Смэдли, в начале 30-х годов представлявшая в Шанхае немецкую газету “Франкфуртер цайтунг”, писала, что Лу Синь лично рекомендовал ей “Поле жизни и смерти” “как одну из наиболее сильных современных повестей, написанных китайкой”, и в течение всего интервью ссылался на нее как на образец прозы, которая укрепляет революцию¹⁹.

Сяо Хун в эти шанхайские годы было двадцать четыре — двадцать пять лет, ее физическое и моральное состояние были нехороши. Связь с Сяо

Цзюнем становилась все мучительнее, приносила все больше страданий и огорчений. Когда у Сяо Хун бывали трудные времена, и она нуждалась в поддержке, Сяо запросто приходила в дом Лу Синя, проводила в разговорах с ним и Сюй Гуанпин целые дни, не стесняясь того, что отрывает их от дел. Она чувствовала, что все здесь относится к ней с искренней симпатией, и она имеет право на время и внимание этих людей. Лу Синя и его жену действительно волновала судьба Сяо Хун, и они с тревогой следили за развитием отношений молодых людей. Лу Синь понимал, что Сяо Хун легче справляться со своей депрессией, когда она на людях, поэтому часто приглашал ее. Но у него было много дел, так что жене писателя частенько приходилось самой занимать Сяо Хун. Однажды женщины просидели в гостиной целый день, и Сюй Гуанпин не имела даже возможности подняться наверх, где после обеда спал Лу Синь. В спальне было открыто окно, которое некому было закрыть. В результате Лу Синь простудился. Но он шел на эти неудобства, чтобы поддержать свою протезе.

Лу Синь наставлял молодую писательницу, беседуя с ней о "тайнах" мастерства, помогал избавиться от провинциальности, спорил о целесообразности использования в произведении чрезмерного количества дунбэйских диалектизмов. Он помогал Сяо Хун расширить кругозор, раскрывая перед ней сложную ситуацию в политических и литературно-художественных кругах Шанхая. Уроки Лу Синя способствовали развитию эстетического вкуса молодой женщины, включая и искусство одеваться. Она имела пристрастие к неожиданному сочетанию ярких тонов в нарядах. Как-то Сяо Хун попросила Лу Синя высказать мнение о своем новом огненно-красном пальто с очень широкими рукавами, которое она впервые надела. Лу Синь тактично прочитал ей целую лекцию о том, как надо подбирать тона, какие цвета и рисунок ткани соответствуют каким типам фигуры, советовал обращать внимание на то, как одеваются иностранцы²⁰.

Вместе они гуляли, ходили в кино, готовили еду и трапезничали. Хайин любил Сяо Хун, видя в ней хорошего товарища для игр. В отношении Лу Синя к этой трогательной молодой женщине, такой ранимой и неуверенной в себе, так похожей на ребенка, сквозила отцовская нежность. В одном из писем он писал: "... после приезда в Шанхай она словно подросла немного, обе ее косички тоже стали длиннее, но ее ребячливость осталась прежней, и ничего с этим не поделаешь"²¹.

Вечером 15 июля 1936 г. перед отъездом в Японию она зашла к Лу Синю проститься. Сюй Гуанпин приготовила прощальный обед, о чем Лу Синь сделал соответствующую запись в своем дневнике. Это была их последняя встреча.

Дней через десять Лу Синя навестил и Сяо Цзюнь, это тоже был последний зафиксированный визит. К сентябрю Сяо Цзюнь вернулся в Циндао.

Сяо Хун узнала о смерти Лу Синя в день его похорон. Из Японии она не писала учителю, не сообщила ему даже адреса, ведь с самонадеянностью молодости полагала, что впереди еще много времени для общения с этим самым важным в ее жизни человеком.

28 октября она написала Сяо Цзюню, который вернулся в Шанхай за неделю до смерти Лу Синя и участвовал в похоронах: "В эти дни у меня жар, губы потрескались от высокой температуры. Смерть человека неизбежна, разум понимает это, а чувствами принять не можешь"²².

Сяо Хун беспокоилась о Сюй Гуанпин и ее сыне. В середине января 1937 г. Сяо Хун вернулась в Шанхай. Теперь она была известной писательницей, взлет которой направлял Лу Синь. Она получила множество приглашений принять участие в мероприятиях, посвященных его памяти. Сяо Хун навестила Сюй Гуанпин, и они вместе часто бывали на могиле Лу Синя.

Лу Синь и Дуаньму Хунлянь

Дуаньму Хунлянь (1912-1996) начинал свой жизненный и творческий путь на Северо-Востоке. Его отцом был крупный помещик — землевладелец, а матерью — маньчжурка, дочь одного из бедных арендаторов отца. Осо-

бенности происхождения заставили будущего писателя с детства соприкоснуться с двумя слоями общества, а духовная близость с матерью определила его выбор — какую из сторон принять. Среднее образование молодой человек получил в Тяньцзине, где проявил интерес к литературному творчеству, зарубежной литературе и современным социальным проблемам Китая. С началом японской агрессии Дуаньму Хунляню вернулся на Северо-Восток и вступил в партизанский отряд. Он участвовал в антияпонских действиях в Жэхэ и Чоха-ре. Летом 1932 г. он вернулся в Бэйпин (Пекин) и осенью стал студентом исторического факультета университета Цинхуа. В этот же период он вступил в Лигу левых писателей Китая. Очень скоро он начал редактировать главный печатный орган Бэйпинского отделения — “Новости науки” (“Кэсюэ синьвэнь”). В издании публиковались новости зарубежной и китайской культуры, печатались материалы, критикующие репрессивную политику Чан Кайши против революционной литературы, помещались статьи антивоенной направленности.

Дуаньму Хунляню было важно узнать мнение о своей работе руководителейлевой Лиги, поэтому в августе 1933 г. он отправил Лу Синю в Шанхай 4-ый выпуск “Новостей науки”, сопроводив его письмом. Это свое первое письмо мэтру начинающий литератор подписал псевдонимом Е Чжилинь. 25 августа Лу Синь сделал в дневнике запись: “Получил письмо от Е Чжилинь, ночью ответил”²³.

Но Дуаньму Хунляню не прочитал этого письма, поскольку как раз в это время Бэйпинское отделение Левой лиги было разогнано гоминьдановцами, и ему пришлось скрыться в Тяньцзине. С этого момента для неё началась жизнь профессионального литератора. За три месяца он написал роман “Степь Хорчинского аймака” (“Кээрцинь ци цаоюань”), заявив в нем одну из своих главных тем — земля и человек на ней. “Земляное море” (“Дади дэ хай”) — другой роман, созданный в 1936 г. в Шанхае и посвященный этой же теме. Историки литературы отмечают, что это первый в истории современной литературы Китая роман, отражающий вооруженную борьбу народа Северо-Востока с японскими захватчиками в период после инцидента “18 сентября” и описывающий непосредственно борьбу за землю²⁴.

Продолжение взаимоотношений Дуаньму Хунляня с Лу Синем связано с романом “Земляное море”. Так и не получив адресованного в университет Цинхуа письма Лу Синя в 1933 году, Дуаньму Хунляню на этот раз отправил ему рукопись своего нового романа. Предварительно автор посылал ее в журнал “Писатель” (“Цзоцзя”), зная о близости Лу Синя к этому изданию и не желая беспокоить уже очень большого мастера. Однако редакция никак не отреагировала на получение романа, что и заставило Дуаньму Хунляню обратиться непосредственно к Лу Синю. Теперь он подписался псевдонимом Цао Пин.

Шло последнее лето Лу Синя. Лу Синь уже был знаком с молодыми писателями Сяо Хун и Сяо Цзюнем, поэтому понятно внимание, с которым он прочитал “Земляное море” Дуаньму Хунляня. Он попросил молодого автора прислать ему и другие произведения, тот сразу же отправил рассказ “Почему дедушка не ест гаоляновую кашу” (“Ее вэйшэмо бучи гаолян мичжоу”).

Лу Синь дал высокую оценку рассказу. Он писал: “Обычный “современный” критик, возможно, скажет, что конец слишком мрачный, я же считаю недостатками то, что в начале читатель как бы намеренно погружается автором в туман, что авторские разъяснения очень раздражают, что часто употребляются одни и те же слова, но в конечном итоге после прочтения рассказа все эти недочеты полностью исчезают”²⁵.

О романе “Земляное море” Лу Синь написал, что он тоже хорош, но советовал повременить с его публикацией, (роман увидел свет в мае 1938 г.) Рассказ же “Почему дедушка не ест гаоляновую кашу” рекомендовал журналу “Писатель”, в октябрьском номере котором он и был опубликован. Журнал вышел в свет за день до смерти Лу Синя.

За месяц до этого был напечатан первый сборник из десяти рассказов “Ненависть” (“Цзэнхэнь”), в который вошли “Печаль озера Белой цапли”

(“Цылухуэдэ еуюй”), “Почему дедушка не ест гаоляновую кашу”, “Пыльная буря вдали” (“Яююаньдэ фэнша”), “Стремнина” (“Хуньхэдэ цзилю”), “Снежная ночь” (“Сюэ е”) и другие. Именно в шанхайский период Дуаньму Хунлян вошел в круги левой литературы, сделал себе имя.

Хотя творческому становлению Дуаньму Хунляна помогали Чжэн Чжэньдо, Ху Фэн, Мао Дунь, Чжоу Либо, Ван Тунчжао, но роль Лу Синя была особенно значима.

Лу Синь и Цзинь Жэнь

Цзинь Жэнь (1910-1971) — уроженец провинции Хэбэй. Его настоящее имя — Чжан Шаоянь. После окончания средней школы в Пекине он поступил в Харбинский юридический институт, вечернее отделение которого закончил в 1934 г. В Харбине молодой человек познакомился с одним из многочисленных русских эмигрантов и под его руководством начал изучать русский язык. С 1930 года он уже пробовал делать литературные переводы с русского.

События “18 сентября” 1931 года оказали на него значительное влияние, стимулировали к активной литературной деятельности. Цзинь Жэнь познакомился с писателями из харбинской группы — Ло Фэном, Шу Цюнем, Сяо Хун, Сяо Цюнем и другими, начал писать публицистические статьи, стихи и прозу. Много работал он и над переводами произведений русской и советской литературы.

Когда Цзинь Жэнь узнал, что уехавшие в Шанхай Сяо Цюнь и Сяо Хун познакомились там с Лу Синем и с его помощью опубликовали свои произведения, то решил последовать их примеру. В начале 1935 года он отправил Сяо Цюню свой перевод “Юмористических рассказов” М. Зощенко с просьбой посодействовать в публикации. Сяо Цюнь обратился за помощью к Лу Синю. Лу Синь сразу же ответил, отметив, что, очевидно, юмористические рассказы будут нетрудно пристроить, многие книжные магазины согласятся их напечатать. Он рекомендовал Цзинь Жэню продолжать заниматься переводами и впредь и советовал ему, какие произведения следует выбрать для перевода. Лу Синь предостерегал молодого автора от необоснованных надежд на большие гонорары и простоту устройства рукописей в издательства.

Получив через Сяо Цюня наставления Лу Синя, Цзинь Жэнь с новыми силами взялся за работу. Он продолжал переводить Зощенко, перевел рассказ Новикова — Прибоа “Отставка” и по-прежнему через Сяо Цюня отправлял свои работы Лу Синю.

Лу Синь в письме к Сяо Цюню от 13 марта 1935 года так оценивал работу Цзинь Жэня: “Прочитал переводы Цзинь Жэня, совсем неплохо, один послал в “Задушевный друг”, другой думаю передать в “Переводы”²⁶.

4 апреля он писал: “Уже просмотрел рукопись Цзинь Жэня, перевод хорош. Что касается недостатков, то, судя по всему, их нет”²⁷.

Пытаясь помочь молодому литератору опубликовать часть переведенных им “Юмористических рассказов” М. Зощенко, Лу Синь обращался в издательство переводной литературы “Библиотека переводов” (“Ивэнь цуншу”), ряд других издательств, но безрезультатно. К хлопотам подключился и Сяо Цюнь, который в конечном итоге смог устроить перевод в издательство книжного магазина “Небесный конь” (“Тяньма”). Затем Лу Синь вместе с Сяо Цюнем сформировал рукопись, и вскоре она была опубликована.

Лу Синь никогда не встречался с Цзинь Жэнем, но помощь и поддержка мастера произвели на молодого человека огромное впечатление. Советы Лу Синя направили его дальнейшую переводческую деятельность. В трудные годы антияпонской войны он сделал перевод романа М. Шолохова “Тихий Дон”. Чувство благодарности было неиссякаемым. Когда в начале 1937 года Цзинь Жэнь приехал из Харбина в Шанхай, на следующий день он посетил могилу Лу Синя. В 1946 году в дни, когда отмечали десятую годовщину со дня смерти Лу Синя, Цзинь Жэнь, вновь вернувшийся в Харбин, выступил с речью на ве-

чере, посвященном этой дате. Позже он написал для газеты "Дунбэй жибао" статью "Дух Лу Синя живет".

Безусловно, слово поддержки признанного мастера важно для новичка, еще большее значение имеет практическая помощь. Лу Синь не жалел времени и сил, чтобы выполнить свою миссию наставника и воспитать новое поколение писателей. Четверо литераторов из Маньчжурии испытали на себе благотворное влияние щедрого дара Лу Синя, в своем творчестве выразили благодарность учителю.

1. Позднеева Л.Д. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881-1936). М.: МГУ, 1959. С. 332.
2. Петров В.В. Лу Синь. М.: Гослитиздат, 1960. С. 286.
3. Эйдлин Л.З. О китайской литературе наших дней. М.: Сов. писатель, 1955. С. 12.
4. Позднеева Л. Д. Указ. соч. С. 334, 342.
5. Рогов В.Н. Беседы о Лу Сине (Из записок 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 4. С. 179-187.
6. Modern Chinese Literature in the May Fourth Era. Cambridge, Massachusetts and London. Harvard University Press. 1977. P. 219.
7. Goldblatt Н. Hsiao Hung. Boston. Twayne Publishers. 1976. P. 40-44.
8. Лу Сюнь хэ дунбэй цзоцзя [Лу Синь и писатели Северо-Востока] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю [Изучение современной литературы Северо-Восточного Китая]. Шэньян, 1986. № 1. С. 87-95; Чжан Юймао. Лу Сюнь юй Сяо Цзюнь [Лу Синь и Сяо Цзюнь] // Дунбэй синь вэньсюэ луньчун [Сборник статей о новой литературе Северо-Восточного Китая]. Шэньян, 1989. С.56-60; Дин Яньчжао. Лу Сюнь хэ Сяо Хун [Лу Синь и Сяо Хун] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ шиляо [Материалы по истории современной литературы Северо-Восточного Китая]. Ляонин, 1980. Март. С.45-51; Ма Тицзи. Лу Сюнь хэ Дуаньму Хунлян [Лу Синь и Дуаньму Хунлян] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю [Исследования по современной литературе Северо-Восточного Китая]. Шэньян, 1986. № 1. С. 87-88.
9. Цит. по: Федоренко Н.Т. Очерки современной китайской литературы. М.: Изд. худож. лит., 1953. С. 63-64.
10. Федоренко Н.Т. Указ. соч. С. 64.
11. Лу Сюнь. Шуцзянь [Письма]: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ. Пекин, 1953. Т. 2. С. 765-841.
12. Цит. по: Goldblatt Н. Op. cit. P. 36.
13. Лу Синь. Указ. соч. С. 785.
14. Там же. С. 775-776.
15. Там же. С. 767.
16. Там же. С. 773.
17. Сяо Хун. Хуэйи Лу Сюнь сяньшэн [Воспоминания о господине Лу Сине] // Сяо Хун сюаньцзи [Избранное Сяо Хун]. Пекин, 1981. С. 160-161.
18. Сяо Хун дайбяо цзо [Избранные произведения Сяо Хуня]. Чжэнчжоу, 1987. С. 208.
19. Smedly. Battle hymn of China. New York, 1945. P. 524.
20. Сяо Хун. Хуйи Лу Сюнь сяньшэн [Воспоминания о господине Лу Сине] // Сяо Хун сюаньцзи [Избранное Сяо Хун]. Пекин, 1981. С. 145-146.
21. Лу Синь. Указ. соч. С. 839.
22. Те Фэн. Сяо Хун вэньсюэчжи лу [Литературный путь Сяо Хун]. Харбин: Хаэрбин чубаньшэ, 1991. С. 114.
23. Ма Тицзи. Лу Сюнь хэ Дуаньму Хунлян [Лу Синь и Дуаньму Хунлян] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю [Исследования по современной литературе Северо-Восточного Китая]. Шэньян, 1986. № 1. С. 87.
24. Жэнь Сиши. Лунь Дуаньму Хунляндя цзоци сяошо чуаньцзо [О прозе раннего периода творчества Дуаньму Хунляна] // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю луньвэньцзи [Сборник теоретических исследований по современной литературе Северо-Восточного Китая]. Шэньян, 1986. С. 180.
25. Ма Тицзи. Указ. соч., С. 88.
26. Лу Синь. Указ. соч. С. 797.
27. Там же. С. 803.

Научная жизнь

Ученые России и РК об актуальных проблемах Северной Кореи и межкорейских отношениях

© 2006

К. Асмолов

Весной-летом 2006 г. специалисты Центра корейских исследований ИДВ РАН приняли участие в ряде внутрirosсийских и международных конференций, посвященных актуальным проблемам Корейского полуострова, включая "круглые" столы и семинары с участием представителей Министерства объединения Республики Корея и Института национального объединения РК.

Предметом обсуждения стали внутривполитическая ситуация в КНДР, перспективы ее режима, тенденции российско-корейских отношений и экономического сотрудничества с КНДР. Особое внимание было уделено вопросу: что необходимо сделать для создания на Корейском полуострове эффективной системы мира?

Будущее режима Ким Чен Ира

При рассмотрении внутривполитической ситуации на севере Корейского полуострова ученых прежде всего интересовало, насколько устойчив северокорейский режим и как долго он продержится.

Отмечалось, что устойчивость любого режима связана с несколькими факторами.

Во-первых, у его лидеров должна быть некая политическая воля изменить ситуацию.

Во-вторых, это желание должно сопровождаться определенным состоянием административной системы, которая, как минимум, не должна оказывать серьезного сопротивления попыткам изменить ее сверху. Для того, чтобы быть измененным снизу, у режима также не должно быть сильного и эффективного административного аппарата. Особенно это касается силовиков и, в меньшей степени, аппарата пропаганды.

В-третьих, по той или иной причине режим не должен пользоваться массовой поддержкой народа, который или индифферентно наблюдает за происходящим во власти, или отчужден от нее и воспринимает режим как нечто априори враждебное ему.

В-четвертых, на все это накладывается внешнее давление, которое обычно осуществляется по трем направлениям: либо руководство страны подталкивают к смене режима; либо тем или иным образом ослабляют административную систему, делая ее менее прочной на излом; либо вбивают клин между народом и властью, создавая предпосылки для "революционной ситуации".

При этом необходимо различать выживаемость режима и выживаемость государства как суверенного политического образования и четко ответить на вопрос: "Означает ли смена режима конец КНДР и ее уход с политической карты мира?"

Однако прежде всего следует уяснить, хочет ли перемен сам Ким Чен Ир? Комплекс изменений за 10 лет его правления неоспоримо говорит о том, что, отдавая дань памяти отца, он во многом "переформатировал" систему "под себя". Проведен ряд государственных мероприятий, направленных на определенные изменения в экономике. Не все из них дали положительный результат, и от некоторых пришлось отказаться. Видоизменена административная система государства, и режим стал более военным, чем партийным. Претерпела изменения в сторону национализма господствующая идеология — идеи "чучхэ" окончательно превратились из творческого осмысления марксизма-ленинизма в порождение самобытной корейской традиции. Произошла определенная ротация кадров. Во власть, особенно в ее средний эшелон, пришло новое поколение.

Представляется, что КНДР сделала значительный шаг в сторону отхода от классического образа тоталитарного государства. Ким Чен Ир как бы пытался превратиться из "последнего коммунистического диктатора" в главу военной хунты, поскольку этот образ вызывает меньший афронт со стороны международного сообщества. Эта политика имела успех, и Северная Корея упрочила бы свои позиции на международной арене, не случись второго витка ядерного кризиса.

Сравнивая российский и китайский пути, Ким Чен Ир понимает, что наилучшим вариантом развития для КНДР является следование китайской стратегии — развивать экономику, оставляя неизменной политическую систему. Однако две страны находятся в очень разных стартовых условиях, и поэтому буквальное заимствование китайского пути невозможно: не тот изначальный потенциал и иная политическая ситуация.

При анализе состояния административной системы возникал закономерный вопрос насколько дееспособен административно-бюрократический аппарат КНДР? Известно, что коррупция есть, и с ней борются. Очевидно, что распространение военных методов администрирования на гражданский сектор отчасти говорит о желании упростить систему и сделать ее более управляемой. Ясно, что смена поколений сыграла свою роль, и постоянные призывы руководства страны брать пример с антияпонских партизан говорят о том, что новое поколение бюрократов не очень склонно "выкладываться до последнего" и проявлять аскетизм. Вместе с тем, информационный контроль слабеет, и формирующееся представление о том, как выглядит красивая жизнь за рубежом, рождает желание жить так же.

В обычной ситуации под воздействием подобных факторов бюрократический аппарат достаточно быстро разлагается, теряет административную эффективность и прорастает корпоративными интересами. Однако в случае с КНДР это разложение допустимо только до определенного предела, продиктованного внешней угрозой. Поскольку конфронтация является реальной, то существует определенный уровень боеготовности и эффективности административной системы, ниже которого опускаться нельзя. Пхеньянская бюрократия, особенно ее средний и высший эшелоны (и тем более, силовые структуры), осознают как свою неконкурентоспособность по сравнению с южанами, так и то, что в случае смены режима именно они станут "главными стрелочниками" в условиях неминуемой "охоты на ведьм". Это хороший стимул для борьбы за свое настоящее.

Поэтому важным условием будущего объединения является проблема поиска подходов к северокорейской элите, которая нуждается в гарантиях безопасности. Северокорейские аппаратчики помнят, что произошло с номенклатурой соцстран Восточной Европы, и будут всеми силами сопротивляться, чтобы не попасть под будущие люстрации. Для того, чтобы они позволили режиму меняться, у них должна быть возможность выживания, например, в рамках концепции "одна страна — две системы".

Следует помнить и об отсутствии в КНДР принципиальной оппозиции. Понимая опасность фракционной борьбы, Ким Ир Сен и Ким Чен Ир сделали все, чтобы северокорейская административная система была централизованной, и вряд ли можно говорить о наличии в КНДР прослойки либеральной интеллигенции, которая в Советском Союзе послужила основой для формирования диссидентского движения, или о внутрипартийных фракциях со своей отдельной программой. Просоветская группировка (точнее, те, кто учился в СССР и рассматривались Пхеньяном как потенциальные агенты влияния) была ликвидирована еще в 1990-е гг., причем инициировал гонения сам Ким Чен Ир. Прокитайски настроенные генералы (по иронии, занявшие место просоветских) к нынешнему времени тоже отодвинуты. Переименование спецслужб также может говорить об определенном уровне реорганизации, нацеленном на укрепление режима в новых условиях. Жесткие меры США усиливают встречное давление со стороны Пхеньяна, укрепляя позиции традиционалистов и тех, кто считает, что Западу совсем нельзя верить.

В целом, по сравнению с 1980-ми годами, вожжи ослаблены, но не отпущены. Власть смотрит сквозь пальцы на ситуации, когда, борясь за личное благосостояние, человек не злоумышляет против режима. Вмешательство государства в жизнь человека осталось, но перестало быть избыточным.

Понятно, что сегодня Северная Корея выглядит не очень устойчиво. Однако на текущий момент КНДР обладает достаточным запасом стабильности, чтобы не рухнуть в ближайшее время в результате внутренних процессов. Для этого нужны либо форс-мажорные обстоятельства внутри страны (как политические, так и вызванные, например, стихийным бедствием или техногенной катастрофой), либо резкое усиление внешнего давления. Пока Ким Чен Ир у власти, Северная Корея будет продолжать существовать в своем нынешнем виде. Это не значит, что режим не будет меняться вообще, но изменения будут подконтрольными и направленными не на "открытую перестройку", а на адаптацию режима к новым условиям.

Ядерная программа КНДР

В отличие от списка актуальных проблем 2005 г., северокорейский ядерный кризис на сей раз не был предметом детального обсуждения. Ученых интересовала скорее не сама проблема или перспективы ее разрешения, а те цели, которые преследуют участники шестисторонних переговоров, и то, насколько активно переговорный процесс будет продолжаться¹.

По словам руководителя МИД РФ С. Лаврова, Россия воспринимает шестисторонние переговоры как действенное средство решения ядерной проблемы. Что же до северокорейской стратегии затягивания переговоров, то это — тактический ход, а не принципиальная позиция. Впрочем и некоторые заявления США тоже могут рассматриваться как тактические ходы.

Отмечались близость позиций РФ, КНР и РК по данному поводу, нерешительность американских требований закрыть ядерную программу КНДР вообще, необходимость различать военное и мирное использование атомной энергии и то, что в нынешней ситуации наличие у Северной Кореи ядерного оружия есть способ обезопасить свою страну с наименьшими издержками.

Внешние связи КНДР на современном этапе

Отношение Москвы и Пекина к Пхеньяну строится сегодня не на идеологии, а на прагматизме. Ким Чен Ир — не самый лучший союзник, но лучше с ним, чем без него. Даже потенциальная смена руководителя страны на более лояльного не обеспечит нужного эффекта, так как новый лидер не будет достаточно легитимным и вряд ли будет обладать такими навыками управленца, как Ким Чен Ир. Для Китая важно также, чтобы КНДР выполняла свои функции приграничного буфера. Пока РК остается под политическим влиянием

США и имеет на своей территории американские войска, Китай не допустит исчезновения КНДР с карты мира.

Какова способность Москвы влиять на Пхеньян? Напрямую невелика — у нас немного эффективных рычагов влияния. Россия может что-то сделать в рамках комплексного воздействия международного сообщества, но ее “гиря на чашу весов” — это, скорее, лишь дополнительный фактор.

Развивая тему российско-корейских отношений, следует отметить более качественный характер взаимодействия в политической сфере по сравнению с остальными. Ранее Пхеньян с опаской следил за российскими предложениями, отталкиваясь от недружественных публикаций в СМИ, предлагавших менять режим путем ужесточения санкций и ограничения внешнеполитических связей. Правда, предложения такого рода обычно исходили от политологов, т.н. “прозападной ориентации”, говоривших исключительно “на злобу дня”. Те, кто занимался Кореей профессионально, смотрели трезвее и квалифицированнее. Однако северокорейцы не до конца понимали ситуацию и воспринимали “разноголосицу” как признак плюрализма. Для трансформации понимания реальной политики РФ потребовалось время.

Несмотря на то, что, в отличие от Китая, между Москвой и Пхеньяном не было саммитов, сотрудничество на более низком уровне идет постоянно, и Пхеньян считает его достаточно важным. Только при участии России стал возможен формат шестисторонних переговоров. Россия не так активно рассылает по миру своих эмиссаров, но работа ведется и по иным линиям. Бывший полпред президента на Дальнем Востоке Константин Пуликовский не раз встречался с Ким Чен Иром, а посол в Сеуле А. Карлов наладил с ним очень тесные взаимоотношения.

Как заявил посол КНДР в Москве, поддержка России дает КНДР возможность осуществлять внутренние преобразования. С учетом обычной сдержанности северокорейских дипломатов, это очень важное заявление.

В отличие от России, Китай обладает определенными рычагами давления на Север. Безусловно, идеологические противоречия между КНР и КНДР достаточно велики, и способность Пекина влиять на Пхеньян меньше, чем может показаться. Тем не менее, этого влияния достаточно для того, чтобы США пытались ослабить его или использовать в своих целях. Неслучайно со стороны США усиливается критика Китая и России за то, что они поддерживают “преступный режим”. При этом, критикуя КНДР и заостряясь не столько на ядерной теме, сколько на будто бы ведущей роли КНДР в изготовлении фальшивых долларов, производстве наркотиков под контролем государства, а также на северокорейской ракетной программе, муссируя тему “тайного нарушения Северной Кореей своих обязательств”, США активно намекают на тайную помощь со стороны Китая.

За этим стоит желание не допустить такого сближения Китая и Северной Кореи, при котором КНДР попала бы в зависимость от Пекина, что может очень сильно изменить ситуацию в регионе. Если в Пхеньяне будет более демократический и более пропекинский режим, это будет создавать больше проблем Вашингтону, чем существующее положение дел.

Между тем, ограничить стремление Китая повлиять на ситуацию в КНДР очень сложно. Визит Ху Цзинтао в Пхеньян был прямой демонстрацией поддержки, показав, что, как и Россия, Китай в последнее время уделяет равное внимание и Северу, и Югу². На Юге это может быть воспринято как определенное охлаждение отношений, однако в действительности речь скорее идет о том, чтобы усилить влияние на КНДР и сократить политическое влияние на Республику Корея, вытянуть которую из-под “американского зонтика” пока еще тяжело. При этом Китай старается не торопиться, понимая, что слишком резкое сближение усилит напряженность в регионе из-за негативной реакции остальных стран.

Впрочем, такое сближение неравномерно — КНДР готова подключать Китай к переговорному процессу, если подвергается сильному нажиму со стороны США. Однако когда такой нажим ослабевает, Пхеньян начинает немедленно настаивать на двусторонних переговорах с Америкой. Логика проста —

если сумеем договориться с США и вести переговоры как равные стороны, признание остального мира не за горами.

Насколько близки межкорейские отношения? Пока еще не очень. Обеим сторонам есть чего опасаться. И поэтому они не стремятся слишком ускорять процесс интеграции. К тому же, хотя на Юге уверены в том, что Север от них никуда не денется, и объединение будет тождественно поглощению Севера Югом, в его нынешнем виде такое поглощение принесет гораздо больше проблем, чем пользы.

Вместе с тем, ученые отдавали себе отчет в том, что пока северные и южные корейцы не договорятся между собой и не начнут достаточно доверять друг другу (например, в сфере сотрудничества в области железных дорог), вовлечение прочих стран, в том числе и в экономическое сотрудничество, проблематично.

Что касается США, то проблема заключается в жесткой политике Буша и реакции на нее КНДР и КНР. Отмечалось, что Америка хочет сохранить роль активного игрока в регионе и идет на любые действия для того, чтобы инициатива была в ее руках. При этом США не хотят окончательного решения вопроса. Им выгодна эскалация проблемы. Поэтому американцы собираются предотвратить сближение КНДР с соседями, но одновременно не допустить военного конфликта, управляя ситуацией в рамках стратегии контролируемой нестабильности.

Соединенным Штатам необходима "долгоиграющая" северокорейская проблема, которая для них решает две стратегические задачи. Во-первых, Россия и Китай вынуждены отвлекать на ее решение достаточно сил и ресурсов, что тормозит их собственный экономический рост. Во-вторых, существование КНДР является формальным оправданием не только для американского военного присутствия в РК, но и для целого ряда иных программ, направленных формально против КНДР, а на деле — против России и Китая.

При этом для США одинаково выгодно как существование на Севере полуострова режима, вписывающегося в штампы "оси зла" (любые попытки Пхеньяна выйти за рамки таких штампов по существу блокируются), так и ситуация, ведущая к тому, чтобы Северная Корея превратилась в аналог современного Ирака или Афганистана. Однако добиться этого Соединенные Штаты собираются не военными методами (что слишком рискованно и затратно), а комбинируя усилия по дестабилизации ситуации в стране с экономическими санкциями и организацией ее международной изоляции.

Укрепление японо-американского союза также можно рассматривать как один из факторов, ведущих к региональной напряженности. Представляется, что поведение Японии неразумно — при наличии дипломатических отношений между двумя странами, она имела бы гораздо большие возможности для оказания влияния на КНДР. Однако, следуя в фарватере американской внешней политики, Япония фактически упустила свой шанс на активное экономическое вовлечение в северокорейские дела.

Роль международного экономического сотрудничества

Эффективность экономической системы Севера пока очень невысока, и этот фактор подтачивает устои режима. Однако по мере продвижения реформ она может увеличиться, что, с одной стороны, поднимет уровень жизни населения, а с другой — может способствовать не только укреплению режима, но и его перерождению в более "либеральный".

Отсюда вопрос: "Что должно стать итогом экономического сотрудничества — смена политического режима или смена экономической системы?". Конечно, надо помнить, что чуждейская экономическая система — продукт режима. Менять систему следует через изменение самого режима, который, в свою очередь, будет меняться через увеличение и разнообразие форм сотрудничества. Опыт новых индустриальных стран показывает, что авторитарный режим вполне совместим с возможностью экономического развития. Сегодня в МГИМО учится несколько северокорейских студентов, изучающих рыночную экономику и хорошо успевающих по этому предмету. Это — важный знак перемен.

Подчеркивалась негативная роль экономических санкций, которые никогда не выполняли ту роль, которая им предназначалась. В том виде, в котором они применяются против "стран-изгоев", эти санкции направлены не столько на предотвращение доступа режима к опасным технологиям, сколько являются инструментом снижения уровня жизни народа и через это — дестабилизации режима.

К тому же расчет США на экономические санкции ошибочен. КНДР не испугается, а либо будет искать новый способ получения экономической помощи, в том числе — от Китая, либо пойдет на достаточно жесткие ответные шаги.

С усилением глобализации и региональной интеграции важен выбор направления с учетом опыта стран, близких по устройству. Кэсонский проект — это пример желания научить Север азам рыночного хозяйствования.

Какие проекты представляются российским ученым реализуемыми по уровню затрат? Их несколько, в том числе — аналог Кэсонского индустриального комплекса там, где сходятся границы России, Китая и КНДР; совместные энергетические проекты; поддержка стремления Северной Кореи вписаться в мировую экономику и быть принятой в мировые финансовые структуры; лоббирование получения Северной Кореей займов и иных способов финансовой помощи.

Однако следует учитывать, что когда международное сообщество желает перемен на Севере, оно должно осознавать, что таким переменам необходимо вызреть внутри Севера, и для них очень важно создать правильные условия. Экономическое сотрудничество — один из способов создания таких условий, однако при старой модели сотрудничества трудно ждать перемен.

Когда говорят о демократическом мирном объединении Кореи, то для Севера это означает поглощение и исчезновение режима. Поэтому чисто экономическое сотрудничество не даст нужного эффекта. В КНДР опасаются, что интеграция развалит режим, и пока используют экономические связи как способ "доения" партнеров.

Потому очень важно добиться того, чтобы расширение экономических связей сопровождалось внешнеполитическим прорывом. США и Япония должны признать Северную Корею так же, как в свое время Россия и Китай признали Юг.

Российско-северокорейское экономическое сотрудничество

Пока степень участия РФ в этом процессе невелика. Несмотря на определенное возвращение политического влияния, вернуть утраченные экономические позиции пока не удалось. Между нашими странами заключено восемь экономических соглашений, однако ни один проект не получил реального воплощения. Формально все упирается в невыплаченные долги КНДР России. Однако если оценивать политику России в отношении иных стран третьего мира, которым списывают куда большие суммы, станет ясно, что проблема сложнее.

Между тем, сохранение тенденции приведет к ослаблению позиции нашей страны и падению ее авторитета на всем полуострове. Если Россия не проявит инициативу и полностью отдаст ситуацию на откуп Китаю, то с учетом экономического развития КНР у нее не будет возможности играть важную роль в новом миропорядке.

С другой стороны, новый этап экономического сотрудничества не должен походить на старые модели поведения, которые присутствовали в советско-северокорейских отношениях. Во-первых, экономическое сотрудничество является способом восстановления экономических связей, а не политического влияния, которое "покупается" за счет заведомо невыгодных сделок. Должен быть положен конец практике прошлых лет, когда очень многое делалось в счет кредитов, которые потом списывались или не возвращались. Мы должны перестроить отношение к этому наших северокорейских партнеров с тем, чтобы они практиковали те правила возврата кредитов, которые приняты в международном сообществе, ибо положительная партнерская репутация также является одним из факторов, важных при установлении экономических связей.

О железнодорожном проекте

К нынешнему времени состоялось несколько встреч на уровне руководителей железнодорожных ведомств. В Сеуле об их результатах отзываются положительно, однако глава МПС КНДР считает, что проект хорош, но в сложной современной обстановке его практическое воплощение нерационально. Южнокорейские ученые считают, что эта точка зрения неверна, поскольку Кэсонский и туристический проекты развиваются достаточно хорошо.

Чем продиктована такая позиция северян, неясно. Возможно, дело в том, что на модернизацию северокорейского участка дороги требуется 2,8 млрд долларов США. У Северной Кореи таких денег нет — их должны дать Россия, РК или международный консорциум. Другая точка зрения заключается в том, что дальнейшее развитие проекта требует наличия большого числа иностранных специалистов, которые станут свободно перемещаться по стране. Северокорейский режим, возможно, считает это опасным. Если Кэсонский и туристический проекты представляют собой относительно закрытые территории, на которых иностранцев просто контролировать, то в последнем случае организовать такой контроль куда сложнее.

К тому же, надо помнить, что у железнодорожного проекта и прочих совместных проектов Севера и Юга есть противники. Мотивации этих противников имеют как экономический (следует помнить, что в Южной Корее достаточно развито судостроительное лобби), так и политический характер. Здесь нужно, в первую очередь, вспомнить позицию США, выступающих против любого шага по сближению Севера и Юга вне их контроля, и американскую стратегию по блокированию таких совместных проектов, включая выступления против экспорта товаров из Кэсона и преувеличенное внимание к соблюдению прав человека в этом индустриальном комплексе.

Система мира на полуострове

Ученые были единодушны в том, что обсуждать нужно не устройство системы мира на Корейском полуострове, а условия, при которых она станет возможной. При этом надо обратить особое внимание не на внешние, а на внутренние условия. Структура будущего единого государства (федерация или конфедерация) тоже не так важна. Главное — обеспечить экономическое сотрудничество и создать условия для грядущей интеграции. Прочие вопросы резонно отложить на потом.

Относительно внешних условий было еще раз подчеркнуто, что система мира на полуострове должна быть частью системы мира во всей Северо-Восточной Азии, проблемы которой связаны не только с проблемой КНДР, но и с деятельностью Японии, имеющей территориальные споры со всеми остальными странами региона. Не менее значимым был вывод о том, что построение системы мира в СВА невозможно без участия России.

Главное внутреннее условие создания на Корейском полуострове системы мира — юридическое оформление окончания Корейской войны. Новый документ должен подчеркнуть преобразование прошлого и окончательный отход от взаимных претензий.

Обычно в такой ситуации подписывают мирный договор, который фиксирует прекращение состояния войны, а также те изменения миропорядка, которые произошли в результате военных действий (изменение границ, решение имущественных вопросов, обмен пленными и т. п.; многие из этих вопросов уже отражены в Соглашении 1953 г.). Однако не все просто. Формально это должны сделать субъекты Соглашения 1953 г. — США и Северная Корея. Но тогда Америка представляла ООН, членом которой теперь КНДР является. Получается юридический казус — организация заключает мир с одним из ее членов.

Но главное даже не в этом. Понятно, что подписание мирного договора "в старом формате" позволяет КНДР требовать договора с США и таким обра-

зом получить легитимное международное признание. Но какое место в таком миропорядке занимает РК? Формально Республика Корея принимала участие в войне, понесла в ней значительные потери как во время наступления северян, так и при контрнаступлении войск союзников, но отказ Ли Сын Мана подписать Соглашение о перемирии поставил ее вне переговорного процесса, и если следовать букве закона, РК не может принимать участия в подготовке нового Соглашения. С точки зрения формального права Корейская война велась между США и КНДР. Кроме этого, на тот момент Южная Корея также не являлась членом ООН, и поэтому представлять ее интересы США сегодня не могут.

Итак, РК не может подписать мирный договор даже в случае, если представитель РК станет генсеком ООН. Однако история знает пример установления дипотношений без предварительного заключения мирного договора. Здесь можно вспомнить то, как строил свои отношения с ФРГ и Японией Советский Союз, да и РК и Япония в 1965 г. ограничились Договором о нормализации отношений.

Отсутствие необходимости подписывать мирный договор позволяет обойти еще один очень важный для корейцев вопрос о том, кто начал Корейскую войну, и какой характер она носила. Можно вспомнить таких южнокорейских историков, как Пак Сан Хен или Кан Чжон Гу, которые открыто называют Корейскую войну гражданской, а вмешательство в конфликт США и (в гораздо меньшей степени) КНР и СССР — агрессией внешних сил. На сходных, хотя и менее радикальных позициях стоят и многие современные российские историки¹.

В целом оба корейских государства должны проявить политическую волю и идти трехэтапным путем: нормализации отношений — примирения — объединения, ибо если и массы, и правящая элита желают единства страны, ничто не должно этому помешать. Под этим углом зрения можно вспомнить не только раздел Германии, но и не раздел Австрии, которая в 1945 г. тоже была оккупирована союзниками и разделена на зоны влияния. Но там соображения национального единства оказались сильнее идеологических разногласий, и в 1955 г. суверенитет Австрии был восстановлен, а иностранные войска из нее выведены.

Варианты движения к системе мира включают в себя вначале обмен миссиями связи и организацию “горячей линии”, а также — отмену раздражающих другую сторону военных учений или хотя бы проведение их в стороне от приграничных районов. Следующий шаг — взаимное признание друг друга с последующим подписанием договора о добрососедстве и сотрудничестве. Такой договор может быть построен на принципах невмешательства во внутренние дела друг друга, аналогичных “Панча Шила”.

Только согласованные и координированные действия двух стран, построенные на взаимном уважении суверенитета друг друга, сопровождающиеся доброжелательной поддержкой стран-соседей превратят Корейский полуостров в долговременную зону мира и стабильности, позитивно влияющую на весь АТР.

1. Поскольку большинство упомянутых научных мероприятий прошло до начала ракетного кризиса, эта проблема на них не затрагивалась.
2. В северокорейско-китайских отношениях последнего времени можно выделить три этапа: 1992-97 гг. — охлаждение из-за установления Пекином дипотношений с РК; 1998-2000 гг. — укрепление Ким Чен Ира, к которому Китай какое-то время присматривался; с 2000 г. до настоящего времени — новый виток развития после Пхеньянского саммита Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна. В течение второго периода состоялось четыре визита на высшем уровне, когда представители Пхеньяна посещали Китай, а китайские лидеры — КНДР.
3. Любителям делать далеко идущие выводы на основании тех документов, которые были открыты при Б.Ельцине, стоит помнить не только о намеренной тенденциозности открытой выборки, но и о том, что многие архивы остальных стран-участниц войны до сих пор закрыты.

Рецензии

“Лю Гогуан сюаньфэн” шилу: гайгэ кайфан бисюй и макэсычжуи вэй чжидао дэ да таолунь [Реальные записи о “вихре вокруг Лю Гогуана”: большие дискуссии о том, что реформы и открытость должны направляться марксизмом].

Ред. Лю Ицин, Чжан Циньдэ. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2006. 446 с.

Летом 2005 г. в Китае развернулась дискуссия о месте марксизма в преподавании и исследовании экономической теории внутри страны. Началом этого спора стало выступление известного экономиста Лю Гогуана, открыто признавшего, что в КНР западная мысль уже вытеснила марксизм в экономической науке. Хотя процесс замещения развернулся еще в 1980-е годы, он воспринимался как составная часть обновления китайской экономической мысли, повышения ее научного уровня. Однако Лю Гогуан заявил, что эти тенденции угрожают социалистическим устоям китайского общественного строя и власти КПК в целом. Ранее представители консервативного течения высказывали сходные опасения, но их слова не вызывали столь широкого отклика. После выступления Лю Гогуана проблемой девальвации марксистской политэкономии в КНР заинтересовались многие общественеды, выступающие за сохранение прежних политико-идеологических ориентиров в преподавании и исследовательской работе.

Книга “Реальные записи о ‘вихре вокруг Лю Гогуана’” увидела свет в мае 2006 г., к тому времени с момента начала дискуссии не прошло и года. Составители собрали под одной обложкой пять статей Лю Гогуана в защиту марксизма, около десятка интервью ученого и публикаций о нем в китайских СМИ, а также примерно 60 статей китайских общественедов, откликнувшихся на выступление Лю Гогуана словами поддержки или высказавшихся на близкие темы. Многие из этих материалов были позаимствованы составителями сборника в Интернете на веб-сайтах левого направления.

Лю Гогуан оказался достаточно весомой фигурой для того, чтобы выступить инициатором дискуссии на острую тему. Авторитетный ученый старшего поколения (родился в ноябре 1923 г.) получил качественное экономическое образование еще до образования КНР, в 1952 г. его направили в СССР для обучения в аспирантуре, в 1955 он стал кандидатом наук. После возвращения в Китай его научная карьера была связана с академическим Институтом экономики, в 1982-1993 гг. Лю Гогуан был вице-президентом АОН Китая, на XII и XIII съездах КПК его избирали кандидатом в члены ЦК, в 1993-1998 гг. он был членом ПК ВСНП. Многие годы ученый руководил исследованиями в области экономического развития, макроэкономического управления, реформы экономической системы. В 2005 Лю Гогуан получил впервые учрежденную премию за выдающийся вклад в китайскую экономическую науку.

На обложке сборника указано, что [Реальные записи о “вихре вокруг Лю Гогуана”] последовали за [Реальными записями о “вихре вокруг Лан Сяньпина”] — гонконгского экономиста, выступившего в 2004 г. с критикой непрозрачных схем приватизации государственного имущества в КНР. Консультантом серии, в которой были изданы обе книги, выступил бывший руководитель отдела пропаганды ЦК, бывший секретарь парторганизации АОН, член ПК НПКСК Ван Жэньчжи.

Два “вихря” стали наиболее масштабными дискуссиями начавшейся в 2002 г. эпохи правления Ху Цзиньтао. Публикации Лан Сяньпина стимулировали волну откликов с критикой политики

реформ, допускающей "расхищение" госимущества элитой в ущерб интересам народа и лишаящей китайский социалистический строй его материальной основы. Лю Гугуан заявил, что китайская экономическая мысль подвергается "буржуазному перерождению", что грозит увести преобразования в капиталистическом направлении. Выступления Лан Сяньпина и Лю Гугуана стали частью набирающего размах движения за "переосмысление реформ" в КНР, отражающего недовольство людей социальными издержками преобразований.

Опубликованные в сборнике выступления Лю Гугуана в защиту марксизма дают возможность составить достаточно полное представление об идейно-теоретической позиции ученого. Лю Гугуан заявил, что в образовании и исследованиях "руководящая роль экономической науки марксизма ослабляется", а "западная буржуазная идеология проникает в экономическую работу и работу по принятию экономических решений" (с. 2-3). По его мнению, сложившаяся в китайских университетах "двухколейная система" экономического образования ошибочна. Когда студентам преподают сразу две базовые теории — марксистскую политэкономия и западную мысль, не утверждая при этом ведущей роли марксизма, в реальности происходит распространение западной науки и повышение ее статуса среди молодежи. В университетах используется много иностранных учебников по экономической науке, а вернувшиеся после обучения за рубежом преподаватели не имеют должной марксистской подготовки, что еще больше усугубляет ситуацию.

Лю Гугуан заявил, что "рост влияния западной экономической науки представляет главную опасность", поскольку "любые попытки ослабить и убрать марксизм могут ослабить руководство партии, изменить социалистическое направление" (с. 5-6). Чтобы избежать этой опасности, марксисты должны занять командные посты на экономических кафедрах, марксистская экономическая наука должна стать руководящим основным течением, а "западная немарксистская использоваться для сведения, в качестве подспорья" (с. 7).

По мнению ученого, базовые положения основного течения западной экономической науки, особенно экономической теории неоллиберализма, не соответствуют марксизму и социализму, а также ситуации в Китае, и потому не могут быть за-

имствованы. Нельзя принимать предпосылку "экономического человека" и соглашаться с тем, что природа человека неизменно своекорыстна. Не подходит для китайской действительности представление о том, что система частной собственности наиболее эффективна, что она соответствует человеческой природе и выступает единственной основой рыночной экономики. Неприемлема слепая вера в рыночную либерализацию, в несуществующие в жизни предпосылки совершенной конкуренции и полной информации. Недопустимы также предложения минимизировать роль правительства, ограничить вмешательство и контроль со стороны государства.

Лю Гугуан предупреждает, что внедрение этих идей в руководящую идеологию реформ способно привести к изменению основного экономического строя Китая. "Как только изменится экономический базис, компартия не сможет удерживать политическую власть, ее возьмут в свои руки представители строя частной собственности. Когда китайские реформы станут направлять западная теория, в особенности теория неоллиберализма, то даже если внешне компартия будет удерживать политическую власть, в реальности она начнет постепенно менять цвет, для большинства людей это страшный сон" (с. 14). Высказывания Лю Гугуана отличаются глубокой идеологической окраской и прямотой, что выделяет их на общем фоне китайских экономических дискуссий. Узкие проблемы университетского экономического образования разрослись до масштабов общенациональной дилеммы выбора между социализмом и капитализмом. Напомним, что в 1992 г. "архитектор реформ" Дэн Сяопин наказал не вести споры о том, под какой фамилией проводятся китайские преобразования — "капитализма" или "социализма", потребовав сосредоточиться на борьбе с левым уклоном. Однако Лю Гугуан вновь поднял этот вопрос, заявив, что в противодействии левому уклону уже достигнуты большие успехи, и теперь настала пора борьбы с набирающим влияние правым уклоном "буржуазной либерализации".

Для понимания идеологической ситуации в современном Китае большой интерес представляют приводимые в сборнике отклики на выступления Лю Гугуана и их оценки, данные самим ученым. С одной стороны, его заметило центральное руководство, а представители отдела про-

паганды ЦК КПК сказали ученому, что "многие взгляды заслуживают высокой степени внимания" (с. 26). С другой стороны, предложения Лю Гогуана натолкнулись на сопротивление профессиональных экономистов: "В экономических кругах противники марксизма и социализма, проповедники приватизации и либерализации уже составляют общественную силу. Конечно, они не обязательно раскрывают знамя: кто сейчас осмелится выступить против социализма?... Но у них есть поддержка и союзники в политических, экономических, научных, теоретических кругах. У них есть командные позиции в праве на высказывания... Они рассматривают голос народа, голос марксизма как 'препятствие'" (с. 27-28).

Ученый признал, что экономисты "основного течения", обвиненные им в переходе на позиции западной мысли, встретили его критику молчанием. Они "коллективно утратили голос", якобы желая заглушить влияние выступлений Лю Гогуана, избегая прямой схватки. То же самое происходило и после разоблачительных выступлений Лан Сяньпина, хотя тогда часть экономистов все же пыталась защищать политику реформирования госпредприятий. Призыв Лю Гогуана вернуть марксизму командные высоты в экономической науке, несомненно, вызвал несогласие у многих его коллег, нацеленных на сближение китайской экономической мысли с мировыми стандартами. Они не отказались от своих позиций, но спорить не стали, поскольку открытое выступление против марксизма сделало бы их еще более уязвимыми для идеологической критики. Примечательно, что споры вокруг выступлений Лан Сяньпина и Лю Гогуана именуются в Китае "вихрями" (*сюаньфэн*), а не "дискуссиями" (*чжэнлунь*). Они вызвали большой резонанс, но критикуемая сторона не выдвинула контраргументы в защиту своей позиции, то есть дискуссии в строгом смысле не было.

Лю Гогуан обнаружил, что обнародовать выступление в защиту марксизма оказалось не так-то просто. Его первая статья на эту тему появилась в Интернете, ее разместил там беседовавший с ученым молодой сотрудник Центра исследований общественных наук министерства образования. Потом возникли трудности при публикации материала в академическом журнале "Цзинци яньцзю", издаваемом под эгидой Института экономики

АОН. Были и другие случаи, когда с ученым встречались журналисты, а потом под различными предлогами издания отказывались публиковать интервью. Одна из выходящих в Гуанчжоу газет не опубликовала его статью, сославшись на несогласие с позицией ученого по поводу Нобелевской премии: Лю Гогуан утверждает, что китайцам не стоит чрезмерно стремиться к этой награде, если ценой за ее получение станет отказ от марксизма и переход на позиции западного экономического мейнстрима. "...Сейчас сопротивление очень большое... Я пишу марксистские вещи, мне нелегко их публиковать. Я считаю, что проблема непростая. Даже если газета очень ценит меня, называет "уважаемым Лю", "известным экономистом", льстит мне, написанную мной статью также убивают. Это показывает, что наша борьба за ведущее место марксистской экономической науки в преподавании, в исследовательской работе, в принятии экономических решений будет острой и длительной. Мы должны стойко вести ее до конца", — заявил Лю Гогуан (с. 30).

Приведенные в сборнике высказывания ученого затрагивают более широкую проблему соотношения "переосмысления реформ" и их "отрицания". Лю Гогуан отвергает позицию сторонников неолИБЕРАЛИЗМА, обвиняющих своих оппонентов в отступлении от курса рыночных реформ или даже в сопротивлении реформам. "Нельзя переосмысление реформ называть борьбой против реформ, нельзя массы и представляющих их ученых называть людьми, выступающими против реформ", — полагает Лю Гогуан (с. 52).

Ученый призвал сосредоточить внимание на проблемах социальной справедливости, что соответствует чаяниям людей. По его мнению, рынок неизбежно будет выступать как главный способ размещения ресурсов, но при этом его "невидимую руку" обязательно должна дополнять "видимая рука" власти, которая не должна отказываться от социально-экономических функций. Провозглашенная в КНР "социалистическая рыночная экономика" является целостным понятием, которое нельзя разделять. Однако, по мнению ученого, в последние годы больше говорили о рынке, чем о социализме. Лю Гогуан призвал китайских реформаторов не отказываться от марксистской экономической науки, защищать интересы трудового народа, стоять на позиции большинства.

Напечатанные в сборнике отклики на выступления Лю Гогуана во многом однотипны. Их авторы соглашаются с доводами ученого в пользу повышения статуса марксистской экономической науки и поддерживают предложенные им меры. В предисловии к книге вице-президент созданной в конце 2005 г. Академии марксизма АОН Китая Чэн Эньфу отмечает, что в преподавании экономической теории студентам и аспирантам на курсы макроэкономики и микроэкономики выделяется в 2-4 раза больше часов, чем на политэкономии капитализма и социализма. Вслед за Лю Гогуаном он отмечает, что повсюду используются оригинальные западные учебники, а все большее число преподавателей не признают марксизма.

Профессор Народного университета У Ифэн напомнил, что в начальный период реформ Дэн Сяопин указал на опасность ситуации, когда "бездумно бросаются скопом хвалить"² западные философские, экономические, и общественно-политические течения. Теперь экономисты-теоретики "бездумно бросаются скопом хвалить" западную экономическую науку, они не признают ее классового характера, не видят ее ограниченности как идеологии западного общества, где у власти стоит не компартия, а буржуазия. Участники обсуждения сетовали, что китайские студенты "Капитал" Маркса читают украдкой, закрывая его книжкой на иностранном языке.

Профессор Центральной партшколы КПК У Цзянь заметил, что Лю Гогуан не одинок в борьбе и в АОН Китая есть немало марксистских теоретиков, образующих ряды защитников марксизма. Он адресовал критику экономистам, консультирующим бизнес, поскольку им очень трудно избежать уклона в сторону интересов определенных слоев или групп. Эту мысль развил главный научный сотрудник АОН провинции Цзянсу Шэнь Лижэнь, отметив, как важно следить за тем, чьи интересы выражают китайские экономисты. Хотя многие из них выросли в КНР и должны представлять пролетариат, их притягивают власть и богатство, они подвергаются чуждому общественному влиянию, особенно те, кто вернулся после учебы за границей.

Профессор Пекинского университета Гун Сяньтянь привел конкретные факты, свидетельствующие об ослаблении позиций марксизма в преподавании экономических дисциплин. Он собрал и обобщил

данные по дипломным работам обучающихся на магистра и доктора. Из 194 тыс. ссылок только 163 относились к классикам марксизма (менее 0,84%). Из 10,7 тыс. книг в библиографии было лишь 159 произведений классиков марксизма (1,49%). Это означает, что отказ от использования ссылок на Маркса стал "модным поветрием" (с. 134). Профессор Пекинского университета экономики и торговли Сюй Цзэжун также отметил, что в кампусах чаще можно услышать об "экономическом человеке", "общем равновесии", "оптимуме по Парето" и "теореме Коуза", чем об учении Маркса (с. 210).

Особый интерес представляет помещенная в сборнике статья представителя течения "новых левых", сотрудника Института экономики АОН Китая Цзо Дапэя "Вредные догмы, ведущие в ошибочном направлении китайскую реформу" (с. 212-233). Ученый, хорошо владеющий инструментариум современной экономической науки, выступает не против ее использования в ходе экономических преобразований в КНР, а против тех искаженных форм, которые западная наука приобрела в современном Китае. По мнению Цзо Дапэя, китайский экономический либерализм имеет много национальных особенностей, собственных идейных концепций, убеждений и правил, которых нет в западной науке. С начала 90-х годов лозунг "реформа и открытость превыше всего" господствует в китайских экономических кругах как критерий оценки любой политики. Обвинение в сопротивлении реформам и открытости превратилось в способ политического и научного уничтожения оппонентов. Этот образ мысли сформировал общественно-политическое поветрие "реформы ради реформы", "открытости ради открытости". На Западе ситуация иная, там приветствуется любая политика, направленная на максимизацию общественного благосостояния, независимо от того, является ли она реформой и открытостью или нет.

Цзо Дапэй отмечает, что китайские экономические либералы склонны говорить лишь об эффективности, которую они отождествляют с индивидуальным обогащением, забывая о справедливости и равенстве. Китайские либералы враждебны к идее порядка, они предлагают пустить все на самотек и выступают против вмешательства правительства в экономику. Избегая открытых утверждений на эту тему, они снисходительно относятся к

нарушениям закона и коррупции, полагая, что это способствует "оживлению экономики". Они выступают за приватизацию, но так как этот курс пока не одобрен правительством, они продвигают ее постепенно, западные экономисты называют такую стратегию "тихой приватизацией". Китайские либералы настроены на расширение масштабов внешней торговли и притока иностранных инвестиций любой ценой, приветствуют глобализацию и выступают за полную либерализацию внешнеэкономических отношений. Вера во всемогущество институтов и свободной конкуренции стала среди китайских либеральных экономистов всеобщей. При этом любую экономическую проблему они сводят к институтам, считая все прочие факторы менее важными.

Позиция самих китайских либералов представлена в сборнике лишь несколькими публикациями. Составители включили в книгу две статьи известного экономиста У Цзинляня. В них утверждается, что современные проблемы страны, прежде всего коррупция, связаны с чрезмерным вмешательством чиновников в экономику, а главным способом преодоления коррупции является углубление рыночных реформ. Прямую критику взглядов Лю Гогуана можно найти лишь в выступлении председателя Общества по исследованию реформы китайской экономической системы Гао Шанцюаня (с. 325-331), давшего негативную оценку призывам к "переосмыслению реформы". В ответ на поднятый Лю Гогуаном вопрос о соотношении марксизма и западной науки Гао Шанцюань заметил, что "крайние идеологизированные суждения" о реформах появляются в результате длительного воздействия на умы "традиционной социалистической теории и плановой экономики". По его мнению, о неолиберализме можно вести научные споры, но критику этого течения недопустимо использовать для отрицания реформ. Показательно, что название статьи Гао Шанцюаня призывает "оценивать реформы с точки зрения исторического материализма", демонстрируя лояльность автора официальным идеологическим стандартам.

Указывая на достижения китайских реформ, Гао Шанцюань критикует тех, кто видит в них только "дифференциацию и социальную несправедливость". Однако в период перехода к рынку различия в доходах людей избежать нельзя, народ же недоволен прежде всего обме-

ном власти на деньги, возникающим в ходе вмешательства чиновников в процессе маркетизации. Гао Шанцюань отмечает: "Некоторые пишут письма центральному руководству, говорят, что сейчас надо не повышать правящие способности партии, а исправлять курс, считают, что Китай встал на путь капитализма. Некоторые пишут статьи, где говорится, что китайские реформы направляются представителями неолиберализма, которые засланы американскими разведывательными органами, чтобы провести мирную эволюцию. Нельзя быть абсурдным до такой степени" (с. 331).

Это наиболее острый выпад в адрес Лю Гогуана и его единомышленников, связывающих тенденцию к ослаблению роли марксизма в КНР в том числе и с деятельностью "враждебных международных сил". Примечательно, что Гао Шанцюань также не чужд традиционной идеологической риторики. По его словам, пока некоторые утверждают, что главной проблемой является борьба с правым уклоном, доклад XVI съезда КПК указывает, что главное противоречие китайского общества существует "между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством"³. Это означает, что надо удовлетворять запросы народа и не делать шагов, способных повредить реформам. Тех, кто полагает, что китайская реформа скроена по шаблонам неолиберализма, Гао Шанцюань обвинил в посягательстве на авторитет руководителей КПК: "Это отрицание истории наших реформ, это также отрицание главного архитектора китайских реформ товарища Дэн Сяопина. Китайская реформа проводилась на практике в соответствии с теорией Дэн Сяопина, неужели "переход через реку по камням" является неолиберализмом?" (с. 331).

В январе 2006 г. в журнале "Цайцзин" под псевдонимом Хуан Пупин была опубликована статья бывшего заместителя главного редактора "Жэньминь жибао" Чжоу Жуйцзиня "Реформы нельзя поколебать" (с. 402-405). Она направлена против "нового антиреформаторского течения", пытающегося свести возникшие проблемы и противоречия к "негативным результатам поклонения западному неолиберализму". Автор подчеркнул успехи "реформ в направлении рынка" и заявил, что цель преобразований состоит не в том, чтобы богатые обеднели, а в том, что-

бы бедные разбогатели. Реформы в сферах жилья, здравоохранения и образования породили новые проблемы, что вызвало недовольство людей, но речь идет не о провале курса преобразований, а о недостатке предложения общественных благ. Вслед за Гао Шанцюанем он приравнивал критику реформ к сомнению в официальной идеологии КПК: "Отрицать практику реформ с помощью критики неолиберализма, — значит, в корне отрицать историю китайских реформ, отрицать теорию Дэн Сяопина и важные идеи "тройного представительства"... Только социализм может спасти Китай, только реформы могут спасти социализм!" (с. 405).

Появление в 1991 г. статей под псевдонимом Хуан Пупин в шанхайской газете "Цзефан жибао" было важной вехой в продвижении реформ, приостановленных после событий 1989 г. Тогда Чжоу Жуйцин и его единомышленники из "Цзефан жибао" помогали Дэн Сяопину пропагандировать новые реформаторские установки. В статьях содержались призывы "раскрепостить сознание", не ограничиваться при оценке тех или иных экономических форм критерием социалистичности, предлагалось перейти на практике к более глубоким преобразованиям экономической системы. Псевдоним Хуан Пупин с того времени ассоциируется в Китае с курсом Дэн Сяопина на углубление и ускорение реформ.

Прежний секретарь парткома и заместитель главного редактора "Цзефан жибао" Луань Баоцзюнь заметил, что новая публикация его разочаровала. В ней автор навешивает на оппонентов ярлыки, обвиняет их в сопротивлении реформам, а ведь 15 лет назад "господин Хуан Пупин был против этого". Тем более непонятно, зачем автор вновь обращается к имени Дэн Сяопина и беспокоит его душу (с. 416).

Чжоу Жуйцин признал, что стимулами для написания новой статьи в защиту реформ для него стали публикации СМИ с критикой неолиберализма и отрицанием рыночных реформ, а также выступление Лю Гогуана с призывом вернуть марксистам руководящие посты в сфере образования. Ему показалось, что ситуация вернулась на 15 лет назад к былому спору о социалистической или капиталистической природе реформ. Однако использование при публикации вошедшего в историю китайских реформ имени Хуан Пупин он назвал "недоразумением".

В этом якобы повинна редакция журнала, заказавшая ему статью и поставившая подпись без ведома автора ради привлечения внимания читателей.

Книгу завершает статья Лю Гогуана "Отстаивать правильное направление реформ". В примечании к статье сообщается, что комментарий по поводу выступления Ху Цзиньтао в марте 2006 г. на сессии ВСНП с призывом придерживаться реформ ученому заказал теоретический отдел шанхайской газеты "Цзефан жибао". Однако "по неясным причинам" газета отказалась от публикации полученной рукописи. Текст появился на веб-сайте "Уюжжисян" (Утопия), откуда его и позаимствовали составители сборника (с. 439-443).

Лю Гогуан поддержал призыв Ху Цзиньтао, пояснив, что китайский лидер, несомненно, имел в виду развитие социалистических реформ, план которых был начертан Дэн Сяопином. За реформы Дэн Сяопина выступал весь народ, а теперь ситуация изменилась и защитники нынешней модели преобразований жалуются, что им мешают противники из числа "слабых групп" и "обладателей особых интересов". За прошедшие годы, полагает Лю Гогуан, изменились не только отношения интересов, но и идеология реформ. Если в 80-е годы после нескольких схваток ошибочные взгляды на реформу были отброшены, то в 90-е годы ослабление политико-идеологического воспитания открыло путь для постепенного проникновения в страну буржуазной идеологии неолиберализма. Его влияние можно увидеть при рассмотрении проблем, возникших при реформировании госпредприятий, в преобразованиях в здравоохранении, жилищной сфере, образовании.

В области идеологии и преподавания экономической науки, считает Лю Гогуан, ведущие позиции занимает буржуазная западная наука, вытесняя марксизм. "Маркетизированные СМИ" пропагандируют неолиберализм и отказываются подать голос в защиту марксизма. "Некоторые говорят, что критика неолиберализма является "выступлением против реформ". Это правильно, китайский народ должен выступать против таких "реформ", ведущих в направлении капитализма. Он должен придерживаться курса Дэн Сяопина на реформу, нацеленную на самосовершенствование социализма", — заметил Лю Гогуан. Ученый указал, что даже после горячо поддержанного народом высту-

пления Ху Цзиньтао “представители некой стороны” продолжают навешивать на людей ярлыки “противников реформ” и призывают довести дискуссию о реформах до конца. “И это хорошо, вызов брошен, а правда не боится спора” (с. 443).

Хотя и критики, и защитники нынешней модели реформ апеллируют к авторитету Дэн Сяопина, не стоит забывать, что именно “архитектор реформ” потребовал в 1992 г. прекратить споры о направлении преобразований: “Не вести дискуссий — это мое изобретение... Начнешь спорить — и все осложняется, время утрачивается, ничего не удастся завершить”³. Это ограничение создало благоприятные условия для проведения реформ в 90-е годы, дало возможность экономистам либерального течения укрепить свои позиции, не сталкиваясь при этом с идеологическим сопротивлением.

Нынешнее китайское руководство по-прежнему не допускает критики курса

реформ в СМИ. Однако этот запрет не является всеобщим, об этом, к примеру, свидетельствует публикация “Реальных записей”. Власти прилагают усилия к тому, чтобы не допустить разрастания “вихря вокруг Лю Гогуана”, удерживая дискуссию под контролем. Лю Гогуан и его единомышленники говорят о “маргинализации марксизма” и подмене социалистических реформ неолиберальными. Их оппоненты объясняют все издержки преобразований чрезмерным вмешательством власти в экономику и требуют, чтобы партия заставила левых критиков прекратить спор. Разрастание масштабов спора о пути реформ способно ударить по идеологическим устоям правления КПК, в чем руководство партии совершенно не заинтересовано. В обозримом будущем обсуждение поднятых вопросов продолжится в Интернете, однако СМИ и научные журналы будут избегать предоставлять трибуну для выступлений на эти темы.

© 2006

*О. Борох, кандидат экономических наук,
А. Ломанов, доктор исторических наук*

1. “Лан сюаньфэн” шилу: гуаньюй гою цычань люши дэ да таолунь [Реальные записи о “вихре вокруг Лан Сяньпина”: большие дискуссии об утечке государственного имущества]. Ред. Лю Ицин, Чжан Циньдэ. Пекин: Чжунго цайчжэн цзинцзи чубаньшэ, 2005.
2. Выражение из статьи “Насущные задачи партии на организационном и идеологическом фронтах” 12 октября 1983 г. Дэн Сяопина. Основные вопросы современного Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1987. С.38.
3. Цзян Цзэминь. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй, кайчуан Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи шиэ синь цзюймянь — цзай Чжунго гунчаньдан ди шилюцы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао [Всесторонне строить общество малой зажиточности, создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой — доклад на 16 общенациональном съезде КПК]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С.18.
4. См. статью У Цзинляня в газете “Цзинцзи гуаньчабао” 23 декабря 2005 г., перепечатанную в рецензируемом сборнике (с.312-315).
5. Дэн Сяпин вэньсюань. Ди сань цзюань [Дэн Сяопин. Избранные сочинения. Т.3]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С.374.

Системный подход к изучению международной политики в АТР (К выходу в свет новых учебников МГИМО по истории международных отношений)

В последние годы в России издан ряд новых учебно-методических пособий по истории международной политики и дипломатии. В них представлен широкий спектр взглядов на международные события Нового и Новейшего времени, приняты попытки переосмысления многих устаревших оценок и стереотипов советской историографии. Однако, наряду с бесспорными творческими удачами, некоторые из подобного рода работ носят компилятивный, либо откровенно заимствованный характер. Поэтому задача создания учебника нового поколения, основанного на последних достижениях отечественной и мировой науки, продолжает оставаться весьма актуальной.

В 2006 г. учеными кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университета) МИД РФ выпущены в свет два учебника.¹ В первом раскрывается формирование, эволюция и крах Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1918-1939 гг.), во втором — подробно исследуется эволюция Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений на этапе ее кризиса и распада (1975-1991 гг.).

Указанные работы отличает всесторонний и системный подход, включающий анализ развития всех основных региональных международных подсистем в исследуемые исторические периоды. Им присущ высокий уровень научного анализа и современный характер авторских оценок, свободный как от идеологических стереотипов советского времени, так и от крайностей "ревизионизма" последних лет, особенно заметных в отношении внешней политики СССР.

Книги написаны на базе широкого круга источников и литературы, насыщены богатым и разносторонним фактическим материалом. Они отличаются прочной документальной основой, высокой фактической точностью, выверенностью формулировок и выводов. Текст учебников, очень "плотный" и концентрированный, в то же время свободен от банальностей и упрощений и рассчитан на подготовленного читателя.

Исходя из представления о международных отношениях как особом процессе формирования и развития глобального миропорядка, авторы уделяют значительное внимание месту и роли в нем Азиатско-Тихоокеанского региона. С позиций системности международные отношения в АТР рассматриваются как в контексте мировых политических процессов, так и в качестве самостоятельной политической реальности — региональной подсистемы международных отношений.

Учебник А.Ю. Сидорова и Н.Е. Клейменовой состоит из 15 глав, объединенных в три раздела. Первый из них посвящен Версальской системе в Европе, второй — Вашингтонской системе в АТР, третий — становлению региональных систем на Ближнем и Среднем Востоке и в Латинской Америке. В четвертый, методический раздел вошли несколько приложений, программа учебного курса, развернутая библиография и другие методические материалы. Достоинством учебника являются включенные в него иллюстрации — более 70 фотографий (некоторые из которых публикуются впервые) и 10 цветных исторических карт.

Книгу открывает введение, посвященное обоснованию системного подхода к изучению международных отношений. В нем авторы предлагают собственное определение системы международных отношений как "конкретно-исторической, устойчивой формы политической организации международных отношений, которая закрепляется в договорах и соглашениях и отражает баланс сил и специфику отношений между входящими в систему государствами" (С. 17). Здесь ими анализируются международные системы и способы их взаимодействия со средой, процессы формирования внешней политики государств, раскрываются понятия великих держав, равновесия и баланса сил, а также дается обзор основных систем международных отношений в Новое и Новейшее время.

Вашингтонской системе в Азиатско-Тихоокеанском регионе посвящен второй раздел учебника. Как отмечается в главе

10, политическое равновесие, сложившееся в АТР в начале XX в., было разрушено Первой мировой войной, серьезно обострившей межгосударственные противоречия в регионе. Выход из возникшего кризиса был найден на международной конференции, состоявшейся в Вашингтоне в 1921-1922 гг. Заключенные на этом форуме договоры четырех и пяти держав зафиксировали компромисс между Японией, США и европейскими государствами и во многом определили послевоенную расстановку сил в АТР. Договор девяти, признававший суверенитет Китая и отменявший его раздел на сферы влияния, создавал определенные предпосылки для стабилизации внутреннего развития этого азиатского гиганта, что тоже должно было способствовать упрочению международной безопасности. "АТР, — отмечают авторы, — не был расколот, подобно Европе, на победителей и побежденных, ... а Вашингтонская система в большей степени, нежели Версальская, отражала интересы входивших в нее государств". (С. 326-327). Вместе с тем эта система, "не смотря на определенные достоинства, оказывалась весьма непрочной и неустойчивой", поскольку внешнеполитические возможности европейских держав в АТР были ограничены, а США и Япония не вполне удовлетворительно справлялись с ролью ее гарантов. В Вашингтоне после ухода Вильсона вновь вернулись к изоляционизму, предполагавшему минимум обязательств за пределами американского континента, а значительная часть правящей элиты Японии была недовольна сделанными на конференции уступками, вследствие чего умеренная внешняя политика, проводимая ее правительством в 1920-е годы, подвергалась постоянным нападкам националистических, милитаристских кругов (С. 329).

В этой ситуации особое значение для международной безопасности в АТР приобретал фактор Китая. Национальная революция 1925-1927 гг., хотя и начиналась под радикальными антиимпериалистическими лозунгами, в конечном счете, привела к власти в этой стране прозападный и антикоммунистический режим Чан Кайши, который присоединился к Вашингтонским договоренностям и потенциально был способен стать серьезным препятствием на пути японской экспансии в случае ее возобновления (С. 342-343).

Укреплению безопасности на Тихом океане способствовали и новые ограниче-

ния на строительство военных кораблей, одобренные Лондонской морской конференцией 1930 г. Однако в целом, как аргументировано показывается в 11-й главе, стабилизация Вашингтонского порядка, достигнутая во второй половине 1920-х гг., очень быстро стала разваливаться.

Поворот в международном развитии АТР в начале 1930-х гг. был связан с переходом Токио к агрессивному внешнеполитическому курсу. В 12-й главе учебника подробно рассматривается экспансия Японии на Дальнем Востоке (захват ею Маньчжурии и развязывание войны в Китае), а также позиции Лиги Наций, европейских держав и США, не сумевших и не захотевших защитить ими же созданный региональный международный порядок. Не встречая с их стороны активного противодействия, Япония в 30-х гг. XX в. смогла разрушить Вашингтонскую систему, создав в Китае плацдарм для предстоящей решающей схватки за господство в Восточной Азии и на Тихом океане.

В учебнике Ю.А. Дубинина, Б.Ф. Мартынова и Т.В. Юрьевой подробно анализируется возрастающая роль Японии, Китая, государств АСЕАН в глобальных международных отношениях на протяжении 70-80-х годов прошлого столетия.

Авторы убедительно демонстрируют, как в этот период усиливалась не только экономическая, но и политическая роль Японии в рамках глобальной системы международных отношений, что выразилось в приглашении ее лидеров к участию в деятельности Группы семи ведущих промышленно развитых держав ("большой семерки"). Это, в свою очередь, расширяло участие Японии в решении широкого круга международных политических и торгово-экономических проблем, вынуждало руководство страны отходить от своей традиционной исключительно экономической дипломатии. Подписание премьер-министром Японии Я. Накасонэ Вильямсбергской декларации "большой семерки" в 1983 г. продемонстрировало новое понимание японским правительством своей собственной безопасности в неразрывной связи с системами безопасности всех развитых капиталистических государств мира (С. 19).

Расширилось также участие Японии в выработке и реализации решений ООН и ряда других международных организаций; руководство страны выступило с серией важных внешнеполитических инициатив, в том числе по созданию структу-

ры политико-экономического сотрудничества в АТР, миротворчеству в Камбодже и др. Все это в условиях продолжавшего существовать тесного военно-политического союза с США придавало Японии большой вес в мировых делах и способствовало — наряду с другими глобальными процессами — формированию многополярного мира (С. 6-8).

В этот же период существенно возростала также и роль Китая в глобальной политической игре, причем происходило это в основном за счет внешнеполитических маневров различных сил и, в первую очередь, самого китайского руководства. Оценивая складывавшуюся в мире расстановку сил, руководители КНР достаточно успешно позиционировали свою страну в роли балансира и попытались добиться благоприятных для нее внешнеполитических результатов, попеременно выступая то непримиримым противником СССР, то идя на некоторое урегулирование отношений с Москвой. Эта политическая игра Пекина была с готовностью использована американской администрацией, неизменно искавшей дополнительные ресурсы для укрепления своих позиций в глобальном противостоянии силам социализма (С. 193-194). Авторами также весьма удачно выявлена и убедительно изложена взаимосвязь внутривнутриполитических задач и внешнеполитических интересов руководства КНР на различных этапах эволюции политики Китая в 1970-80-е годы (С. 196-197).

В учебнике Ю.А. Дубинина, Б.Ф. Мартынова и Т.В. Юрьевой подробно рассматривается также и подсистема международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, анализу эволюции которой посвящено несколько его разделов (особенно главы 9 и 10).

В главе 9, посвященной развитию международных отношений на Дальнем Востоке, детально освещаются три узла проблем, связанных с международными отношениями Китая, Японии и с ситуацией на Корейском полуострове. Читателю предлагается достаточно полная картина развития отношений между КНР и ведущими державами тихоокеанского региона — США и Японией. Широко освещены проблемы, связанные с установлением дипломатических отношений между США и КНР — как в контексте глобальной bipolarной системы международных отношений, так и в связи с вопросами статуса Тайваня, поставок американских воору-

жений на остров, перспективами присоединения к КНР отторгнутых в свое время от Китая территорий (С. 197-204, 208). В работе отчетливо фиксируется взаимосвязь между состоянием китайско-американских отношений в 1980-х годах и постепенным поступательным развитием отношений между КНР и СССР. Эта взаимосвязь наглядно подтверждает бытовавший в 1970-х — начале 1980-х гг. тезис о стремлении антисоветских сил разыграть "китайскую карту" с целью укрепить свои позиции в борьбе против СССР. Эта же тенденция прослеживается и в развитии политики в отношении Китая со стороны Японии, послушно следовавшей в этом вопросе в фарватере политики США. Подписав в 1978 г. договор о мире и дружбе с КНР, включавший заведомо невыгодную для Токио "антигегемонистскую" статью, Япония вместе с тем открыла себе дорогу на обширный и заманчивый китайский рынок.

Это было особенно важно, поскольку разразившийся в середине 1970-х гг. мировой энергетический кризис резко снизил высокие ранее темпы роста экономики Японии, в полной мере обнажил ее зависимость от импорта сырья и энергоносителей, продемонстрировал пределы ее внешнеполитической и оборонной самостоятельности. Изменению такого положения по существу были посвящены основные усилия правительства Японии в конце 1970-х и на протяжении всех 1980-х гг. В книге справедливо отмечается, что основным направлением этих усилий было не стремление Токио к большей самостоятельности своей внешней политики, а желание повысить роль Японии в рамках укреплявшегося союза с США. Наибольших результатов в деле укрепления японо-американского союза удалось достичь в тандеме Р. Рейган — Я. Накасонэ (С. 216-220).

Большое внимание уделено авторами развитию ситуации в Юго-Восточной Азии (которой полностью посвящена глава 10), ставшей после окончания американской интервенции во Вьетнаме ареной серьезных столкновений как самих внутривнутрирегиональных сил, так и великих держав. Справедливо отмечены тенденции параллельного развития государств двух социально-политических систем в регионе — стран Восточного Индокитая и государств АСЕАН, что, по существу, создавало вторую — после Европы — зону межсистемного противостояния. С уходом в середине 1970-х годов США из Индоки-

тая обострилась борьба между КНР и СССР за влияние в этом районе, что вызвало появление кампучийской проблемы — одного из острейших региональных кризисов конца 1970—80-х годов. Авторами детально изложены важнейшие этапы зарождения, развития и урегулирования кампучийской проблемы в ее региональном и глобальном аспектах, показано, как участие в разрешении этого конфликта повысило значение АСЕАН в мировой политике (С. 239-241).

Становление и развитие АСЕАН занимает в книге особое место. Авторы анализируют процессы, способствовавшие укреплению сотрудничества входивших в Ассоциацию государств, справедливо отмечая, что его активизации в АСЕАН в середине 1970-х годов способствовали два параллельных процесса, происходившие в Юго-Восточной Азии — уход США из Индокитая и зарождение системы социалистических государств в регионе в форме особых отношений между СРВ, НРК и ЛНДР.

После встречи глав государств и правительств АСЕАН на острове Бали в 1976 г. и подписания ими Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, а также Декларации согласия АСЕАН, все большее место в региональном сотрудничестве начинают занимать политические аспекты, а экономическое, научное и культурное сотрудничество, провозглашенные в качестве основных целей создания Ассоциации, стали постепенно отходить на второй план. Зарождается диалог АСЕАН как единого политического организма с развитыми капиталистическими странами Тихоокеанского региона и ЕЭС, к которому в середине 1990-х годов подключились также КНР и СССР.

Значительное внимание в рецензируемых работах уделяется внешней политике Советского Союза, в том числе на азиатско-тихоокеанском направлении, формированию и развитию его отношений с государствами региона, его участию в разрешении кризисных ситуаций в Восточной Азии и бассейне Тихого океана.

В учебнике А.Ю. Сидорова и Н.Е. Клейменовой внешнеполитическая деятельность СССР в АТР рассматривается в контексте формирования и эволюции регионального международного порядка. Обращает на себя внимание аргументированный тезис о том, что решения Вашингтонской конференции в принципе не про-

тиворечили интересам Советской России, которую США стремились сохранить в качестве своего рода противовеса Японии на Дальнем Востоке (С. 328). Тем не менее, Советское государство, поставившее во главу угла борьбу за мировую революцию, в 1920-х гг. сделало ставку на подрыв Версальско-Вашингтонской системы. В этом контексте в книге подробно освещается роль Москвы в революционных событиях 1925-1927 гг., отношения СССР в межвоенный период с Гоминьданом и КПК, а также линия на советизацию Внешней Монголии.

В 1930-х гг. в условиях нарастания военной угрозы со стороны Японии внешнеполитический курс СССР на Дальнем Востоке подвергся существенной корректировке. Нормализовав отношения с гоминьдановским Китаем, предложив Соединенным Штатам проект Тихоокеанского пакта и активно противодействуя японской экспансии, Советский Союз в этот период фактически перешел на позиции защитника Вашингтонской системы. Об этом же свидетельствовала и масштабная военно-экономическая помощь, оказанная СССР правительству Чан Кайши после подписания в августе 1937 г. двустороннего пакта о ненападении и позволившая Китаю выстоять в самый тяжелый период японской агрессии (С. 373-375). В 1930-х гг. идеологические установки в дальневосточной политике Москвы временно отошли на второй план, уступив место прагматическим расчетам и заботе о безопасности СССР.

В учебнике Ю.А. Дубинина, Б.Ф. Мартынова и Т.В. Юрьевой убедительно показано как в 1970-х — начале 1980-х годов логика идеологизированной политики заставляла Москву совершать взаимоисключающие внешнеполитические шаги в своей политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, интересы укрепления безопасности дальневосточных рубежей государства и повышения стабильности его положения в глобальных международных отношениях требовали налаживания добрососедских отношений с сопредельными государствами АТР, в первую очередь с Китаем и Японией, а с другой — идеологические догматы толкали руководство СССР на все расширяющееся проникновение в те регионы мира, которые рассматривались этими самыми соседями в качестве зон их жизненных интересов. Кроме того, нарастающая готовность Москвы к использованию — в

случае необходимости — своей военной силы неизбежно вызывала определенное беспокойство соседей Советского Союза и толкала их на поиски дополнительных гарантий собственной безопасности: как за счет дальнейшего наращивания своей военной мощи, так и путем расширения и укрепления связей с глобальным противником СССР — Соединенными Штатами Америки.

Авторы справедливо отмечают, что лишь изменение парадигмы советской внешней политики в рамках “нового политического мышления” позволило начать процесс постепенной нормализации и улучшения отношений Советского Союза с Китайской Народной Республикой и Японией, способствовало разблокированию острого и затяжного международного кризиса в Кампучии (С. 125, 129-130). В книге детально рассматриваются усилия, предпринимавшиеся руководством СССР по нормализации отношений с Китаем, подчеркивается, что на всех поворотах истории восстановление нормальных добрососедских отношений являлось одной из важнейших задач руководства страны (С. 209). Авторы подробно отслеживают

весь ход развития непростых отношений между двумя странами в исследуемый период, подчеркивая, что помимо нормализации политических отношений советская сторона стремилась к прогрессу в развитии на базе равенства и взаимной выгоды торговли, научно-технических связей, культурных обменов. Выпукло показаны в книге и перипетии, происходившие в отношениях между СССР и Японией (С. 223-225), а также политика Советского Союза в отношении государств Юго-Восточной Азии (С. 235, 243).

В целом рецензируемые учебники представляют собой ценные и очень интересные работы, достойно продолжающие лучшие традиции научной школы МГИМО. Они, несомненно, будут чрезвычайно полезны для стремительно расширяющейся аудитории студентов и магистрантов высших учебных заведений России, обучающихся по специальностям “международные отношения” и “регионоведение”. Эти книги должны привлечь внимание и широкий круг читателей, интересующихся историей международных отношений и отечественной внешней политики.

© 2006

*Н. Малетин,
доктор исторических наук, профессор*

-
1. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918-1939 гг.: Учебник. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений. 1975-1991 гг.: Учебник. М.: РОССПЭН, 2006.

Элуосы юй даго цзи чжоубянь гуаньси [Отношения России с великими державами и сопредельными странами]*.

Под ред. Фэн Шаолэя и Сян Ланьсиня:
Шанхай жэньминь чубаньшэ. Шанхай, 2005.

Работа, изданная в 2005 г., посвящена основным направлениям внешней политики России в период после распада СССР. Несмотря на название, в ней подробно рассматриваются связи России не только с великими державами и сопредельными странами, но и практически все остальные направления российской внешней политики. Более широкими, чем отражено в названии, являются и хронологические рамки работы: наряду с российской политикой, в ней рассматриваются вопросы внешней политики СССР горбачевского периода, а в отдельных разделах дается обзор всей истории соответствующего направления российской внешней политики.

Книга состоит из трех разделов. Первый из них посвящен отношениям России с основными мировыми "центрами силы" — США, Евросоюзом, Японией и КНР. Второй раздел касается отношений России с государствами по периметру ее границ. В отдельных главах этого раздела рассматривается российская политика в СНГ, анализируются отношения РФ с Польшей, контакты с другими странами Центральной и Восточной Европы, а также политика России на Корейском полуострове. Третий раздел посвящен прочим важнейшим направлениям российской внешней политики, в том числе связям с государствами Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, взаимоотношениям России с ЮАР и другими африканскими странами, а также с государствами Латинской Америки.

Авторы тесно связывают основные направления внешней политики России с особенностями внутривнутриполитических изменений, произошедших в нашей стране в последние десятилетия XX века. Ключевыми проблемами в данном контексте, по мнению авторов, являются выявление глубинных причин распада советской системы и оценка результатов пройденных Россией общественных изменений. Впрочем, они считают, что обе эти проблемы

далеки от разрешения. (С. 3). На внешнюю политику России оказывали серьезное влияние происходившие в постсоветскую эпоху процессы концентрации власти в руках президента, а также сложившаяся в стране "многопартийная система без партий", когда в принципе любой партии крайне сложно сконцентрировать силы, необходимые для противостояния проводимой государством политике. (С. 5).

Во вступительной статье Фэн Шаолэя особое внимание уделяется феномену "цветных революций" на территориях стран СНГ. По мнению автора, "возможно, серия "цветных революций", произошедшая в Грузии, Украине и Киргизии — это этапное событие и предостерегающий знак для России и других постсоветских государств, переживающих болезненные переходные процессы после завершения холодной войны. (С. 3). Правда, автор признает, что фоном для "революций" стали не только внутренние процессы в указанных странах, но и вмешательство великих держав. Из опыта постсоветских стран, по мнению Фэн Шаолэя, можно также извлечь выводы для рассмотрения вопроса о реальности построения социализма в отдельно взятой стране: в настоящее время ни одно государство не способно надежно контролировать сложные процессы изменений государственного строя и социального устройства (там же).

Политику на американском направлении на протяжении последнего десятилетия авторы делят на три периода, соответствующих срокам правления М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина. Горбачевский период, по мнению авторов, характеризовался переходом СССР и США от жесткого противостояния к диалогу и сотрудничеству и завершением "холодной войны"; для ельцинского периода было характерно сочетание сотрудничества и политического противоборства, в это время происходило формирование базы двусторонних отношений, которые пе-

* Публикация осуществлена при поддержке РГНФ № 06-03-02080а.

реживали спады и подъемы. С приходом В.В. Путина отношения, считают авторы, вступили в период зрелости и устойчивости приоритетов. Все три этапа тесно связаны с внутривнутриполитическими процессами в России. По мнению авторов, несмотря на периодические подъемы и спады в российско-американских отношениях, в целом, начиная с горбачевского периода, наблюдается тенденция к расширению сотрудничества России и США, которая будет сохраняться в течение 5-10 лет при условии, что в России не произойдут кардинальные экономические или политические изменения. (С. 3).

Столь же позитивно оценивают китайские авторы итоги развития отношений Россия-ЕС. Они полагают, что, начиная с конца 1980-х гг. эти отношения "непрерывно продвигаются вперед", а этапами этого пути стали горбачевская концепция "общеевропейского дома", Договор о сотрудничестве и партнерстве между Россией и ЕС 1994 г., выработка ЕС в 1999 г. единой стратегии развития отношений с Россией и "Стратегии соседства России и ЕС в 2000-2010 гг.", а также обозначенный В.В.Путиным приоритет отношений с ЕС в российской внешней политике. (С. 46).

В то же время весьма ограниченный прогресс китайские авторы отмечают в развитии российско-японских отношений. Они убеждены, что обе стороны в течение постсоветского периода так и не реализовали свои главные политические задачи: Россия не смогла обеспечить масштабного притока японских инвестиций, а Япония не добилась прогресса в решении территориальной проблемы. Авторы отмечают определенный прогресс в развитии российско-японских связей в ельцинский период, однако ни Б.Н. Ельцин, ни В.В. Путин не могли при обсуждении территориальной проблемы с Японией действовать без оглядки на российское общественное мнение. В последние годы, по мнению авторов, центр тяжести в российско-японских связях переместился на экономику. В целом, считают они, если Россия и Япония не смогут найти принципиально новые пути и модели развития отношений, территориальная проблема будет еще долго оставаться препятствием к расширению их сотрудничества. (С. 83).

Раздел, посвященный российско-китайским отношениям, является, разумеется, одним из наиболее обширных. В нем подробно рассматриваются история дву-

сторонних отношений, основные их аспекты, а также даются прогнозы их развития. Коренным вопросом двусторонних отношений, по мнению авторов, остается следующий: "Сегодня Россия и Китай объективно нуждаются друг в друге, но сохранится ли эта потребность завтра?". Авторы признают, что в дальнейшем соотношение сил между Россией и Китаем будет неизбежно изменяться, и это отразится на отношениях между ними. В связи со сложными историко-культурными условиями развития двусторонних отношений авторы не исключают негативных изменений в них в будущем. (С. 146).

Авторы ставят перспективы развития двусторонних отношений в зависимость от внутренних процессов в России и Китае. Рассматриваются три сценария: инерционный (и российская, и китайская экономика продолжают достаточно быстро расти); бурный рост российской экономики при замедлении китайской; и, наоборот, замедление российской экономики при сохраняющейся динамике китайской. Все три сценария, по убеждению авторов, вполне реальные, хотя, как правило, китайские ученые исходят из первого сценария. Напротив, по данным авторов работы, мало кто в Китае задумывается о вероятности сценария № 2. (С. 147). Авторы обращают внимание на дисбаланс в размерах экономик двух стран: ссылаясь на российских экономистов, они приводят прогноз, по которому доля КНР в мировом валовом продукте составит 16,5%, в то время как России — не более 3%. (С. 148).

Возможный дисбаланс в уровне экономического развития двух стран способен серьезно повлиять на отношения КНР и России: более развитая экономика будет склонна к экспансии за счет более слабого соседа. (С. 148).

При этом авторы повторяют обычную китайскую позицию, согласно которой КНР как крупное государство не стремится к гегемонии и экспансии, и выражают уверенность в успешном развитии двусторонних дружественных отношений. (С. 149). Этапным событием для российско-китайских отношений авторы считают теракты в США 11 сентября 2001 г. По их мнению, после этого периода можно говорить о системе отношений в треугольнике Россия-КНР-США, сочетающей элементы сотрудничества и соперничества. (С. 157).

Говоря о военной сфере, авторы указывают, что в обозримом будущем рос-

сийский ядерный арсенал будет сокращаться, хотя российское ядерное превосходство сохранится. Что касается обычных вооружений, то несмотря на количественное превосходство Китая, качественное преимущество будет по-прежнему оставаться за Россией, считают они. Однако в отношении более долгосрочных перспектив авторы приводят оценки российских экспертов и СМИ о возможности достижения КНР через 10-15 лет превосходства в сфере ядерных и обычных вооружений. (С. 148).

Обращает на себя внимание подробный раздел, посвященный политике России в странах СНГ, содержащий детальный исторический обзор ее эволюции с

момента распада СССР. Китайские авторы отмечают важное место СНГ в системе российских внешнеполитических приоритетов. По их мнению, к началу XXI в. сформировались основные принципы российской политики в СНГ, включающие ставку на экономическую интеграцию, а также меры по развитию сотрудничества в сфере безопасности, в том числе, в формировании совместных сил быстрого реагирования. (С. 162).

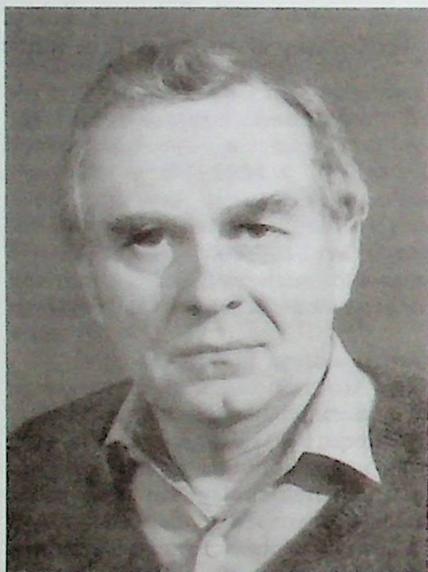
В целом работа представляет несомненный интерес, являясь целостным изложением взглядов китайских ученых практически на все значимые направления российской внешней политики.

© 2006

*В. Кашин,
кандидат политических наук*

Наш юбиляр

Андрею Сергеевичу Давыдову — 60 лет

23 августа исполнилось 60 лет заместителю главного редактора нашего журнала Андрею Сергеевичу Давыдову.

В 1970 году выпускник Института восточных языков при МГУ (ныне ИСАА МГУ), молодой китаист А.С. Давыдов был призван на два года в ряды Советской Армии, а после окончания службы поступил на Курсы переводчиков ООН в г. Москве. Направление в 1973 г. на работу в Секретариат ООН в г. Нью-Йорке (США) во многом предопределило сферу интересов его последующей научной и практической деятельности — изучение и исследование современных американско-китайских отношений. Собранные в США уникальные мате-

риалы, которые впоследствии были дополнены во время длительной командировки в Китай, легли в основу кандидатской диссертации "Идеология и прагматизм в китайской политике США", защищенной Андреем Сергеевичем в ИДВ РАН.

Другое важное направление деятельности А.С. Давыдова — журналистика. Во время работы в ТАСС (1981-1987), а затем в должности заведующего Редакцией изданий на китайском, корейском и японском языках Издательства АПН (1987-1991) он постоянно обращался к тематике двусторонних отношений нашей страны с ее великим восточным соседом. Ему принадлежат многочисленные статьи на эту тему, а также публикации в российской и зарубежной печати по проблемам взаимоотношений КНР с США и другими странами Запада.

Имя А.С. Давыдова хорошо известно в Китае. В течение многолетней работы в Бюро переводов при ЦК КПК и агентстве Синьхуа в г. Пекине (1992-2000) им были переведены на русский язык и отредактированы многие сотни страниц документов, издательских рукописей и информационных материалов, касающихся важнейших событий в жизни китайского народа. Переводческая и редакторская работа А.С. Давыдова составила его личный вклад в развитие и углубление взаимопонимания народов России и Китая.

В последние годы Андрей Сергеевич проявил свои творческие и организаторские способности на посту заместителя главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока". Коллеги по работе отмечают прекрасные деловые качества и доброжелательность Андрея Сергеевича, его искреннее стремление к повышению авторитета журнала и расширению его читательской аудитории, считают его высококвалифицированным профессионалом, серьезным и грамотным специалистом.

А.С. Давыдова отличают примерное трудолюбие и высокая работоспособность. Он регулярно публикует статьи, рецензии, выступает с докладами и сообщениями на научных встречах, продолжает сотрудничать с российскими и зарубежными СМИ как журналист-международник. В поле его зрения находятся актуальные вопросы современной жизни Китая, его отношения с другими странами мира.

За вклад в изучение американо-китайских отношений и многолетнюю журналистскую деятельность в российских и зарубежных СМИ, добросовестный труд на благо отечественной науки, успешное содействие развитию фундаментальных и прикладных научных исследований А.С. Давыдов награжден Почетными грамотами Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

Реакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и долгих лет плодотворного труда на пользу российской синологии.

Сухарчук Григорий Дмитриевич
5.07.1927 — 8.09.2006

8 сентября 2006 года ушел из жизни крупный отечественный китаевед, профессор Григорий Дмитриевич Сухарчук. Он известен и как авторитетный исследователь социально-экономической мысли Китая XX столетия, и как историк широкого профиля, умевший сочетать добросовестное изучение источников со смелыми теоретическими обобщениями.

Окончив в 1950 г. Московский институт востоковедения, Григорий Дмитриевич в 1951-1953 гг. работал переводчиком группы советских специалистов в Китае. Обучение в аспирантуре Института востоковедения (1953-1955 гг.) он завершил защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а в 1980 г. стал доктором исторических наук. Формальное изменение научной специализации не означало "измены" выбранному в молодости направлению исследований. По-прежнему в центре внимания ученого находились прежде всего сложные взаимосвязи общественных и экономических процессов, имевших место в китайской истории, а также преломление этих процессов в теоретических построениях крупнейших политических деятелей и мыслителей Китая. Разработкой такого рода проблематики он занимался, когда трудился в Институте востоковедения (младший научный сотрудник в 1955-1956 гг., заведующий сектором отдела Китая в 1970-1989 гг., главный научный сотрудник в 1989-2001 гг.), в Институте китаеведения (1956-1961 гг., ученый секретарь), в Отделе истории Института экономики мировой социалистической системы (1964-1965 гг., заместитель заведующего отделом), в Институте Дальнего Востока (2001-2004 гг., главный научный сотрудник). Научные труды Григория Дмитриевича всегда пользовались заслуженным вниманием коллег, а монография "Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в." (М.: Вост. лит. РАН, 1983) остается в числе книг, без ознакомления с которыми невозможна подготовка квалифицированного китаеведа. Аналитические способности Григория Дмитриевича, опыт экономиста и историка были востребованы и практическими организациями: в 1961-1969 гг. он работал референтом в аппарате ЦК КПСС.

Навсегда запомнят Григория Дмитриевича бывшие студенты кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, где он читал лекции по истории Востока. В педагогической деятельности ему помогала ценная для преподавателя способность заинтересовывать слушателей неожиданными историческими параллелями, иллюстрировать общие закономерности исторического развития запоминающимися сюжетами, наполняя сухой учебный материал живыми образами и характерами.

В благодарной памяти тех, кому посчастливилось знать Григория Дмитриевича Сухарчука, он остается не только талантливым ученым, но и необыкновенно увлеченным, обаятельным, простым в общении и очень отзывчивым человеком, оставившим глубокий и добрый след в жизни.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока".*

Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сообщает
о проведении редакционной подписки на первое полугодие 2007 года
(с получением журнала в редакции).
Подписка заканчивается 10 ноября 2006 г.
Стоимость подписки 450 руб.

По всем вопросам обращаться к заведующей редакции
Лапшиной Вере Александровне.
Телефон 124-02-15

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями
Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в
редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора
Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте
Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.
Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после
принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.08.2006 г. Подписано к печати 18.09.2006 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 16,4 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 964 экз. Зак. 1683

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2006 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.
4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.
5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

- а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...
- б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...
- в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

- а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

- б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.